

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (45)

**Саранск
2018**

Учредители:

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Основан в 2006 году

Главный редактор

Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

А. В. Чернов — кандидат филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Редколлегия:

Акимова Т. И. — доктор филологических наук, доцент; *Андреев В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Арискина О. Л.* — доктор филологических наук, доцент; *Бикейкин Е. Н.* — доктор исторических наук, доцент; *Бирюкова О. И.* — доктор филологических наук; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Вихляев В. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Водясова Л. П.* — доктор филологических наук, профессор; *Володин В. М.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Загребин А. Е.* — доктор исторических наук, доцент; *Зайцева Т. И.* — доктор филологических наук, доцент; *Зеленев Ю. А.* — доктор исторических наук, доцент; *Ильина И. Е.* — доктор экономических наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Кечемайкин В. Н.* — кандидат экономических наук, доцент; *Куканова В. В.* — кандидат филологических наук; *Липатова Л. Н.* — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Салимова Т. А.* — доктор экономических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Таймасов Л. А.* — доктор исторических наук, профессор; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Махаев В. Б. Православные храмы уездного города Темникова в XVIII — XIX вв.	7
Артамонова Л. М. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (Модернизационный проект 1850 — 60-х гг.)	20
Ильин А. А. Социально-экономические проблемы проекта «Начало тюремной реформы в Российской империи».....	28
Филонов А. А. Использование лесного фонда Царевококшайского уезда Казанской губернии казенным и удельным ведомствами во второй половине XIX — начале XX в.	31
Романова А. В. Контроль губернского правления за деятельностью полицейских уездных управлений (На примере Симбирской губернии)	39
Курбенков В. А. Историческая справка о работе Владивостокского порта как источник для его изучения	43
Минеева Е. К. Проблема экономического районирования в РСФСР в 1920 — 30-е гг. (На материалах Чувашской автономии)	50
Учватов П. С. Первый председатель Госплана Мордовской АССР Иван Васильевич Кожаев	55
Мухамедов Р. А., Архипов Д. В. Структурно-административная перестройка Средневолжской области	64
Митин С. В. Общественное и личное в жизни крестьян в период Великой Отечественной войны (На примере Мордовии)	68
Крутов В. В. Становление и развитие отечественной системы государственного регулирувания сферы физической культуры и спорта (1990 — 2000 гг.)	72
Купцова О. В., Юсупова И. А. Основные этапы становления и перспективы развития высшего юридического образования в России	80
Гришаков В. В., Ставицкий В. В. Хронология пластинчатых блях Ражкинского могильника	86
Баязитова Р. Р. Природное время в традиционном этикете башкир	93
Васканова Н. А. Крестьянская семья горных марийцев в описаниях современников XIX — начала XX в.	99
Таймасов Л. А., Идиатуллов А. К. Этнокультурная и религиозная ситуация в Николаевском районе Ульяновской области	103

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Пахомов Ю. Н.</i> К вопросу о необходимости корректировки социальной политики государства	108
<i>Рудич С. Б.</i> Основные методологические принципы создания региональных инновационных систем	115
<i>Мишарова Е. В.</i> Развитие лесного хозяйства РФ на современном этапе: проблемы и пути решения	128
<i>Китаев А. Р.</i> Развитие российского рынка продовольствия в условиях экономических санкций	133
<i>Радайкин А. А.</i> Основные особенности и тенденции современного социально-экономического развития Республики Мордовия	140
<i>Емельянова Н. А., Нехаева Н. Е.</i> Инструменты продвижения туристских продуктов территории	152
<i>Смирнова К. С.</i> Основные проблемы формирования и использования трудовых ресурсов Республики Мордовия в современных условиях	160
<i>Липатова Л. Н., Градусова В. Н.</i> Основные тенденции посткризисного развития рынка труда Республики Мордовия	170
<i>Кирдюшкина И. М.</i> Современная ситуация на рынке труда Республики Мордовия и государственная политика в сфере занятости	181

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буквы Ч, Ш, Э, Ю, Я	188
---	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Научная деятельность НИИГН в 2017 г.	222
Инновации в контексте глобальных экономических и политических процессов: опыт России и ее регионов (Аспирантские научные чтения — 2017)	229
РЕЦЕНЗИИ	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245
СОКРАЩЕНИЯ	251

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Makhaev V. B. Orthodox Churches of the Uyezd Town of Temnikov in the XVIII — XIX Centuries	7
Artamonova L. M. Training of Bashkir Boys in Town Parochial Schools (The Modernization project of 1850 — 60-ies)	20
Ilyin A. A. Social and Economic Problems of the Project “The Beginning of Prison Reforms in the Russian Empire”	28
Filonov A. A. Use of the Forest Fund of the Tsarevokokshaysk Uyezd of the Kazan Governorate by State and Specific Departments in the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Centuries	31
Romanova A. V. The Governorate Government Control for Activity of Police Uyezd Offices (On the example of the Simbirsk Governorate)	39
Kurbenkov V. A. Historical Information about the Vladivostok Port Activity as a Source for Its Study	43
Mineeva E. K. The Problem of Economic Zoning in the RSFSR in 1920 — 30-ies (On materials of the Chuvash Autonomy)	50
Uchvatov P. S. Ivan Vasilyevich Kozhaev as the First Chairman of the State Planning Commission of the Mordovian ASSR	55
Mukhamedov R. A., Arkhipov D. V. Structural and Administrative Revision of the Middle Volga Region	64
Mitin S. V. Social and Personal in the Life of Peasants During the Great Patriotic War (On the example of Mordovia)	68
Krutov V. V. Formation and Development of the National System of State Regulation in the Sphere of Physical Culture and Sports (1990 — 2000)	72
Kuptsova O. V., Yusupova I. A. Main Stages of Formation and Prospects of Development of Higher Legal Education in Russia	80
Grishakov V. V., Stavitsky V. V. The Chronology of Lamellar Metal Plates from the Razhkinsky Burial Ground	86
Bayazitova R. R. “Natural Time” in Traditional Etiquette of the Bashkirs	93
Vaskanova N. A. Peasant Family of the Hill Mari in Descriptions of Contemporaries of the XIX — the Early XX Century	99
Taymasov L. A., Idiatullov A. K. Ethnocultural and Religious Situation in the Nikolaevka District of the Ulyanovsk Region	103

ECONOMIC SCIENCES

<i>Pakhomov Yu. N.</i> To the Question of Necessity of State Social Policy Adjustment	108
<i>Rudich S. B.</i> Main Methodological Principles of Regional Innovation Systems Construction	115
<i>Misharova E. V.</i> Development of the Forestry in the Russian Federation at the Present Stage: Problems and Ways of Solution	128
<i>Kitaev A. R.</i> Development of the Russian Food Market in the Conditions of Economic Sanctions	133
<i>Radaykin A. A.</i> Main Features and Trends of Modern Social and Economic Development of the Republic of Mordovia	140
<i>Emelyanova N. A., Nekhaeva N. E.</i> Tools for the Promotion of Tourism Products of the Territory	152
<i>Smirnova K. S.</i> Main Problems of the Formation and Use of Labour Resources of the Republic of Mordovia in Modern Conditions	160
<i>L. N. Lipatova, V. N. Gradusova</i> Main Trends of Post-Crisis Development of the Labour Market in the Republic of Mordovia	170
<i>Kirdyushkina I. M.</i> Modern Situation in the Labour Market of the Republic of Mordovia and State Policy in the Employment Sphere	181

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part Ч, III, Э, Ю, Я	188
---	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Scientific Work of NIIGN in 2017	222
Innovations in the Context of Global Economic and Political Processes: the Experience of Russia and Its Regions (Postgraduate Scientific Readings — 2017).....	229

REVIEWS	239
---------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	248
---------------------------------	-----

ABBREVIATIONS	251
---------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 726.05

В. Б. Махаев
V. B. Makhaev

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА ТЕМНИКОВА В XVIII — XIX вв.

ORTHODOX CHURCHES OF THE UYEZD TOWN OF TEMNIKOV IN THE XVIII — XIX CENTURIES

Ключевые слова: православный храм, архитектура храмов, история строительства храмов XVIII — XIX вв.

В статье рассматривается история строительства Спасо-Преображенского собора и приходских храмов г. Темникова в XVIII — XIX вв., уточняется месторасположение церквей; проводится архитектурно-композиционный анализ зданий, определяется архитектурный стиль построек; подчеркивается, что с утратой большинства церковных зданий Темников потерял ценную историко-культурную среду.

Key words: Orthodox church, architecture of churches, history of church construction in the XVIII — XIX centuries.

The history of construction of the Transfiguration Cathedral and parish churches of the town of Temnikov in the XVIII — XIX centuries is considered in the article, as well as the location of churches is clarified, architectural and compositional analysis of buildings is made, their architectural style is determined. It is emphasized that Temnikov lost its valuable historical and cultural environment as a result of the loss of most of church buildings.

Темников — старейший город Республики Мордовия с богатым историческим и культурным прошлым. В настоящее время он является районным центром. До начала XX в. Темников был уездным городом Тамбовской губернии. К сожалению, научная история Темникова до сих пор не написана, нет и полноценной его архитектурной истории. В настоящее время существуют архивные источники, научная и краеведческая литература, но обобщающего труда по истории города нет. Много «темных пятен» и взаимоисключающих версий в градостроительной истории Темникова. Ключевой проблемой является месторасположение крепости, возведенной на правом берегу Мокши в 1536 г. Сакральная топография средневекового города зависела от расположения крепости, так как в ней размещался собор, а при въезде в нее — торг. Эти два объекта являлись в городе XVI — XVII вв. структурообразующими, к ним и выходящим на них улицам были привязаны храмы.

Исключая не совсем понятные на сегодняшний день XVI — XVII вв., проанализируем сакральную топографию Темникова следующих двух веков, историю строительства и архитектуру храмов уездного города.

В качестве источника градостроительной информации существуют фиксационные планы Темникова 1797 г.¹ и 1829 г.² с краткими описаниями, в которых указаны Спасо-Преображенский собор и церкви. Эти документы постоянно публикуются и комментируются исследователями.

Источником данного исследования являются фотографии Темникова конца XIX — середины XX в., на которых показаны Спасо-Преображенский собор и церкви, хранящиеся в собрании музеев Темникова и Саранска.

Ранние работы по истории Темникова были выполнены тамбовскими исследователями, которые опирались на архивные источники и бытовавшие в городе устные предания. В 1861 г. вышло историко-статистическое описание Тамбовской епархии В. Хитрова, который уделил внимание Темникову³. В 1876 г. было опубликовано первое исследование Темникова, принадлежащее И. С. Рейтарову⁴. Сакральная топография уездного города обрисована в Темниковской десятине, архивных документах XVII — XVIII вв., прокомментированных в 1890 г. В. и Г. Холмогоровыми⁵.

В XX в. исследованием Темникова занимались, преимущественно, краеведы Мордовии И. Д. Воронин⁶, А. А. Чернухин⁷ и С. Б. Бахмутов⁸. В их краеведческих описаниях упоминаются собор и храмы города, их месторасположение и архитектурные формы. Попытку пространственного анализа Темникова XVI — XVII вв. проделал А. Г. Нечаев, предложивший новую и убедительную версию размещения крепости, собора и старых храмов⁹. Архитектура темниковских храмов была описана нами в серии публикаций¹⁰.

Частичное историко-архитектурное исследование Темникова с паспортизацией объектов недвижимости производилось московскими специалистами в 1970-е гг. По этим материалам составлялись списки, публиковавшиеся в каталогах ВООПИК МАССР. Согласно последнего официального каталога «Памятники истории и культуры Республики Мордовия», в Темникове сохранилась только одна церковь, признанная ценным историко-культурным памятником¹¹.

На фиксационных планах Темникова 1797 и 1829 гг. выделяются 4 места расположения церквей: центр (Соборная и базарная площади), северная часть города (жилые кварталы бывшей стрелецкой слободы), южная часть (бывшее кладбище посадской части, впоследствии жилые кварталы) и восточная часть (главное кладбище).

На плане 1797 г. обозначены Спасо-Преображенский собор (на остром южном углу квартала) и 7 приходских церквей: на базарной площади — деревянная и каменная церкви, в северной части города — 3 церкви (2 деревянные и 1 каменная), 2 кладбищенские церкви — деревянная и каменная. Названия церквей на чертеже отсутствуют. В «Экономических примечаниях» к планам Генерального межевания указывалось, что в городе «соборная церковь во имя Спаса Преображения Господня с приделом Благовещения Пресвятыя Богородицы; приходских церквей 7, каменных 3, деревянных 4»¹². Можно предположить, что на плане 1797 г. показаны следующие церкви: на базарной площади — неизвестная деревянная и каменная Иоанно-Богословская церкви, в северной части города — 3 церкви (2 неизвестные деревянные и одна каменная Троицкая), в восточной части города — 2 кладбищенские церкви (неизвестная деревянная и каменная Казанская, или Всесвятская)¹³.

Согласно справочникам начала XIX в., в 1808 г. в Темникове насчитывалось 4 приходские каменные и 2 деревянные церкви, а также 2 кладбищенские церкви.

На городском плане 1829 г. обозначены Спасо-Преображенский собор на Соборной площади и 6 приходских церквей: Иоанно-Богословская (начало улицы Спасской на базарной площади), Троицкая (примыкание улицы Троицкой и Малой Троицкой), Успенская и Никольская (улица Спасская), Казанская кладбищенская церковь. Тип церкви — деревянная или каменная — на чертеже не указан¹⁴. Согласно справочникам середины XIX в., в 1848 г. в городе имелось 5 церквей.

В начале XIX в. сформировались главные улицы и композиционные центры Темникова: на возвышенности — ансамбль Соборной площади с общественными зданиями; северный центр — кварталы вокруг Троицкой церкви; южный центр — кварталы вокруг Успенской церкви. Во второй половине XIX — начале XX в. городское пространство развивалось по заложенным ранее рациональным принципам: выделялось главное пространство города — Соборная площадь с административными, торговыми, культовыми зданиями, находившаяся на выделенном — возвышенном и открытом месте; вокруг центра на плато и склонах размещалась квартальная застройка, органично связанная с микрорельефом и ориентированная на городской центр. Среди кварталов были созданы локальные центры вокруг приходских церквей. Архитектурной доминантой Темникова 2 столетия являлся Спасо-Преображенский собор.

В начале XX в. окончательно сформировалась панорама города с левого противоположного берега р. Мокши. В речной панораме выделялись вертикали колоколен и крупные объемы храмов, расположенных на возвышенности среди одноэтажной деревянной застройки и обращенных к воде главными входами.

Энциклопедические справочники сообщают, что в 1870 г. в Темникове насчитывалось 8 каменных церквей, в 1897 г. — 9 церквей и 3 часовни. В справочнике по Тамбовской губернии за 1914 г. перечисляются 7 действовавших церквей: «Соборная Спасо-Преображенская, Успенская, Иоанно-Богословская, Всесвятская, Троицкая и богаделенская»¹⁵.

В Темникове, как и повсеместно в Московском государстве и империи, до середины XVIII в. основным типом приходских церквей являлась клетская церковь — небольшой четверик с двумя прирубами, перекрытые скатными крышами. В документах 1614, 1628, 1635 гг. упоминается старая соборная Никольская церковь¹⁶, под 1700 г. — новопостроенная Никольская церковь¹⁷, под 1614 г. упоминается церковь Параскевы Пятницы¹⁸, под 1629 г. — только что разрушенная от ветхости соборная церковь Михаила Архангела на посаде¹⁹, сообщается, что темниковцы в XVII в. соборной называли Ильинскую церковь²⁰. Вероятно, все эти деревянные церкви находились в городском центре, в крепости или вблизи нее.

Каменный Спасо-Преображенский собор был выстроен в 1714 г. рядом с одноименной деревянной церковью, возведенной в 1628 — 1629 гг., очевидно, в традиционных формах большой клетской церкви, и ликвидированной в 1714 г. Здание собора несколько раз достраивалось вплоть до 1840-х гг. и законченный вид приобрело в середине XIX в.

В материалах Темниковской десятины упоминается, что в 1653 г. в городе находилась соборная церковь во имя Преображения Господня²¹. Это здание было деревянным, вероятно, оно располагалось приблизительно в том же месте, где позднее

был возведен каменный собор, но было ли это место внутри крепости? Как писали комментаторы десятины Холмогоровы, «церковь Преображения Господня на посаде <...>, в начале XVII ст. здесь находилась церковь во имя Михаила Архангела»; под 137 г. (1629 г. — *В. М.*) отмечено: «и та церковь ветха разрушена, а на том месте поставлена церковь Преображения Спасово»²². Церковь Преображения Христова упоминается также в грамоте 7185 г. (1677 г. — *В. М.*)²³, она же упоминается как соборная в 1685 г.²⁴ Собор всегда ставился внутри крепости. Если деревянный Преображенский собор стоял в середине XVII в. на посаде, то это могло означать, что находившаяся здесь крепость к этому времени изменила свои границы, была сдвинута севернее.

С начала XVIII в. соборной церковью в этих документах называлось уже новое каменное здание — в 1712 г.²⁵, в 1724 и 1728 гг.²⁶, в 1730 г.²⁷ Историк В. Прокаев пишет, что первым каменным зданием Темникова стал собор, заложенный в 1696 г. на месте сгоревшего кузнечного ряда²⁸. Вероятно, в этой части посада существовали торговые ряды, и закладка собора затянулась на 5 лет, до 1700 г.

Историк Тамбовской епархии В. Хитров пишет о соборе так: «По малочисленности христиан в этом городе, он около 80 лет после основания своего имел одну только деревянную Преображенскую церковь. Церковь эта сломана и уничтожена в 1714 году... В 1779 году в состав Тамбовской епархии он поступил с четырьмя каменными храмами, которые существуют доселе. Первый из них Спасопреображенский собор, он построен в два этажа с двумя престолами в 1714 году; в 1842 — 47 годах он распространен на две стороны каменными пристройками в два этажа, из которых образовали четыре придела, по два на той и другой стороне. Отселе темниковский собор имеет ныне шесть престолов...»²⁹.

Строительство собора В. Хитров описал более подробно: «Спасопреображенский собор, закладка его начата в 1700 году, достройка и окончательная отделка относится к 1843 году. Собор построен в два этажа, в нижнем — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, освящена в 1714 году, и вверху — церковь Преображения Господня — в 1744 г. При значительной высоте (55 арш.) и длине (49 арш.) ему дана несоразмерная ширина (в 18 арш.); поэтому со временем он сделался невместительным для прихожан. Первоначальный план собора давал им полную возможность восполнить недостатки его архитектуры и удовлетворить потребность темниковских горожан. В 1839 г. по благословию преосвященного Арсения почтенный протоиерей Асинкрит Иванов при помощи благотворителей собора начал по его сторонам северной и южной каменные двухэтажные прикладки соответственно его размеру. С этими пристройками, оконченными в 1842 году, собор сделался просторнее вдвое против прежнего, дав место четырем приделам при двух прежних алтарях. По освящении придела св. Николая Чудотворца на южной стороне в нижнем этаже остальные приделы получили внутреннее устройство по мере накопления благотворительной суммы, после всех освящен северный придел святителя Митрофана в нижнем этаже в 1847 г. <...>. Расширенный пристройками, обогащенный новыми украшениями, темниковский собор представляет великолепное здание как по внутренности, так и по наружности. Пять позолоченных глав, увенчанных крестами, дополняют его неукоризненную наружность»³⁰.

В начале XVIII в., в петровскую эпоху уездный город Темников получил свой архитектурный символ — Спасо-Преображенский собор, который через полтора века

стал громадным вместительным зданием, двухэтажным восьмипрестольным собором. С 1714 по 1721 г. в провинции был введен запрет на капитальное каменное строительство, но строители темниковского собора успели выстроить здание до этих ограничений. Особенность крупных соборов заключалась в том, что они достраивались в течение многих десятилетий, отвечая на менявшиеся потребности города.

Силуэт собора — динамичный и выразительный, строился на красивом сочетании пятиглавия, пониженной трапезной и высокой колокольни. Главный престол Преображения Господня, а также престолы Вознесения и Воздвижения Частного Креста размещались на втором этаже (освящены в 1744 г.), на первом этаже — престолы Благовещения, святителя Николая, святителя Митрофана Воронежского (освящены в 1714 г.). Вход в храм был организован с западного фасада собора. Отдельно стоявшая 49-метровая колокольня строилась в 1798 — 1803 гг., в ней также были освящены 2 престола: вверху — Казанской иконы Божьей Матери и внизу — мученика Феодора Тирона. Вход в нижний придел был с западной стороны колокольни.

Вероятно, парадного подхода к собору с запада, с улицы Кадомской, не существовало. Между храмом и колокольней был оставлен небольшой проход, порядка 3 м, к нему от южных соборных ворот вела косая мощеная дорожка. Такое расположение главного входа в крупное здание было продиктовано внутренней планировкой, однако в ансамбле площади портал собора был скрыт в узком проходе, не существовало и широкой паперти, что являлось существенным композиционным недостатком (общественное здание казалось закрытым).

Объемное решение собора — одноосный тип «корабля» с центрическим ярусно-ступенчатым храмом — двухэтажным четвериком — напоминает своим внешним видом крупное общественное здание, состоящее из нескольких разновеликих корпусов и украшенное большим ордером. Такое решение типично для провинциального барокко XVIII в., когда собор имитировал здание дворцового типа с башнями и куполами. Объемными аналогами темниковского собора являются, например, Николо-Песковская церковь (1775 г.) в г. Орле и Казанская — в с. Моховое (1777 г.), Троицкая церковь в г. Мценске (1777 г.), Корсунский собор в г. Торопец (1795 — 1804 гг., арх. О. Спиркин). Отдельно стоявшая колокольня в городских и сельских церквях XVIII — XIX вв. также встречается, например, в Орловской губернии в г. Орле (Ахтырская церковь), Болхове, Мценске, Дубовке.

Храмовая часть Спасо-Преображенского собора была решена в объемно-конструктивном плане сложно, так как дважды достраивалась. В середине XVIII в. здание представляло узкий и длинный четверик, храм был перекрыт восьмилотковым сомкнутым сводом, увенчанным световым восьмериком. Храм, скорее всего, был одноглавым — такая схема сложилась в конце XVII в. и использовалась в провинции весь XVIII в. Четверик был завершен с востока одной циркульной апсидой. Два яруса оконных проемов квадратной формы, возможно, были украшены упрощенным ордерным декором. Западнее к храму была пристроена двухэтажная трапезная. Стилистически эти формы можно отнести к петровскому барокко. В Республике Мордовия известны аналогичные объемные решения двусветного, или двухэтажного, одноглавого четверика: Казанская церковь в с. Бекетовка (1755 г.), Успенская церковь в с. Никольское (конец XVIII в.), Покровская церковь в с. Кабаново (1790 г.), более ранние церкви этого типа в республике не сохранились, но, скорее всего, существовали.

В 1842 г. четверик храма был расширен в трех направлениях двухэтажными пристроями и двумя циркульными апсидами. В итоге, алтарь достроенного в середине XIX в. собора был решен в архаических формах XVII в. — с тремя циркульными апсидами (средняя — крупная), прорезанными окнами в 2 яруса и украшенными большими киотами.

Пятиглавие было официально возвращено в церковную архитектуру в середине XVIII в. Сведений о надстройке дополнительных глав темниковского собора в этот период не имеется, поэтому, скорее всего, глухие главы облегченной конструкции достраивались при третьей реконструкции здания в 1842 г. Пятиглавие было образовано куполом с центральным световым барабаном и луковицей и четырьмя угловыми главками с крупными яблоками.

Экстерьер реконструированного собора в 1842 г. был дополнен крупной пластикой — портиками, декоративными главками, сложными окнами. Южный и северный фасады храма украшали накладные портики большого ордера, но очень стройных пропорций, не согласованные с общей грузной массой храма. При своих небольших размерах портики были высоко подняты, парные колонны стояли на двух высоких тумбах. Таким образом, фронтоны оказывались на уровне крыши храма, а в нижнем ярусе между тумб вместо входного портала вставлено всего лишь рядовое окно. На фасаде храма — 2 яруса окон — тройные венецианские (средний проем высокий арочный, боковые полуокна низкие), третий ярус окон — большие полуциркульные прорезали гладкие прясла сверху. Стилистически эти формы относятся к второразрядному провинциальному классицизму.

Четырехъярусная колокольня имела стройные пропорции: 3 яруса — четверики, последний — цилиндр. Крупный нижний ярус имитировал двухэтажный объем со скатной крышей, по высоте он соответствовал западной части храма. Для плавности башни второй и третий четверики имели срезанные углы. Каждый ярус был оформлен убывающими по размерам портиками. Сандрики отсекали ярусы — над первым и третьим были установлены треугольные, над вторым — лучковый сандрики. Стены ярусов — глухие с дощатым рустом, углы третьего яруса украшены вазами. Композиция колокольни наиболее проработана, она цельна и при этом детализирована в соответствии с приемами зрелого классицизма.

Темниковский собор был создан тремя провинциальными зодчими (возможно, тамбовскими), достаточно опытными: первый архитектор выстроил храм, спустя почти столетие — второй, самый мастеровитый возвел колокольню, а третий автор, спустя еще полвека, провел завершающую реконструкцию здания. Их коллективное творение намного интереснее приходских храмов, выстроенных в городе позднее.

Прихожане собора поклонялись списку Казанской иконы Божьей Матери. Собор был известен тем, что в нем в 1817 г. отпевали адмирала Ф. Ф. Ушакова. В советское время собор некоторое время сохранялся, служба была закрыта в 1931 г., руины собора возвышались в 1960-е гг., их остатки разобрали в конце 1970-х гг.*

* В 1931 г. в постановлении облисполкома и РИКа указывалось: соборную церковь в Темникове закрыть, РОНО и клуб требуют отапливаемый кинотеатр, но соблюсти формальности при изъятии необходимо. Собор был закрыт в 1931 г. и использовался под зерносклад. Всего в 1931 г. решением облисполкома в Темникове были закрыты 4 церкви (ЦГИА РМ. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 18. Л. 23).

Главным общественным пространством уездных городов была Соборная площадь. Все крупные городские события, торжества разворачивались именно здесь — от крестного хода до встречи именитых гостей. В городах мордовского края все соборные площади, заложенные генеральными планами конца XVIII в., были прямоугольными с культовыми зданиями посередине (в этом продолжалась традиция сельской площади с церковью в центре и избами по периметру). Центральное расположение собора выявляло качества его объемной композиции, демонстрировало его со всех сторон. Главные — каменные административные, жилые и торговые здания располагались по периметру площади и на прилегавших к ней улицах, они являлись достойным «фоном» для архитектуры собора. Если в Саранске и Ардатове площадь раскрывалась одной стороной на реку, то в Темникове она замыкалась по периметру (аналогично было проделано в Краснослободске и Инсаре). Особой ценностью являлся вид на загородные пространства — со второго этажа училища были хорошо видны просторы мокшанской поймы, вероятно, самый эффектный вид на Санаксарский монастырь открывался с соборной колокольни.

Темниковская Соборная площадь стала формироваться в начале XIX в., на фиксационном плане города 1797 г. видно, что здание находилось на южной оконечности квартала. На фиксационном плане 1829 г. собор окружен с южной стороны полукругом общественных зданий, но геометрия пространства еще не найдена. В 1847 г. после пожара были реконструированы кварталы с каменной застройкой, прилегавшие к Соборной площади, к этому времени приобрели правильную геометрию и подчиненную возвышавшемуся в ее центре собору. Соборная площадь окончательно сформировалась в конце XIX в., когда комплекс собора был окружен каменными общественными зданиями — учебными и присутственными местами, они собирались в ансамбль, притягивавший к себе композиционные оси города — главные улицы.

Собор окружала каменная ограда с мелкой чугунной решеткой, в ограде с южной и западной сторон были сделаны вычурные ворота с арочным проездом и двумя калитками, парой портиков с приставными колонками, наверх были водружены 3 прорезанные куба со шпильями-крестами. Углы ограды подчеркивались небольшими каменными постройками — часовней, лавкой, хозяйственными постройками. Западнее собора размещался одноэтажный каменный дом причта.

Соборная площадь оставалась главным общественным пространством города до середины XX в. В 1960-х гг. оно переместилось на бывшую базарную площадь, на краю которой был установлен памятник Ленину с каменной трибуной. Сегодня из соборного комплекса сохранились небольшие одноэтажные каменные здания квасоварни и просфорни, располагавшиеся в западной части ансамбля. Территорию площади занимают здание городской бани, типовое двухэтажное здание гостиницы «Мокша», а также запущенный сквер.

Сегодня наибольшая плотность исторических памятников имеется в южной части ул. Коммунистической в районе бывшей Соборной площади. Несмотря на отсутствие объемной доминанты — собора, именно эту территорию можно считать историко-культурным центром города. При отсутствии крупного здания посреди площади роль ориентиров взяли на себя здания на углах кварталов (бывшее казначейство на изломе ул. Коммунистической, бывший торговый дом на углу ул. Коммунистической и Первомайской, бывшее мужское училище и др.). Кварталы вокруг этой территории являются достаточно целостной предметно-пространственной

средой, в которой исторические памятники находятся в традиционном архитектурном контексте.

В связи с тем, что застройка бывшей Соборной площади не представляет большой ценности, восстановление городского собора — архитектурного символа старого Темникова возможно на его историческом месте и в прежних формах, как и воссоздание площади в целом. Без этих, самых главных в старом русском городе зданий и пространств, современный малый исторический город будет неполноценным. На кафедре архитектуры и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева был проведен предпроектный анализ центра Темникова и выполнены 3 дипломных проекта реконструкции Соборной площади, которые могут быть использованы в реальном проектировании (авторы — студенты А. Денисова, В. Гвоздев, О. Сергейчева, научный руководитель — В. Б. Махаев).

В Темникове находились еще 3 церкви, выстроенные в барочном стиле — Никольская (1700 г.), Троицкая (1766 г.) и Всесвятская (1781 г.), уничтоженные в советское время. Расположение Никольской церкви пока неизвестно, 2 другие церкви на плане города определяются точно.

В 1861 г. В. Хитров писал, что «каменный храм во имя всех Святых о трех престолах, окончен отделкою местным купцом Семеном Семеновым в 1781 году»³¹. В 1782 г. церковь была освящена, она упоминается в документах 1861 и 1914 гг. Темниковцы до сих пор называют утраченную в середине прошлого века кладбищенскую церковь храмом Всех Святых, а также Польской или Напольной церковью.

На генеральном плане Темникова 1797 г. на северо-восточной окраине показаны 2 церкви, каменная и деревянная. Городское кладбище появилось здесь в начале XVIII в., и со временем церковь превратилась в кладбищенскую. На плане 1829 г. показана одна церковь с именем Казанская. В Темниковской десятина упоминается построенная в 1685 г. Казанская церковь³², скорее всего, деревянная, возможно, кладбищенская.

Композиция кладбищенской церкви следующая: куб храма, перекрытый высоким параболическим сомкнутым сводом, на который водружен световой (возможно) четверик, увенчанный луковицей. Такое решение (четверик с параболой одноглавого купола) типичен для раннебарочных церквей, для 1770-х гг. такое решение было уже архаичным. Южный (и северный, очевидно) фасады были прорезаны двумя большими арочными окнами, следовательно, вход в церковь находился только с западного фасада. Позднее к небольшому храму были пристроены низкая трапезная, а в начале XIX в. — неуклюжая трехъярусная колокольня с ампириными деталями, но с нарушенной суперпозицией. Ее первый ярус сделали низким, а второй и третий — высокими, причем все 3 — одинакового сечения, углы четвериков были подчеркнуты колоннами тосканского ордера (на втором ярусе — парными, на третьем — одиночными), башню завершали широкий колпак грибовидного купола и длинный шпиль-клинок. В результате объемная композиция церкви стала чрезмерно контрастной.

В 1955 г. кладбищенская церковь была снесена.

В Темниковской десятина церковь Живоначальной Троицы упоминается в 1685 г.³³, 1712 г.³⁴ и в 1722 г.³⁵ На городском плане 1797 г. в северной части города показаны 3 церкви, вероятно, среди них находилась и упомянутая в десятиине деревянная церковь. В. Хитров в 1861 г. писал, что второй каменный храм в городе — во имя Троицы был построен в 1766 г., он имел 2 этажа с тремя престолами³⁶.

Троицкая церковь была выстроена в северной части города (район современного детского дома на пересечении ул. Советской и Интернациональной), освящена в 1766 г. Судя по генеральному плану Темникова 1797 г., рядом располагались еще 2 церкви, деревянная и каменная. Здание Троицкой церкви получило ярко выраженную одноосную и двухъярусную структуру. Здание вытянуто по оси восток — запад: пятигранный алтарь, длинный корпус, объединявший храм и трапезную, колокольня. Такое объемное решение было характерно для церквей XVII — первой трети XVIII в. Первый этаж церкви низкий, второй двусветный этаж имел главный престол. Экстерьер церкви приобрел ярусно-ступенчатую одноглавую композицию: вытянутый в длину объем на подклети венчалось высокое завершение храма с параболическим сомкнутым куполом и световым четвериком наверху.

Фасады второго и третьего ярусов были расчленены пилястрами и лопатками, украшены выразительными барочными наличниками больших окон (треугольный сандрик, филенка с замком, «ушами» и полукруглым «фартуком»). «Пилястровая» пластика фасадов характерна для провинциального барокко середины XVIII в., при всей скромности композиционных средств она уподобляла церковь многоэтажной дворцовой постройке.

В начале XIX в. к храму пристроили заурядную по облику трехъярусную колокольню лаконичной формы с ампириными деталями, из-за неправильного соотношения высот она оказалась несколько ниже завершения храма, что привнесло в объемную композицию диспропорции.

В подклети Троицкой церкви находились престолы в честь Казанской иконы Божьей Матери и во имя пророка Илии. Декоративное убранство интерьера было выполнено в позднеампирном стиле.

Второй этаж Троицкой церкви был двусветным, здесь находился главный престол в честь Живоначальной Троицы. Привлекал внимание великолепный иконостас барочного стиля с обилием резьбы — витые колонки, пышные рокайльные обрамления, раскреповки и многоступенчатые профили, рельефная резьба царских врат. Пространство храма динамично нарастало в средокрестии, над которым возвышался сомкнутый свод с 8 проемами в 2 яруса. Росписи были выполнены в стиле елизаветинского барокко — с имитацией дворцового интерьера. Аналогичным являлся также утраченный в конце XX в. интерьер собора Санаксарского монастыря.

Троицкую церковь в XIX в. неоднократно приводили в порядок³⁷. Ее закрыли в 1931 г. и разрушили в 1935 г.*

В. Хитров писал, что в Темникове находились «две теплые церкви: Троицкая и Трехсвятская. Их проект создан Св. Синодом в 1847 г. (Син. ук. 6 сент. 1847 г.), постройка окончена в 1856 г.»³⁸. Существуют архивные документы о проектировании теплой церкви³⁹.

* В 1935 г. Троицкая церковь была в пользовании Темниковской МТС (склад), пришла в аварийное состояние, решение Темниковского РИКа: церковь разобрать, материалы использовать на строительство школы. Из акта по разрушению церкви: «Ввиду крайней опасности саморазрушения предложить строительному отделу РИКа в течение трех дней разрушить взрывом колокольню и приостановить право на производство работ по разрушению. В случае повреждения рядом стоящих домов частного владения по Советской улице оплатить разрушенные здания по страховой стоимости» (ЦГИА РМ. Ф. Р-1572. Оп 1. Д. 57. Л. 66 ; Д. 67. Л. 77).

В 1855 г. севернее Троицкой церкви, в непосредственной близости от нее освятили теплую Введенскую церковь. Одноглавая церковь, увенчанная тяжелой луковицей, была выстроена в эклектическом стиле. К концу столетия в ней находилось 3 престола: в честь Введения Пресвятой Богородицы в храм, во имя Иоанна Предтечи и пророков Петра и Павла. В последние годы XIX в. при Введенской церкви возвели высокую колокольню, возвышавшуюся над крестом Троицкого храма, она была более пластичной, чем соседняя четвериковая колокольня, так как формировалась восьмериками и дополнялась мелкой пластикой. Завершение колокольни украшали кокошники с гирьками и мелким орнаментом, взятые из арсенала допетровского зодчества. В целом получилась сплоченная трехбашенная композиция двух церквей, привлекавшая внимание к северной части города.

Введенская церковь была закрыта в 1931 г.*

В последние десятилетия XVIII в. на смену барокко пришел классицизм: этот стиль более соответствовал скромным экономическим возможностям провинциальных заказчиков. По сравнению с барокко, классицизм не был таким сложным конструктивно и богатым декоративно, он не требовал большого расхода дорогих материалов. Этим объясняется размах строительства усадебных и городских приходских церквей в конце XVIII — середине XIX в. Среди купольных ротонд эпохи ампира в мордовском крае выделяется темниковская церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы (ул. Пензенская, 2-а).

Церковь Успения Пресвятой Богородицы упоминается в Темниковской десятине в 1614 г.⁴⁰, 186 г. (1678 г. — *В. М.*)⁴¹, 1628, 1653, 1679 гг.⁴², а также в 1712, 1722 и 1746 гг.⁴³ В этом документе говорится: «При Успенской церкви была построена другая церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы: 1714 г. генваря в 29 день, запечатан указ в гор. Темников велено новопостроенную церковь во имя Благовещения Пресв. Богородицы освятить того же города Темникова протопопу Даниилу и антиминос выдать»⁴⁴. Очевидно, речь идет о соборной церкви с нижним престолом Благовещения, при этом не говорится о месторасположении Успенской церкви. Возможно, деревянная Успенская церковь находилась в центральной части города с середины XVII до середины XVIII в. и за ветхостью была разобрана до составления плана города 1788 г.

В. Хитров писал, что «в недавнее время в г. Темникове возведено еще два каменных храма. Успенский с тремя престолами устроен на кладбище в 1827 г.»⁴⁵. Итак, в 1827 г. близ южного кладбища было возведено кирпичное здание церкви в честь героев народного ополчения 1812 г., выступившего первым в Тамбовской губернии. Южнее Успенской церкви в 1829 г. находилась Никольская церковь, вероятно, уже ветхая.

Вытянутый план здания — мемориального памятника включает квадраты храма, придела, колокольни; с востока замыкается циркульной апсидой. В объемной ком-

* В 1931 г. Троицкая и Введенская церкви были закрыты, так как церковный совет от зданий отказался; с 1930 г. церкви не функционировали, тогда как в городе имелось еще 2 действовавших храма (ЦГИА РМ. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 21. Л. 118, об.). В 1931 г. в решении Темниковского РИКа указывалось: церковные колокола Троицкой и Введенской церквей передать Рузаевскому металлическому торгу (Там же).

позиции контрастируют двусветная ротонда храма, перекрытая куполом, и стройная трехъярусная колокольня (3 четверика, завершенные куполом со шпилем). Северный и южный фасады храма — четырехколонные портики упрощенного тосканского ордера. Углы храма подчеркнуты стройными цилиндрами, декоративными ротондами, украшенными почти миниатюрными двухколонными портиками. Угловые вставки вместе с центральной главой на куполе имитируют пятиглавие. Центральная ротонда украшена люкарнами. Ярусы колокольни обработаны дощатым рустом и угловыми полуколонками.

Объемная композиция церкви и качество ее деталей свидетельствуют, что ее автор — рядовой провинциальный зодчий, возможно, губернский епархиальный архитектор. В Республике Мордовия известно немало аналогов темниковской Успенской церкви — купольные ротонды Богоявленской церкви в с. Языкова Пятиня (1770 г.), Казанской церкви в с. Чеберчино (1798 г.), Владимирской церкви Петропавловского монастыря в Саранске (1817 г.), Рождественской церкви в с. Ковыляй (1826 г.), Петропавловской церкви в с. Починки (1831 г.), Никольской церкви в с. Новчадово (1858 г.). Однако наиболее близким аналогом темниковской Успенской церкви является Вознесенская церковь в с. Семеновское (Республика Чувашия, 1813 г.).

Фронтоны четверика Успенской церкви были расписаны на евангельские темы. Церковная ограда имела угловые трехъярусные башенки и трое ворот — все с высокими шпилями, чугунная ажурная решетка придавала комплексу нарядность.

В интерьере храм перекрывался парусным сводом, придел — крестовым сводом на подпружных арках, которые опирались на крестчатые в сечении колонны. В церкви были освящены 3 престола: в храме — в честь Успения Богоматери и в трапезной — во имя великомученицы Параскевы и святителя Николая. Иконостас был выполнен в позднеампирном стиле с мотивами рококо — с полукруглыми раскреповками и коринфским ордером колонок, в первом ярусе с вычурными барочными венками-обрамлениями.

В 1930-е гг. главный барабан колокольни был разобран. Здание реставрировалось во второй половине XX в. Сегодня Успенская церковь имеет статус объекта исторического и культурного наследия федерального значения как памятник архитектуры.

Во второй половине XIX в. в Темникове были выстроены еще 2 приходские церкви, в эклектичном стиле — Введенская (1855 г.), описанная выше, и Иоанно-Богословская (1863 г.), обе также утраченные в советский период.

В. Хитров писал в 1861 г., что «каменный храм в честь Иоанна Богослова двухэтажный трехпрестольный, существует с 1764 года»⁴⁶, он был показан на планах города 1797 и 1829 гг. на базарной площади. Базарная площадь была образована в треугольном уширении оврага Самбег в начале XVIII в. Неглубокая чаша рельефа подходила для размещения деревянных построек и временных устройств — столов, навесов и т. п. Рядом в каменных зданиях располагались склады товаров. Новая Иоанно-Богословская церковь была выстроена в 1863 г. вместо обветшавшей каменной церкви на юго-восточном краю базарной площади.

Строительство Иоанно-Богословской церкви велось по официально утвержденному образцовому проекту в неорусском стиле, широко растиражированном по всей империи в середине XIX в. В 1838 г. придворный зодчий К. Тон выпустил альбом 15 проектов церквей, официальное одобрение которого узаконило неорусскую стилистику. В 1844 г. академик архитектуры выпустил второй альбом, который рассы-

лали по епархиям для обязательного строительства. В 1857 г. в Синод поступил запрос о строительстве церкви на базарной площади Темникова⁴⁷.

Объемная композиция Иоанно-Богословской церкви традиционна: трехчастный алтарь, грузный четверик храма с пятиглавием, низкая трапезная и высокая четырехъярусная колокольня. Колокольня нависала над базарной площадью, находившейся в чаше рельефа.

Фасады храма разделены на 3 прясла, центральное — широкое, завершалось фризом с трехчастным полуглавием. Четверик храма двусветный: первый ярус — 2 небольших арочных окна, второй ярус — мелкие и узкие окна, по 2 или 3 в прясле. Такие проемы не обеспечивали хорошего освещения интерьера. Угловые барабаны были глухие. В храме имелись престолы: во имя апостола Иоанна Богослова, в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, во имя пророка Илии, в теплой трапезной — престолы во имя святителя Николая и в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

В 1931 г. служба в Иоанно-Богословской церкви была закрыта*. В 1968 г. на месте церкви был возведен типовой двухэтажный Дом Советов.

Таким образом, в малых городах наиболее интересными в архитектурном плане всегда являлись православные церкви. Именно по ним можно проследить эволюцию стилей в городской архитектуре, оценить мастерство провинциальных зодчих. В Темникове были распространены традиционные для русского провинциального города типы объемных композиций и стилистические решения православных церквей. Церкви, выстроенные до начала XVIII в., известны нам лишь по именам, определить их расположение пока проблематично. С начала XVIII в. начался перевод церквей в камень, в город пришли архитектурные стили — барокко XVIII в., классицизм конца XVIII — начала XIX в., стилевая эклектика второй половины XIX в. Стилистическая эволюция 6 темниковских церквей типична для российской провинции, а композиционные особенности в общепринятые схемы были привнесены тамбовскими архитекторами.

История Спасо-Преображенского собора демонстрирует поэтапную трансформацию главного городского здания, увеличение его габаритов и изменение экстерьера от барочного к классицистическому. Образцами провинциального барокко являлись кладбищенская Всесвятская и Троицкая церкви. Примером классицизма является сохранившаяся Успенская церковь — в настоящее время памятник федерального значения. Введенская и Иоанно-Богословская церкви были типичны для архитектурной эклектики второй половины XIX в. Не проясненным пока остается вопрос авторства этих церквей, если в XIX в. церкви проектировали епархиальные архитекторы, пользовавшиеся альбомами образцовых проектов, то в предыдущие десятилетия установить авторство значительно сложнее.

Историко-архитектурная среда города с одной сохранившейся Успенской церковью, без системы культовых объектов, разумеется, не может считаться полноценной. В Темникове целостной системы культовых объектов, составляющих сакральную топографию города, давно нет, но при восстановлении собора ключевой ее элемент будет возрожден.

* К 1931 г. Иоанно-Богословская церковь 2 года не действовала, церковный совет не следил за своим имуществом, охрана здания не осуществлялась. Темниковский РИК постановил: церковь и ее имущество передать государству (ЦГИА РМ. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 21. Л. 72).

Библиографические ссылки

¹ См.: План города Темникова со слободами, с изображением герба, составленный в ходе Генерального межевания в 1797 г. // РГАДА. Ф. 1356. Тамбовская губерния. Оп. 1. Д. 372/5919. Фиксационный план опублик. в сб.: История мордовского народа и мордовского края в уникальных архивных документах. Саранск, 2012. С. 36.

² См.: Геометрический специальный план города Темникова. 1829 г. // Там же. Д. 379/5926. Фиксационный план опублик. в сб.: Любимая Русь и мордва : Выставка архив. док., музейн. экспонатов и редких изд., посвящ. 1000-летию единения мордов. народа с народами Рос. гос-ва. Саранск, 2011. С. 29.

³ См.: **Хитров В.** Историко-статистическое описание Тамбовской епархии : Составлено Тамбов. кафедр. собора священником, магистром Георгием Хитровым. Тамбов, 1861. 342 с.

⁴ См.: **Рейтаров И. С.** Город Темников и его уезд // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1876 год. Тамбов, 1876. С. 1 — 19.

⁵ См.: **Холмогоров В., Холмогоров Г.** Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. (Темниковская десятина). Тамбов, 1890. 138 с.

⁶ См.: **Воронин И. Д.** Достопримечательности Мордовии: природные, исторические, культурные. Саранск, 1967. С. 141 — 144.

⁷ См.: **Чернухин А. А.** Темников. Саранск, 1973. (сер. «Города и села Мордовии»).

⁸ См.: **Бахмутов С. Б.** Храмы Мордовии. Саранск, 2015. С. 281 — 286.

⁹ См.: **Нечаев А. Г.** Так где же была Темниковская крепость // Центр и периферия. 2009. № 2. С. 16 — 19 ; **Его же.** Крепости XVI — XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск, 2015. С. 39 — 49.

¹⁰ См.: **Махаев В. Б.** Уездный стиль. Саранск, 2014. С. 118 — 144 ; **Его же.** Город Темников: градостроительная эволюция, архитектура, система историко-культурных памятников // Актуальные вопросы архитектуры и строительства. Саранск, 2014. Вып. 13. С. 123 — 143 ; Темников — земля Ушаковых : Фот. из собрания краеведа Александра Чернухина / авт.-сост. Н. Н. Зараев, В. Б. Махаев, Г. Н. Позднякова. Саранск, 2017. 128 с. (сер. «Старый Темников»).

¹¹ См.: Памятники истории и культуры Республики Мордовия : кат. Саранск, 2007. С. 79 — 83.

¹² «Экономические примечания» к плану Генерального межевания // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1656. Л. 1, об.

¹³ См.: План города Темникова со слободами...

¹⁴ См.: Геометрический специальный план города Темникова.

¹⁵ Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1914. С. 588.

¹⁶ См.: **Холмогоров В., Холмогоров Г.** Указ. соч. С. 3, 5, 9 ; **Рейтаров И. С.** Указ. соч.

¹⁷ См.: **Холмогоров В., Холмогоров Г.** Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ См.: **Рейтаров И. С.** Указ. соч.

²¹ См.: **Холмогоров В., Холмогоров Г.** Указ. соч. С. 3.

²² Там же. С. 7.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 8 — 9.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Там же. С. 12.

²⁸ См.: **Прокаев В.** Темников в петровское время // Просторы. Саранск, 1989. С. 158.

²⁹ **Хитров В.** Указ. соч. С. 39.

³⁰ Там же. С. 277 — 278.

³¹ Там же. С. 39.

³² См.: **Холмогоров В.** Указ. соч. С. 10.

³³ Там же. С. 9.

³⁴ Там же. С. 11, 13.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ См.: Хитров В. Указ. соч. С. 39.

³⁷ См.: Троицкая церковь в Темникове : Дело о пособии на ее ремонт // РГИА. Материалы Святейшего Правительствующего Синода. Ф. 799. Оп. 26. Д. 1456 — 1912. Л. 17.

³⁸ См.: Хитров В. Указ. соч. С. 253.

³⁹ О сооружении в Темникове при Троицкой холодной церкви теплой. 1840 — 1847 гг. // РГИА. Материалы Святейшего Правительствующего Синода. Ф. 797. Оп. 10. Д. 26893. Л. 22 ; Дело о постройке каменной церкви (теплой) в Темникове, план церкви. 24.01.1847 — 11.08.1848 // Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 160. Л. 9 — 13.

⁴⁰ См.: Холмогоров В., Холмогоров Г. Указ. соч. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 8 — 9.

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ Там же. С. 11, 13.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ См.: Хитров В. Указ. соч. С. 39.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Документы о перестройке Иоанно-Богословской церкви в 1857 — 1858 гг. // РГИА. Материалы Святейшего Правительствующего Синода. Ф. 797. Оп. 27. Д. 65. Л. 21.

Поступила 15.12.2017 г.

УДК 37:94(47).081

Л. М. Артамонова
L. M. Artamonova

ОБУЧЕНИЕ БАШКИРСКИХ МАЛЬЧИКОВ В ГОРОДСКИХ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩАХ (Модернизационный проект 1850 — 60-х гг.)

TRAINING OF BASHKIR BOYS IN TOWN PAROCHIAL SCHOOLS (The Modernization project of 1850 — 60-ies)

Ключевые слова: Россия в середине XIX в., модернизация, история культуры, народное образование, начальная школа, В. А. Перовский.

В статье описывается опыт получения школьного образования детьми башкир в русских городских приходских училищах как важная составная часть процессов модернизации в России в середине XIX в.

Key words: Russia in the middle of the XIX century, modernization, history of culture, public education, primary school, V. A. Perovsky.

The experience of getting a school education by Bashkir children in Russian parochial schools as an important part of the modernization processes in Russia in the middle of the XIX century is described in the article.

Модернизационный скачок в период подготовки и проведения Великих реформ в России имел разнообразные проявления в таких сферах жизни, как культура, образование, межнациональные отношения. Он затронул не только столичные и круп-

ные города, но и имперскую периферию, поскольку, по мнению исследователей, «к середине XIX в. российское общество созрело для реформ»¹.

Среди особенно заметных примет модернизации в провинции и на окраинах страны были рост и распространение среди русского и других народов страны «массовой элементарной и начальной школы»². Приходские училища как самое первое звено государственной системы школьного образования повсеместно возникали с начала XIX в. Их появление было стимулировано школьными уставами Александра I и Николая I, а главное — всей образовательной практикой первой половины XIX столетия. В полиэтничных регионах Поволжья и Урала в таких школах велось обучение не только тех учеников, для которых родным языком был русский, но и представителей других народов.

В ряде случаев русские приходские школы, а также уездные училища, являвшиеся следующей ступенью начального образования, могли быть специально нацелены на создание необходимых условий для обучения представителей определенных этнических групп. Например, это практиковалось в волжском Ставрополе (современный Тольятти), где в уездное училище в 1826 г. влился значительный контингент детей калмыков³. Сходные меры получили распространение в начале царствования Александра II в районах с многочисленным башкирским населением.

Согласно источникам, традиционная конфессиональная школа, существовавшая издавна у башкир, вела обучение основам религии, давала «нравственное воспитание», «параллельно... решала вопросы обучения мусульманского населения грамоте». Однако в условиях складывания общероссийского культурно-образовательного пространства изоляция башкирской мусульманской общины вела к консервации образовательных форм, что влекло за собой негативные последствия⁴.

В первой половине XIX в. «началось целенаправленное привлечение башкир» в государственные профессиональные и военные школы, прежде всего, чтобы обеспечить Башкирское войско грамотными, лояльными специалистами и чиновниками. Логичным продолжением такой политики стало ее распространение на общеобразовательные учебные заведения всех уровней, включая приходские школы⁵.

Возможности и опыт русских приходских, а также уездных училищ в данном случае использовались двояко. В башкирских деревнях предусматривалось создание по образцу приходских училищ «кантонных школ», которые затем стали называться «деревенскими русскими школами». Их история уже получила освещение в современной историографии⁶.

В городские начальные школы детей башкир принимали в индивидуальном или групповом порядке. Основным источником в исследовании организованных форм обучения башкирских мальчиков в этих школах стало дело «О допущении башкирских мальчиков к обучению в приходских училищах Оренбургской губернии», сохранившееся в фонде Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан (НА РТ)⁷. Кроме этого, использовались также другие архивные материалы, в том числе Российского государственного исторического архива (РГИА).

Название вышеупомянутого дела не совсем точно отражает его содержание, поскольку речь в нем идет не только об Оренбургской, но и о Самарской губернии, где также проживали башкиры⁸.

Обучение башкирских детей одновременно в школах двух губерний объяснялось и облегчалось тем, что обе они находились в ведении В. А. Перовского — оренбург-

ского и самарского генерал-губернатора⁹. Он занял этот пост в 1851 г. после того, как была образована Самарская губерния¹⁰.

Накануне своей отставки с указанной должности в 1857 г. В. А. Перовский решил в 1858/59 учебном году принять 90 башкирских мальчиков в 8 городских приходских училищ подведомственных губерний. По предварительной договоренности с училищным начальством их распределили следующим образом: в Оренбургское — 5 чел., Бирское — 25, Стерлитамацкое — 5, Мензелинское — 15, Уфимское — 5, Бугульминское — 10, Троицкое — 10, Челябинское — 15 чел. Финансирование обучения брало на себя Башкирское войско. Выбор способных к обучению детей осуществлялся преимущественно по собственному желанию учеников и их родителей. Доставить мальчиков в училища следовало не позже 1 сентября. Местным башкирским попечителям, которых назначали из старших офицеров, предписывалось разместить школьников на снятых квартирах, установить за ними надзор и проводить плажеж за обучение¹¹.

Необходимость вышеназванных мероприятия В. А. Перовский, а вслед за ним директор училищ Оренбургской губернии объясняли тем, что к устройству деревенских «кантонных школ» пока лишь приступили, и оно «может продолжиться неопределенное время». Подготовка же башкирских малолеток, которая велась в батальоне военных кантонистов для последующего их обучения в гимназии, как оказалось, «далеко не удовлетворяет своей цели»¹².

Обучение башкир в приходских училищах преследовало, по сути, 2 задачи. Первая из них — первоочередная и конкретная, заключалась в распространении среди этого народа русского языка и русской грамоты. Вторая задача — более отдаленная и перспективная, состояла в том, «чтобы внушить башкирам доверие к пользе общественного воспитания и таким образом приохотить их отдавать своих детей в школы» разного уровня, имевшие государственный и публичный характер¹³. В сущности, это была общая для всей страны модернизационная задача, и многие исследователи подчеркивают особую роль государства в проведении модернизации в России¹⁴.

Развитие государственной системы народного образования стало одной из важнейших задач внутренней политики царской России¹⁵. Государство посредством подконтрольной школы хотело перенять у традиционных институтов средства социализации молодежи, поскольку «элементы культуры могут передаваться от поколения к поколению только в результате социализации»¹⁶. Среди старинных общинных прерогатив, которые власть стремилась взять в свои руки, культурно-воспитательная функция была в числе первых¹⁷.

Миссионерско-христианская составляющая, в наличии которой нередко упрекают школьную политику российского самодержавия, здесь отсутствовала. В качестве главного в отношении к башкирским ученикам указывалось, «чтобы не были они стесняемы в их религиозных обычаях»¹⁸. Власть не собиралась на школьной почве портить отношения с народом, которому издавна в российской геополитике и межнациональных отношениях отводилось значимое место¹⁹. Эта значимость постоянно росла по мере увеличения численности башкирского населения в XIX в.²⁰ Об этом же свидетельствует наличие тщательно разработанных и прописанных мер, которые должны были предотвратить конфликты на конфессиональной почве. Эти меры, прежде всего, адресовались законоучителям приходских училищ. В начальных школах они играли важную роль не только в воспитательном, но и в учебном процессе²¹.

На должность законоучителя в городские учебные заведения приглашали священников, получивших хорошее семинарское образование, которое в 1860 г. имели уже свыше 80 % представителей белого духовенства²². Некоторые представители духовенства сочетали педагогические и миссионерские обязанности²³. Однако излишнее рвение на религиозной почве могло вызвать конфликты в школах с неоднородным этническим составом учащихся, подобные тем, которые прослеживались в Ставропольском уездном училище, где вместе с русскими обучались дети калмыков²⁴.

Оградить башкирских мальчиков от контактов с законоучителями-священниками было нереально, да и нежелательно по административно-дисциплинарным соображениям. Логичным выходом стала продуманная регламентация. Разрабатывали ее не светские, а духовные власти. Руководство Оренбургской епархии предписало своим священникам, работавшим в школах, куда приняли башкирских детей следующие правила:

1. Для башкирских учеников отменялось обязательное посещение уроков по Закону Божьему, а также обязательное присутствие на любых занятиях, беседах, которые проводил священник: «Законоучители не должны насильно привлекать башкирских учеников к слушанию Христианского Закона и всячески должны удаляться от всего того, что может заподозрить их в искании заставить слушать уроки Христианского вероучения. Благоразумие требует на волю самих башкирских мальчиков посещать или не посещать классы по Закону Божию, слушать или не слушать в классах (если посещают) толкование их уроков. И вообще вести себя в классе так, как бы и не было башкир в классе»²⁵.

2. Священник не имел права задевать религиозные и национальные чувства, независимо от присутствия или отсутствия на занятиях детей-башкир, чтобы не настроить православных учеников против одноклассников, а родителей-башкир и других мусульман против русской школы: «Если башкирские мальчики будут посещать классы по Закону Божию, то законоучители в своих уроках не должны касаться их религиозного верования, обычаев и нравов, а тем более не должны позволять себе резких суждений и насмешек над ними. Иначе башкирские мальчики, передавая насмешки над их религией, родителям, знакомым или хозяевам мусульманам, могут произвести раздражение, недоверие к начальству и удаление навсегда из школы. Даже в отсутствие башкирских мальчиков законоучители не должны говорить об их религии своим ученикам ничего оскорбительного и поносного, потому что ученики, как дети, не имея благоразумной осторожности, могут пересказать сказанное башкирским мальчикам, и результат может выйти такой, какой указан выше»²⁶.

3. Допуская и поощряя возникновение у башкир интереса к христианству, священникам предписывалось одинаково внимательно относиться к тем, кто такой интерес проявлял, и к тем, кто оставался безучастным: «Если башкирские мальчики вследствие ознакомления их с христианскою жизнью, сами пожелают и слушать уроки по Закону Божию и быть доступными влиянию христианской веры, то законоучители с готовностью и любовью должны сообщать им слово истинное и в школе и вне школы... Как бы, впрочем, ни являли себя на Христианской Вере башкирские мальчики, законоучители должны обходиться с ними, во всяком случае, отечески, ласково и не отталкивать их от себя»²⁷.

4. Священники не должны были допускать в школе споров между учениками о вере, насмешек над иноверцами. Возникавшие среди школьников разговоры о различиях в вероисповедании следовало сводить к объяснению сути вероучения²⁸.

5. Несмотря на предоставленную башкирам свободу в вероисповедании, священники должны были пресекать попытки ею злоупотребить, использовать во вред: «Законоучители должны обращать внимание и на то, чтобы башкирские мальчики не злоупотребляли свободой своего религиозного верования, т. е. должны замечать, не будут ли иметь вредного влияния на чистоту религии христианских учеников рассказы башкиров об их образе жизни, обычаях и, в особенности, религии»²⁹.

6. Священников предупредили, что при наличии жалоб на религиозные притеснения они будут подвергнуты наказанию как со стороны светских властей, так и церковного руководства³⁰.

К учителям приходских училищ, в которые были приняты башкирские дети, командование Башкирского войска обратилось с просьбой уделять «особенное внимание относительно их учения и поведения»³¹. Оно обещало ходатайствовать «о прибавке за труды достойным учителям содержания или о предоставлении каких-либо других по службе преимуществ»³².

Действительно, по результатам первого учебного года, «башкирские мальчики оказали в течение академического курса значительные успехи в русском чтении и чистописании, а некоторые даже выучились 4 простым правилам арифметики, что, судя по краткости времени, в особенности по незнанию ими русского языка, на первый раз весьма удовлетворительно». Такие успехи были приписаны «особенному старанию и заботливости приходских учителей». По просьбе командования Башкирского войска, оренбургский и самарский генерал-губернатор выделил приходским учителям в награду одним — по 100 руб., другим — по 150 руб.³³

Щедрое вознаграждение стимулировало работу учителей. Оно позволило направить в училища городов, где обучались башкирские дети, наиболее опытных педагогов, «считая очень полезным распространение русской грамоты» среди башкир. Так, одного из лучших преподавателей Самарской губернии Толкунова перевели для занятий с ними в Бугульминское приходское училище³⁴, штатным смотрителем которого был активный исследователь-краевед, а в будущем — известный литератор и мемуарист Г. Н. Потанин³⁵.

Благодаря этим мерам решались не только конкретные задачи, но и стремление к стратегическим целям «просвещенной» социализации и модернизации: «Сочувствие к этому полезному делу со стороны более сведущих и более просвещенных башкир служит лучшим ручательством дальнейших успехов общественного образования детей. А это есть единственное средство возвысить нравственное значение народа и положить твердое основание его материальному благосостоянию». Выражалась надежда, что сами башкиры, «убедившись столь удачным опытом, воспользуются предоставляемым им средством воспитания детей в общественных училищах»³⁶.

Успех первого учебного года привел к тому, что в следующем 1859/60 учебном году для башкирских мальчиков из бедных семей к прежним 90 местам было выделено еще 100 мест в приходских училищах для обучения за счет «войсковых сумм»³⁷. Для тех «башкир, которые имеют хотя небольшие средства воспитывать детей на собственный счет», предлагалось оплатить помещение их детей в приходские учи-

лица, откуда, как разъяснялось в циркуляре по Башкирскому войску, «открыт путь во все высшие учебные заведения». Кроме того, обучающимся за собственный счет обещали «по службе преимуществва перед теми, которые учатся на счет войсковых сумм»³⁸.

В вышеупомянутом циркуляре, выпущенном 11 августа 1859 г., также поднимался вопрос о духовном мусульманском воспитании детей, определяемых в русские школы. Родителям, которые «пожелают, чтобы дети их были обучаемы в училищах магометанскому закону», предлагалось пригласить «башкира, знающего магометанскую религию, и войти с ним в добровольную сделку, то есть платить ему за обучение и за детей от себя». В качестве удачного приводился пример того, как это уже было сделано «родителями мальчиков, обучающихся в Челябинском приходском училище»³⁹.

На квартирах башкирские дети размещались, как правило, у своих соплеменников. Однако директор оренбургских училищ предлагал «для более успешного развития их в русском языке» определять их на жительство к русским домохозяевам. В своей правоте он окончательно убедил башкирское командование, когда сами русские учителя приходских школ предложили определить детей к себе на постой. Это предложение было воспринято с удовольствием, поскольку обеспечивало более тщательный надзор за поведением и успехами детей, а также создавало, в чем было уверено командование, более благоприятные материальные условия их проживания⁴⁰.

Рост числа башкирских учеников в городских приходских училищах продолжался и в следующие годы. Так, в 1862 г. их было 330 чел., в том числе 50 чел. — на собственном содержании, остальные — на войсковом⁴¹.

К сожалению, дальнейшего развития этот конкретный опыт целенаправленного обучения детей башкир в русских приходских училищах городов Заволжья и Приуралья не получил. Реформы 1860-х гг., во-первых, привели к организационной перестройке начальной школы в России. Во-вторых, было ликвидировано Башкирское войско, являвшееся той военно-сословной структурой, которая брала на себя значительную часть управленческих забот и финансовых затрат по обучению башкирских мальчиков в русских школах. По тем же причинам, связанным с осуществлением социальных и административных реформ, оказался прерванным и эксперимент по устройству «кантонных школ».

Тем не менее основной итог модернизационного образовательного проекта, начатого при участии В. А. Перовского, но не завершенного, оказался положительным. Народное образование рядом исследователей справедливо признается основным транслятором, через который прошлое ведет диалог с будущим, в том числе с отдаленным во времени⁴². Культурное наследие в сфере просвещения, в том числе накопленное в середине XIX в., оказалось востребованным в последующие десятилетия, когда правительство взяло курс на развитие сети государственных русскоязычных школ для народов Поволжья и Урала⁴³. Опосредованно, но эффективно это наследие остается включенным в «российскую социокультурную систему... как сущностный элемент современной реальности»⁴⁴.

Прежде всего, опыт, полученный в 1850 — 60-х гг., показал наличие возможностей и перспектив обучения башкирских детей в общеобразовательной российской школе. При этом речь шла не просто об успешном усвоении учебного материала. Более важным результатом стала демонстрация готовности российского учительства

и руководства школьным ведомством продуктивно работать с большими группами учеников из иной языковой и культурной среды. Со стороны же башкир был проявлен интерес к получению образования в школе нового времени, усилившийся во второй половине XIX — XX вв. Данные процессы свидетельствуют о том, что модернизационные тенденции становились все отчетливее не только в русском обществе, но и среди других народов страны.

Библиографические ссылки

¹ Юрчѐнков В. А. Мордовская история : курс лекций. Саранск, 2014. С. 171.

² Чеканова Э. В. Дворянское общество и государственная власть николаевской России: проблемы воспитания и образования : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 17.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 196. Л. 14, 16, 16 об.

⁴ См.: Кулбахтина А. З. Роль старометодной школы в системе образования мусульман Уфимской губернии // Вестн. Башкир. ун-та. 2010. Т. 15. № 4. С. 13 — 34.

⁵ См.: История башкирского народа : в 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 232 — 233.

⁶ См.: Тагирова Л. Ф. Проект командующего Башкиро-Мещерякским войском Н. В. Балашина о кантонных школах как альтернатива традиционному образованию башкир середины XIX в. // История в лицах и личность в истории : материалы Вторых междунар. Усманов. чтений. Уфа, 2013. С. 211 — 216.

⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7439.

⁸ См.: Смирнов Ю. Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ : Сотрудник самар. губернатора Грота Н. А. Воронов и его вклад в регион. исслед. середины XIX в. // Вестн. Самар. ун-та. 2016. № 1 (134). С. 33.

⁹ См.: Шкерин В. А. В. А. Перовский, В. А. Глинка и развитие системы народного образования на Урале // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. Т. 34. № 17. С. 56.

¹⁰ См.: Смирнов Ю. Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 331.

¹¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7439. Л. 1, 1 об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ См.: Куршева Г. А. Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. : (На примере мордов. края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. С. 10.

¹⁵ См.: Климкина Э. В. Реформирование в сфере высшего и среднего образования в последние годы правления Николая I // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 13.

¹⁶ Mironov B. N. Do Russians Need Clitherapia? // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41 — 1 (3). С. 1006.

¹⁷ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 218 — 219.

¹⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7439. Л. 1 об.

¹⁹ См.: Смирнов Ю. Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова — выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 980 — 982.

²⁰ См.: Smirnov Yu. N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы. С. 947.

²¹ См.: Якунин В. Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карел. науч. журн. 2014. № 3. С. 18.

²² См.: **Карнишина Н. Г.** Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 5 (31). С. 18.

²³ См.: **Бирюкова А. Б.** Научная и просветительская деятельность православного духовенства в дореформенном провинциальном городе : (По материалам поволж. губерний) // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2014. С. 27, 29.

²⁴ **Джунджузов С. В.** Школьное образование в Ставропольском калмыцком войске // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15. № 1 — 1. С. 24 — 25.

²⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7439. Л. 4 об., 5.

²⁶ Там же. Л. 4 об.

²⁷ Там же. Л. 5, 5 об.

²⁸ Там же. Л. 5 об.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 5 об.

³¹ Там же. Л. 1 об.

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Л. 6, 6 об.

³⁴ Там же. Д. 7445. Л. 19, 19 об.

³⁵ См.: **Смирнов Ю. Н.** Г. Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Самара, 2014. Ч. 2. С. 146, 149.

³⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7439. Л. 8, 8 об.

³⁷ Там же. Л. 9.

³⁸ Там же. Л. 8 об.

³⁹ Там же. Л. 8 об., 9.

⁴⁰ Там же. Л. 12 об.

⁴¹ См.: **Тагирова Л. Ф.** Указ. соч. С. 216.

⁴² См.: **Овсянников В. П.** Хозяйственная культура России: проблемы преемственности // Запад — Россия — Восток: политическое, экономическое, техническое и культурное взаимодействие : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти, 2017. С. 93.

⁴³ См.: **Фархшатов М. Н.** Правительственные меры по оптимизации традиционных учебных заведений мусульман Российской империи в XIX — начале XX в. // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 292.

⁴⁴ **Овсянников В. П.** Роль культурного кода в формировании духовно-патриотических качеств молодежи // Единство народов — основа укрепления российской государственности : сб. науч. тр. Чебоксары, 2017. С. 145.

Поступила 09.01.2018 г.

УДК 94(47).066+94(47).07

А. А. Ильин

A. A. Ilyin

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТА «НАЧАЛО ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE PROJECT “THE BEGINNING OF PRISON REFORMS IN THE RUSSIAN EMPIRE”

Ключевые слова: тюремное учреждение, устав, общество, помощь, пенитенциария.

В статье рассматривается процесс реформирования пенитенциарной системы в Российской империи, а именно: формирование и развитие пенитенциарных органов и учреждений, порядок и условия отбывания наказаний, кадровое и финансовое обеспечение деятельности пенитенциарных учреждений.

Key words: prison institution, charter, society, assistance, penitentiary.

The process of reforming the penitentiary system in the Russian Empire, that is, the formation and development of penitentiary authorities and institutions, the procedure and conditions for serving sentences, personnel and financial support for penitentiary institutions activities, is considered in the article.

В современных условиях России особую актуальность представляет историческое осмысление и изучение элементов и приемов в системе исполнения наказания. Сложившийся кризис в социально-экономической сфере, а также в общественно-политической жизни Российского государства способствовал существенному росту преступности. Асоциальные тенденции, происходящие в обществе, отразились и на системе органов, исполняющих наказание. Обращение к событиям прошлого, к тем изменениям, которые претерпевала пенитенциарная система Российской империи в нестабильный период развития капиталистических отношений, является необходимой мерой для решения как уже существующих, так и для предотвращения будущих возможных проблем современной системы исполнения наказания.

Отличительной особенностью пенитенциарной системы Российской империи являлось разнообразие видов и типов мест лишения свободы, которые, несмотря на сходность своих задач, нередко относились к совершенно различным ведомостям. Так, только в Москве существовали следующие места отбывания наказания: смирительные и рабочие дома, арестантские роты гражданского ведомства (они же — при полицейских частях города), так называемые ямы, новые временные тюрьмы, остроги и пересыльные замки¹. Такое различие в названиях, по сути, одних и тех же учреждений являлось характерной чертой не только для больших городов и столицы Российской империи, но и для всей ее территории, включая небольшие поселения или районные центры. Характерно, что существенных отличий перечисленные места лишения свободы между собой не имели, так как условия содержания заключенных, например, в рабочих и смирительных домах были практически идентичны². Единственное отличие прослеживалось в целях заключения в том или ином учреждении, в зависимости от которых оно являлось либо предварительным, либо местом непо-

средственного отбывания наказания. Такое количество формулировок и названий мест заключения неизбежно влекло юридическую путаницу, увеличенный и не систематизированный документооборот, существенные проблемы при издании законов, трудности в судебной практике.

Деятельность пенитенциарных органов регулировал единый для всей империи Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и о ссыльных от 1832 г. Являясь достаточно противоречивым и несовершенным, он не полно раскрывал одни вопросы и чрезмерно подробно — другие. В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое дифференцировало различные категории населения по типу возможно применяемых к ним мер. Например, дворяне и духовенство определялись уложением как свободные, «изъятые» от телесных наказаний, в то время как менее привилегированные слои населения (мещане и крестьяне) входили в число «неизъятых» и могли подвергаться физическому воздействию на законных основаниях³. В дальнейшем к «изъятым» сословиям стали относиться богатые купцы, а также лица, окончившие высшие учебные заведения, что в любом случае, за редким исключением, являлось привилегией лишь материально обеспеченной части населения. В итоге, только финансовое благополучие и положение в обществе, а совсем не тяжесть и характер преступления являлись основанием для применения мер физического воздействия и наказания, что негативно отразилось на отношениях между различными социальными группами, повысив постоянно нарастающий градус напряжения в стране.

К положительным сторонам развития пенитенциарной системы относится разделение уголовных и исправительных наказаний, что говорит о влиянии прогрессивных тенденций в данной сфере. Само появление исправительных наказаний не вписывается в концепцию карательно-устрашающей системы наказания. Лишение свободы рассматривалось лишь как метод и попытка исправления преступника. На практике же имевшаяся база исправительных учреждений при всей разнотипности фактически представляла собой полностью идентичные «услуги» по содержанию заключенных. Комиссия о тюремном преобразовании, изучая практику исправительных наказаний, отмечала: «Система исправительных наказаний... страдает крайней многосложностью; ...исполнение закона на практике затрудняется и закон остается мертвой буквой. На самом деле, всех этих различных карательных учреждений вовсе не существует, приговариваемые к лишению свободы содержатся большей частью все вместе, без всякого подразделения и работы, в обыкновенных наших тюремных замках или острогах. Предлагаемые законом различия между рабочим домом, смиренным домом и тюрьмою до сих пор остаются предположением»⁴.

Развитие капитализма в России неизбежно влекло за собой социальное расслоение среди населения. Большинство разорившихся крестьян и мещан направилось в города, где под влиянием голода и безработицы в короткие сроки становились кандидатами на скамью подсудимых. В столице за 20 лет, с 1857 по 1877 г. количество убийств и ограблений удвоилось, а поджоги и кражи стали постоянным явлением, увеличившись в 10 раз⁵. В целом же в европейской части страны рост преступности начал превышать естественный прирост населения. Более того, бурное развитие промышленности и торговли сформировало принципиально новые виды преступлений, которые приводили в места лишения свободы многих купцов и фабрикантов.

Пенитенциарные учреждения не были рассчитаны на стремительно увеличивавшийся поток заключенных, что еще более усугубило положение и без того несовершенной тюремной системы.

С началом разработки проекта тюремной реформы переполненные, находившиеся в плохом техническом состоянии места заключения лишились последней поддержки властей. Дело в том, что после строительства новой тюрьмы или после проведения капитального ремонта и обновления уже существовавшего места заключения результат мог не соответствовать новым требованиям реформы и уголовного уложения. По этой же причине финансирование всей пенитенциарной системы Российской империи на момент разработки тюремной реформы оставалось на крайне низком уровне. Так, например, в 1887 г. на строительство и обновление мест заключения было запрошено 589 870 руб., а Министерство финансов выделило всего 247 609 руб. В 1888 г. из запрошенных 604 120 руб. было выделено 247 798 руб., а в 1889 г. из 743 000 руб. было получено всего 178 512 руб., что было недостаточно даже для поддержания текущего состояния пенитенциарной системы страны⁶.

Развитие капиталистических отношений совпало, а в определенной степени и повлияло на становление социально-демократического движения в Российской империи, вследствие чего в места лишения свободы хлынули потоки политических заключенных, значительно увеличив в них количество интеллигенции. Новый тип арестантов не обладал «сословным иммунитетом», но их социальное положение и уровень образования были на несколько порядков выше простых крестьян или рабочих. Их независимое поведение, идейность, требования соблюдения законов и уважения человеческого достоинства со временем заставили власть скорректировать некоторые положения уголовного законодательства. Например, в 1857 г. в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных был расширен круг «изъятых» от телесных наказаний лиц. Однако, несмотря на это, телесные наказания еще долгое время оставались частью пенитенциарной системы, что существенно сокращало поток заключенных в переполненные тюрьмы. Для многих арестантов тюремные сроки заменялись обычными розгами⁷ как один из основных методов перевоспитания даже после отказа от телесных наказаний в 1885 г.

Таким образом, развитие капиталистических отношений явилось причиной обогащения в том числе людей, не принадлежавших к высшему сословию. Их попадание в места лишения свободы делало социальный состав заключенных более разнообразным, усиливая противодействие существовавшим тюремным порядкам. Наряду с происходившими в Российской империи демократическими преобразованиями это привело к необходимости реформирования всей тюремной системы. Однако вопрос о сроках проведения и радикальности тюремной реформы еще долгое время оставался открытым.

Библиографические ссылки

¹ См.: Пименова Э. К. Джон Говард — друг заключенных. СПб., 1906. С. 5 — 7.

² См.: Петренко Н. И. Организационно-правовые основы исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864 — 1917 гг. : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. М., 1997 213 с.

³ См.: Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. Чебоксары. 2002. С. 164.

⁴ Петренко Н. И. Организационно-правовые основы...

⁵ ГАРФ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 141 — 144.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.

Поступила 22.01.2018 г.

УДК 908(470.343)

А. А. Филонов

A. A. Filonov

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕСНОГО ФОНДА
ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
КАЗЕННЫМ И УДЕЛЬНЫМ ВЕДОМСТВАМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.***

**USE OF THE FOREST FUND OF THE TSAREVOKOKSHAYSK
UYEZD OF THE KAZAN GOVERNORATE BY STATE
AND SPECIFIC DEPARTMENTS IN THE SECOND HALF
OF THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

Ключевые слова: лесной фонд, лесничество, Царевококшайский уезд, казна, удельное ведомство, валовой доход.

В статье раскрывается специфика использования лесных богатств Царевококшайского уезда Казанской губернии казенным и удельным ведомствами; выявляется тенденция к повышению здесь доходности лесного хозяйства и росту лесозаготовок.

Key words: forest fund, forestry, the Tsarevokokshaysk Uyezd, treasury, specific department, gross revenue.

The specifics of use of forest resources of the Tsarevokokshaysk Uyezd of the Kazan Governorate by state and specific departments are described in the article, as well as a tendency to increase profitability of forestry and growth of logging there is revealed.

Во второй половине XIX — начале XX в. лес являлся важнейшим компонентом природной среды и одним из главных богатств Царевококшайского уезда Казанской губернии. Соответствующие почвенные и климатические условия способствовали успешному произрастанию здесь древесных пород и расширению лесного хозяйства, ставшего одним из важнейших факторов социально-экономического развития.

По данным 1887 г., в Царевококшайском уезде насчитывалось 517 460,51 десятин лесной площади, что составляло 76,1 % от его общей «удобной» территории.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» в рамках научного проекта № 2017-026.

В 1901 г. эти показатели составляли соответственно 478 364,51 десятины, или 70,3 %, а в 1912 г. — 470 708,91 десятины, или 69,2 %¹. Таким образом, процент лесистости в рассматриваемом регионе постепенно сокращался. Во многом это являлось следствием недостаточного объема и невысокой эффективности проводимых здесь работ по естественному возобновлению и искусственному лесовосстановлению вырубленных площадей, а также губительного влияния лесных пожаров.

Примечательно, что более 90 % всех лесов в Царевококшайском уезде принадлежало казенному ведомству. Остальное пространство приходилось на других лесовладельцев. Так, по данным 1901 г., из 478 364,51 десятины лесной площади в уезде 442 879,18 десятины (92,6 %) принадлежало казне; 3 036,83 десятины (0,6 %) — удельному ведомству; 251,0 десятины (0,1 %) — монастырям; 13 361,80 десятины (2,8 %) — частным владельцам; 18 835,70 десятины (3,9 %) — крестьянским общинам. Леса в уезде состояли, главным образом, из хвойных пород деревьев, занимавших в общей сложности $\frac{9}{10}$ всей лесной площади².

Что касается структуры лесного хозяйства, то во второй половине XIX в. в Царевококшайском уезде насчитывалось 4 казенных лесничества: Большекокшайское, 1-е, 2-е и 3-е Царевококшайское. В том числе на территории уезда находилась небольшая часть 1-го и 2-го Чебоксарского лесничеств. В конце XIX в. наметилась тенденция к увеличению количества лесничеств и лесных дач, что было обусловлено необходимостью их более эффективного использования и защиты. В этот период Большекокшайское, 1-е, 2-е и 3-е Царевококшайское лесничество были разделены, в результате чего на территории Царевококшайского уезда образовалось 8 новых лесничеств: Аргамачинское, Кучкинское, Царевококшайское, Лушмарское, Сотнурское, Моркинское, Мушеранское и Сретенское³.

В рассматриваемое время лесные массивы Царевококшайского уезда являлись одним из важнейших объектов предпринимательства и извлечения прибыли со стороны различных лесовладельцев. Государство получало основной доход от лесных ресурсов путем продажи леса на торгах небольшими площадями для сплошной или выборочной рубки, а также лесного налога. Оставшиеся средства поступали в казну от взысканий за нарушение лесного устава, предоставления окрестному населению права побочных пользований в лесных дачах (пастьба скота, охота, сбор лесных плодов, добывание мха и др.), платы за содержание оброчных и других доходных статей. При этом в уезде наметилась тенденция к повышению доходности лесного хозяйства и росту лесоразработок. Это, в известной степени, конкретизируется материалами архивных документов и опубликованных источников (таблица).

Согласно таблице, в 1884 г. валовой доход по Большекокшайскому лесничеству составлял 70 933 руб. 13 коп. В 1895 г. он возрос в 2,1 раза и составил уже 147 449 руб. 37 коп.⁴

В 1884 г. валовой доход от 1-го Царевококшайского лесничества составил 49 584 руб. 94 коп., в том числе 47 493 руб. (95,8 %) — за отпущенный для сплошной и выборочной рубки лес. В течение года было израсходовано 9 908 руб. 28 коп. Таким образом, чистый доход лесничества за 1884 г. выразился в сумме 39 676 руб. 66 коп., т. е. по 32 коп. на десятину лесной площади. В 1895 г., по различным статьям дохода, в 1-м Царевококшайском лесничестве удалось выручить 82 282 руб. 18 коп., что почти в 1,7 раза превосходило соответствующий показатель 1884 г.⁵

В 1867 г. во 2-м Царевококшайском лесничестве было получено 32 662 руб. 93 коп. валового дохода и произведено 3 078 руб. 29 коп. расхода. Чистый доход в этом году составил 29 584 руб. 64 коп.⁶ В 1895 г. за весь проданный лес для заготовки сплошной и выборочной рубки в кассу 2-го Царевококшайского лесничества поступило 97 581 руб. 77 коп. С учетом других поступлений валовой доход по лесничеству составил 105 983 руб. 28 коп., что являлось в 3,2 раза больше, чем поступило в 1867 г.⁷

В 1892 г. валовая доходность 3-го Царевококшайского лесничества составила 52 102 руб. 32 коп. В 1895 г. было отпущено и продано леса на сумму 45 073 руб. 01 коп., а валовой доход в этом году с учетом взысканий за нарушение лесного устава и других поступлений составил 87 962 руб. 35 коп., или в 1,7 раза больше, чем в 1892 г.⁸

В 1898 г. валовой доход от Кучкинского лесничества составил 82 429 руб. 45 коп., в том числе 82 297 руб. 73 коп. (99,7 %) от продажи леса; 47 руб. 16 коп. (0,1 %) — от побочных пользований и 84 руб. 56 коп. (0,2 %) — от взысканий за нарушение лесного устава⁹. В 1911 г. здесь было отпущено 11 457,9 куб. саженей растущего леса на 112 302 руб. 40 коп. и 5 076,3 куб. саженей «мертвого» леса на 16 769 руб. 41 коп. Всего за лес было выручено 128 203 руб. 52 коп. с учетом

Таблица

**Валовая доходность казенных лесничеств
Царевококшайского уезда
во второй половине XIX — начале XX в.**

Лесничество	Год	Размер валового дохода	
		руб.	коп.
1	2	3	4
Большекокшагское	1875	77 696	37,0
	1884	70 933	13,0
	1893	67 593	33,5
	1894	141 986	73,0
	1895	147 449	37,0
1-е Царевококшайское	1884	49 584	94,0
	1893	66 626	70,0
	1894	70 450	75,0
	1895	82 282	18,0
2-е Царевококшайское	1867	32 662	93,0
	1884	72 681	34,0
	1885	87 343	81,0
	1892	45 655	42,0
	1893	66 825	90,0
	1894	111 314	37,0
3-е Царевококшайское	1895	105 983	28,0
	1892	52 102	32,0
	1893	64 760	33,5
	1894	89 746	47,0
	1895	87 962	35,0
Кучкинское	1897	48 182	88,0
	1898	82 429	45,0
	1899	112 546	59,0
	1900	89 344	56,0
	1902	81 809	11,0
	1911	139 136	29,0
	1913	97 589	23,0
Сретенское	1897	62 297	73,0
	1898	41 364	7,0
	1899	95 357	7,0
	1900	54 479	24,0
	1902	86 963	22,0
	1907	87 565	37,0
	1908	103 328	51,0
	1909	150 701	4,0
	1910	107 647	61,0
	1911	138 278	69,0
Аргамачинское	1897	52 767	45,0
	1898	67 346	41,0
	1899	80 731	23,0
	1900	94 888	53,0
	1902	88 003	21,0
	1911	128 740	13,0

его бесплатного отпуска на отопление домов стражи. Валовой доход по лесничеству в 1911 г. составил 139 136 руб. 29 коп., что было в 1,7 раза больше общей суммы, поступившей в кассу в 1898 г. В 1913 г. из Кучкинського лесничества было отпущено 8 168,85 куб. саженей растущего леса и 3 790,69 куб. саженей «мертвого» леса, итого в кассу поступило 89 372 руб. Валовой доход по лесничеству за этот год в сравнении с 1911 г. существенно уменьшился и составил всего 97 589 руб. 23 коп.¹⁰

В 1898 г. валовой доход Сретенского лесничества составлял 41 364 руб. 07 коп., из которых 40 064 руб. 39 коп. (96,9 %) поступило от продажи леса; 244 руб. 41 коп. (0,6 %) — от побочных пользований и 1 055 руб. 27 коп. (2,5 %) — от взысканий за нарушения лесного устава¹¹. В 1911 г. полученный доход по Сретенскому лесничеству выразился в сумме 138 278 руб. 69 коп., что в 3,3 раза превышает сопоставимый показатель 1898 г.¹²

В 1898 г. в кассу Аргамачинского лесничества поступило 67 346 руб. 41 коп. дохода, в том числе 66 385 руб. 25 коп. (98,6 %) — от продажи леса; 302 руб. 77 коп. (0,5 %) — от предоставления права вести побочные пользования в казенном лесу и 658 руб. 39 коп. (0,9 %) — от взысканий за нарушения лесного устава¹³. В 1911 г. в Аргамачинском лесничестве было отпущено 20 814,54 куб. саженей леса на сумму 121 802 руб. 60 коп. Валовой доход от лесничества с учетом других поступлений составил 128 740 руб. 13 коп., или в 1,9 раза выше, чем в 1898 г.¹⁴

В 1898 г. от использования Лушмарского лесничества по различным статьям дохода было получено 95 495 руб. 48 коп., из которых 94 973 руб. 91 коп., или 99,5 % поступило от продажи леса, 200 руб. 85 коп. (0,2 %) — от побочных пользований и

Окончание табл.

1	2	3	4
Лушмарское	1897	64 489	10,0
	1898	95 495	48,0
	1899	88 946	7,0
	1900	108 093	28,0
	1911	82 597	21,0
	1913	80 657	1,0
Царевококшайское	1897	34 468	79,0
	1898	35 521	44,0
	1899	42 488	90,0
	1900	41 158	56,0
	1902	39 807	60,0
	1912	143 835	60,0
Моркинское	1897	74 137	74,0
	1898	93 994	59,0
	1899	110 005	45,0
	1900	148 907	3,0
	1902	98 611	53,0
	1911	45 489	60,0
	1912	35 911	89,0
Сотнурское	1897	42 665	35,0
	1898	54 166	33,0
	1899	65 400	5,0
	1900	91 154	35,0
	1902	49 501	46,0
	1911	42 460	72,0
Мушеранское	1897	53 717	70,0
	1898	95 433	65,0
	1899	160 623	59,0
	1900	154 979	76,0

Составлена по: ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 — 6 ; Д. 10. Л. 685 ; Д. 11. Л. 1, 11 ; Д. 20. Л. 16 ; Д. 21. Л. 6, 25 ; Д. 36. Л. 5 — 7, 22 — 24 ; Д. 48. Л. 6, 16, 23 — 24 ; Д. 52. Л. 108 ; Д. 58. Л. 9 ; Д. 61. Л. 21 ; Д. 79. Л. 5, 25 ; Д. 80. Л. 5 ; Д. 91. Л. 1 — 4 ; Д. 92. Л. 2 — 16 ; Д. 101. Л. 6 об., 7 ; Д. 117. Л. 15 ; Д. 136. Л. 1 об., 2, 16 об., 17 ; НА РТ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 880. Л. 19 об., 23, 25 об., 30, 31 об., 54.

320 руб. 72 коп. (0,3 %) — от взысканий за нарушения лесного устава¹⁵. В 1911 г. в Лушмарском лесничестве за предоставление населению права охотиться и пасти скот было выручено 212 руб. 86 коп., за сенокосение и пользование лесными полянами в составе оброчных статей — 34 руб. 15 коп., за сбор лесных плодов — 14 руб. 40 коп. От продажи леса для сплошной и выборочной рубки поступило 82 335 руб. 80 коп. Валовой доход от лесничества по сравнению с концом XIX в. несколько уменьшился и выразился в сумме 82 597 руб. 21 коп.¹⁶

В 1898 г. в кассу Царевококшайского лесничества от продажи леса на торгах для сплошной и выборочной рубки, предоставления права побочных пользований в казенном лесу и штрафов, взысканных за нарушение лесного устава, поступило 35 521 руб. 44 коп. валового дохода¹⁷. В 1912 г. за предоставлении права пасти скот в пределах Царевококшайского лесничества с местного населения было взыскано 76 руб. 50 коп., за сенокосение и пользование лесными полянами — 173 руб. 35 коп., за пользование «пустопорожними местами» — 88 руб. 54 коп., за добывание мха и торфа — 7 руб. 50 коп. В течение года в лесничестве было отпущено 2 375,4 куб. саженей растущего леса на 18 966 руб. 89 коп. и 18 914,1 куб. саженей «мертвого» леса на 124 522 руб. 82 коп. Валовой доход лесничества сравнительно с 1898 г. возрос в 4 раза и составил 143 835 руб. 60 коп.¹⁸

В 1897 г. валовой доход от Моркинского лесничества составил 74 137 руб. 74 коп., из которых 73 464 руб. 92 коп. (99,1 %) поступило от продажи леса, 201 руб. 13 коп. (0,3 %) — от побочных пользований и 471 руб. 69 коп. (0,6 %) — от взысканий за нарушение лесного устава¹⁹. В 1913 г. в связи с сокращением площади лесничества в его кассу поступило всего 53 567 руб. 33 коп. дохода, в том числе 51 021 руб. 94 коп. (95,2 %) за отпущенный лес²⁰.

По данным 1897 г., доходность Сотнурского лесничества составила 42 665 руб. 35 коп.²¹ В 1911 г. здесь от предоставления возможности населению пасти скот и охотиться было выручено 56 руб. 40 коп.; от продажи дров, пней и корней для смолокурения — 520 руб. 91 коп. Всего в течение года было отпущено 4 944 куб. саженей растущего леса и 5 823,64 куб. саженей «мертвого» леса стоимостью 41 883 руб. 41 коп. Валовой доход лесничества в 1911 г. по сравнению с 1897 г. практически не изменился и составил 42 460 руб. 72 коп.²²

Что касается Мушеранского лесничества, то доходность лесного хозяйства здесь в течение 1897 — 1900 гг. возросла почти в 3 раза: с 53 717 руб. 70 коп. в 1897 г. до 154 979 руб. 76 коп. в 1900 г.²³

В 1869 — 1882 гг. валовой доход Кокшайско-Нужьяльской дачи, находившейся на территории Царевококшайского уезда и входившей в состав 1-го Чебоксарского лесничества, составил 147 765 руб. 58 коп. или в среднем по 10 554 руб. 68 коп. ежегодно. За 1896 — 1900 гг. в кассу в среднем поступало по 27 743 руб. 17 коп. в год²⁴. Таким образом, средний валовой доход от Кокшайско-Нужьяльской дачи за 1896 — 1900 гг. превышал соответствующий показатель за 1868 — 1882 гг. в 2,6 раза.

Валовой доход казны от использования царевококшайских лесов в 1874 г. составлял 205 800 руб., в 1883 г. — 343 177 руб., т. е. за 10 лет выручка казенного ведомства от лесопользования выросла в 1,7 раза. Причем это был доход, полученный в основном за отдачу леса на вырубку. В 1911 г. общий оборот от лесоразработок в Царевококшайском уезде составлял уже 854 500 руб. Заготовка леса и лесоматериалов

в течение каждого года производилась неравномерно, завися от цен на рабочие руки, глубины снега, состояния погоды и спроса в приволжских городах²⁵.

Вышеприведенные цифровые данные по отдельным казенным лесничествам Царевококшайского уезда позволяют говорить о том, что здесь, несмотря на имевшиеся колебания за отдельные годы, обозначилась тенденция к повышению доходности лесного хозяйства и росту лесоразработок. Обращает внимание и тот факт, что основное количество поступлений шло от продажи леса с торгов или отпуска его хозяйственным способом. Вместе с тем увеличение доходов, на наш взгляд, не стоит связывать с бездумным истреблением лесных ресурсов. Большая часть казенных лесных дач на территории Царевококшайского уезда к концу XIX — началу XX в. была объектом лесоустроительных работ. Вырубки производились в соответствии со сметным назначением, а нередко и намного меньше того, что было назначено по плану хозяйства. Так, в 1882 — 1886 гг. в Сотнурской 1-й, Яраморской дачах и Моркинском отрезке 2-го Царевококшайского лесничества было назначено к отпуску 104 276 деревьев и 9 850 куб. саженной сухостоя и валежника. В действительности за этот период оказалось отпущено 9 802 дерева, что составило 9 % от сметного назначения, и 8 250 куб. саженной сухостоя и валежника (84 % от назначенного по смете).

Величина главного пользования в Мушеранской даче 2-го Царевококшайского лесничества от выборки соснового и елового бруса с учетом по количеству была определена при ревизии 1878 г. на предстоявшее десятилетие в 1 056,0 десятин с приблизительным количеством бруса в 41 816 штук. Также в течение этого периода была назначена выборка сухостоя и валежника по 3 — 4 квартала ежегодно. В них за десятилетие было предположено к выборочной рубке 2 тыс. сырораствующих перестойных деревьев. В действительности в 1879 — 1886 гг. было отпущено 23 806 штук бруса (57 % от сметы) и 35 перестойных деревьев (2 % от сметы)²⁶.

По расчету 1878 г., для выборочной рубки в Кугужлоярской даче 2-го Царевококшайского лесничества на последующие 24 года были отведены к вырубке участки на площади 4 791,10 десятины. В действительности же выборка бруса, по сведениям лесничего, производилась только с 1888 г. Всего за 15 лет, т. е. до 1902 г., была произведена вырубка на площади 3 196,80 десятины и оказалось выбрано 50 612 штук сосны и 26 388 штук ели, а всего — 77 тыс. брусковых деревьев. Таким образом, оказалось недорублено 1 594,30 десятины. Такой же недоруб получился и по выборке липы, которой за 24 года подлежала площадь 1 772,90 десятины, а в действительности было вырублено 1 580,30 десятины, т. е. на 192,60 десятины меньше запланированного²⁷.

Для главного пользования в еловых насаждениях Кушнинской дачи 2-го Царевококшайского лесничества в 1879 — 1901 гг. предполагалось вырубить 769,80 десятины, но в действительности за этот период лесоматериалы оказались заготовлены на площади 107,20 десятины, т. е. на 662,60 десятины меньше назначенного по плану хозяйства²⁸. В течение 1879 — 1901 гг. в сосновых насаждениях Моркинской дачи 2-го Царевококшайского лесничества подлежали вырубке 1 121,50 десятины, но вследствие ограниченных условий сбыта было вырублено всего 296,90 десятины хвойных насаждений и осталось недорублено 824,60 десятины, т. е. 73 % сметного назначения²⁹.

В течение 1897 — 1900 гг. в Аргамачинском лесничестве планировалось вырубить сплошной рубкой 3 081,26 десятины леса. В действительности оказалось вырублено 1 138,64 десятины, или 37 % от сметы. В Царевококшайском лесничестве за указанное пятилетие эта цифра составила 33 %, в Сретенском лесничестве — 39 %, в

в Сотнурском лесничестве — 49 %³⁰. В целом, существовавшая в Царевококшайском уезде площадь сплошной рубки не всегда достигала той цифры, которая была получена по вычислению на основании проектированного наиболее продолжительного оборота рубки. Именно поэтому и возможный доход с этих лесничеств был значительно выше действительно полученного.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об использовании лесного фонда Царевококшайского уезда удельным ведомством. Удельные леса здесь составляли, главным образом, Жуково-Кузнецовскую дачу 14-го Яранского имения Сарапульского удельного округа. По данным 1884 г., общая площадь дачи составляла 3 644,75 десятины, в том числе 2 930,17 десятины собственно лесной почвы. В Жуково-Кузнецовской даче до 1883 — 1884 гг. продажа леса с торгов велась в незначительных количествах. В 1882 г. от этой операции было выручено 2 130 руб. 02 коп. В течение года от сдачи в аренду угодий в кассу поступило 137 руб., от пастьбы скота — 16 руб., от других побочных пользований — 2 руб. 75 коп., штрафных денег за самовольную вырубку и другие правонарушения — 58 руб. 88 коп., а валовой доход составил 2 334 руб. 65 коп. За 1883 — 1884 гг. в кассу в среднем поступало по 2 428 руб. 68 коп. ежегодно. С учетом того, что на содержание 5 сторожей и смотрителя для охранения расходовалось в среднем по 1 154 руб. в год, чистый доход с дачи в этот период составлял 1 274 руб. 68 коп.³¹

В 1892 — 1900 гг. валовой доход с удельных лесов Царевококшайского уезда составил 59 224 руб. 35 коп. или в среднем по 6 580 руб. 48 коп. в год. За вышеотмеченный период от продажи леса удалось выручить 57 361 руб. 21 коп., или 97 % от величины валового дохода. Оставшаяся сумма поступила в кассу от предоставления права охоты и других побочных пользований в удельных лесах, а также взысканий за самовольные порубки леса и другие нарушения лесного устава. Величина расхода за 1892 — 1900 гг. составила 11 776 руб. 67 коп. или в среднем по 1 308 руб. 52 коп. ежегодно. Основная статья расхода заключалась в выплате жалованья лицам, осуществлявшим управление лесами и охранение лесных богатств удельного ведомства. Чистый доход с удельных лесов за 1892 — 1900 гг. составлял 47 447 руб. 68 коп. или в среднем по 5 271 руб. 96 коп. в год. Обращает внимание тот факт, что в 90-е гг. XIX в. средний ежегодный валовой и чистый доход с удельных лесов Царевококшайского уезда значительно превышал соответствующие показатели, характерные для 1880-х гг.

Валовая доходность удельных лесов Царевококшайского уезда в 1892 — 1900 гг. составляла 2 руб. 66 коп. с десятины, средний расход — 53 коп., а чистый доход — 2 руб. 13 коп. с десятины. Для сравнения — валовая доходность казенных лесов уезда в 1897 — 1900 гг. составляла 1 руб. 42 коп. с десятины³². Вышеприведенные цифровые данные позволяют сказать, что доходность лесов удельного ведомства была выше, чем в соседних казенных дачах. Этому обстоятельству благоприятствовало выгодное природно-географическое положение Жуково-Кузнецовской дачи, что обеспечивало полный сбыт заготовленных в ней лесоматериалов. Разрабатываемый в даче строевой и топливный лес сплавлялся в г. Казань, и лишь незначительная часть материалов приобреталась местными крестьянами для отопления своих домов и ремонта хозяйственных построек.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что в рассматриваемое время в Царевококшайском уезде, несмотря на имевшиеся колебания за отдельные годы,

прослеживался устойчивый рост доходности как в государственных лесах, так и в лесных владениях удельного ведомства. Этому способствовал рост спроса на лес и лесоматериалы для удовлетворения потребностей промышленности, транспорта, строительства и других отраслей экономики, а также существенное увеличение стоимости деловой и топливной древесины. Основные статьи дохода поступали от продажи леса с торгов и лесного налога, на долю которых приходилось более 90 % получаемых денег. Удельный вес других доходных статей (пастьба скота, охота, поступления за нарушение лесного устава, содержание смолокурных заводов, оброчных статей) был сравнительно небольшим.

Библиографические ссылки

¹ См.: Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 5 : Уезд Царевококшайский. Казань, 1887. С. 14 ; Казанское губернское земство : Оценка земель. Т. 4 : Царевококшайский уезд. Вып. 1 : Оценка лесных угодий. Казань, 1904. С. 5 ; Обзор Казанской губернии за 1912 год. Ведомость № 6 ; **Филонов А. А.** Природно-географические условия развития лесного хозяйства Марийского края во второй половине XIX — начале XX вв. // Мар. археогр. вестн. 2013. Вып. 23. С. 47.

² См.: Казанское губернское земство. С. 5 — 6, 8.

³ См.: **Филонов А. А.** Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX — начала XX веков : монография. Йошкар-Ола, 2014. С. 46, 49.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 10. Л. 685 ; Д. 91. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 79. Л. 5 ; Д. 91. Л. 1.

⁶ НА РТ. Ф. 91. Оп. 3. Д. 740. Л. 102.

⁷ ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 136. Л. 1 об., 2, 16 об., 17.

⁹ Там же. Д. 92. Л. 5 об., 6.

¹⁰ Там же. Д. 21. Л. 6, 25.

¹¹ Там же. Д. 92. Л. 13 об., 14.

¹² Там же. Д. 62. Л. 39 — 40.

¹³ Там же. Д. 92. Л. 7 об., 8.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 5 — 6.

¹⁵ Там же. Д. 92. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 36. Л. 5 — 7.

¹⁷ Там же. Д. 92. Л. 3 об., 4.

¹⁸ Там же. Д. 101. Л. 3, 6 об., 7.

¹⁹ Там же. Д. 92. Л. 11 об., 12.

²⁰ Там же. Д. 48. Л. 23 — 24.

²¹ Там же. Д. 92. Л. 9 об., 10.

²² Там же. Д. 58. Л. 6, 9.

²³ Там же. Д. 92. Л. 15 об., 16.

²⁴ См.: **Филонов А. А.** Лесное хозяйство в Кокшайско-Нужьяльской (Таирской) даче Царевококшайского уезда во второй половине XIX — начале XX веков // Мар. археогр. вестн. 2016. Вып. 26. С. 11 — 13.

²⁵ См.: Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 235 ; **Филонов А. А.** Положение рабочих на лесоразработках и лесосплаве в Марийском крае в начале XX века // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3 (23). С. 79 ; ГА РМЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 366. Л. 187.

²⁶ ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 116. Л. 11 — 12.

²⁷ Там же. Д. 39. Л. 18 об.

²⁸ Там же. Д. 44. Л. 20.

²⁹ Там же. Д. 45. Л. 21 об.

³⁰ Там же. Д. 95. Л. 6 — 7.

³¹ См.: **Филонов А. А.** К вопросу о состоянии лесного хозяйства удельного ведомства в Царевококшайском уезде Казанской губернии в конце XIX века // Платоновские чтения : материалы и докл. XVIII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 7 — 8 дек. 2012 г.). Самара, 2012. С. 249.

³² См.: Казанское губернское земство. С. 8, 19, 22, 56.

Поступила 05.06.2017 г.

УДК 3.35.351.741(745/741)

А. В. Романова

A. V. Romanova

КОНТРОЛЬ ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЕЗДНЫХ УПРАВЛЕНИЙ (На примере Симбирской губернии)

THE GOVERNORATE GOVERNMENT CONTROL FOR ACTIVITY OF POLICE UYEZD OFFICES (On the example of the Simbirsk Governorate)

Ключевые слова: полиция, губернское правление, урядник, уездный исправник, губернатор, полицейский урядник, полицейское управление, реформа, полицейское делопроизводство.

В статье прослеживается деятельность полицейских структур в рамках губернского правления.

Key words: police, governorate government, uryadnik, uyezd ispravnik, governor, police uryadnik, police office, reform, police office work.

The activities of police structures within the framework of the governorate government are observed in the article.

История взаимоотношений государственных органов и правоохранительных структур является отражением истории Российской империи и ее государственного аппарата в целом. Полицейская реформа, проводившаяся с 1862 г. по 1917 г., продолжается до настоящего времени, когда в сферу ответственности правоохранительных органов внедряется все больший функционал. Государство пытается найти новые, более совершенные формы работы по подготовке и повышению квалификации кадрового состава полицейских структур, внедрить улучшенные практики по всем основным направлениям деятельности полиции, структурировать и усилить взаимодействие полицейских структур и институтов гражданского общества.

Последняя четверть XIX — начало XX в. отечественной истории России в целом и отдельных регионов в частности характеризуется политическими, радикальными и социально-экономическими потрясениями и изменениями, существенно повлиявшими на логику и содержание правоохранительной деятельности.

Полицейские управления подчинялись губернскому правлению, являясь его основными помощниками при проведении в жизнь постановлений и распоряжений, в том числе оказании помощи при взыскании недоимок, в работе землемеров, поиске владельцев утерянных вещей и выявлении наследников при получении имущества и т. д. Кроме этого, полиция выполняла и свои непосредственные обязанности, расследуя уголовные, следственные и гражданские дела. При таком широком спектре обязанностей было проблематично осуществлять профессиональную деятельность в полном объеме. Так, если тщательно расследовались уголовные и следственные дела, то без рассмотрения оставались гражданские дела.

В условиях многонациональности состава Симбирской губернии провинциальная полиция, в частности, контролировала соблюдение мусульманами правил строительства мечетей и организацию прихода. Эти обязанности были возложены на уездные полицейские управления в 1863 г. после отмены удельной зависимости крестьян, когда последние смогли подавать прошения о постройке мечетей напрямую в губернское правление, минуя учреждения удельного ведомства.

Процедура получения разрешения на строительство храма была следующей: вначале становые приставы проверяли правильность составления приговора от населения о строительстве новой мечети, затем осматривали место под будущую мечеть и составляли акт осмотра. После этого документы отправлялись в губернское правление, которое выносило положительное или отрицательное решение, сроки могли варьировать от 3 месяцев до 1 года. Вынесенное решение полицейский чиновник зачитывал верующим, после чего собирал с них подписи об ознакомлении с решением губернского правления. После постройки мечети становой пристав проверял здание на соблюдение правил о расстоянии. Зафиксированы случаи, когда полиция выходила за рамки своих обязанностей. Так, был установлен случай самовольного отклонения органами полиции прошений верующих без направления документов в губернское правление.

В 1866 г. в связи с покушением на императора были усилены охранные меры в городе и губернии, установлен строгий полицейский надзор за отдельными неблагонадежными лицами, более тщательно проверялись претенденты на государственную и общественную службу, выдавались документы о политической благонадежности. В 60 — 70-х гг. XIX в. из-за студенческих волнений в столицах возрос надзор за гимназистами, студентами и семинаристами, приехавшими на каникулы.

Список поднадзорных пересматривался ежегодно, но в целом контроль устанавливался от 1 года до бессрочного. Так, в 1864 — 1869 гг. «под надзором находилось 438 человек»¹. В частности, крестьяне в основном попадали под надзор по обвинениям в расколе, за использование нецензурных слов в адрес императора; дворяне — за участие в политических беспорядках. В 1882 г. «...надзору подверглись 23 человека. Также губернатор был оповещен о 10 воспитанниках, исключенных из высших учебных заведений и подлежащих негласному надзору»².

Кроме предоставления сведений и помощи администрации в соблюдении порядка, в обязанности полицейских органов входило попечение о санитарной части, наблюдение за укрывавшимися от воинской повинности лицами, учет нижних чинов, уволенных в запас. Полиция следила за исполнением пожарного устава, оказывала помощь различным организациям в выполнении возложенных на них обязанностей (при взыскании платежей, недоимок и т. д.), следила за состоянием дорог, мостов и др.

Губернский контроль над деятельностью полицейских органов осуществлялся с помощью ежегодных ревизий. Каждая ревизия выявляла многочисленные нарушения в работе полицейских управлений, большинство которых были далеки от образцовых. Так, проверка в 1884 г. Сызранского городского полицейского управления, являвшегося одним из лучших, выявила ряд недочетов, которые, впрочем, не касались задержек в производстве дел. Наибольшая медлительность прослеживалось в решении гражданских дел, обусловленная истечением сроков на публикацию необходимых объявлений (о находках) в «Губернских ведомостях». По закону, в случае, если у найденных вещей после троекратных публикаций в местных периодических органах печати и по завешению 6-месячного срока не обнаруживался хозяин, эти находки выставлялись на продажу. В октябре 1876 г. был издан циркуляр с поправкой к данному закону, дающий право не дожидаться окончания 6-месячного срока. Все нарушения условно разделялись на 4 категории: нарушения в производстве дел; злоупотребление служебным положением; неправомерное использование денежных средств; отсутствие публикаций решений постановлений полицейских управлений в печатных изданиях.

В 1866 г. при ревизиях Карсунского и Сенгилеевского уездных полицейских управлений были установлены такие нарушения, как неучет денежных средств; «работа с делами, не относящимися к их ведению»; арест имений полицейскими органами без разрешения губернского правления. Аналогичные злоупотребления продолжали существовать там на протяжении 20 лет. Так, в 1884 г. в отчете губернатора о результатах ревизии уездных полицейских управлений перечислялись все выше-названные категории нарушений: медлительность делопроизводства; неправильное оформление документации; лишняя переписка и перекладывание ответственности; халатность при проведении дознаний; рассмотрение дел без постановления суда; прекращение судопроизводства без обоснования причины; забота «об отписке бумаг, а не о пользе дела».

Медлительность полицейского делопроизводства являлась основной проблемой дореволюционных полицейских управлений, от которой трудно было избавиться. Постоянные административные наказания нарушителей не помогали. В частности, примером такого нарушения может служить дело «О производстве дознания о самовольном взятии с базара мещанином Панферовым лошади, принадлежащей крестьянину Ведерову»³. Дело было начато 16 февраля 1899 г., через 3 дня передано в другую полицейскую часть, откуда до 15 мая ждали подтверждения о получении. Через месяц от приставов потребовали отчета о причинах медлительности в исполнении дела и предписали исполнить решение в 7-дневный срок. Однако через месяц оно вновь было передано на дополнительное дознание в уездную полицию. Так продолжалось в течение 5 месяцев, и никакого решения не было принято. Судебные приставы нередко сознательно «не замечали составление объяснений, не представляя никаких исполнений»⁴.

С 1880 г. уездное полицейское управление начало практиковать передачу бумаг к исполнению волостным правлениям, не контролируя выполнение своих поручений. Это привело к тому, что волостные правления не исполняли предписания полицейских органов от 3 до 6 месяцев⁵. Проблемы возникали не только в работе волостных правлений, так как уездные полицейские органы сами допускали невнимательность и халатность в своих действиях. Так, в 1910 г. «при получении бумаг от Сызранского полицейского уездного управления было перепутано 3 бумаги, а из Курмышского — 2 корреспонденции»⁶.

В XIX — начале XX в. к неправомерному использованию денежных средств относились: незаконное хранение и нецелевое расходование денежных средств, предназначенных для передачи в казначейство; неправильное использование средств, «полученных от продажи вещественных доказательств», и т. д. Нарушением являлось также отсутствие надзора за работой урядников, совершавших противозаконные действия, например, использовали служебных лошадей в личных целях, в том числе недостаточное строгое отношение к выявленным правонарушениям. Однако наряду с нерадивыми служащими в полицейских управлениях работали и компетентные приставы, выполнявшие свои обязанности добросовестно. Естественно, для улучшения работы служащих полиции особо отличившимся выдавалось материальное поощрение.

В принципе, все противозаконные действия полицейских чинов, выявленные при ревизиях, «должны были рассматриваться по всей строгости закона и наказаны по приговору суда», но так как наказание за неисполнение постановлений Симбирского губернского правления при устранении нарушений было незначительным (в основном, выговор или, в крайнем случае, увольнение с должности), то и самих нарушений меньше не становилось. Так, например, по результатам ревизий 1867 г., при невыполнении постановлений губернского правления в качестве наказания выступали: выговор исправнику или «при дальнейшем невыполнении своих обязанностей возможно увольнение с должности исправника»⁷, а также строгий выговор городскому голове и членам уездного полицейского управления с занесением в штрафную книгу. В 1883 г. в связи с изданием Высочайшего манифеста от 15 мая 1883 г. приставы и помощники, уличенные в нарушениях и злоупотреблениях, были помилованы и оставлены на своих должностях. При ревизии 1898 г., если полицейские чины при выполнении своих обязанностей выходили за пределы предоставленной им власти, то они не получали от губернского начальства даже взысканий⁸.

В 1886 г. с преобразованием полицейских учреждений были изменены общие правила делопроизводства⁹. Новые правила упрощали и сокращали документооборот в полицейских управлениях. В городских и уездных полицейских управлениях, а также у исполнительных полицейских чиновников вместо докладного распорядительного (входящего) реестра вводился настольный реестр, который заменил входящие и исходящие журналы, что упрощало проведение ревизий.

В 1886 г. Симбирское губернное правление удовлетворило прошение полицейского управления о направлении официальных бумаг напрямую в волостные правления, минуя станových приставов, что уменьшило переписку и дало возможность своевременно доставлять судебные повестки. Прошение обуславливалось тем, что станových приставы, не имея возможности вручить бумаги напрямую адресату, перенаправляли их волостным старейшинам, сельским старостам, урядникам и т. д. В результате задерживалась доставка корреспонденции при ее переходе из одной инстанции в другую.

Таким образом, ревизии, хотя и содержали достаточно полную информацию о работе присутственных мест, носили формальный характер, а отсутствие ощутимых наказаний за нарушения и преступления для служащих приводило к тому, что чиновники продолжали халатно относиться к своим обязанностям, зная, что их не лишат должности при любой проверке. При этом законность и точность исполнения дел зависели от добросовестности людей, которые ответственно выполняли свою работу.

Губернские власти с разрешения Министерства внутренних дел определяли кандидатов на полицейские должности. Иногда назначения осуществлялись без согласования с министерством и проводились задним числом. В 1913 г. местное начальство получило выговор за подобную практику без разрешения свыше.

Библиографические ссылки

- ¹ ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 873. Л. 4.
- ² Там же. Л. 5.
- ³ Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 448. Л. 12.
- ⁴ Там же. Л. 14 — 17.
- ⁵ Там же. Ф. 88. Оп. 5. Д. 873. Л. 11.
- ⁶ Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 448. Л. 27 — 31.
- ⁷ Там же. Л. 12.
- ⁸ Там же. Ф. 88. Оп. 5. Д. 873. Л. 5.
- ⁹ Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 448. Л. 27 — 31.

Поступила 29.06.2017 г.

УДК 656.071.41(93/94)

*В. А. Курбенков
V. A. Kurbenkov*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О РАБОТЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ПОРТА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

HISTORICAL INFORMATION ABOUT THE VLADIVOSTOK PORT ACTIVITY AS A SOURCE FOR ITS STUDY

Ключевые слова: Дальний Восток, Владивосток, торговый порт, грузооборот порта, исторический источник.

В статье на основе архивных материалов прослеживается деятельность Владивостокского коммерческого (торгового) порта с момента его создания до 1920 г., особое внимание уделяется положению порта в период Первой мировой войны; исследуются общий грузооборот торгового порта с 1908 по 1920 г., деятельность по его расширению и благоустройству.

Key words: Far East, Vladivostok, commercial port, cargo turnover of the port, historical source.

The activity of the commercial port of Vladivostok since its creation until 1920 is observed in the article on the basis of archival materials, special attention is paid to the situation in the port during the First World War; the general cargo turnover of the commercial port from 1908 till 1920 and the activities for its expansion and improvement are studied as well.

Несмотря на то, что в последние годы проделана значительная исследовательская работа в изучении истории Владивостокского морского торгового порта, а именно:

опубликованы сборники документов из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ)¹, издан ряд научных статей и монографий², утверждать, что эта проблема относится к изученным в региональной и общероссийской историографии, преждевременно.

Исследование истории отечественного мореплавания, по мнению В. П. Бянкина, «вызывается практической необходимостью, так как постоянное совершенствование организационных форм работы морского транспорта, поиски наиболее эффективных их параметров, создание необходимой технической базы, знание конъюнктуры фрахтового рынка сегодня невозможны без знания истории и тенденций создания технической базы флота и портов Дальнего Востока, без глубочайшего и тщательного анализа форм организации работы морских предприятий наших предшественников, отечественных и мировых грузопотоков того времени»³.

История Владивостокского порта исследовалась нами на основании исторической справки о деятельности порта, подготовленной его руководителем в 1921 г. Документ сохранился в Ф. 32 «Контроль Владивостокского порта. 1911 — 1922» РГИА ДВ и представляет собой машинописную копию, заверенную подписью начальника порта. По сути, это краткий очерк истории Владивостокского торгового порта, раскрывающий основные направления его деятельности и возникавшие проблемы в период с 1862 по 1920 г. [РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 — 7]. Исторический материал в документе структурирован по тематическим разделам, что позволяет проследить деятельность порта на разных этапах его истории, перестройку его работы в условиях Первой мировой войны, проанализировать общий грузооборот с 1908 по 1920 г.

Первый раздел исторической справки посвящен истории развития Владивостокского порта. Согласно документу, «пункты побережья Тихого океана, где из последних значится Владивосток, был занят отрядами русских войск из сорока нижних чинов при офицерах 20 июня 1860 года. В ноябре 1862 года, по Пекинскому трактату, весь Уссурийский край присоединился к России, а 25 декабря (по старому стилю) 1862 года „пост Владивосток“ впервые стал именоваться портом Владивосток» [Там же]. Далее прослеживаются этапы становления и развития вначале Владивостокского коммерческого, а затем торгового порта.

По сути, отправной точкой развития порта, согласно исторической справке, является февраль 1871 г., когда российское правительство приняло решение о переносе главного порта Сибирской флотилии во Владивосток из Николаевска-на-Амуре, так как этот порт не имел глубоководных подходов (сказывались также длительность зимнего ледостава в Амурском лимане и значительное удаление порта от южных районов русского Дальнего Востока). С этого момента Владивосток становился основным пунктом базирования флотилии, в составе которой уже насчитывалось около 20 кораблей. В последующие годы (1874 — 1886 гг.), как следует из документа, шло формирование административных органов: в 1874 г. — создание комитета по устройству города, в 1875 г. — образование и начало функционирования городской думы, в 1880 г. — обретение Владивостоком статуса города [Там же].

В этот же период пароходы Добровольного флота (Доброфлот) начали осуществлять регулярные рейсы из Одессы во Владивосток. Первый такой рейс совершил в 1879 г. пароход Доброфлота «Нижний Новгород», а уже в 1886 г. наладились регулярные рейсы между Владивостоком, Камчаткой и Сахалином [Там же]. Это положило

начало постоянному росту грузооборота Владивостокского порта, так как количество судов, заходивших в порт, увеличилось. Если в первые годы (1861 — 1865 гг.) в порт заходило по 1 — 2 судна в год, то в последующие годы число судов значительно возросло: в 1871 г. — 24 судна, 1880 г. — 71 судно, в 1889 г. — 92 судна [Там же].

Характерной чертой развития порта стало сочетание казенной инициативы с частной предприимчивостью. Как следует из текста документа, развернувшаяся деятельность казенных предприятий открывала возможности для участия частных предприятий, в том числе в организации грузовых и пассажирских перевозок. Так, в 1890 г. пароходство купца Шевелева установило «правильные рейсы» между Владивостоком и Николаевском-на-Амуре, а также ближайшими к Владивостоку местностями — Сучаном, Монгугаем и Славянкой. В том же году японское общество «Пиппонь-Юзень-Кайша» открыло регулярное сообщение с Кобе, Нагасаки и Шанхаем [Там же].

В этой связи уместно мнение известного участника приамурской торговли А. В. Даттана, который видел в этих мероприятиях правительства стремление быстрее заселить новый край и обеспечить его «какими бы то ни было способами и независимо от всякой финансовой политики всеми предметами снабжения, в каких он нуждался, не разбирая, будут ли они русские или иностранные, лишь бы только имелись налицо» [Там же].

Резким толчком к дальнейшему развитию Владивостокского порта, согласно исторической справке, послужило строительство железных дорог — Уссурийской в 1891 г. и Китайско-Восточной в 1897 г. Завершение железнодорожного строительства превращало Владивостокский порт в конечный пункт Великой сибирской магистрали, открывая перед ним перспективы развития как крупного транспортного узла. Быстрое транспортирование грузов и товаров с морских судов на железную дорогу сокращало их путь к российским и европейским потребителям. Особую роль в росте грузооборота и расширении деятельности российских транспортных компаний сыграла транзитная обработка грузов, следовавших из северо-восточного Китая в Россию и из России в северо-восточный Китай через порт Владивосток.

Развитие грузооборота открывало перспективы к развитию коммерческого порта. Так, в 1895 г. специальная комиссия в Санкт-Петербурге изучала вопрос о возможности строительства большого коммерческого порта во Владивостоке как наиболее удобном для этой цели пункте. В итоге наиболее удобной для устройства коммерческого порта была признана бухта «Золотой Рог», что фактически предопределило развитие территории города и порта [Там же].

После принятия данного решения, как отмечалось в документе, на благоустройство торгового порта стали выделяться денежные средства, что позволило в период с 1896 по 1899 г. улучшить его инфраструктуру. Так, в 1896 г. на обустройство бухты «Золотой Рог» Министерство путей сообщения выделило 600 тыс. руб., в следующем 1897 г. — 300 тыс. руб., в 1898 г. — 442 тыс. руб., а в 1898 г. — 296 тыс. руб. На эти средства был построен пакгауз площадью пола 1 362 квадратных сажений. Всего же на постройку набережной было израсходовано 1 млн 327 тыс. руб. [Там же].

Строительство набережной протяженностью 220 сажений закончилось осенью 1899 г. Всего на ее строительство было отпущено 1 млн 327 тыс. руб. [Там же].

В производственных работах, связанных со строительством и благоустройством порта, участвовали и частные компании, в частности, Китайско-восточная железная дорога. Согласно исторической справке, «...Китайской Восточной железной дорогой

для грузовых операций преимущественно по эксплуатации зерновых культур построено два участка каменной массивной набережной по 50 саж. каждой, жилые дома, складочные помещения из одинакового железа, проведены железнодорожные пути и помещения дороги — всего потрачено 1 062 883 руб.» [Там же]. На этом капитальные работы по благоустройству Владивостокского порта заканчивались.

Таким образом, возраставшее значение порта Владивосток обуславливало его развитие и расширение, при этом плана по благоустройству торгового порта не было. Автор исторической справки отметил, что «с 1900 по 1913 гг. работы по благоустройству порта носили случайный характер и проводились отдельными заинтересованными учреждениями и предприятиями для удовлетворения самых насущных потребностей по перевозке и хранению» [Там же].

В следующем разделе исторической справки представлены данные о ходе развития порта. Согласно документу, по мере развития экономической жизни ближайших к Владивостоку районов Восточной Манчжурии и Восточной Сибири увеличили поток грузов как экспортных, преимущественно маньчжурских, так и импортных, в основном предназначенных для русских областей. Грузооборот Владивостокского порта с 1880 по 1911 г. представлен в таблице.

Таблица

Динамика грузооборота Владивостокского порта в 1880 — 1911 гг., пудов

Год	Ввоз	Вывоз	Всего
1	2	3	4
1880	2 400	—	2 400
1881	285 000	—	285 000
1882	—	—	—
1883	260 000	—	260 000
1884	420	—	420
1885	444	—	444
1886	540	—	540
1887	608	—	608
1888	475	—	475
1889	534	—	534
1890	4 103 160	—	4 103 160
1891	2 985 052	—	2 985 052
1892	4 544 460	—	4 544 460
1893	4 431 539	8 180 752	12 612 291
1894	7 076 344	2 265 133	9 341 477
1895	10 516 609	1 637 043	12 153 652
1896	12 155 753	3 172 204	15 327 957
1897	10 127 630	1 606 770	11 734 400
1898	15 735 105	4 567 766	20 302 871
1899	14 629 336	4 168 282	18 797 618
1900	21 736 835	3 981 404	25 718 239
1901	20 954 000	4 043 000	24 997 000

Окончание табл.

1	2	3	4
1902	14 092 400	1 729 500	15 821 900
1903	15 551 329	2 739 577	18 290 906
1904	8 254 924	224 000	8 478 924
1905	8 802 183	21 054	8 823 237
1906	25 320 772	1 229 816	26 550 588
1907	15 857 751	4 666 850	20 524 601
1908	15 045 208	7 253 708	22 298 916
1909	19 585 301	15 619 477	35 204 778
1910	22 415 499	19 215 761	41 631 260
1911	26 316 955	30 833 029	57 149 984

Составлена по: РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 7 — 69.

Согласно таблице, грузооборот порта заметно увеличивался: с 2,4 тыс. пудов в 1880 г. до 9 млн пудов в 1905 г. В 1907 г. грузооборот порта достиг 21 млн пудов, а в 1911 г. — 57 млн пудов.

Систематизированные в справке сведения позволяют проследить, как складывался грузооборот, как он распределялся в рассматриваемый период. Грузооборот Владивостокского порта складывался из экспорта хлеба и бобовых (из северной Маньчжурии и северо-восточной Монголии); леса (из Уссурийского края и северной Маньчжурии); отчасти продуктов горного производства и импорта русской мануфактуры для Приамурья; сельскохозяйственных орудий; орудий горного и рыбного производства; пищевых продуктов, а также транзита в Европу чая и отчасти транзита в Маньчжурию русской и иностранной мануфактуры [Там же]. Грузы, проходившие через Владивосток, распределялись по отдельным районам, тяготевшим к Владивостокскому порту.

Первый такой район составляли области Восточной Сибири, которые при условии дешевого тарифа и соответствующего оборудования порта могли завоевать своими сельскохозяйственными продуктами японские и китайские рынки. Это в полной мере относилось и к приамурскому рынку. Второй район представляла Забайкальская область с неисчерпаемыми «горными богатствами». Третий — Северная Маньчжурия и прилегающая к ней Монголия, поставлявшие значительное количество бобовых и злаковых продуктов. Наконец, четвертый район — это наиболее близко находящиеся к порту Амурская и Приморская области с хорошо развитой добывающей промышленностью. Однако при большом земельном пространстве и малой густонаселенности эти области в сельскохозяйственном отношении были недостаточно развиты, поэтому вывоза из них в ближайшем будущем не ожидалось [Там же].

Импорт Владивостока, согласно документу, до 1912 г. подразделялся на местный и транзитный. К местным грузам относились такие товары, как соль, мука, рис, уголь, строительный материал, галантерея и мануфактурные товары, сахар, съестные напитки, скоропортящиеся товары (фрукты, овощи), а также нефть и керосин. К транзитным грузам относился исключительно чай, доставлявшийся морем и вывозившийся по железной дороге. Объем этого грузооборота изменялся незначительно, составляя в

1908 г. 279,3 тыс. пудов, 1909 г. — 274,2 тыс. пудов, 1910 г. — 390,4 тыс. пудов, а в 1911 г. — 267,9 тыс. пудов [Там же]. Приведенные данные свидетельствуют о быстрых темпах грузооборота порта в период 1908 — 1911 гг. Ежегодный прирост составлял 46 %, а общее увеличение товарооборота за 4 года достигло 185 % [Там же].

По прогнозам Министерства торговли и промышленности, к 1922 г. грузооборот Владивостокского порта оценивался в 160 млн пудов. При этом грузы малого каботажного доставляли в общем грузообороте 9 %. Эта тенденция поставила вопрос о реконструкции порта и, прежде всего, о строительстве новых причалов [Там же]. Проекту расширения Владивостокского порта посвящен следующий раздел исторической справки.

Как отметил автор документа, Министерство торговли и промышленности, основываясь на имевшихся данных о развитии порта до 1912 г., понимало необходимость создания на русском тихоокеанском побережье «благоустроенного торгового порта, сообщенного сетью внутренних путей с центрами производства и удобными морскими сообщениями с иностранными портами» и признавало, что таким пунктом является Владивосток [Там же]. Однако, несмотря на очевидную значимость порта для общегосударственных и региональных интересов, его дооборудование затягивалось. Различные проекты реконструкции и развития порта неоднократно предлагались еще с 90-х гг. XIX в., оставаясь до начала XX в. на стадии рассмотрения и разработки [Там же. Ф. 702. Оп. 2. Д. 530. Л. 1].

Проект расширения порта Владивосток, после обсуждения на различных технических комиссиях, приобрел окончательную форму лишь в 1913 — 1914 гг. Так, если в 1911 г. порт имел 14 причалов общей длиной 840 погонных саженей и 2 строившихся причала, то в проекте предусматривалось довести число причалов до 21; исходный грузооборот в 1911 г. составлял 1 млн 138 тыс. т, проектный — 2,3 млн в 1920 г. В 1915 г. проект по благоустройству торгового порта был передан подрядчику для его осуществления.

Особой страницей истории Владивостокского порта является Первая мировая война, в условиях которой именно Владивостоку была определена роль главного ввозного порта империи. Для того чтобы правильно оценить деятельность Владивостокского порта во время войны и выявить, что послужило толчком для его дальнейшего развития, следует рассмотреть этот раздел исторической справки с предвоенного времени.

В 1913 г. порт имел преимущественно экспортную направленность (ввоз товаров уступал вывозу) с общим грузооборотом 1 млн 469 тыс. т, из которых 513 тыс. т приходилось на импорт и 956 тыс. т — на экспорт. Поскольку основными отечественными товарами являлись соя, лес, пиломатериалы, рыба, икра, цинковая и сербрюно-свинцовая руды, номенклатура которых не требовала для разгрузки и погрузки специальных причалов и оборудования, а также особых складских помещений, необходимых для размещения в них крупногабаритных и тяжелых грузов, то и деятельность порта ограничивалась давно существовавшими рамками [Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 69].

Превратившись с началом военных действий в один из основных пунктов по принятию военно-технического имущества для армии и стратегического сырья для промышленности, предоставлявшихся союзниками и закупувавшихся в нейтральных странах, Владивостокский порт не мог справиться с доставшейся ему главной ролью.

Его деятельность оказалась совсем иной, чем прежняя, и не соответствовала новым задачам [Там же. Л. 7]. Подтверждением служит запись в рассматриваемом документе: «С закрытием на время зимы Архангельском Владивосток сделался единственным открытым для внешней мировой торговли портом России. Естественно, для такой роли Владивостокский порт подготовлен не был, для приема грузов, направленных из различных портов как Старого, так и Нового света, ему было необходимо принять экстренные меры по увеличению причалов и складских площадей. Деятельность Владивостокского порта оказалась совершенно иной, чем была в предшествующие годы, и соответственно новым задачам порта строительство приняло форму, а именно: постройки должны были в кратчайший срок дать возможность пропускать созданный войной грузооборот, прежние проекты, основанные на мирном развитии порта, были приспособлены к задачам военного времени» [Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — 7].

Из документа следует, что работы начались в 1915 г. и велись до конца 1917 г. В этот период грузооборот Владивостокского порта продолжал расти: в 1914 г. он составил 825 тыс. т, а в 1916 г. увеличился до 2,05 млн т. В связи с этим центральные и местные власти уже в ходе войны проводили экстренные мероприятия по развитию инфраструктуры порта и его переориентации с экспорта на импорт товаров. Комплекс проводившихся мероприятий для обеспечения высокой степени грузооборота заключался в техническом переоснащении имевшихся в строительстве новых причальных линий и складских помещений, в совершенствовании режима работ по оперативно-му вывозу доставленных грузов [Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 7].

Таким образом, историческая справка о деятельности Владивостокского порта интересна статистическими данными, дающими представление о динамике его развития на протяжении всей истории второй половины XIX — начала XX в. Обобщенные в документе сведения показывают, что в начале XX в. порт оставался транзитным. Однако доля транзитных грузов из Китая уменьшалась, сократившись с 40 % в 1908 г. до 31 % в предвоенном 1913 г. и до 22 % в 1920 г. При этом значение грузов, доставлявшихся из областей России, постоянно увеличивалось, достигнув максимума в 81 % в 1919 г. Автор документа связывал этот процесс не с политическими событиями (в 1920 г. на Дальнем Востоке России продолжалась Гражданская война), а с первостепенной ролью порта в развитии экономической жизни Владивостока и областей России. Именно этим обусловлено появление новых проектов по реконструкции Владивостокского порта, предпринятых уже после окончания Гражданской войны.

Библиографические ссылки

¹ РГИА ДВ. Владивостокский коммерческий порт. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — 7; Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 7, 69; Ф. 702. Оп. 2. Д. 530. Л. 1. Далее ссылки в тексте: [РГИА ДВ]; Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 — 1861 гг. / сост. Е. М. Гончарова [и др.]. Владивосток, 2002. 236 с.; Для пользы и процветания: Из истории экономич. связей рос. Дальнего Востока со странами АТР. 1856 — 1925 гг.: док. и материалы. Владивосток, 2012. 592 с.

² См.: **Скальковский К.** Русская торговля в Тихом океане: экономич. исслед. рус. торговли и мореходства в Примор. обл. Восточ. Сибири, Корею, Китае, Японии, Калифорнии. СПб., 1883. 515 с.; **Даттан А. В.** Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1897. 192 с.; **Бянкин В. П.** Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860 — 1925 гг.). Владивосток, 1979. 255 с.; **Бацаев И. Д., Козлов А. Г.** Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ — НКВД СССР в цифрах

и документах. Ч. 1 : (1931 — 1941). Магадан, 2002. 381 с. ; **Беляева Н. А.** От порто-франко к таможене : очерк регион. истории рос. протекционизма. Владивосток, 2003. 214 с. ; **Троицкая Н. А.** Внешнеторговая деятельность дальневосточных предпринимателей во второй половине XIX в. // Тамож. политика России на Дальнем Востоке. 2003. № 1. С. 102 — 110 ; **Илларионов А. А.** История морского транспорта. Трибуна диссертанта : Проблема развития дальневосточ. портов в начале XX в. в планах и решениях правительства // Вестн. Морского гос. ун-та им. адмирала Г. И. Невельского. 2005. 302 с. ; **Красова Е. В., Ма Инсинь.** Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски [Электронный ресурс]. URL: <http://esc.isert-ran.ru> (дата обращения: 15.04.2017) ; **Виноградов П. В.** Архангельский и Владивостокский порты в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://history.milportal.ru> (дата обращения: 15.04.2017).

³ **Бянкин В. П.** Указ. соч.

Поступила 16.11.2017 г.

УДК 94(470.344)

Е. К. Минеева

E. K. Mineeva

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ В РСФСР В 1920 — 30-е гг. (На материалах Чувашской автономии)*

THE PROBLEM OF ECONOMIC ZONING IN THE RSFSR IN 1920 — 30-ies (On materials of the Chuvash Autonomy)

Ключевые слова: национально-государственная политика, советская власть, экономическое районирование, РСФСР, Чувашия, автономия, административно-территориальное деление.

В статье рассматриваются вопросы национально-государственного строительства в РСФСР в первые годы советской власти; анализируется проблема становления экономического районирования, связанного с различными позициями участвовавших в нем субъектов, в первую очередь, национально-территориальных автономий; раскрываются сложности процесса вступления Чувашской автономии в состав Нижегородского края.

Key words: national and state policy, Soviet power, economic zoning, the RSFSR, Chuvashia, autonomy, administrative and territorial division.

The issues of national and state policy in the RSFSR in the first years of Soviet power are considered in the article; the problem of the economic zoning formation, associated with various positions of the actors taking part in it, primarily the national and territorial autonomies, is analyzed; the difficulties of the accession process of the Chuvash Autonomy into the Nizhny Novgorod Region are revealed.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691.

Наряду с проблемами социально-культурного развития¹ в поисках оптимальной структуры размежевания и взаимовыгодного сотрудничества в 1920 — 30-е гг. советская власть проводила экономическое районирование. Государство проявляло заинтересованность в «подтягивании» национально-территориальных образований РСФСР до уровня экономического и культурного развития центральных районов страны. Небольшие по своим размерам автономии не соответствовали более крупным в этом отношении территориальным областям, что требовало поиска новых форм объединения. Кроме того, в 1920 — 30-е гг. происходил активный процесс преобразования автономных единиц в их высшую форму — автономные советские социалистические республики (АССР). При переходе в иное качество государство предъявляло определенные требования, не последнюю роль среди которых играл экономический фактор. Неслучайно в результате индустриализации и с помощью краевых объединений абсолютное большинство автономий в 1930-е гг. переросло в АССР.

Изучение вопроса экономического районирования, тесно связанного с административно-территориальным делением, обсуждавшегося с начала 1920-х гг., затянулось на годы. Госплан 7 августа 1924 г. утвердил проект районирования страны². Согласно него, Средневожскую область (СВО) должны были составлять Татарская АССР и Чувашская автономная область (АО), а также Самарский, Бугурусланский, Бузулукский, Пугачевский, Алатырский, Сызранский, Низенский, Пензенский и Саранский округа³. Однако не все автономии согласились с решением Госплана.

Вступление в действие экономических объединений происходило в 3 этапа. По убеждению руководителей Чувашской автономии, «отнесение ЧАО к Средне-Волжскому району с центром в г. Самара не оправдывалось как естественными, так и экономическими условиями»⁴. Именно поэтому еще 24 марта 1923 г. экономическое совещание (эконо) Чувашии, предварительно разработав проект об образовании нового, Верхневолжского района с центром в Нижнем Новгороде, ходатайствовало перед государственными органами власти о его создании⁵. Секция районирования Госплана в 1924 г. отклонила ходатайство, ввиду чего АО приняла участие в формировании создававшегося Татарской АССР Волго-Камского края (ВКК) с центром в г. Казани.

Еще в 1922 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), в связи с обсуждением сетки экономических районов, рекомендовал высшему органу власти советской России изучить предложения, сделанные комиссией комиссариата с учетом национального фактора имевшихся к тому времени автономий. В отношении Татарской АССР, Марийской, Вотской и Чувашской АО Наркомнац выразил мнение о целесообразности их выделения в особый экономический район⁶. Учитывая пожелание наркомата, Татарская автономия активно прорабатывала вопрос о возможности образования единой экономической области с центром в г. Казани. Когда Наркомнац уже был упразднен, ТАССР, основываясь на его рекомендации, не согласилась с вхождением в СВО, фактически выступив против подчинения Самаре. В обоснованиях своего протеста она настаивала на древности Казани, которая, как и Самара, по убеждению руководителей автономии, являлась культурно-просветительным центром Поволжья. Данный аргумент, в котором явно просматривался дух соперничества городов, тем не менее не был лишен здравого смысла. Казань с давних времен объединяла народы Среднего Поволжья, тяготевшие к ней. Неслучайно не только татары, но и марийцы, чуваша при создании автономий претендовали на

город в качестве административного центра, своей столицы. В проекте ВКК татары отмечали зависевшую от климатической и географической специфики однородность характера сельского хозяйства, этнографические и исторические связи народов, планировавшихся к включению в него автономий⁷ Эти и некоторые другие особенности единства края создавали преимущества проекту Татарской республики, но от совместного с Госпланом обсуждения вопроса ТАССР отказалась⁸.

На IV съезде СВО представители Татарской автономии предоставили устную информацию о планировавшемся новом экономическом районе. В частности, они отметили, что предложенное Госпланом районирование имело отрицательные стороны, в первую очередь, касавшиеся территориального разграничения автономий. Именно поэтому ТАССР спроектировала свое видение нового района, в состав которого планировалось включить Татарскую, Марийскую, Вотскую и Чувашскую автономные единицы⁹. Однако предлагавшееся территориально-экономическое образование несколько напоминало возвращение к проектам объединения поволжско-приуральских народов (без башкир) 1918 г. — Идель-Уральским штатам и Татаро-Башкирской советской республике, против которых в свое время категорически выступили марийцы, чувашаи и вотяки (удмурты).

В Центре также с опасением относились к подобным инициативам. Вероятно, именно поэтому член Наркомфина В. В. Пресняков на заседании комиссии ВЦИК (11 марта 1925 г.) с участием представителей от Марийской, Чувашской автономий и Ульяновской губернии позволил себе, обращаясь к чувашской стороне, задать вопрос: «За счет чего Татарская республика так охотно отдает свои волости, не взамен ли на ваше согласие на вхождение в Волжско-Камский край?»¹⁰. Вопрос можно считать небезосновательным. Характерно, что уточнение границ Чувашии с ТАССР в это время не отличалось особой активностью в сравнении с последующими годами, когда вопрос о пограничных землях с Татарской автономией явно обострился. Несмотря на решения заседания комиссии ВЦИК по районированию 15 ноября 1924 г. о том, чтобы признать целесообразным образование в Казани организационного бюро ВКК, вопрос о районировании Поволжья в Центре еще в декабре окончательно не был разрешен. Количество создававшихся экономических областей и их состав в это время продолжали оставаться спорными, в результате чего становится объяснимым решение все той же комиссии по районированию о выделении представителей от ТАССР и ЧАО одновременно в Волжско-Камское и Средневожское организационные бюро¹¹.

В декабре 1924 г. Административная комиссия ВЦИК, рассмотрев вопрос о районировании Чувашской автономии, одобрила проект ликвидации уездного и волостного деления ЧАО и разделении ее территории на 20 районов, в свою очередь, подразделявшихся на сельские общества. В 1926 г. Президиум ЦИК ЧАССР, учитывая дефицит местного бюджета, следовательно, необходимость сокращения расходов, выделявшихся на содержание государственного аппарата, а также имея в виду, что «в результате разукрупнения появились очень небольшие волости», принял решение об организации обратного процесса — упразднении и укрупнении некоторых сельских Советов, в результате чего вместо 808 осталось 623 сельсовета¹². Количество районов Чувашской АССР в 1927 г. сократилось с 20 до 17. С 1 октября 1927 г. административно-территориальное деление ЧАССР на уезды и волости окончательно было упразднено. Несмотря на то, что данные мероприятия проводились автономией вне санкции Центра, ВЦИК по результатам работы комиссии, изучившей вопрос

районирования в Чувашской АССР, утвердил проведенное республикой внутреннее укрупнение. При дефицитном бюджете экономия от сокращения сельских Советов в 92 500 руб. для Чувашии была весьма существенной. В 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР в целях удешевления государственного аппарата рекомендовали всем автономиям распустить дублировавшие друг друга учреждения.

Опасения по поводу объединения автономий, но, главное, сознание необходимости выравнивания экономико-культурного потенциала отсталых автономных единиц потребовало от советской власти, учитывая пожелания с мест, скорректировать дальнейшие свои шаги. Еще в 1928 г., по мнению Госплана РСФСР, сетка экономических районов требовала целостной проработки с точки зрения экономической и политической целесообразности¹³. В результате около года решался вопрос об очерчивании границ между СВО и Нижневолжским краем¹⁴. По инициативе Вятского губисполкома в 1928 г. активно прорабатывался вопрос о ВВК. В связи с осложнением хода работ по районированию, с одной стороны, из-за неопределившейся позиции Татарской, Чувашской и Вотской автономий по поводу районов, в которые они должны были войти, с другой — выдвинутым проектом Нижегородского края, возник компромиссный вариант¹⁵. В Президиум ВЦИК поступило предложение рассмотреть возможность расширения ВВК за счет включения в него Нижегородской губернии и Чувашии, а в дальнейшем и ТАССР. Однако изучение вопроса показало, что у Нижегородской губернии и ВВК отсутствовала единая экономическая основа (бедность вятских руд, ограниченность развития металлургического производства в крае, но развитая промышленность Нижнего Новгорода, их разнородность в лесохимии)¹⁶.

В результате высшие органы власти страны создали Нижегородскую область, в составе которой было сформировано 7 округов. ЦИК Чувашской АССР на заседании V сессии 16 января 1929 г. принял решение о добровольном включении Чувашии в состав Нижегородской области¹⁷. Вследствие дублирования слова «область» Нижегородская область была преобразована в край. 29 марта 1929 г. III съезд Советов ЧАССР принял постановление о том, что «Чувашская автономия входила в Нижегородскую область на основаниях, указанных в постановлении Президиума ВЦИК от 28 июня 1928 г. «Об условиях вхождения АССР в состав районированных краевых (областных) объединений»¹⁸. Президиум ВЦИК 22 апреля 1929 г. утвердил постановление III съезда Советов ЧАССР.

После упразднения в 1930 г. округов Нижегородский край имел 100 районов, значительная работа по регулированию которых изменила их количество. При создании новых районов крайисполком исходил из ряда основных принципов, одним из которых стало уменьшение количества районов с тем, чтобы в каждый из них входило не менее 20 и не более 45 сельсоветов. Предполагалась приблизительно одинаковая их экономическая мощность. Не менее важным являлся учет хозяйственного и территориального тяготения населения к выделявшемуся району и наличие в нем путей сообщения, связывавших сельские общества. Кроме того, районы формировались вокруг экономических и административно-территориальных центров, по отношению к которым следовало учитывать и удаленность мест¹⁹. Возникшие 12 районов отличались слишком большими размерами, поэтому крайисполком провел их разукрупнение. Президиум ВЦИК на заседании 25 января 1935 г. утвердил Горьковский край в составе 57, в ЧАССР — 25 и МАО — 12 районов²⁰. В 1940 г. в Чувашской АССР действовало 28 районов²¹. Разукрупнение коснулось не только краевых и районных образований, оно осуществлялось и в отношении сельских Советов²².

Разукрупнение автономий в конце 1930-х гг. объяснялось поиском оптимальной системы управления и контроля. Несмотря на расширение штатов и значительные дополнительные расходы в соответствии с изменением количества административно-территориальных единиц внутри автономных образований, аппарат власти осознанно шел на это, поскольку меньшими единицами было легче управлять. Стремление контролировать автономии в связи с изменявшимися условиями во внутренней и внешней политике советской России требовало их разукрупнения. Все вопросы районирования, касавшиеся и внутри автономий, решались только с разрешения Центра, о чем неоднократно напоминала и предупреждала советская власть. С одной стороны, это вносило организованность, с другой — создавало многочисленные споры, бумажную волокиту и нередко халатность на местах. Не успев настроить работу в одной структурной единице, государственным учреждениям приходилось в связи с очередным районированием, меняя ее содержательный и численный состав, организовывать и налаживать новую систему. Тем не менее следует констатировать, что к 1941 г. в РСФСР была создана единообразная система экономического районирования и административно-территориального деления, способная к объединению всех регионов и народов страны, так необходимого в годы Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Минеева Е. К., Морозов В. А., Янцева А. С.** Пути преодоления детской беспризорности в Советской России в 1920 — 1930-е годы // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2 (2). С. 97 — 101.

² ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 134. Л. 9, об.

³ ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 72. Л. 33, 35, 41.

⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 134. Л. 9, об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 29. Л. 43 ; ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 126. Л. 58.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 — 3.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 134. Л. 29, об.

¹⁰ Там же. Д. 135, Л. 101, об.

¹¹ Там же. Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 343. Л. 53, 57 — 57, об.

¹² Там же. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 384. Л. 1, 3 ; Д. 608. Л. 7, об.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 179. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 8, 18.

¹⁵ Там же. Д. 200. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 — 9.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 621. Л. 8, 12.

¹⁸ См.: **Евграфов Ф. Г.** Сотрудничество и взаимосвязь рабочих в индустриальном развитии Горьковского края (1929 — 1936 гг.) // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе : межвуз. сб. Чебоксары, 1985. С. 68.

¹⁹ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 1270. Л. 185 — 187.

²¹ Там же. Оп. 26. Д. 25. Л. 11 — 13.

²² ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 17. Л. 34.

Поступила 25.12.2017 г.

УДК 94(47):929(470.345)

П. С. Учватов
P. S. Uchvatov

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСПЛАНА МОРДОВСКОЙ АССР ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КОЖАЕВ

IVAN VASILYEVICH KOZHAEV AS THE FIRST CHAIRMAN OF THE STATE PLANNING COMMISSION OF THE MORDOVIAN ASSR

Ключевые слова: И. В. Кожаев, Мордовия, советская правящая элита, Первая мировая война, Гражданская война, областной Совет народного хозяйства, наркомат местной промышленности, областное управление планирования, государственная плановая комиссия.

В статье на примере И. В. Кожаева — уроженца Мордовии, участника Гражданской войны, партийно-хозяйственного деятеля, прослеживается становление советской правящей элиты 1920 — 30-х гг.

Key words: I. V. Kozhaev, Mordovia, Soviet ruling elite, the First World War, the Civil War, Regional Council of National Economy, People's Commissariat of Local Industry, Regional Planning Administration, State Planning Commission.

Based on the example of I. V. Kozhaev, who was a native of Mordovia, participant in the Civil War, a party and economic figure, the formation of the Soviet ruling elite of the 1920-ies — 30-ies is observed in the article.

В период становления Мордовии И. В. Кожаев был заметной фигурой в экономической и политической жизни региона. В 1931 — 1937 гг. он занимал ряд высоких советских и хозяйственных должностей: председателя Мордовского областного совета народного хозяйства (СНХ), уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности, председателя Облплана Мордовской АО, затем — наркома местной промышленности, председателя Госплана Мордовской АССР, избирался в состав Президиума ЦИК МАССР, бюро Мордовского обкома ВКП(б).

Иван Васильевич Кожаев родился 5 марта 1890 г. в мордовской (эрзянской) семье в с. Дракино Спасского уезда Тамбовской губернии (в настоящее время — Торбеевский район Республики Мордовия). Родители Ивана были крестьянами-бедняками, всю жизнь занимавшимися хлебопашеством. Простая крестьянская изба и аршинный двор — вот и все хозяйство, которое у них имелось. В наиболее успешные годы семья Кожаевых владела лошадью, одно время у них также была корова¹.

Мордовское село Дракино находилось в 14 верстах от уездного города Спасска, и через него проходила большая Спасская дорога. Приходской священник Павел Богословский, оставивший записки о Дракине конца XIX в., отмечал, что местность, в которой располагалось село, некогда называлась «Мордовско-Мещерское захоlustье»². Описывается Дракино так: «Местность, занимаемая селом Дракином и его полями, малолесна и безводна, если не считать реки Парцы, протекающей с южной стороны поля по незначительной окраине... Само село Дракино расположено хотя на местности низменной, но неровной; по середине его, точнее сказать главной ули-

цы, проходит глубокий и обрывистый овраг, который своими разветвлениями с двух сторон — восточной и западной, отделяет по одному небольшому уличному порядку; центр же села от бугорчатых скатов имеет как бы котлообразную форму. Полвека тому назад этот овраг был полон воды, в последней даже водилась рыба, так что собою он вполне заменял жителям реку, но в позднейшее время, по нерадению и незанятию жителей, овраг не запружается, а потому пересох. Теперь дракинские жители довольствуются водою из колодцев и родников, да двух грязных болот»³.

В таком глухом захолустье прошло детство Ивана. Бедность и нужда, необходимость тяжело трудиться ради пропитания, несомненно, наложили свой отпечаток на его будущую личность. С ранних лет он помогал в домашнем хозяйстве и одновременно учился в местной сельской школе, которую окончил в 1903 г. В 14-летнем возрасте, с 1904 г., устроился на железнодорожную станцию Торбеево ремонтным путевым рабочим, затем работал на купцов Никоновых и Барабашкиных — грузил их товары на станции.

В 1908 г. в Дракине случился пожар и в числе прочих сгорел двор Кожаевых. Для них настали тяжелые времена; долгое время семья не имела даже собственного жилья и была вынуждена ютиться у соседей. Вероятно, это стало основной причиной, по которой в мае 1910 г. Ивану пришлось вернуться в родное село, где до октября 1911 г. он работал в хозяйстве родителей. Несколько раз он уезжал на заработки — в Царицын и в Москву.

В октябре 1911 г. 21-летнего парня призвали на военную службу в царскую армию. Иван попал в 15-й гусарский Украинский полк, расквартированный в Польше, в г. Вацлавске Варшавской губернии. Там ему повезло: через год его зачислили в войсковую фельдшерскую школу, которую он окончил в 1914 г., получив назначение эскадронным фельдшером⁴.

31 июля 1914 г. была объявлена всеобщая мобилизация, а на следующий день Германия объявила Российской империи войну. Эскадронный фельдшер Иван Кожаев вместе с полком был направлен на фронт в Восточную Пруссию. Он не оставил в своей автобиографии никаких подробностей относительно боев, в которых принимал участие. Однако известно, что 12 февраля 1915 г. в рамках Праснышской операции в Польше 15-й гусарский Украинский полк неожиданным кавалерийским броском смял наступавшую немецкую пехоту, пленив 256 вражеских солдат и офицеров и захватив 4 орудия. Сами гусары в результате той операции потеряли 27 чел. убитыми и 22 — ранеными⁵. Очень вероятно, что в той конной атаке участвовал и Кожаев.

В 1915 г. И. В. Кожаев был контужен и уехал на лечение в Рязань. По выздоровлению его зачислили в 3-й запасной кавалерийский полк 2-й бригады кавалерийского запаса (г. Кирсанов Тамбовской губернии), и в 1916 г. он снова оказался на фронте.

Когда произошла Февральская революция 1917 г., полк, в котором служил Кожаев, стоял в резерве под Двинском и не принимал участия непосредственно в боях. В армии во всю шло брожение, солдаты больше не хотели воевать. В таких условиях политическая пропаганда в войсках, проводимая как большевиками, так и другими, прежде всего социалистическими партиями, находила благоприятную почву. Кожаев попал под влияние большевистского агитатора, некоего Чтенкова, и фактически примкнул к большевикам, хотя официально и не числился в рядах их партии. Он и сам начал вести агитацию против наступления, а также против готовившейся

операции по усмирению пехотных полков, на которые хотели бросить считавшуюся более надежной кавалерию: пехота отказывалась исполнять приказы командования и наступать. В сентябре 1917 г. Кожаяев избрали в состав сформированного полкового комитета. После Октябрьской революции этот комитет разогнал почти всех старых офицеров и избрал нового командира полка. Кожаяев оставался на фронте до января 1918 г., когда отправился на лечение в Казань⁶.

Лечился он несколько месяцев, был демобилизован и в мае 1918 г. вернулся в свое родное село Дракино. То, что он там увидел, ему не понравилось. В Дракинском волостном Совете заседали в основном представители зажиточных крестьян, так называемых кулаков, которые делали все от них зависящее, чтобы саботировать начинания новой власти. И. В. Кожаяев, к этому времени ставший убежденным большевиком, решил с ними разобраться. Действовал он так, как привык за последние годы — решительно, по-военному: он просто «организовал фронтовиков-молодежь» и, не долго думая, разогнал волостной Совет⁷. Совет образовали заново из людей, поддерживавших советскую власть, его костяк составили вернувшиеся с фронта бывшие солдаты; при нем также организовали комитет бедноты. Сам Кожаяев после этого небольшого переворота был назначен волостным военкомом и заведующим Военобразом, он отвечал за проведение мобилизации в Красную армию и осуществление военной подготовки среди населения. В сентябре 1918 г. по рекомендации Спасского укома РКП(б) официально вступил в ряды партии большевиков и стал главным организатором партийной ячейки в Дракинской волости. В следующем месяце он уехал в Симбирск по поручению уездного военкомата — сопровождать лошадей на фронт для нужд 5-й армии. Больше делами волости Кожаяев не занимался, так как по возвращению из Симбирска в ноябре его сразу же направили на Южный фронт в составе 33-го рабочего полка 1-й Московской рабочей дивизии — воевать с белыми частями генерала А. И. Деникина⁸.

По прибытии на место назначения — станцию Колодезную Воронежской губернии, рота, в которой служил И. В. Кожаяев, была прикомандирована к штабу 12-й стрелковой дивизии. 4 января 1919 г. красные пошли в наступление, и появилась необходимость организовать при дивизии полевой госпиталь. После его создания Кожаяев получил назначение сначала фельдшером, затем — политкомом госпиталя⁹. Там он встретил женщину, которая в том же году стала его женой. Имя ее в документах не упоминается, но известно, что происходила она из г. Богучар Воронежской губернии, из мещанской семьи. В 1919 г. по собственной воле ушла от родных в Красную армию, вступила в РКП(б), устроилась работать в госпиталь санитаркой, затем стала медицинской сестрой¹⁰.

После разгрома «Вооруженных сил Юга России» А. И. Деникина И. В. Кожаяев получил новое назначение — военкомом Грозненского госпиталя. Восьмую армию, в которой он состоял, направили в г. Грозный для восстановления нефтяной промышленности. Там он находился с мая 1920 по апрель 1921 г., затем снова был переведен, став военкомом перевязочного отряда особой бригады и, работая на перевязочном пункте, заболел тифом, а затем малярией. Ему предоставили двухмесячный отпуск с разрешением вьезда на север. С истечением срока отпуска Кожаяев был демобилизован из армии¹¹.

Вернувшись на родину, И. В. Кожаяев по рекомендации Спасского уездного комитета партии в октябре 1921 г. был избран секретарем Дракинского волостного

комитета РКП(б), а с апреля 1922 г. работал в г. Спасске. В августе 1923 г. по решению укома РКП(б) его направили на Ширингушскую суконную фабрику (д. Ширингуши Спасского уезда, современный Zubovo-Полянский район Республики Мордовия), где он был избран секретарем производственной ячейки и председателем фабричного комитета. Одновременно Кожаев работал в качестве практиканта, осваивал технологию производства¹².

Партийно-массовая работа, как признавал сам И. В. Кожаев, в то время на фабрике была поставлена плохо. Всего на предприятии насчитывалось 450 рабочих, партийная ячейка состояла лишь из 5 чел., комсомольская организация — из трех. Трудовая дисциплина, судя по всему, тоже была неважной. Получив новую должность, Кожаев горячо принялся за дело, начал привлекать в парторганизацию наиболее активных работников, боролся за повышение дисциплины. Его стараниями за год партийная ячейка увеличилась до 45 чел., а в 1925 г. — до 70. Деятельность председателя фабричного комитета принесла свои результаты, и производительность труда на предприятии выросла¹³.

Летом 1925 г. И. В. Кожаева перевели в Пензу. По решению Пензенского губернского комитета партии его утвердили председателем губернского отдела Союза текстильщиков и одновременно избрали членом президиума Пензенского губернского профсовета. Он избирался членом президиума губкома партии 19-го и 20-го созывов, а 2 мая 1926 г. на всесоюзном съезде текстильщиков был избран членом пленума ЦК съезда.

В Пензе И. В. Кожаев прожил почти 3 года, когда в июне 1928 г. его снова направили на Ширингушскую суконную фабрику, на этот раз в качестве директора. Как и раньше, он энергично принялся за исполнение своих обязанностей, добиваясь высоких плановых показателей и повышения производительности труда. В 1929 г. по результатам всесоюзного конкурса грубосуконной промышленности фабрика получила вторую премию в размере 65 тыс. руб. за лучшие технико-экономические показатели. Однако резкие методы руководства Кожаева, видимо, мало изменившись с того времени, когда он служил военкомом в Красной армии (он и сам писал о том, что «на всех участках работы с военной твердостью проводил директивы партии»)¹⁴, находили отклик не у всех работников фабрики. Во время проведения чистки в рядах ВКП(б) Кожаев активно применял меры административного взыскания к своим подчиненным — коммунистам и комсомольцам, и в середине 1929 г. у директора произошел конфликт с членами партийной организации предприятия. Недовольные властными, жесткими мерами директора группировались вокруг секретаря партячейки фабрики Воробьева и председателя профкома Федорова. Кожаев неоднократно ставил на бюро партийной ячейки вопросы о применении партвзысканий к отдельным работникам, ужесточении дисциплины, уплотнении рабочего дня, однако Воробьев и другие коммунисты, видимо, заступались за своих коллег, считали методы директора слишком жесткими и не поддерживали многие из проводимых им мероприятий.

И. В. Кожаев, действовавший в соответствии со спускаемыми сверху директивами партии, был уверен в своей правоте и рассматривал действия своих оппонентов едва ли не как настоящий саботаж. Вопрос о создавшемся положении он вынес на заседание бюро окружкома ВКП(б), в результате чего Воробьев был снят с работы с получением выговора, Федоров получил строгий выговор.

Казалось, на этом директор предприятия одержал победу. Однако Воробьев временно остался исполнять свои прежние обязанности, пока ему искали замену. К этому времени конфликт между частью коллектива и директором достиг своей максимальной точки. Когда в августе 1929 г. на Ширингушской фабрике начала работу комиссия по чистке во главе с членом ВКП(б) Пилевиним, Воробьев и другие обиженные на Кожаева коммунисты выступили против своего руководителя, обвинили его в бюрократизме, бесхозяйственности, некоммунистическом отношении к чистке партии, припомнили ему даже несущественные мелочи. «Они ошельмовали меня», — возмущенно назвал это Кожаев¹⁵. Скорее всего, какие-то перегибы в работе у директора действительно имелись, и комиссия, несмотря на достигнутые успехи в выполнении промышленно-финансового плана фабрики, приняла решение исключить Кожаева из рядов ВКП(б). Правда, в дело быстро вмешалась вышестоящая окружная комиссия по чистке, которая заново рассмотрела все материалы. Кожаева восстановили в партии с объявлением выговора за «несвоевременное принятие мер по чистке аппарата» и «использование служебного положения» — последнее проявилось в том, что, будучи любителем охоты, Кожаев в выходные дни два раза ездил на фабричной лошади в лес¹⁶. Этот выговор был снят в 1936 г. по решению Саранского горкома ВКП(б)¹⁷.

Как было широко распространено в те годы, человек на одном месте долго не работал. Кадры переводили с одного места на другое, нередко за пределы прежней области. Так случилось и с И. В. Кожаевым, тем более становилось ясно, что директором Ширингушской фабрики он больше работать не мог. В декабре 1929 г. Трест грубых сукон перебрал его на Игнатовскую суконную фабрику (с. Игнатовка Ульяновского округа Средневожского края). Это было отстающее предприятие, работавшее на военные нужды и на протяжении последних трех лет не выполнявшее производственный план. Можно предположить, что Кожаев получил указание выправить ситуацию на фабрике, а заодно ему дали шанс реабилитироваться за собственные прежние ошибки.

Ему это удалось. Он взялся за дело со своей прежней резкостью и энергичностью, «ударными» методами стремясь мобилизовать весь персонал, организовав социалистические соревнования и укрепляя дисциплину, не жалея ни себя, ни других. В результате уже в феврале 1930 г. Игнатовская фабрика перевыполнила план, а брак снизился сначала до 12, а со временем — до 3 %. Окружная газета «Пролетарский путь» отмечала достижения Игнатовской фабрики, из месяца в месяц перевыполнявшей план, и ставила ее в пример другим предприятиям¹⁸. В ноябре 1930 г. И. В. Кожаева снова перевели на новое место работы — теперь директором Румянцевской суконной фабрики в с. Румянцево Барышского района Средневожского края (современная Ульяновская область), выполнявшей план на 60 %. На этом посту Кожаев пробыл до июля 1931 г., доведя выполнение плана до 85 — 90 %. Затем он, наконец, добился своего направления на учебу в промышленную академию, однако получить высшее образование не смог: его отозвали по просьбе Мордовского обкома ВКП(б)¹⁹.

В это время в Мордовии происходило формирование новой политической и культурной элиты. Существенную роль играл национальный вопрос, активно проводилась коренизация советского и партийного аппарата. На многие ответственные должности назначали выходцев из мордвы, стоит лишь отметить, что к маю 1930 г. 55,1 % (27 из 49 чел.) представителей руководства республики составляла мордва²⁰.

Тем не менее кадров мордовской национальности катастрофически не хватало, приходилось искать их буквально по всей стране. Так мордвин-эрзя И. В. Кожаев, проявивший себя как неплохой хозяйственник, получил назначение в Мордовскую автономную область Средневолжского края.

Единственное образование, которое имелось у И. В. Кожаева, было обучение в войсковой фельдшерской школе. Однако в то время уровень образования не имел первостепенного значения (мало кому из руководителей удавалось окончить вуз), и в августе 1931 г. Кожаева назначили председателем Мордовского областного СНХ, а с июня 1932 по май 1933 г. он работал уполномоченным Наркомата тяжелой промышленности по Мордовской автономной области (фактически созданного на базе упраздненного СНХ)²¹. Занимая эти посты, Кожаев отвечал за проведение индустриализации в Мордовии, создание новых отраслей и строительство заводов, внедрение хозрасчета, организацию социалистических соревнований на предприятиях. Руководить промышленностью в то время было непросто: в силу самых разных причин ряд предприятий Мордовии из года в год проваливали производственный и финансовый планы, их руководители «взяли в привычку» не сдавать государству продукцию в полном объеме²². Возможно, поэтому в мае 1933 г. Кожаев был переведен на новую работу.

В начале 1930-х гг. в Саранске возводилась ТЭЦ им. Тельмана (Саранская ТЭЦ-1, в то время носила название СарЦЭС), которая была призвана сыграть огромную роль в экономике не только Саранска, но и автономной области в целом. Поскольку И. В. Кожаев, работая на предыдущих должностях, занимался развитием промышленности, он должен был хорошо знать всю ситуацию со строительством ЦЭС, и второй секретарь Средневолжского крайкома ВКП(б) Л. Р. Милх рекомендовал Мордовскому обкому партии назначить его начальником строительства. С мая по ноябрь 1933 г. Кожаев руководил завершением возведения одного из главных объектов города, фактически одновременно исполняя обязанности директора предприятия. ЦЭС мощностью 2 100 киловатт нужно было сдать в эксплуатацию к жестко установленному сроку — 16-й годовщине Октябрьской революции²³. 6 ноября 1933 г. состоялся торжественный митинг у комплекса новой электростанции, а 7 ноября она была объявлена официально действующей²⁴. По решению Мордовского облисполкома и Саранского городского совета Кожаев был награжден почетной грамотой, часами и премирован месячным окладом. Его имя занесли на доску почета²⁵.

Благодаря завершению в срок строительству ЦЭС И. В. Кожаев в декабре 1933 г. получил новое назначение на пост председателя Облплана и одновременно — второго заместителя председателя облисполкома Мордовии А. Я. Козикова²⁶. С декабря 1934 г., когда была образована Мордовская АССР, Кожаев стал наркомом местной промышленности, а также вошел в состав высшего органа государственной власти республики — Президиума ЦИК МАССР²⁷. Однако уже в апреле 1935 г. Кожаев был переведен на свою прежнюю должность, которая уже называлась председатель Госплана МАССР²⁸.

Время его деятельности на посту председателя Облплана и Госплана Мордовии совпало с годами второй пятилетки (1933 — 1937 гг.). Исторически являвшаяся отсталой и аграрной, Мордовия должна была стать аграрно-индустриальным регионом, несмотря на отсутствие на территории региона необходимой сырьевой базы для промышленности. Изначально пятилетний план для Мордовии был разработан в

1932 г., однако он оказался малоприменимым на практике. В 1934 г. план был скорректирован в сторону большей реалистичности с учетом таких местных факторов, как недостаток средств, оборудования, квалифицированных рабочих. Во многом благодаря этому к концу пятилетки валовая продукция по промышленности выросла относительно 1933 г. в 2,4 раза, были введены в эксплуатацию более 20 новых предприятий²⁹.

Работая в столице Мордовии Саранске, И. В. Кожаев не забывал и о родном селе Дракине, над которым, видимо, «шефствовал» и которому уделял повышенное внимание. Не случайно в июне 1935 г. председатель СНК МАССР А. Я. Козиков, говоря на V пленуме обкома ВКП(б) о коллективизации, приводил в пример «село Дракино, где работал тов. Кожаев» как передовое, где в колхозы удалось вовлечь 168 хозяйств³⁰.

Одновременно И. В. Кожаев занимал партийные и советские посты внутри республики, занимался общественной деятельностью. Он избирался членом ЦИК МАССР (28 декабря 1934 г.) и депутатом Саранского горсовета (25 декабря 1934 г.), с 19 января 1932 г. являлся членом бюро Мордовского обкома партии³¹.

Сложная, нервная работа, требовавшая большой ответственности и явно выходящая за пределы того практического опыта, который И. В. Кожаев приобрел на предыдущих должностях, окончательно подорвала его психику, видимо, уже ослабленную бурными событиями Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1936 г. Кожаев сильно заболел на нервной почве. 4 декабря 1936 г. постановлением Президиума ЦИК МАССР он был освобожден от всех своих должностей — председателя Госплана, заместителя председателя Совнаркома, члена Президиума ЦИК из-за болезни³². Однако связи, которые он приобрел в руководстве Мордовии, помогли ему получить доступ к самой лучшей медицине того времени, доступной лишь для правящей элиты страны. С декабря 1936 г. он 3 с половиной месяца проходил курс лечения в Московском институте нервно-психиатрической профилактики, затем еще 2 месяца провел в спецсанатории ЦК ВКП(б)³³. Благодаря продолжительному лечению Кожаев смог вернуться летом 1937 г. к активной деятельности.

С августа 1937 г. он получил должность наркома здравоохранения МАССР³⁴. Эта сфера была для него совершенно новой и незнакомой, но, видимо, в бюро обкома партии просто не знали, кого назначить руководить системой здравоохранения. И. В. Кожаев имел солидный опыт хозяйственника и управленца, что, скорее всего, сыграло роль в принятии кадрового решения. Возможно, кто-то также вспомнил, что Кожаев когда-то работал фельдшером.

Должность наркома здравоохранения летом 1937 г. была расстрельной, во всех смыслах этого слова. Предыдущий нарком, Д. К. Рыскин, в июле был снят с поста, а через некоторое время отдан под суд. Началось все с письма врача республиканской больницы Андреевой, которая сигнализировала в обком ВКП(б) о «крупнейших недостатках» в работе районных организаций и Наркомздрава республики. В частности, речь шла о больнице в Кочкуровском районе, находившейся в совершенно плачевном состоянии³⁵. В результате разбирательства Рыскин был уволен, а назначенный врио наркома Гарькин продержался только до 17 июля, когда в результате допущенной в республиканской больнице грубой врачебной ошибки умерла женщина. Тогда Гарькин был обвинен в «беззаботности», «негодном руководстве» и снят со строгим выговором³⁶.

И. В. Кожаяев понимал, насколько опасным являлся предложенный ему пост, но отказаться, видимо, у него не было возможности. Желание как можно скорее покинуть навязанный Наркомат здравоохранения явно прослеживается через строки его автобиографии, где он жалуется на свое плохое самочувствие, нервное истощение, бессонницу и подавленное состояние (автобиография была написана им как раз в августе 1937 г.)³⁷. Об испытываемом автором беспокойстве, его страхе перед возможным арестом говорит и такой штрих, как заполнение им строки «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда)?». Обычно заполнявший анкету личного дела давал стандартный ответ «нет», но И. В. Кожаяев написал: «Никогда ни в каких оппозициях не был и колебаний в проведении линии партии не было» и даже подчеркнул последние несколько слов³⁸.

Одновременно являясь членом Президиума ЦИК МАССР, И. В. Кожаяев регулярно посещал заседания этого органа, где ему часто приходилось подписывать постановления о снятии с работы того или иного из своих бывших коллег со ставшими обычными формулировками: «как врага народа», «за связь с врагами народа» и т. д. Советские номенклатурщики, за последние годы почувствовавшие себя хозяевами республики, один за другим отводились из состава ЦИК и отдавались под суд. Сейчас можно только догадываться, осознавал ли Кожаяев в полной мере, что происходило. Весной 1938 г. пришла его собственная очередь, 7 апреля он был официально отведен из состава ЦИК и снят с должности наркома здравоохранения³⁹. В документах ЦИК нет сведений о том, последовал ли затем, как это часто бывало, его арест.

Однако из «сталинских расстрельных списков» мы можем узнать дальнейшую судьбу И. В. Кожаяева. Он числился в списке проходивших по первой категории (т. е. приговоренных к расстрелу) от 12 сентября 1938 г.⁴⁰ Таким образом, он закончил так же, как и многие другие советские и партийные деятели 1930-х гг., попав под массовые репрессии.

Биография И. В. Кожаяева является в некоторой степени показательной как жизнь человека, вышедшего из самых низов общества и влившегося в ряды первого поколения советского правящего класса — номенклатуры. Его молодость, становление как личности проходили в условиях нищеты и тяжелого труда. В бурные и переломные для страны годы Первой мировой и Гражданской войн он прошел путь от фельдшера царской армии до идейного коммуниста — красного военного комиссара. Когда советская власть утвердилась, вернувшийся к мирному труду Кожаяев стал управленцем-хозяйственником, но, не имея ни соответствующего образования, ни опыта такой работы, продолжал, как и многие другие бывшие участники Гражданской войны, подходить к выполнению своих задач так, как привык, «по-военному». Отсутствие необходимой квалификации он заменял энергичностью, находчивостью и жесткостью, основывавшихся на беззаветной вере в партию. Занимая высокие посты в Мордовии 1930-х гг., Кожаяев вошел в состав сформировавшейся правящей национальной элиты, новых «хозяев жизни», почти все из которых оказалась физически уничтоженными в ходе массовых чисток 1937 — 1938 гг.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 40.

² См.: Тамбов. епарх. ведомости. 1890. № 18. С. 925 — 926.

- ³ Там же. С. 924 — 925.
- ⁴ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 40.
- ⁵ **Олейников А. В.** Вести разведку, громить врага // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <http://nvo.ng.ru/history> (дата обращения: 12.05.2017).
- ⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 40, 40 об.
- ⁷ Там же. Л. 40 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 41 об.
- ¹¹ Там же. Л. 31 об., 40 об.
- ¹² Там же. Л. 40 об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 40.
- ¹⁵ Там же. Л. 41 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 32 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 41.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: **Юрчёнков В. А.** Начертание мордовской истории. Саранск, 2012. С. 519.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 31 об.
- ²² Там же. Оп. 1. Д. 701. Л. 15.
- ²³ См.: Саранская электростанция вступает в строй // Волж. коммуна. 1933. 5 нояб.
- ²⁴ 1933 г. Пуск Саранской ТЭЦ-1 им. Тельмана // Виртуальный музей энергетики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energeticmuseum.ru> (дата обращения: 29.05.2017).
- ²⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 41.
- ²⁶ Там же. Л. 31 об.
- ²⁷ См.: Постановления первого съезда Советов Мордовской АССР. Саранск, 1935. С. 48 — 50.
- ²⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
- ²⁹ См.: **Юрчёнков В. А.** Указ. соч. С. 531.
- ³⁰ См.: О летних и осенних сельскохозяйственных работах : Из докл. председателя Совнаркома МАССР тов. Козикова на пленуме обкома (окончание) // Крас. Мордовия. 1935. 8 июня.
- ³¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 32.
- ³² Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 1. Л. 880.
- ³³ Там же. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 31 об., 40.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 239. Л. 104 — 105.
- ³⁵ См.: О проверке исполнения решения бюро обкома от 8 июля 1937 года «О Кочкуровской больнице» // Крас. Мордовия. 1937. 30 июля.
- ³⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 239. Л. 72.
- ³⁷ Там же. Ф. 269-П. Оп. 16. Д. 18. Л. 41 об.
- ³⁸ Там же. Л. 31.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 239. Л. 331.
- ⁴⁰ Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. URL: <http://stalin.memo.ru> (дата обращения: 21.06.2017).

Поступила 30.11.2017 г.

УДК 94(47)(1917/1991)

Р. А. Мухамедов, Д. В. Архипов
R. A. Mukhamedov, D. V. Arkhipov

СТРУКТУРНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ОБЛАСТИ

STRUCTURAL AND ADMINISTRATIVE REVISION OF THE MIDDLE VOLGA REGION

Ключевые слова: Ульяновский округ, район, уезд, волость, СССР, РСФСР, административно-территориальное деление, население, граница округа, Президиум ВЦИК, Средневолжская область.

В статье анализируется проведенная реформа административного деления, связанная с экономическим районированием СССР и продиктованная интересами более эффективного использования имевшихся экономических мощностей, людских и природных ресурсов страны в период строительства нового социального строя.

Key words: the Ulyanovsk Okrug, district, uyezd, volost, the USSR, the RSFSR, administrative and territorial division, population, border of the okrug, Presidium of the Central Executive Committee, the Middle Volga Region.

The reform of administrative division, related to the economic zoning of the USSR and carried out in the interests of more effective use of available economic capacities, human and natural resources of country during the period of building of a new social structure, is analyzed in the article.

Актуальность проблемы структурно-административной перестройки во многом предопределяется тем, что без знания реальных механизмов инициирования и принятия важных политических решений невозможно адекватное восприятие исторических событий и процессов в Российском государстве и обществе в исследуемый период. Значимость исследования проблемы заключается также в том, что на современном этапе развития страны происходили изменения административно-территориального устройства, вызванные рядом социально-экономических, политических и культурных факторов. В частности, реформирование привело к укрупнению некоторых субъектов Российской Федерации, образованию федеральных округов и экономических районов.

В результате территориальных изменений к 1930 г. Ульяновский округ в составе Куйбышевской области представлял собой административную единицу протяженностью 300 км с запада на восток и 135 км — с севера на юг. Общая протяженность железнодорожных путей в округе составила 320 км, дорог — 8 971 км, из которых мощеными и шоссированными оказались около 2,5 %¹. Численность населения округа, согласно данным переписи 1926 г., составила 832 807 чел. (из них мужчин — 385 988 чел.). Около 65,5 % населения округа проживало на территории правого берега р. Волги, 34,6 % — в заволжских районах. На долю городов Ульяновска и Мелекесса приходилось 87 764 чел. (10,6 %). Остальные 89,4 % проживали в сельской местности, из них 27 527 чел. — в населенных пунктах городского типа². Таким образом, городское население Ульяновского округа составляло только 13,9 % от всего количества жителей региона.

Некоторые территории бывшей Ульяновской губернии вошли в состав Сызранского округа. Так, Сызранский уезд отошел полностью; из Ульяновского уезда — Тереньгульская волость без Кротковского и Никольского сельсоветов и сельсоветы — Порецкий, Смышляевский, Хвостихинский, Чертановский и Чириковский Поповской волости; Новодевиченский, Биринский, Камышенский, Кузьминский, Мазинский Новодевиченской волости; из Карсунского уезда — волости: Инзенская, Жадовская, Большесызганская, Гурьевская и Большеберезинская (полностью), сельсоветы — Коржевский, Большешуватовский, Коноплянский, Палатовский, Проломixinский, Чамзинский, Челдаевский, Чумакинский, Шлемисский Коржевской волости; Алинкинский, Старозиновьевский, Белиховский, Девятковский, Дурасовский, Коченяевский, Ляховский, Малохомутерский, Попово-Мельничный, Поселковский, Савадеркинский, Чуваш-Решеткинский Старозиновьевской волости. Кроме того, в структуру округа вошли территориальные единицы Вольского уезда Саратовской губернии — сельсоветы Радищевской волости: Адоевщинский, Варваровский, Новодавыдовский, Малокарагужинский, Ильюшкинский, Новодмитрневский, Новоникольский, Радищевский и Чаушский.

Из данных территориальных единиц было образовано 8 районов (Барышевский, Инзенский, Кузоватовский, Николаевский, Новоспасский, Сызранский, Теренгульский и Шигонский). Сравнительный анализ административно-территориального деления и предварительного проекта районирования Сызранского округа показал, что в ходе реализации административно-территориальной реформы партийные организации осуществили укрупнение проектируемых районов и расширили границы округа за счет территорий Ульяновского региона.

Отметим также, что при образовании Сызранского округа и районов с. Троицко-Куроедово бывшей Гурьевской волости Карсунского уезда было переименовано в поселок Барыш, который стал центром Барышского района Средневолжской области³. Постановлением Президиума ВЦИК от 25 июня 1928 г. произошло переименование с. Дворянское бывшего Сызранского уезда в Верхнесвияжское⁴.

Кроме того, в состав Мордовского округа из Ульяновской губернии отошли следующие территории: волости Ардатовского уезда — Апраксинская, Чамзинская, Козловская, Атяшевская, Ардатовская, Дубенская, Талызинская, Силинская, Тархановская (полностью); сельсоветы — Кученяевский Ждамировской волости, Налитовский Промзинской волости; из Карсунского уезда сельсоветы — Березниковский, Айкинский, Варваринский, Елизаветинский, Косогорский, Маринопольский, Мордовско-Найманский, Пермисский, Петровский, Починский, Русско-Найманский и Судосевский Березниковской волости⁵.

В итоге, внутренняя политика государства, направленная на укрупнение административно-территориальных единиц, привела к образованию Средневолжской области, а также к перераспределению территорий бывшей Ульяновской губернии между тремя округами (Ульяновским, Сызранским и Мордовским).

Проведенная реформа административного деления, связанная с экономическим районированием СССР и продиктованная интересами более эффективного использования имевшихся экономических мощностей, людских и природных ресурсов страны в период строительства нового социального строя, требовала наличия сильных в хозяйственном отношении административно-территориальных единиц. Однако в составе Ульяновского округа имелись «худосочные» районы, не отвечавшие требованиям экономического районирования, и которые в скором времени подлежа-

ли упразднению. В частности, национальный Богдашкинский район, состоявший всего из 8 сельсоветов, постановлением ВЦИК от 21 января 1929 г. был укрупнен сельскими Советами ликвидированного Телешовского района⁶. Передача 26 сельсоветов в небольшой район выглядит, на первый взгляд, несколько необдуманном решением, логичнее представляется обратный вариант с присоединением 8 сельских Советов к Телешовскому району. Однако данное постановление ЦИК хорошо демонстрирует вектор национальной политики государства, ставившей своей целью сохранение нацменовских административно-территориальных единиц.

Кроме того, на основании данного постановления произошло упразднение Николо-Черемшанского района, низовые административные единицы которого были распределены между соседними районами⁷.

После вступления в силу постановления Президиума ВЦИК от 20 октября 1929 г. и переименования Средневолжской области в Средневолжский край, Ульяновский округ не претерпел никаких территориальных изменений⁸.

К 1930 г. коренным образом изменилась внутривластная ситуация в стране, ударные темпы индустриализации и задачи всеобщей коллективизации сельского хозяйства требовали приспособления территориальной сетки к нуждам административно-командной системы управления государством. Именно поэтому на XVI съезде ВКП(б) в июне-июле 1930 г. вновь возник вопрос об административно-территориальном делении, после чего было дано распоряжение «...подвергнуть специальному изучению итоги районирования с точки зрения, прежде всего, приближения аппарата государственного управления к массам рабочих и трудящихся крестьян»⁹. В итоге Центральный комитет принял решение о трансформации административно-территориального деления СССР, которое предполагало ликвидацию округов в составе областей (краев, республик).

Практическая реализация данного решения началась с постановления ВЦИК и СНК СССР от 28 июля 1930 г. Ульяновский округ был ликвидирован в течение августа-октября 1930 г.¹⁰

Вместо упраздненных округов образовалось 84 укрупненных района (3 020 сельсоветов) в составе Средневолжского края с центром в г. Самаре. Так, Тагайский и Поповский районы бывшего Ульяновского округа образовали Майнский район. Промзинский и Астрадамовский районы объединились в один Астрадамовский, а с 21 февраля 1931 г. с. Промзино было переименовано в Сурское и Астрадамовский район — в Сурский; Богдашкинский и Ульяновский районы вместе с Заволжьем (левый берег Волги) и г. Ульяновском сформировали один Ульяновский район; Новомалькинский район вошел в состав Мелекесского района, селения Старомайнского района — в структуру Чердаклинского района¹¹.

Причина перехода с 4-ступенчатой структуры (край — округ — район — сельсовет) административно-территориального деления на 3-ступенчатую (край — район — сельсовет) обуславливалась необходимостью улучшения оперативности реализации решений правительственных органов, а округ являлся лишь дополнительным звеном между краевым (областным) центром и районами. Кроме того, многоуровневая система управления в определенной степени способствовала порождению элементов самоуправления и развитию демократической жизни, что не допускалось в советской системе государственного управления в начале 1930-х гг., основанной на жестком планировании экономики и постоянном контроле со стороны государственных органов. Разруха и хозяйственная дезорганизация, обусловившие крестьянское

движение в годы Гражданской войны в 1930-е гг. по всему Среднему Поволжью, также оказали влияние на решение административных и территориальных вопросов¹².

Таким образом, в процессе реализации административно-территориальной реформы Ульяновская окружная партийная тройка, приняв во внимание волеизъявление жителей населенных пунктов по вопросам районирования, осуществляла административное территориальное деление по предложениям и рекомендациям Средневожского организационного комитета.

Укрупнение административно-территориальных единиц в Советском Союзе привело к образованию Ульяновского округа в составе Средневожского края. Районирование округа, происходившее в сжатые сроки, состояло из трех этапов и закончилось образованием 15 районов, которые территориально превосходили упраздненные волости и уступали уездам. При их формировании непосредственное участие принимали граждане населенных пунктов, предлагавшие варианты будущего района. Именно учет волеизъявления жителей селений, предложения организационного комитета Средневожской области и соблюдение принципов районирования стали основаниями для определения границ районов. Начавшаяся новая фаза административно-территориального деления страны в 1930 г. ликвидировала Ульяновский округ, укрупнила районы и перевела их в непосредственное подчинение краевому центру — Самаре, а город окружного значения стал только райцентром. С данной даты до 1943 г. в структуре административно-территориальных делений РСФСР отсутствовала какая-либо административная единица, объединявшая территории бывшей губернии (округа) вокруг г. Ульяновска.

Библиографические ссылки

¹ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 7 — 9.

² См.: **Забалухина Н. В., Пашкин А. Г.** Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 — 1991 гг. // Люди. События. Факты. Ульяновск, 2012. С. 31.

³ **Малинкин Е. М.** «Необходимо разделить» [Электронный ресурс]. URL: <http://regsamharh.ru> (дата обращения: 12.04.2016).

⁴ См.: **Мухамедов Р. А.** Кредитная и ссудно-сберегательная кооперация Среднего Поволжья в период проведения политики «военного коммунизма» (1918 — 1920 гг.) // Учен. зап. Казан. ун-та. 2008. Т. 150, № 1. С. 140 — 147.

⁵ См.: **Мухамедов Р. А.** Кредитная и ссудосберегательная кооперация в средневожской деревне во второй половине XIX — 1920-е гг. XX в. : дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Ульяновск, 2010. С. 72 — 87.

⁶ См.: **Мухамедов Р. А., Вильчик А. А.** Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2015. Т. 17, № 3 — 1. С. 104 — 107.

⁷ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 125. С. 72.

⁸ Там же. 1929. № 78, ст. 757. С. 27.

⁹ Там же. 1928. № 125. С. 110.

¹⁰ См.: Справочник административно-территориального деления Симбирской губернии — Ульяновской области за 1648 — 1985 гг. Ульяновск, 1986. С. 14, 17.

¹¹ См.: Собрания узаконений и распоряжений. 1928. № 125. С. 17.

¹² Цильнинский район [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia> (дата обращения: 21.04.2016).

Поступила 30.10.2017 г.

УДК 336.221(1-22)(470.345) «1941/1945»

С. В. Митин

S. V. Mitin

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (На примере Мордовии)

SOCIAL AND PERSONAL IN THE LIFE OF PEASANTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (On the example of Mordovia)

Ключевые слова: колхоз, колхозное крестьянство, контрактация, приусадебный участок, механизатор, трудодень, оплата труда, колхозный рынок, поголовье, структура посевов.

В статье рассматривается соотношение общественного и личного труда в жизнедеятельности крестьян — колхозников Мордовии в годы Великой Отечественной войны; прослеживается роль колхозов и личных подсобных участков в удовлетворении жизненных потребностей крестьянства.

Key words: collective farm, collective farm peasantry, contracting, small-holding, machine operator, workday, wages and salaries, collective farm market, livestock, crop structure.

The correlation of social and personal labour in the life of collective farm peasants in Mordovia during the Great Patriotic War is considered in the article, the role of collective farms and personal smallholdings in satisfying the vital needs of the peasantry is observed as well.

Экономическое положение крестьянина-колхозника в годы Великой Отечественной войны было в какой-то мере двойственным. Как член колхоза он представлял собой социально-экономическую единицу, занимавшую определенное место в обществе и в хозяйственной структуре колхоза. От колхоза зависели, в определенной мере, уровень и образ жизни крестьянина. С другой стороны, крестьянин выступал и как хозяин своего небольшого подсобного или приусадебного участка, предоставленного ему государством. Данный участок земли играл важную роль в его бюджете, особенно в годы Великой Отечественной войны, так как колхозное производство полностью перестало справляться с обеспечением собственных крестьян необходимым для поддержания их жизни и деятельности. Война нарушила и без того шаткое состояние общественного хозяйства колхозов и рост их экономики.

Следует учесть, что колхозное производство в Мордовии в годы войны находилось в очень трудном положении вплоть до 1944 г.¹ В колхозах ухудшались все производственные показатели, кроме показателей денежных доходов колхозов, которые частично выросли. Увеличились расходы на капиталовложения и отчисления в неделимые фонды. Однако данное увеличение доходов было фикцией. Все дело заключалось в том, что в годовых отчетах колхозов не учитывалось изменение фактической стоимости денег. Сталинская модель социализма из-за присущей ей догматичности и косности не могла признать наличие инфляции в стране. Увеличение стоимости различных продуктов объявлялось ничем иным, как ростом спекуляции. При этом спекуляция в СССР преследовалась по закону, а рост цен происходил по-

всемерно и скачкообразно, и государство ничего не могло с этим сделать. Так, например, в РСФСР килограмм пшеницы на колхозном рынке в 1942 г. в среднем стоил 53 руб. 80 коп. (против 1 руб. 88 коп. в 1940 г.), литр молока стоил 38 руб. (против 2 руб. 28 коп.)². Происходил рост цен и как следствие — снижение покупательной способности рубля. В колхозах из-за роста рыночных цен отложилось немало денежных средств, но что-либо приобрести из техники, стройматериалов и др. не представлялось возможным.

Повсеместное ослабление общественного производства в годы войны резко отразилось и на распределении продуктов. В колхозах сократились фонды потребления. На трудодень стали выдавать намного меньше продуктов, чем до войны. Исключение составляли механизаторы, которые получали в колхозах Мордовии от 2,0 до 2,5 кг зерна на трудодень и более качественное горячее питание. Рядовым колхозникам выдавали 400 — 500 грамм зерна на трудодень, но и это не было стабильным процессом, так как нередко колхозники практически ничего не получали и работали, как выражались очевидцы тех лет, за «палочку» в учетной книге бригадира.

Единственным достижением колхозного производства в Мордовии стал тот факт, что за годы войны увеличилась выработка трудодней на одного трудоспособного колхозника со 155 в 1941 г. до 200 в 1945 г.)³. Однако эти показатели достигались силовыми методами — под угрозой уголовной ответственности и лишения приусадебного участка. Количество же продуктов, выдаваемых на эти трудодни, не могли поддерживать жизнедеятельность человека. Даже образцовые колхозы, как например «Новая жизнь» Инсарского района, выдававший в 1944 г. по 650 грамм зерна на трудодень (при средней выработке по 257 дней на одного работоспособного колхозника)⁴, не могли обеспечить крестьянские семьи продовольствием. Один трудоспособный член семьи получал немного более 160 кг зерна. При обмолоте муки получалось на треть меньше.

В целом же по Мордовии крестьяне получали по трудодням продуктов приблизительно в 3 раза меньше, чем рабочие и служащие по карточкам. Просуществовать зиму и весну при наличии такого количества продуктов было невозможно. Кроме того, поступления по трудодням наиболее работоспособным колхозникам, работавшим по 350 трудодней, составляли не более трети от их общих доходов. Такой низкий уровень оплаты труда в колхозах не мог обеспечить всех, даже самых скромных потребностей колхозной семьи в продуктах питания и иных товаров. В таких условиях особое значение для крестьян приобретало приусадебное хозяйство, которое частично восполняло то, чего недодавал колхоз⁵.

Развитие хозяйства колхозной семьи постоянно с начала 1930-х гг. находилось под жестким контролем со стороны государства. Это обуславливалось тем, что личное хозяйство колхозников изначально не было самостоятельным. Во многом оно зависело от колхоза. Эта зависимость выражалась, прежде всего, в том, что важнейшие средства производства для своего хозяйства колхозники получали от колхоза. Столь сложное переплетение различных форм зависимости в отношении общественного и личного являлось одной из причин почти безвозмездной работы крестьян в колхозе, чтобы после работы самостоятельно хозяйствовать на своем участке.

Контроль со стороны государства выражался также в том, что территория земельного приусадебного участка строго ограничивалась в размерах. В уставе сельскохозяйственной артели 1935 г. указывалось, что в пользование семьи предоставлялся

участок земли от 0,25 до 0,5 га в соответствии с местными условиями⁶. Однако, несмотря на данное ограничение, территории земельных участков личных крестьянских хозяйств в годы войны неуклонно увеличивались. В это время власти мало обращали внимания на самовольные присоединения крестьянами колхозной земли к своим наделам. Только после окончания войны земельные участки колхозников в ряде районов Мордовии вновь были измерены и излишки обратно были переданы колхозам⁷.

Кроме расширения территорий, увеличивались посевы на приусадебных участках, они становились более разнообразными. Структура посевов в целом определялась потребностями колхозной семьи в различных продуктах. Как правило, в колхозах мало выдавали картофеля и овощей на трудодни. Это заставляло крестьян почти весь свой участок засаживать данными культурами. В годы войны в результате резкого сокращения выданных зерновых на трудодни колхозные семьи стали засеивать зерновые культуры на своих наделах. Преимущественно в Мордовии колхозники на своих участках высаживали просо, несмотря на то, что обязательная ручная прополка проса в своем огороде была очень трудоемкой работой.

Все изменения в структуре и размерах индивидуальных посевов колхозник проводил самостоятельно, исходя из потребностей и личного опыта. Это выгодно отличало хозяйство крестьянина от колхоза, которому постоянно приходилось выполнять руководящие указания и распоряжения сверху.

В годы Великой Отечественной войны произошло изменение в соотношении общественного и личного хозяйства, их функций и места в доходах колхозников. Личное подсобное хозяйство в годы войны стало для крестьянина не дополнительным, а основным источником доходов.

Зависимость крестьянина от личного хозяйства обуславливала его связь с рынком. В военные годы эта зависимость усилилась, так как возросла и роль личного хозяйства. При этом абсурдным был тот факт, что крестьянин шел на рынок не за промышленными товарами, как это должно было быть в идеале, а за хлебом, обменивая на него картофель, молоко и яйца. В результате крестьянин — производитель хлеба, путем жесточайшей экономии, испытывая голод и нужду, набирал небольшое количество продуктов, продавал их на рынке, чтобы приобрести хлеб. Трудности возникали и по причине того, что в годы войны произошло падение покупательной способности рубля приблизительно в 13 раз⁸.

Связь крестьянства с рынком существовала и до войны, так как ему приходилось платить денежные налоги. Для их уплаты требовалось продавать на колхозном рынке какие-то продукты, так как других источников для получения денег не было. Усиление связи с рынком в годы войны произошло еще и с введением в 1942 г. так называемого военного налога.

Следует отметить, что на протяжении всего военного периода советское правительство не тронуло свободной колхозной торговли. Это стало одной из основных причин «головокружительного роста цен на колхозных рынках», вследствие чего произошло перемещение денежной массы из города в деревню — явление, которое не прослеживалось ни в какой другой период сталинского правления⁹.

Что касается количества скота, то крестьянской семье разрешалось «держат одну корову, до двух голов молодняка крупного рогатого скота, до двух свиноматок с приплодом, десять овец и коз вместе»¹⁰. Существенную трудность представляло содержание скота на личных подворьях, обострившуюся в годы войны. Резко сокра-

тилось количество кормов. поголовье лошадей и свиней в личных хозяйствах существенно пошло на убыль, так как различные злаки и картофель, которые являлись высококачественными кормами, в больших количествах стали потребляться людьми. Воспоминания очевидцев тех лет свидетельствуют о том, что лишь в нескольких хозяйствах на селе выращивали свиней. Незначительное количество подворий в годы войны держало лошадей и овец. Такое положение прослеживалось, по свидетельству очевидцев, во многих селах Мордовии.

Кроме трудностей с кормами, в военные годы достигла своего апогея так называемая система контрактации. Данный термин обозначал процесс, при котором крестьяне выращивали различный скот, доводили его до необходимого возраста и упитанности, а затем государство закупало его у крестьян по твердым ценам (достаточно низким) для комплектования колхозного стада или для пищевой и перерабатывающей промышленности. Однако о каких «твердых» ценах могла идти речь в годы войны? За проданный скот крестьяне или совсем не получали денег, так как их не было у колхозов, или же получали сумму, которая могла их устроить лишь в довоенное время при отсутствии инфляции. Как следствие — крестьяне забивали скот, боясь грабительской контрактации, или старались не заводить его. Получался замкнутый круг: в личном подворье животных не оставалось, а государство требовало уплаты налога мясом, который не зависел от наличия какого-либо скота в доме.

Улучшение ситуации с содержанием скота в личном пользовании наступило лишь в 1944 г. Крестьянам частично пошли навстречу, так как резкое сокращение поголовья прослеживалось не только в личных крестьянских хозяйствах, но и, прежде всего, и в колхозном стаде.

С 1942 г. в Мордовии, как и в целом в стране, в колхозах стали распределять молодняк различного скота по трудодням среди колхозников за работу в животноводстве. В Мордовии большое распространение получила выдача на трудодни телят. Практически все колхозницы, работавшие на животноводческих комплексах, в 1944 — 1945 гг. получили в качестве заработной платы молодняк крупного рогатого скота. Более того, впервые, начиная с 1940 г., в 1945 г. государство закупило у крестьян меньше скота, чем выдало его на трудодни¹¹.

К окончанию войны поголовье скота в личном подворье колхозников увеличилось повсеместно, а общественное, напротив, уменьшилось. Эта новая тенденция означала перемену в процессе обобществления животноводства со времени коллективизации, когда колхозное стадо увеличивалось, а поголовье в личном пользовании крестьян сокращалось. В результате в конце войны на крестьянских дворах сосредоточилась основная часть крупного рогатого и других видов скота¹².

В заключение следует отметить, что в годы войны происходил процесс сокращения и доли колхозов в формировании и обеспечении повседневной жизнедеятельности крестьян-колхозников. При этом возрастала роль личных приусадебных участков.

Библиографические ссылки

¹ См.: Митин С. В. Работа сельскохозяйственных предприятий // Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 225 — 239 ; Задкова Т. Ю. «В труде, как в бою!» : Сельское хозяйство Поволжья в годы Великой Отеч. войны // Центр и периферия. 2010. № 2. С. 23 — 31.

² См.: **Арутюнян Ю. В.** Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 352.

³ Архив Министерства сельского хозяйства МАССР. Годовые отчеты колхозов за 1941 — 1945 гг. Ф. 1. Оп. 480. Д. 415. Л. 108.

⁴ См.: История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. Ч. 2. С. 60.

⁵ См.: **Митин С. В.** Указ. соч. С. 236.

⁶ См.: **Вербицкая О. М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992. С. 68.

⁷ ЦГА РМ. Ф. 1241. Оп. 1. Д. 184.

⁸ См.: **Томан Б. А.** Война, общество, власть // Политическая история. Россия — СССР — Российская Федерация. М., 1996. Т. 2. С. 445.

⁹ См.: **Боффа Д.** История Советского Союза : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 129.

¹⁰ **Вербицкая О. М.** Указ. соч.

¹¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 407.

¹² См.: **Вылцан М. А., Кондрашин В. В.** Патриотизм крестьянства // Война и общество. 1941 — 1945. М., 2004. Кн. 2. С. 198.

Поступила 13.12.2017 г.

УДК 796:94(470)

В. В. Крутов

V. V. Krutov

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА (1990 — 2000 гг.)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SYSTEM OF STATE REGULATION IN THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS (1990 — 2000)

Ключевые слова: физическая культура и спорт, реформирование общества, Всероссийский олимпийский комитет, основы законодательства, федеральный закон, субъект Российской Федерации.

В статье раскрываются особенности становления отечественной системы государственного управления и регулирования физкультурно-спортивной сферы как в Российской Федерации, так и в ее субъектах с начала 1990-х до 2000-х гг.

Key words: physical culture and sport, the reform of society, Olympic Committee of Russia, bases of legislation, federal law, the subject of the Russian Federation.

The peculiarities of the formation of the national system of state management and regulation in the sphere of physical culture and sports both in the Russian Federation and in its subjects from the early 1990-ies to 2000-ies are revealed in the article.

В сентябре 1991 г. на V съезде народных депутатов СССР за частью союзных республик был закреплен статус суверенных государств, после чего 8 декабря в

Беловежской Пути руководители России, Украины и Белоруссии объявили о роспуске Союза Советских Социалистических Республик, провозгласив образование Содружества Независимых Государств (СНГ). Каждая союзная республика получала возможность стать членом Организации Объединенных Наций (ООН), приобретая соответствующий юридический статус для вступления в международные физкультурно-спортивные объединения.

С этого времени начали упраздняться всесоюзные структуры государственного управления, в том числе государственные структуры управления физкультурным движением. В стране начался социальный и политический разлад, вызванный аннулированием советских законов, нарастал кризис, затронувший в том числе сферу физической культуры¹.

В связи с этим возникла необходимость создания новой системы государственного регулирования физкультуры и спорта, начало которой было положено созданием Комитета по содействию Олимпийскому движению. Он был сформирован при Правительстве Российской Федерации и утвержден указом Б. Н. Ельцина в ноябре 1991 г. Основная функция комитета заключалась в подготовке российских спортсменов к участию в зимних и летних Олимпийских играх 1992 г. Одновременно этим вопросом занимался и Всероссийский олимпийский комитет (ВОК), созданный еще в декабре 1989 г. в СССР².

В декабре 1991 г. ВОК, так же, как и олимпийские комитеты бывших союзных республик, вошедших в состав Союза Независимых Государств (СНГ), направил официальное письмо в Международный олимпийский комитет (МОК) с просьбой о своем признании. Однако МОК не удовлетворил эту просьбу в связи с тем, что вскоре должны были состояться зимняя и летняя Олимпиады в Альбервилле и Барселоне соответственно. Признание сразу 12 национальных олимпийских комитетов и участие их команд в предстоящих играх создавало организаторам значительные проблемы. На встрече президента МОК Х. А. Самаранча с первым Президентом России Б. Н. Ельциным, состоявшейся в январе 1992 г., было принято решение об участии российских спортсменов в составе объединенной команды СНГ на предстоящих олимпийских играх³.

После их успешного выступления в Альбервилле и Барселоне в 1992 г. изменения в системе управления физической культурой и спортом продолжились. В течение двух последующих лет в целом была сформирована структура государственных и общественных организаций управления, зафиксированы их функции. Так, еще до начала Олимпийских игр в Барселоне вышли указы «О структуре государственного управления физическим воспитанием и спортом в Российской Федерации» и «О Всероссийском Олимпийском комитете», в рамках которых и в соответствии с которыми разрабатывалась структура управления физкультурно-спортивной сферой.

Весной 1993 г. были приняты Основы законодательства Российской Федерации «О физической культуре и спорте». В преамбуле этого документа было сказано, что они устанавливают цель, задачи, а также принципы правового регулирования физкультурно-спортивной сферы. Непосредственно в законодательстве отмечалось, что физическая культура и спорт являются одной из важных составных элементов культуры русского народа, которые на основе определенной совокупности духовных и материальных ценностей, используемых в рамках организации физического воспитания в стране, должны способствовать сохранению и укреплению здоровья населения.

Таким образом, вышеназванные законодательные акты отражали концепцию функционирования отечественной системы государственного управления физкультурно-спортивной сферы в стране в 1990-е гг.⁴ Они заложили основы законодательской деятельности, определили основные направления и принципы государственной политики в рамках правового регулирования многообразных отношений в области физической культуры и спорта.

В этот период также создавались и реорганизовывались органы управления физической культурой и спортом. Их структура и наименования определялись постепенно. Так, в январе 1994 г. основной орган управления рассматриваемой сферы получил название «Комитет по делам молодежи, физической культуры и туризму», в мае 1994 г. — «Комитет Российской Федерации по физической культуре и туризму», в августе 1994 г. — «Государственный комитет по физической культуре и туризму»⁵.

Что касается Комитета по содействию Олимпийскому движению, то после выполнения возложенных на него функций, а именно — подготовка российских спортсменов к участию в Олимпийских играх 1992 г. в составе команды СНГ, он был реорганизован в Комитет Российской Федерации по физической культуре. В его обязанности входило решение ряда важнейших задач:

- разработка и внедрение государственных программ физического воспитания среди населения страны;

- подготовка и повышение квалификации специалистов;

- осуществление научно-информационных, организационных, теоретико-методических, пропагандистских и других мероприятий, направленных на развитие массовой физической культуры;

- внедрение научных исследований и разработок в практику физической культуры и спорта.

Частая смена названия органов, осуществлявших управление физической культурой и спортом Российской Федерации, продолжалась и впоследствии, что объясняется поиском оптимальной формы руководства физкультурно-спортивной сферой. Это отрицательно сказывалось на взаимодействии центральных и региональных органов управления, выработке единой государственной политики, направленной на развитие физической культуры и спорта в стране⁶ (рис. 1).

К концу 1990-х — началу 2000-х гг. назрела необходимость пересмотра принятых ранее законов, регулировавших российскую структуру управления физической культуры и спорта. В частности, потребовалась корректировка в определении принципов государственной политики в данной области, а также перераспределении правовых, организационных, экономических и иных основ ее функционирования. Данные вопросы частично решая принятый в мае 1999 г. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»⁷. Он устанавливал правовые, организационные, экономические и иные основы функционирования физкультурно-спортивных организаций и объединений, определял направления деятельности органов государственной власти, а также субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта⁸.

Однако в области законодательства существовала еще одна серьезная проблема. Дело в том, что некоторые субъекты Российской Федерации (Карелия, Башкортостан, Адыгея и др.), не дожидаясь принятия федеральными властями законодательных

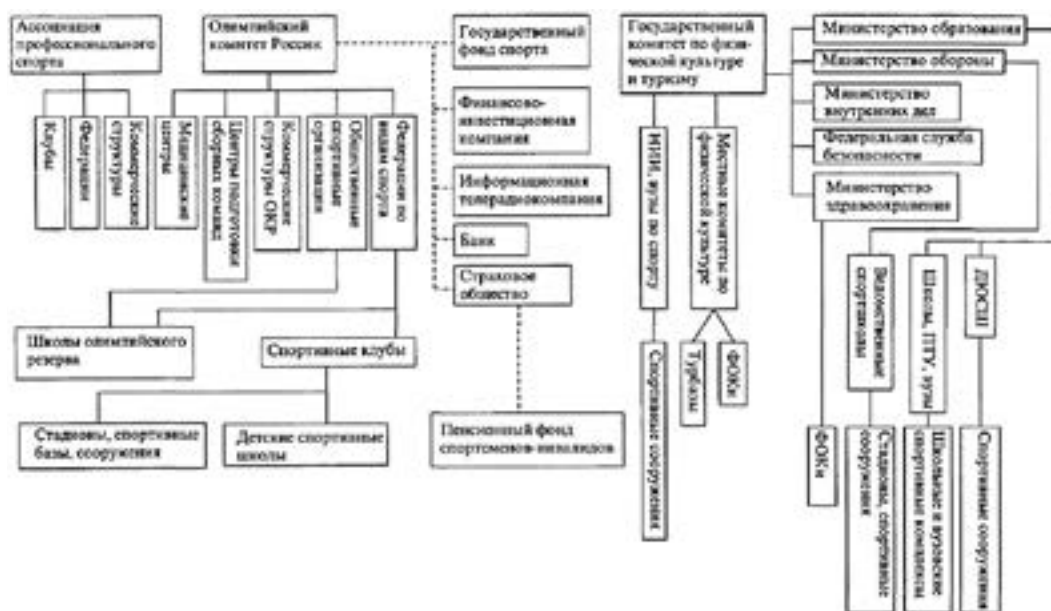


Рис. 1. Модель взаимодействия общественных и государственных организаций в рамках управления физической культурой и спортом (на 1 января 1998 г.)

актов, регулировавших физкультурно-спортивную сферу, издали собственные законы «О физической культуре и спорте». Всего в 1990-е гг. подобные законы появились у более 30 российских субъектов⁹.

Предоставленные в конце 2000-х гг. субъектам Российской Федерации широкие полномочия способствовали тому, что нередко содержание их законодательств противоречило федеральным законам. В связи с этим перед президентом В. В. Путиным, избранным на этот пост впервые в 2000 г., а также Правительством Российской Федерации стояла задача устранить эти расхождения. В связи с этим в последующие годы были обновлены или приняты многие законы, в том числе связанные с регулированием отечественной сферы физической культуры и спорта.

Так, в 2000 г. изменения произошли в структуре федеральных органов власти, в частности, Министерство физической культуры спорта и туризма было реорганизовано в Государственный комитет по физической культуре, спорту и туризму Российской Федерации. В этом же году была разработана и в последующем одобрена на Всероссийском собрании руководителей государственных органов, осуществлявших управление физической культурой и спортом, «Концепция развития физической культуры и спорта» на 5 лет. В проекте определялись общие направления реформирования, а также усиления роли субъектов Российской Федерации в вопросах управления физкультурно-спортивной сферой¹⁰.

Конкретные меры в этом направлении были предприняты в 2002 г., когда возник вопрос о месте спорта в формировании физической культуры и здорового образа жизни граждан Российской Федерации. Данная проблема обсуждалась, в частности,

на встрече П. И. Сумина — губернатора Челябинской области с председателем Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре и спорту В. А. Фетисовым¹¹. В рамках встречи была особо подчеркнута важность в заинтересованности субъектов Российской Федерации в реализации данной концепции, а также сопутствовавших подпрограмм, направленных на физическое воспитание и оздоровление подрастающего поколения и молодежи. Данный вопрос рассматривался в том числе на заседании Государственного Совета Российской Федерации (январь 2002 г.), на котором Президент России В. В. Путин привел ряд положительных примеров деятельности субъектов Российской Федерации. Он отметил, что многие из них сумели найти источники финансирования, выработали новые управленческие решения и, кроме того, подготовили необходимую нормативную базу. Среди перечисленных главой государства российских регионов был приведен опыт работы Москвы, Вологодской, Оренбургской, Рязанской и Сахалинской областей, а также Башкортостана, Республики Мордовия и др.

Результатом подобных обсуждений были принятые в 2002 г. законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». В них органам государственной власти, а также органам местного самоуправления субъектов России предписывалось разработать и принять программы по развитию физической культуры и спорта в своих регионах¹². В том числе значимым шагом в разграничении полномочий между федеральными и региональными структурами было подписание договоров между Государственным комитетом Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о сотрудничестве в развитии физической культуры, спорта и туризма.

В 2007 г. Советом Федерации был принят обновленный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В нем были учтены все положительные и отрицательные стороны предшествовавших законодательств, включены такие новые аспекты физкультурно-спортивной сферы, как вопросы государственного регулирования адаптивной физической культурой, вопросы, связанные с восстановлением комплекса ГТО и т. д.¹³

В этом законе четко устанавливались организационные, правовые, экономические и социальные основы деятельности физкультурно-спортивных организаций и объединений, определялись принципы государственной политики в физкультурно-спортивной сфере, Олимпийском движении России. Законом были установлены меры государственной поддержки, финансирования физкультурно-массовой и спортивной работы, предложены условия для увеличения общего количества ДЮСШ различных типов и видов. Закон разграничивал компетенции, права и обязанности органов государственной власти и Олимпийского комитета России в области физической культуры и спорта.

Этот закон с определенными дополнениями и изменениями действует до настоящего времени. Изменения коснулись в основном управленческой структуры физкультурно-спортивного движения России (рис. 2). Так, основным государственным федеральным органом, отвечающим за развитие физической культуры и спорта в России, на данный момент является Министерство спорта Российской Федерации. Оно было создано в результате реорганизации Министерства спорта, туризма и

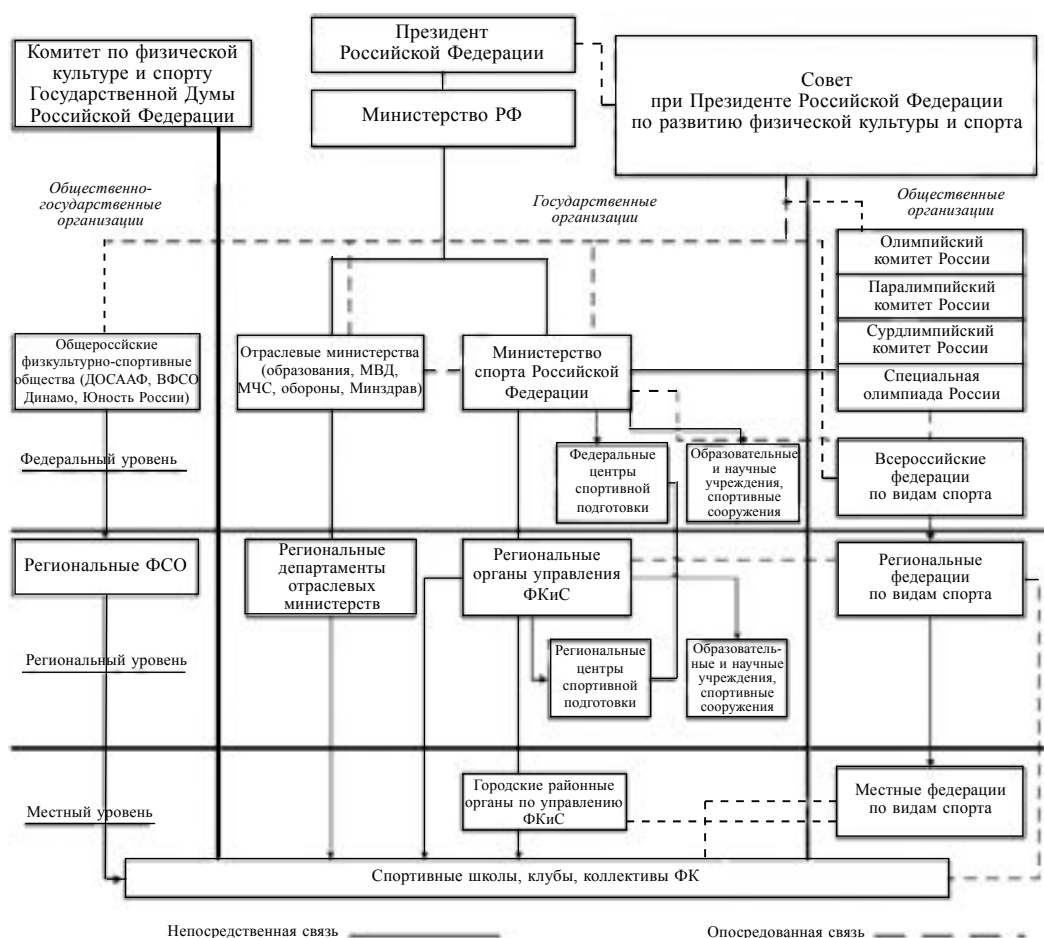


Рис. 2. Современная структура управления российским физкультурно-спортивным движением

молодежной политики в соответствии с постановлением Правительства России от 21 мая 2012 г. При этом часть его прежних функций по выработке государственной политики в области туризма были переданы Министерству культуры, а функции по разработке молодежной политики — Министерству образования и науки. В субъектах Российской Федерации верховными органами государственного управления физической культурой и спортом являются органы исполнительной власти конкретных регионов, в том числе органы управления физической культурой и спортом республик в составе России, краев, областей, автономных образований¹⁴.

В России существует множество общественных организаций, курирующих спортивно-оздоровительную сферу. Среди них особое место принадлежит Олимпийскому комитету России (ОКР), который представляет интересы нашей страны в Международном олимпийском движении. Кроме того, он осуществляет функции

федерального общественного органа, координирующего управление спортом высших достижений, а также других общественных спортивных организаций.

Активную роль в развитии спортивного движения среди инвалидов реализуют Паралимпийский комитет России (создан как самостоятельная организация в 1996 г.) и Сурдлимпийский комитет России (возник в 2001 г.). Большую работу по оказанию помощи афреникам (инвалидам с задержкой умственного развития) оказывает общественная благотворительная организация Специальная Олимпиада России, созданная, как и Сурдлимпийский комитет, в 2001 г.

В России также действует значительное количество федераций, ассоциаций, союзов по различным видам спорта. Они осуществляют свою деятельность на основе законов Российской Федерации об общественных объединениях. Практически все эти спортивные организации являются членами международных федераций, что помогает им организовывать подготовку спортсменов в том или ином виде спорта.

Управление спортом в конкретных отраслях и организациях выполняют многочисленные физкультурно-спортивные общества (ФСО), которые также являются общественными организациями. Самые крупные из них, такие как Общественно-государственное физкультурно-спортивное объединение «Юность России», Общероссийская общественно-государственная организация «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (ДОСААФ), Общественно-государственное объединение «Всероссийское физкультурно-спортивное общество „Динамо“», имеют смешанную организационно-правовую форму и являются общественно-государственными объединениями.

С целью обеспечения достойной подготовки высококвалифицированных спортсменов в Российской Федерации основаны федеральные и региональные центры спортивной подготовки. Они занимаются строительством и содержанием спортивных сооружений, элементов их инфраструктуры: гостиниц, столовых и кафе, медико-реабилитационных центров, баз отдыха и т. п. Все это направлено на обеспечение наилучших условий спортсменам для подготовки к соревнованиям различного уровня.

В итоге, в России сложилась определенная система физической культуры и спорта, требовавшая четко слаженной управленческой структуры. К сожалению, такая разветвленная управленческая конструкция нередко приводила к тому, что в результате повышения административной и функциональной обособленности ее отдельных элементов возникали конфликты межведомственных интересов. В связи с этим в июне 1992 г. был создан Координационный совет по физической культуре и спорту при Правительстве Российской Федерации. В его обязанности входили разработка и внедрение в практику государственных программ в области физической культуры, развитие массового спортивного движения, а также координационная деятельность общественных, государственных спортивных организаций и объединений. Комитет выполнял функции общероссийского консультационного органа, рассматривавшего вопросы согласования проектов, предложений, законодательных и иных правительственных актов для сферы физической культуры и спорта. В 1996 г. данный комитет был переименован в Координационный комитет по физической культуре и спорту при Президенте Российской Федерации. В августе 2002 г. президентским указом на основе этого комитета был создан Совет при Президенте Российской Федерации по физической культуре и спорту, получивший в

сентябре 2007 г. название Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи, XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года в г. Казани, чемпионата мира по футболу 2018 г. Однако в августе 2012 г. этому совещательному органу было возвращено старое наименование.

Таким образом, становление отечественной системы государственного регулирования физкультурно-спортивной сферой, начавшееся в 1990-х гг., продолжается до настоящего времени. Вследствие динамичности процесса общих преобразований в России следует ожидать и новых изменений в структуре управления физической культурой и спортом. В частности, учитывая мировые тенденции в современном зрелищном спорте, можно предвидеть создание ассоциации профессионального спорта. Отдельные элементы этой структуры уже сформированы в федерациях по игровым видам, а также по отдельным единоборствам, велоспорту и т. д.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Аристова Л. В.** Государственная политика в сфере физической культуры и спорта : (Теорет. проблемы соц. политики. Особенности гос. регулирования) // Теория и практика физич. культуры. 1999. № 5. С. 2 — 8.

² См.: **Голощапов Б. Р.** История физической культуры и спорта. М., 2001. 312 с.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ См.: **Лисаченко О. В.** Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации: (1990 — 2005 гг.) // Теория и практика физич. культуры. 2007. № 5. С. 5 — 7.

⁷ См.: **Голощапов Б. Р.** Указ. соч. С. 124.

⁸ См.: **Кузин В. В., М. Е. Кутепов.** Национальное законодательство о физической культуре и спорте : законодат. акты о физич. культуре и спорте : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 154.

⁹ См.: **Лисаченко О. В.** Указ. соч. С. 6.

¹⁰ См.: **Царик А. В.** Справочник работника физической культуры и спорта : норматив. правовые и программно-методич. док., практич. опыт, рекомендации. М., 2003. С. 148.

¹¹ См.: **Лисаченко О. В.** Указ. соч.

¹² См.: **Рожко П. А., Виноградов П. А., Моченов В. П.** Нормативное правовое и программно-методическое обеспечение сферы физической культуры и спорта : док. и материалы (1999 — 2004 гг.). М., 2004. С. 1124.

¹³ Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» : сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 23.04.2017).

¹⁴ Подписан Указ о Совете при Президенте по развитию физической культуры и спорта : сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 23.04.2017).

Поступила 30.08.2017 г.

УДК 378:94(47)

О. В. Купцова, И. А. Юсупова

O. V. Kupctsova, I. A. Yusupova

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

MAIN STAGES OF FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN RUSSIA

Ключевые слова: высшее юридическое образование, модернизация системы образования, Болонский процесс, практикоориентированная подготовка, бакалавриат, магистратура, качество профессиональной подготовки.

В статье анализируется развитие высшего юридического образования в России с XVIII в. по настоящее время. Акцентируются проблемы внедрения Болонской системы образования и иные дефекты подготовки юридических кадров в условиях российской современности; подчеркивается значимость комплексного подхода для их устранения.

Key words: higher legal education, modernization of the education system, Bologna process, practiceoriented training, bachelor's program, master's program, quality of professional training.

The development of higher legal education in Russia since the XVIII century up to the present is analyzed in the article. The problems of introducing the Bologna education system and other defects in the training of legal personnel in the context of presentday Russia are emphasized, as well as the importance of an integrated approach for their elimination is underlined.

Система высшего образования в России находится в состоянии продолжающегося реформирования и совершенствования. Затянувшийся процесс модернизации приводит к тому, что сохраняется множество нерешенных проблем и актуальных вопросов в высшем образовании России. Не является исключением в этом процессе и система высшего юридического образования, которая, к сожалению, сегодня функционирует недостаточно эффективно. Закономерно, что наиболее острой проблемой современного юридического образования является повышение качества подготовки юристов, что ставит перед профессиональным сообществом задачи исследования направлений повышения эффективности процесса обучения и проявления особого внимания к качественной составляющей подготовки юридических кадров со стороны государства. На наш взгляд, в решении этой важнейшей задачи особое место должно быть отведено научно-исследовательской составляющей при формулировании (разработке) соответствующих учебных программ и курсов. Такая практика уже показывает свою результативность в ряде российских регионов. Например, в Республике Мордовия эта работа представлена на уровне диссертационных исследований, монографических и статейных публикаций¹.

Система юридического образования в России прошла тернистый путь с момента возникновения и до наших дней. Развитие науки и образования шло параллельно с общественным развитием и укреплением Российской империи. Неоспоримая

роль в этом процессе принадлежит Петру I, который положил начало высшему образованию вообще и юридическому — в частности, придав ему, выражаясь современным языком, практикоориентированный, прикладной характер. В 1724 г. Петр I издал указ о создании Академии наук в Петербурге, в структуре которой предполагалась и кафедра правоуказания, а также распорядился «приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции»². По замыслам основателя, Академия наук должна была представлять собой кардинально новую структуру — единый организм, где наряду с Академией наук и Академическим университетом функционировала бы и Академическая гимназия с единым преподавательским составом. Это позволяло говорить о единстве и последовательности образовательного процесса, интеграции среднего, высшего образования и науки. Кроме того, в обязанность каждого профессора входила подготовка как минимум двоих воспитанников, которые в будущем смогли бы заменить его, причем приоритет отдавался выходцам «из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить»³.

К 1747 г. императрица Елизавета Петровна продолжила деятельность по развитию в России системы высшего образования, утвердив регламент Императорской академии наук и художеств, а в 1755 г. издал указ об учреждении Московского университета и двух гимназий⁴. В состав университета входило 3 факультета, один из которых был юридический, и обучались в нем не только представители дворянства, но и разночинцы. Университет находился под особым покровительством императрицы.

Начало XIX в. ознаменовалось расцветом университетского образования. В рассматриваемый исторический период нормативно-правовую основу юридического образования в Российской империи составляли «Предварительные правила народного просвещения», «Утвердительные грамоты» императорских университетов, «Положение об учебных округах», ведомственные нормативно-правовые акты, издаваемые министерствами народного образования, юстиции, внутренних дел, военным и иные акты⁵.

В данный период уставами университетов не предусматривались юридические факультеты. Юридическое образование осуществлялось «в рамках нравственно-политических отделений, устроенных по аналогии с австрийскими политико-юридическими факультетами, которые готовили лиц с широким гуманитарным образованием»⁶. В целом сложившаяся система подготовки специалистов юридического профиля включала в себя деятельность факультетов Московского, Харьковского, Казанского и других университетов, ведомственных учебных заведений, училищ, подготавливавших юристов для министерств внутренних дел, юстиции и Военного министерства. Подобная «специализация» юридических учебных заведений определялась, прежде всего, практическими потребностями применения законодательства в различных сферах общественной и хозяйственной жизни страны.

Следующей вехой в процессе развития юридического образования в России стало советское время, период коренного преобразования всей системы высшего образования. Особенно интенсивно этот процесс развивался в 30-х гг. XX в. и сопровождался созданием самостоятельных высших учебных заведений юридического профиля. Стремительные изменения в обществе, перестройка социально-эконо-

мической и политической жизни ставили вопросы о пересмотре места юридического образования в системе высшего образования страны, развитии научного направления в юриспруденции, расширении взаимосвязи академического образования с правоприменительной практикой.

Следствием глубоких социально-экономических и политических преобразований стал значительный интерес со стороны общества к профессии юриста, проявившийся на рубеже 1980 — 90-х гг. Как результат, в течение двух десятилетий в России увеличилось количество вузов (государственных и негосударственных, профильных и непрофильных), осуществлявших подготовку юридических кадров. Однако качество данной подготовки вызывало множество вопросов и претензий к профессиональному уровню таких специалистов, в итоге многие из них оставались невостребованными на рынке юридических вакансий. Сложилась парадоксальная ситуация — количество выпускников юридических вузов резко увеличилось, а потребность государственных и общественных структур всех уровней в высококвалифицированных юристах сохранилась. Негативный характер данного процесса вызвал указ от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации», подписанный Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым. Целью данного указа стало «повышение качества образовательных программ высшего профессионального образования в области юриспруденции, усиление контроля деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров в Российской Федерации»⁷.

В 2012 г. был принят новый Федеральный закон «Об образовании», положивший начало внедрению принципов Болонской системы в образовательное пространство России. В этой связи современная российская система образования перешла на качественно новый уровень, где основная задача, по мнению исследователя Н. Н. Чурикова, — создание условий для адаптации к международным образовательным стандартам⁸. Однако на сегодняшний день значительная часть педагогического сообщества юридических вузов и профильных факультетов выражает сомнение в целесообразности внедрения принципов Болонской системы в российский образовательный процесс. Многие отмечают, что фундаментальность высшего образования России до ее вступления в Болонский процесс была неоспорима и признана во всем мире⁹. Сегодня же значительное снижение общего уровня профессионализма и подготовки выпускников вузов, в том числе юридических факультетов, во многом обусловливается адаптацией в российских условиях принципов двухуровневой системы образования. Как отметил Н. С. Бондарь, «непродуманные перемены, в том числе под благими лозунгами модернизационных процессов и реформ, могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого»¹⁰.

Вступление российского образования в Болонскую систему, принятие и введение в действие федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, в том числе ФГОС ВПО по направлению подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат, магистратура), обнаружило ряд нерешенных проблем в системе высшего юридического образования, породило много вопросов со стороны научной общественности, преподавателей вузов о целесообразности данных стандартов. Сообществом практикующих юристов и преподавателей юри-

дических вузов справедливо выдвигаются претензии к содержанию данного документа, отмечается, что ФГОС ВПО по направлению подготовки «Юриспруденция» не были представлены на обсуждение профессионального сообщества ведущих юридических вузов России¹¹.

В сложившейся ситуации, несмотря на предпринимаемые государством меры по совершенствованию юридического образования, на сегодняшний день выделяется ряд основных проблем и нерешенных вопросов в области высшего юридического образования и подготовки юридических кадров в Российской Федерации.

Во-первых, с возрастающим значением практико-ориентированной подготовки специалистов в области юриспруденции остро встает вопрос о расширении взаимодействия образовательных учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку юридических кадров, с базовыми организациями юридической практики. Необходимо максимальное использование всех возможных способов интеграции юридического образования и юридической практики, привлечение студентов к стажировке в качестве помощников в юрисдикционных органах, частных юридических организациях, адвокатских бюро и т. д.

Для решения данной задачи необходимо следующее:

— увеличение сроков практической работы студентов на всех уровнях подготовки;

— повышение внимания к качеству прохождения практики студентом, исключение формализма в аттестации студента по результатам прохождения практики;

— дальнейшее развитие инновационных форм практической подготовки студента-юриста, таких как консультационные юридические бюро, юридические клиники (в том числе электронные юридические клиники), электронные профессиональные клубы юристов¹² и т. п.

При этом вышеназванные меры будут иметь должный эффект при условии постоянного самосовершенствования и самостоятельной практической деятельности студента и консультативной помощи со стороны педагогов и опытных специалистов.

Во-вторых, актуальной проблемой на сегодняшний день является отсутствие непрерывности и преемственности процесса юридического образования. Внедрение двухуровневой подготовки профессиональных кадров путем ее разграничения на бакалавриат и магистратуру — ответственный шаг для вхождения России в европейскую систему профессиональных и образовательных стандартов. Бакалавриат и магистратура предполагают общую и углубленную профессиональную подготовку. Однако сегодня законодателем допускается возможность освоения программ уровня магистратуры лицами, имеющими так называемое базовое образование любого другого направления подготовки (иной специальности). В результате в магистратуру поступают выпускники непрофильных направлений подготовки и специальностей, не имеющие базовых знаний, что значительно затрудняет освоение ими образовательной программы¹³. По данному поводу в юридическом сообществе неоднократно высказываются критические замечания. В частности, по мнению В. В. Наумкина, «имеет смысл четко определить сферу деятельности для юристов: 1) имеющих только бакалавриат; 2) закончивших и бакалавриат, и магистратуру по юриспруденции; 3) с магистратурой по юриспруденции и непрофильным бакалавриатом»¹⁴.

В-третьих, существенное значение для профессионализма выпускников юридических вузов имеет уровень сформированности у них профессионального юридического сознания и правовой культуры. В связи с этим вышее юридическое образование должно использовать все возможные воспитательные механизмы для формирования профессионального сознания и правовой культуры будущих юристов. Проблема формирования специалиста (профессионала), устойчиво ориентированного на общечеловеческие ценности — главная задача высшего юридического образования. В современных российских реалиях именно нравственные, гуманистические аспекты, мотивы, связанные со служением обществу, требуют их выдвижения на передний план¹⁵. Обладая развитым профессиональным сознанием, студент юридического вуза способен стать активным носителем правовой культуры, и, как следствие, успешно принимать участие в реализации задач укрепления законности, повышения правосознания и правовой культуры населения.

Вышеуказанным перечнем проблем высшего юридического образования в России не исчерпывается. Следует отметить и иные проблемы: массовое распространение подготовки юридических кадров в государственных образовательных учреждениях высшего образования на внебюджетной (договорной) основе и подготовка юристов в непрофильных вузах¹⁶; сложности повышения квалификации кадров профессорско-преподавательского состава¹⁷; плохая организация и ненадлежащее осуществление контроля различных форм самостоятельной работы студентов¹⁸; отсутствие эффективной системы госзаказа и целевого набора, квот для молодых специалистов в ведущих юридических вузах¹⁹; значительное увеличение контингента студентов-юристов заочной формы обучения при снижении показателей их успеваемости и востребованности на рынке труда²⁰; недостаточная связь образования с наукой, излишняя академичность программ прикладного бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция».

Вышеназванные проблемы носят комплексный характер и должны решаться, прежде всего, на государственном уровне, а также на уровне вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров. Многое в этом вопросе зависит и от гражданской позиции, целеустремленности и сознательности студентов, получающих образование по направлению подготовки «Юриспруденция». В целом повышение качества современного юридического образования является приоритетной задачей формирования гражданского общества и построения истинно правового государства в России.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Мокшина Ю. Н.** Этноюстиция в обычном праве мордвы конца XIX — начала XX века // *Власть и общество: XX век.* Саранск, 2002. С. 156 — 161. (Науч. тр. / НИИГН; т. 1(118)); **Ее же.** Не писано пером, но не вырубил топором : Договор в обычном праве мордвы конца XIX — начала XX в.) // *Центр и периферия.* 2003. № 1. 2003. С. 85 — 86; **Сушкова Ю. Н.** Имущественные отношения в мордовской семье конца XIX — начала XX века // Там же. 2008. № 3. С. 58 — 62; **Сысуев Ю. Б., Юрчёнков В. А.** Опыт организации и деятельности провинциального полицейского аппарата в России во второй половине XIX в.: проблемы историографии // *Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2010. № 1 (13). С. 65 — 75; **Потапова Л. В., Сысуев Ю. Б.** Правовое регулирование деятельности провинциальной полиции в пореформенное время XIX в. // Там же. 2017. № 2 (42). С. 18 — 24.

² **Пустарнаков В. Ф.** Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 54.

³ **Остапович И. Ю., Мусинов П. А.** Этапы развития юридического образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ce.if-mstuca.ru> (дата обращения: 04.05.2017).

⁴ См.: **Остапович О. В., Остапович И. Ю.** Генезис юридического образования в России // Юридическая наука и образование в России и Азии. Методика преподавания права : материалы I Российско-азиат. правового конгресса (Барнаул. 2 — 3 окт. 2014 г.). Барнаул, 2014. С. 63.

⁵ См.: **Шатилов С. П., Шатилова О. А.** Правовые основы юридического образования в первой половине XIX в. в Российской империи // Там же. С. 56.

⁶ **Гинзбург Ю. В., Ильина Т. Н.** Специализация юридического образования в российских университетах в XIX в. // Вопр. образования. 2012. С. 279.

⁷ О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 // Рос. газ. 2009. № 4921 (97).

⁸ См.: **Чурикова Н. Н.** Проблемы развития юридического образования в России // Территория науки. 2015. № 3. С. 25.

⁹ См.: **Цалиев А. М.** О совершенствовании профессиональной подготовки студентов юридических учебных заведений // Юрид. образование и наука. 2014. № 1. С. 21.

¹⁰ **Бондарь Н. С.** Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? // Там же. 2013. № 1. С. 7.

¹¹ См.: **Цалиев А. М.** О совершенствовании профессиональной подготовки...

¹² См.: **Дружинина А. В.** Некоторые аспекты становления и развития отечественного юридического образования // Государство и право в XXI в. 2016. № 1. С. 8.

¹³ См.: **Цалиев А. М.** Актуальные вопросы совершенствования юридического образования // Высш. образование в России. 2013. № 1. С. 153 — 154.

¹⁴ **Наумкина В. В.** Двухуровневое юридическое образование и компетентностный подход: вопросы теории // Юрид. образование и наука. 2012. № 4. С. 13.

¹⁵ См.: **Соколов Н. Я.** Профессиональная культура юристов : Понятие. Сущность. Содержание : учеб. пособие. М., 2016. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 283.

¹⁷ См.: **Чурикова Н. Н.** Указ. соч. С. 24.

¹⁸ См.: **Смирнов Д. А.** К вопросу о развитии системы юридического образования в современной России // Ленингр. юрид. журн. 2015. Вып. 1(39). С. 307.

¹⁹ См.: **Матюшева Т. Н.** Повышение качества юридического образования в решении проблем становления правового государства и гражданского общества // Соврем. право. 2015. № 11. С. 72.

²⁰ См.: **Петров А. В., Горбатова М. К., Домнина А. В.** Проблемы формирования профессионального правосознания на ступени высшего юридического образования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5(1). С. 282.

Поступила 18.08.2017 г.

УДК 902(652)(045)

В. В. Гришаков, В. В. Ставицкий
V. V. Grishakov, V. V. Stavitsky

ХРОНОЛОГИЯ ПЛАСТИНЧАТЫХ БЛЯХ РАЖКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

THE CHRONOLOGY OF LAMELLAR METAL PLATES FROM THE RAZHKINSKY BURIAL GROUND

Ключевые слова: нагрудные бляхи, древняя мордва, Ражкинский могильник.

В статье прослеживается хронология нагрудных украшений (пластинчатых блях) древнемордовского Ражкинского могильника.

Key words: chest metal plates, the Old Mordvins, Razhkinsky burial ground.

The chronology of the chest jewelry (lamellar metal plates) from the ancient Razhkinsky burial ground is observed in the article.

Анализ пластинчатых блях как одного из основных хронологических индикаторов древностей волжских финнов первой половины 1-го тыс. н. э.¹ продолжает серию публикаций, посвященных хронологии погребального инвентаря древнемордовских памятников².

Ражкинский могильник расположен у северного конца д. Ражки, на террасовидном образовании левого берега р. Мокши, недалеко от впадения в нее р. Атмис. Могильник обнаружен в 1955 г. при рытье силосной траншеи около с. Ражки. В 1956 г. могильник был исследован археологической экспедицией под руководством М. Р. Полесских. На памятнике вскрыто 6 захоронений. На следующий год раскопки Ражкинского могильника были продолжены и изучено еще 13 погребений. Раскопом была охвачена относительно широкая площадь с редкими включениями могил. Северо-восточный край раскопа упирался в жилые строения и огороды. М. Р. Полесских пришел к выводу, что могильник практически исчерпан³. В 2012 и 2015 гг. исследования на памятнике продолжила совместная экспедиция Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева и Пензенского государственного университета. На могильнике было вскрыто еще 45 погребений⁴.

Пластинчатые бляхи обнаружены в 10 женских захоронениях, из них 3 экземпляра — со сборов на площади могильника. В трех погребениях (захоронения 3, 5-6-6а/5, 21) бляхи располагались попарно, при этом бляхи меньшего диаметра, лежащие под черепом лицевой стороной к дну могилы, служили украшением накосника, другие, большего размера, — находились на груди погребенных. Подобная взаимовстречаемость блях характерна для могильников селиксенского типа. Интересно, что в наиболее ранних захоронениях Усть-Узинского 2-го могильника обнаруживались по 2 и даже 3 бляхи, а в поздних — только по одной⁵. В большинстве погребений Ражкинского могильника, в том числе самых ранних, бляхи использовались только в качестве нагрудных украшений (захоронения 5-6-6а/6/6а, 8, 10, 37, 44, 53).

Все бляхи изготовлены из бронзы и имеют круглое отверстие в центре корпуса и радиальную прорезь, края которой завернуты в трубочку. Прикреплялись к одежде

при помощи пластинчатой обоймы с приостренным концом, обернутой вокруг корпуса, иногда зафиксированной на корпусе при помощи заклепок. Внешний край корпуса бляхи из погребения 3 загнут по окружности и образует бортик, придающий корпусу украшения большую жесткость.

По особенностям орнаментации корпуса, выделяются 4 типа блях.

Тип 1. С одной зоной орнамента в виде литых concentрических валиков, вокруг центрального отверстия. Обойма-игла не орнаментирована. Диаметр одной бляхи — около 6,0 см, двух других — 11,0 см.

Вариант а). Бляха с двумя валиками. Диаметр около 6,0 см. Вероятно, головная. Учтен 1 экземпляр из подъемного материала (рис. 1, 3).

Вариант б). Бляха с тремя валиками. Диаметр — 11,0 см (см. рис. 1, 1). Учтен 1 экземпляр из погребения 44.

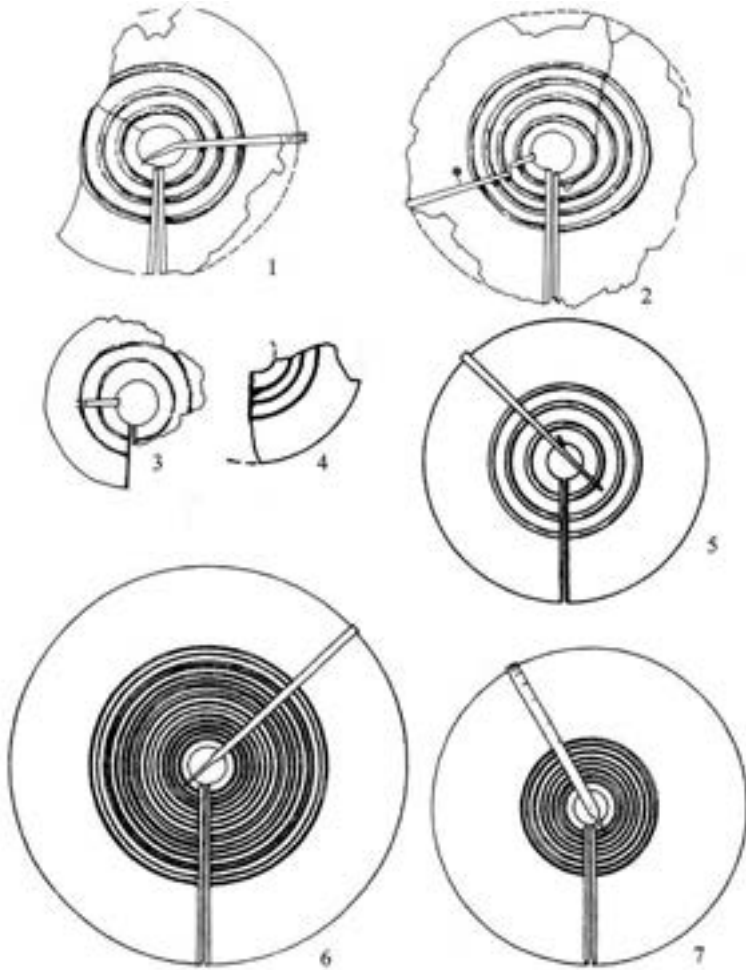


Рис. 1. Разжинский могильник. Пластинчатые бляхи. 1 — погребение 44; 2 — погребение 53; 3, 4 — подъемный материал; 5 — погребение 8; 6, 7 — погребение 3

Вариант в). Бляха с четырьмя валиками. Диаметр — 11,0 см (см. рис. 1, 2). Учен 1 экземпляр из погребения 53.

Рассматриваемые бляхи относятся к наиболее ранним. Ближайшие аналоги известны в материалах Кошибеевского могильника⁶. Подобная пластинчатая бляха, но не с тремя, а с двумя концентрическими валиками зафиксирована в погребении 4 Сергачского могильника «Кожина Слобода», материалы которого датируются в пределах II в. н. э.⁷ По мнению ряда авторов, количество валиков на бляхе является хронологическим признаком и на самых ранних экземплярах их число минимально.

Однако значительная серия блях с тремя валиками была зафиксирована при раскопках Сендимиркинского могильника, где более крупные бляхи использовались в качестве нагрудных украшений, а менее крупные — головных. При этом количество валиков на сендимиркинских бляхах (2 или 3), нередко зависело от размера этих украшений. В ряде погребений они встречались вместе, при этом головная бляха имела 2 валика, а нагрудная — 3. Ранние погребения Сендимиркинского могильника датированы Н. С. Мясниковым второй половиной II в. н. э.⁸

В первой половине — середине II в. н. э., по наблюдениям В. Ю. Малашева, в сарматских древностях появились пряжки с овальной рамкой и длинной прямоугольной обоймой, аналогичные бляхам из погребения 45 Ражкинского могильника. Следует отметить, что уже в начале III в. обоймы на таких пряжках стали значительно короче⁹. Этим погребениям, датированным второй половиной II в. н. э., не противоречат находки перстня с волютообразным щитком, браслета с ланцетовидными, заходящими друг за друга концами, полированных вогнутых блях с отверстием посередине¹⁰. Таким образом, ранние погребения Ражкинского могильника с бляхами первого типа датируются временем не позднее середины II в. н. э.

Тип 2. С одной зоной орнамента в виде концентрических валиков, выбитых с обратной стороны, вокруг центрального отверстия (см. рис. 1, 4, 5). Обойма-игла не орнаментирована. Диаметр — 10,3 см.

Учено 2 экземпляра из погребения 8 и подъемных находок.

По мнению В. И. Вихляева, такие бляхи в могильниках селиксенского типа являются древнейшими в эволюционном ряде этих украшений и характерны для ранней стадии А¹¹. Подобное наблюдение, основанное на интуиции и логике исследователя, далеко не всегда подтверждается аналогиями из поволжско-финских погребений второй четверти I-го тыс. н. э. Так, к достоверно ранним находкам относится бляха с двумя концентрическими валиками из погребения 4 Сергачского могильника «Кожина Слобода», обнаруженная вместе с фрагментом зеркала¹². Такие уплощенные зеркала с рельефным орнаментом на обратной стороне особенно характерны для памятников II — III вв.¹³ Ранний возраст сергачской бляхи подтверждается и находкой на этом памятнике фибулы боспорского типа II — первой половины III в. н. э.¹⁴

Значительная серия блях, содержащих на корпусе от одного до трех валиков, происходит из Кошибеевского могильника¹⁵ и зафиксирована в комплексах, относящихся к III в. н. э.

Следует также отметить 2 бляхи из погребения 3 Таутовского могильника, которое относится, по мнению некоторых исследователей¹⁶, к IV в., что вряд ли справедливо. Более вероятной является дата начала III в.

Тип 3. С одной зоной орнамента из 5 — 16 широких бороздок и валиков вокруг центрального отверстия (см. рис. 1, 5 — 7; рис. 2, 1 — 5). Все сохранившиеся обой-

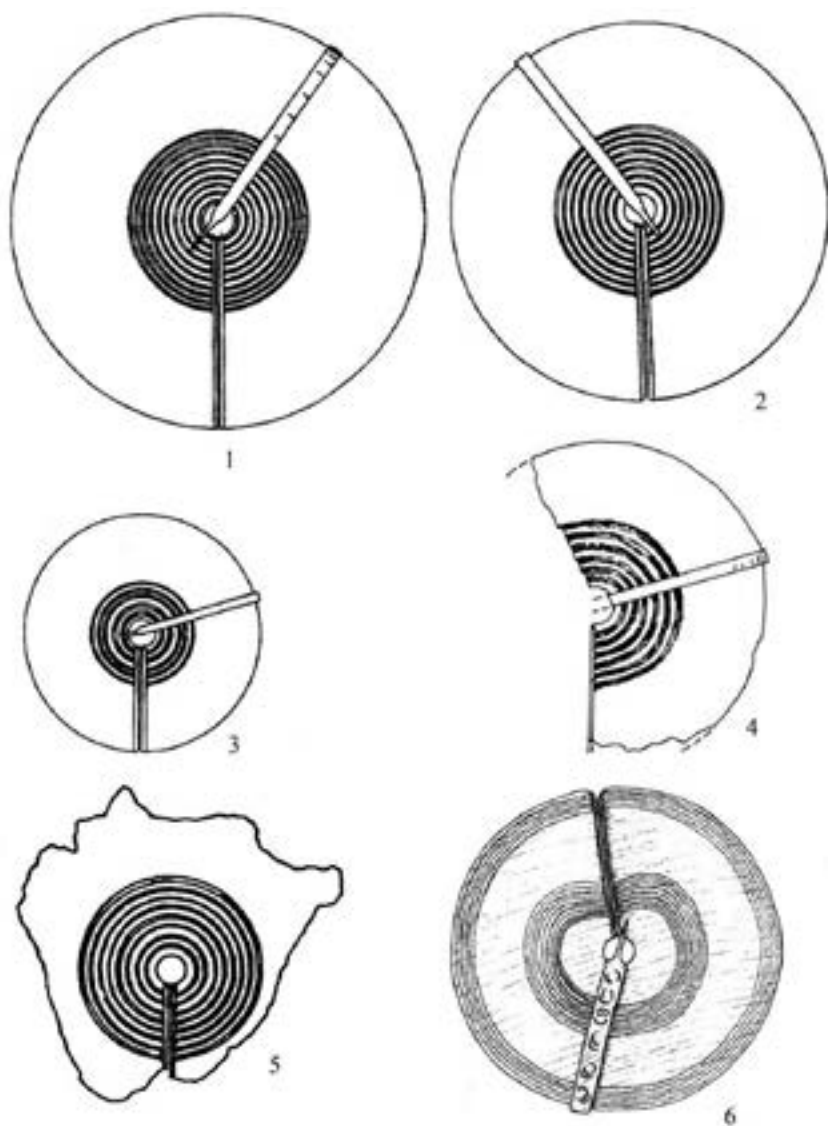


Рис. 2. Ражкинский могильник. Пластинчатые бляхи. 1 — погребение 5; 2, 3 — погребение 6А; 4 — погребение 37; 5 — подъемный материал; 6 — погребение 21

мы не орнаментированы. Диаметр нагрудных блях — 9,4 — 18,0 см, бляхи-накосника — 14,1 см.

Учтено 6 экземпляров из погребений 3 (2 экз.), 5-6-6а/5/6/6а, 37 и 2 экземпляра из сборов на площади могильника. Такие бляхи известны и в Шемьшейском могильнике, где они датируются второй половиной III в. н. э.¹⁷, но бляхи с редкими, разреженными валиками могут относиться и к более раннему времени (см. рис. 1, 5).

Тип 4. С двумя зонами орнамента, из 8 широких бороздок и валиков вокруг центрального отверстия и 5 бороздок по краю бляхи. При этом бороздки вокруг центрального отверстия образуют не круг, а овал, что характерно для ранних блях данного типа. Обойма-игла орнаментирована насечками округлой формы (см. рис. 2, б). Диаметр бляхи — 11 см. Бляха использована в наконснике.

Учен 1 экземпляр из погребения 21.

Тип 5. С двумя зонами орнамента, исполненного узкими бороздками (рис. 3, 1). Внутренняя зона вокруг центрального отверстия составлена из двойной зигзагооб-

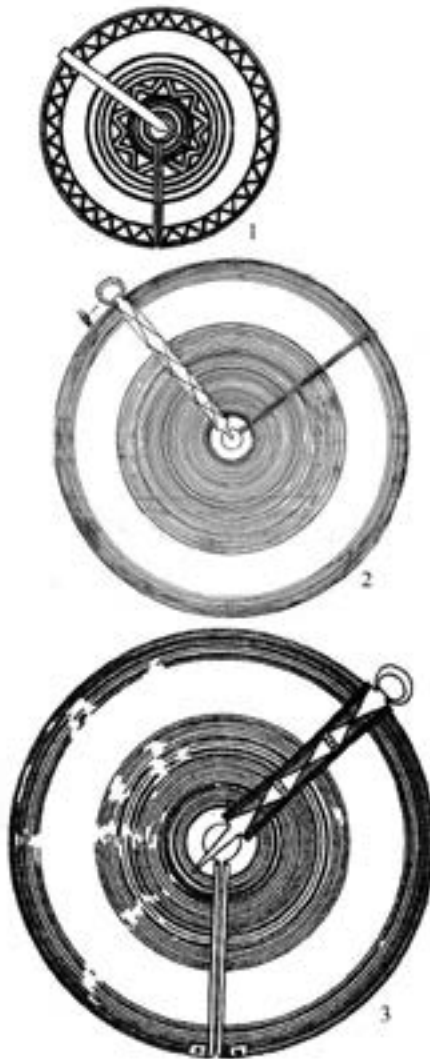


Рис. 3. Ражкинский могильник. Пластинчатые бляхи. 1 — погребение; 2, 3 — погребение 21; 3 — погребение 10

разной линии, заключенной с обеих сторон четырьмя линиями концентрического орнамента, внешняя — из одной зигзагообразной линии, ограниченной с обеих сторон линиями концентрических бороздок. Диаметр бляхи-накосника — 10,2 см. Обойма-игла не орнаментирована.

Учен 1 экземпляр из погребения 5-6-ба/5, датированного В. И. Вихляевым стадией В¹⁸.

Тип 6. С двумя зонами орнамента из 35 — 43 прочерченных циркульных линий вокруг центрального отверстия и 9 — 12 — по внешнему контуру корпуса бляхи (см. рис. 3, 2 — 3). Обойма блях орнаментирована прочерченными линиями, образующими ромбы, и имеет подвижное овальное колечко. Диаметр блях — 18,0 — 22,3 см.

Учено 2 экземпляра из погребений 10 и 21. Обе бляхи нагрудные. В. И. Вихляев считал их основой для выделения стадии С могильников селиксенского типа, причём погребение 10 Ражкинского могильника он относил к переходному периоду к стадии А могильников армиевского типа¹⁹.

Поздняя хронологическая позиция данного погребения со времени М. Р. Полеских обосновывалась наличием в его инвентаре височной подвески с грузиком пирамидальной формы, поскольку считалось, что подвески с подобными грузиками появились не раньше IV в. Однако подобные подвески с бипирамидальными грузиками были зафиксированы В. Н. Мартьяновым в 78-м погребении Стексовского могильника. Обнаруженные в нем браслеты с ланцетовидными, заходящими друг за друга концами, пластинчатая бляха от накосника с одной зоной из выгравированных валиков вокруг центрального отверстия²⁰ относились к периоду до III в. н. э. Кроме того, бляхи шестого типа известны среди присурских древностей второй половины III в. н. э.²¹ Скорее всего, бляху из 10-го погребения следует датировать временем не позже рубежа III — IV вв. Бляха из 21-го погребения, судя по сопровождавшему ее инвентарю, относится ко второй половине III в. н. э.

Таким образом, в настоящее время отсутствуют достаточные основания для выделения на Ражкинском могильнике погребений, которые достоверно можно было бы отнести к IV в. н. э.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Ставицкий В. В.** Пластинчатые бляхи Абрамовского могильника с накладками // Гуманитар. науч. исслед. 2015. № 1 — 1 (41). С. 40 — 44; **Его же.** Хронология нагрудных блях Абрамовского древнемордовского могильника // Там же. 2015. № 3 (43). С. 21 — 28; **Ставицкий В. В., Ставицкий А. В.** Нагрудные украшения Кошибеевского могильника // История и археология. 2015. № 1 (21). С. 26 — 32.

² См.: **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III — IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пенз. археол. сб. Пенза, 2008. Вып. 2. С. 82 — 137; **Его же.** Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников : (К проблеме соотношения тезиков. и армиев. комплексов) // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 16 — 20; **Его же.** О ранней стадии пензенских могильников // Поволжские финны и их соседи в эпоху Средневековья: (проблемы хронологии и этнической истории) : тез. науч. конф. Саранск, 2000. С. 8 — 15; **Гришаков В. В., Ставицкий В. В.** Хронология древнемордовского Ражкинского могильника // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2015.

С. 14 — 19 ; **Ставицкий В. В.** Хронология арочных шумящих подвесок с конями // Поволж. археология. 2016. № 1 (15). С. 90 — 101.

³ См.: **Полесских М. Р.** Ражкинский могильник // Археология Восточноевропейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 152 — 167.

⁴ См.: Исследования Ражкинского могильника в 2015 г. / В. В. Гришаков [и др.] // Долина древней мордвы : монография. Ижевск, 2016. С. 48 — 68 ; Материальная культура населения Ражкинского могильника / В. В. Гришаков [и др.] // Там же. С. 69 — 127 ; **Гришаков В. В., Ставицкий В. В.** Указ. соч. // Там же. С. 128 — 136.

⁵ См.: Мордовские племена накануне Великого переселения народов : (Усть-Узинский 2 могильник III — IV вв.) : монография / В. В. Гришаков [и др.]. Саранск, 2016. 196 с.

⁶ См.: **Шитов В. Н.** Кошибеевский могильник : (По материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 93.

⁷ См.: **Гришаков В. В.** Сергачский могильник «Кожина Слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Пенз. археол. сб. Пенза, 2010. Вып. 3. С. 110 — 113.

⁸ См.: **Мясников Н. С.** Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 19 с.

⁹ См.: **Малашев В. Ю.** Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 209.

¹⁰ См.: **Гришаков В. В., Ставицкий В. В.** Указ. соч.

¹¹ См.: **Вихляев В. И.** Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. С. 44, 49.

¹² См.: **Гришаков В. В.** Сергачский могильник «Кожина Слобода»...

¹³ См.: **Абрамова М. П.** Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 129.

¹⁴ См.: **Амброз А. К.** Фибулы Юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.) // Археология СССР : Свод археологич. источников. 1966. Вып. Д1-30. С. 41 ; **Спицын А. А.** Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. СПб., 1901. Т. 25. Вып. 1.

¹⁵ См.: **Шитов В. Н.** Указ. соч. ; **Спицын А. А.** Указ. соч.

¹⁶ См.: **Смирнов А. П., Трубникова Н. В.** Городецкая культура // Археология СССР. 1965. Вып. Д1-14.

¹⁷ См.: **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III — IV вв. С. 94.

¹⁸ См.: **Вихляев В. И.** Древняя мордва Посурья и Примокшанья. С. 49.

¹⁹ См.: Там же. С. 45, 49 — 50, 65.

²⁰ См.: **Мартьянов В. Н.** Арзамасская мордва в I — начале II тысячелетия. Арзамас, 2001.

²¹ См.: **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III — IV вв.

Поступила 30.06.2017 г.

УДК 39.392+394.21

Р. Р. Баязитова
R. R. Bayazitova

**ПРИРОДНОЕ ВРЕМЯ
В ТРАДИЦИОННОМ ЭТИКЕТЕ БАШКИР**
**“NATURAL TIME”
IN TRADITIONAL ETIQUETTE OF THE BASHKIRS**

Ключевые слова: время, традиционный этикет, запреты и предписания, благоприятные и неблагоприятные дни.

В статье рассматриваются отдельные аспекты традиционного этикета башкир согласно природному времени; прослеживается взаимосвязь поведения человека и природного времени в приметах и поверьях, пословицах и поговорках, запретах и предписаниях башкир.

Key words: time, traditional etiquette, prohibitions and prescriptions, favourable and unfavourable days.

Some aspects of the traditional Bashkir etiquette in accordance to the natural time are considered in the article; the relationship of human behaviour and natural time in signs and beliefs, proverbs and sayings, prohibitions and prescriptions of the Bashkirs is observed as well.

Поведение человека в семье и обществе тесно связано с представлениями о времени. Фольклорные тексты и этнографические материалы показывают, что верования, в том числе космогонические воззрения, религия сыграли важную роль в организации жизнедеятельности, в определении отношений между людьми и окружающей средой сообразно восприятию времени.

Исследователь Т. В. Цивьян выделяет абсолютное время, состоящее из трех последовательных этапов (или вертикальных срезов): первоначальное, прошлое время — время творения мира; немаркированное настоящее время, в котором находится носитель модели мира; будущее время, к которому отнесен конец света и творение будущего, следующего мира¹. В мифологической картине мира башкир значительную роль играет противопоставление начало/конец. В древнем эпосе башкир «Урал-батыр» начало всего (первоначальное время) охарактеризовано состоянием творения мира. В произведении первоначальное время характеризуется такими сочетаниями слов, как «в древнюю пору, давным-давно», «с незапамятных пор», «не знали, что такое болезни», «смерть была им неизвестна», «не вешали котла над полыхающим костром», «на охоту коней не седлали», «лука и стрел еще не знали»². Началу мира противопоставляется конец света. Повествуется также о всемирном потопе, который произошел по вине людей:

«Див однажды туда пришел.
Видно, был на людей он зол —
Убивал их и пожирал;
И покрыла всю землю вода,
Суша скрылась под ней навсегда»³.

У башкир существуют представления о признаках конца света, связанные с поведением человека: «Ахыр заман булғанда, йүнһез кеше йүнлегэ эш өйрәтер» («Когда настанет конец света, бестолковый человек будет обучать толкового»)⁴.

Следующее деление, согласно Т. В. Цивьян, – относительное время, идущее по кругу («вечное вращение»). Это, во-первых, сезонное время. Деление каждого сезона и переход от одного к другому поддерживается не месяцами, а календарными праздниками. С делением на месяцы и недели связаны фазы луны. Неделя разделена на дни, и именно они наиболее соотносимы с мифологическим уровнем. Наименьшая временная единица — сутки, делящиеся на день/ночь в соответствии с оппозицией свет/тьма⁵.

Разные народы по-своему понимают и ориентируются во времени. Согласно словарной статье Ф. Г. Хисамитдиновой, «вакыт» — одна из категорий мифологической картины мира. Башкиры различают природное и жизненное время. Природное время состоит из солнечных и лунных циклов: көн — день, ай — месяц, көндөз — днем, төн — ночь и др. Жизненное время также имеет свои циклы: бала сак — детство, йәш сак — молодость, карт сак — старость и др⁶. Согласно этим представлениям, деятельность людей в семье и обществе регламентируется до настоящего времени.

Поведение человека по природному или относительному времени день/ночь ярко выражено в загадках, приметах и поверьях, пословицах и поговорках, запретах и предписаниях башкир. «Вечером умирает, утром оживает» — так образно, индизказательно загадывается загадка про день. Оживление или начало дня связано с восходом солнца. В космогонических представлениях башкир небесные светила персонифицированы. В «Мифологическом словаре башкирского языка» дано следующее объяснение: Ай — луна — божество, связанное с верхним миром, мужским, редко — с женским началом. В эпосе «Урал-батыр» Луна через дочь Айхылу связана с нижним миром, миром мрака и мертвых, а Кояш — Солнце — божество, представляется женским персонажем, женой царя птиц и неба Самрауа и матерью девушки-птицы Хумай⁷.

Солнце служило временным критерием поведения человека в течение светового дня. Зарождение дня (көн тыуыуы) — наиболее благоприятное время для совершения магико-ритуальных действий, произнесения благопожеланий, начала новых дел. Пожилые люди говорят, если к восходу солнца приберешь дом, то Аллах пошлет счастье⁸. «Проспавший рассвет проспал свое счастье» — напоминает народная мудрость. По положению солнца определяли время совершения определенных действий, видов деятельности. В народе сохранились отдельные стандарты деления дневного времени. Например, «пока роса не высохла, солнце успело подняться на высоту копья»⁹.

Заход солнца вызывал определенный страх у людей. Башкиры до сегодняшнего дня считают, что после заката пробуждаются темные силы, которые могут спровоцировать болезни. По словам информаторов, особенно опасен этот период для детей и женщин¹⁰. Во время заката произносят такое благопожелание: «Эй, солнце! Пусть Аллах позволит тебе снова взойти, снова светить»¹¹.

Существуют определенные запреты и предписания, касающиеся этого времени суток:

Детям нельзя выходить встречать гостей — заболеют.

Если после заката споткнешься или упадешь, то плюнь 3 раза, иначе заболеешь или останешься без ног.

Заходя вечером в сарай, подавай голос.

Нельзя укладывать ребенка спать на закате — будет бредить во сне.

Нельзя встряхивать постель, одежду.

Нельзя выливать воду — заболеешь (черта увидишь).

Нельзя давать молоко или, отдавая, нужно положить туда горящие угли, зажженную спичку.

Нельзя жевать жвачку — «жуешь» легкие покойника (легкие своей матери).

Нельзя забивать скотину — недостаток уйдет.

Нельзя играть на улице, будешь бредить во сне.

Нельзя мыться в бане после 24 ч, особенно женщинам — заболеешь.

Нельзя мыть полы ближе к вечеру — к ссоре.

Нельзя начинать новое дело — не будет удачи.

Нельзя отправляться в дорогу под вечер.

Нельзя подстригать ногти — хозяйство разорится.

Нельзя петь — будешь несчастной.

Нельзя подавать милостыню.

Нельзя спать на закате — заболеешь (шайтан овладеет душой).

Нельзя точить нож.

Нельзя ходить за водой или нужно объяснить хозяйке воды причину беспокойства. Можно сказать, что пришли гости и поэтому понадобилась вода¹².

В левой части запретов категорически запрещается выполнение определенных действий после заката солнца. Одни правила мотивируются, другие — даются без комментариев и, несмотря на то, что они не связаны с реальностью, мифологизация повседневного поведения сохранилась до настоящего времени. В приведенных запретах и предписаниях прослеживаются отголоски древних верований и каноны ислама. Так, например, запрет на сон во время заката объясняется следующим образом: если спать в это время, нечистая сила придет, которую зовут Елкуз. Она может принять облик молодой девушки или парня. Узнать ее можно по дырявой спине, если увидеть эту дыру, то нечистая не сможет навредить¹³.

Затмение небесных светил вызывало страх и тревогу. По рассказам Т. Г. Рахматуллиной, когда случалось полное затмение солнца, то бабушки собирались в большом доме и, сидя у окон с зеркалами, молили вернуться солнце, боясь светопреставления¹⁴. «Во время затмения луны нужно читать молитвы. Какие знаете, те и нужно читать, тогда затмение быстро пройдет», — поведала информатор в Альшеевском районе З. С. Ахметгареева (Шамсутдинова).

Как показывают примеры, поведение башкир, согласно природному времени, тесно связано с древними мифологическими представлениями. В первобытном обществе человек проявлял особую бдительность к знакам, находя мистические связи во многих явлениях и событиях реальной жизни. Согласно верованиям, некоторые периоды дня и ночи, лунного месяца, года могли оказывать благоприятное или губительное воздействие. Во избежание несчастий их следовало учитывать наравне с предсказаниями и предзнаменованиями. Например, согласно религиозным представлениям даяков, каждый день имеет 5 времен. При этом границы первого

дня, воскресенья, фиксированы, в отношении остальных дней прибегали к гаданию. «Времена» воскресенья следующие:

Восход солнца, благоприятный для начала какого-нибудь дела. Дети, родившиеся в этот час, считаются счастливыми. Однако в этот момент не следует отправляться на охоту, на рыбную ловлю или в путешествие. Удачи все равно не будет.

Время около 9 утра считается несчастливым. Все, что начинается в такой момент, обречено на провал. Однако можно, не боясь разбойников, отправляться в путь-дорогу.

Полдень — «время» очень счастливое и т. д.¹⁵.

По сообщениям информаторов, башкиры основные дела старались решать в утреннее время суток, либо до захода солнца¹⁶.

Согласно материалам исследований, небесные светила — солнце, луна, а также созвездия играли существенную роль в жизни каждого этноса. Изменения фаз луны служили для определения времени. На наш взгляд, лунное время было более надежено сакральным смыслом. Одни фазы считались благоприятными для жизни, совершения определенных действий, а другие — опасными. Рассмотрим противопоставление начало/конец месяца. «Ай башы» — новолуние считалось благоприятным временем для хозяйственных и семейных начинаний; временем обращений к Всевышнему с молитвами о здоровье, благополучии. Первая стрижка волос, ногтей у ребенка, женитьба сына, строительство дома осуществлялись на молодой месяц. «Ай азағы» — исход месяца был неблагоприятным временем для хозяйственных и семейных начинаний, но благоприятным для изгнания духов болезней. «Ай араһы», «ай өзөгө» — безлуние считалось опасным пограничным временем. В этот период башкиры избегали резать скот, иначе на следующий год не будет приплода¹⁷.

В фольклоре башкир значительное место занимает образ луны. Каждая лунная фаза связана с понятием благополучного и неблагоприятного времени, с учетом которых определяли сроки наиболее важных семейных и общественных событий. Подобные поверья и правила существовали и у других народов. Так, например, согласно исследованиям А. Т. Толеубаева, казахи при определении сроков свадьбы обращали внимание не только на сезон года, но и на время месяца. Обычно предпочитали начало месяца (новолуние) или его середину (полнолуние). Информаторы объясняли это тем, что сравнительно светлые ночи удобны как для проведения ночных игр «алтыбакан» (качели), «аксуек» (игра с белой костью), так и для выполнения некоторых хозяйственных работ, невыполненных днем из-за свадьбы. Исследователь считает такое объяснение более поздним переосмыслением его семантики: «...эти поверья, возможно, проистекают из чисто биофизических изменений в поведении (в том числе сексуальном) животного и человека в связи с фазами луны»¹⁸. По мнению Р. М. Мустафиной, особенное отношение к циклам луны прослеживается в обрядовой пище казахов. Встреча нового года в день весеннего равноденствия, восходящая к древнеиранской традиции, была известна многим народам, в том числе древним тюркам. Согласно тюркскому календарю 12-летнего животного цикла, год начинается именно в этот день. В сущности, иранский по происхождению праздник Навруз наложился на древнетюркскую календарную традицию. На праздник ритуальное блюдо наурыз-коже готовят из первого молока отелившейся коровы и семи видов пищевых компонентов. Число 7, с которым казахи связывают благополучие в течение всего года, как и у всех народов, очевидно,

имеет математическое и астрономическое объяснение, основанное на его взаимосвязи с фазами и циклами луны¹⁹.

Запрет на совершение определенных видов деятельности касался не только дня и ночи, но и отдельных дней недели, даже календарных циклов. Исследователь русских волшебных сказок В. Е. Добровольская, проанализировав нормативный контекст фольклорного текста, выделила календарные, временные, социальные, гендерные и религиозные нормативы; нормативы, связанные с днем недели, возрастом, принадлежностью к общине (местный — неместный), с профессиональной принадлежностью; ситуативный норматив²⁰. Рассмотрим нормативы, связанные с категориями времени. По данным исследований Добровольской, регламентации подвергалось исполнение текста в определенный календарный цикл или сезон, различные части суток. Наиболее популярными в центральной и севернорусской традициях были запреты на пение песен в пост, загадывание загадок на Святки, рассказывание сказок летом, загадывание загадок, утреннее пение на Радуницу, заговоры и страшные рассказы днем. В том числе бытовал запрет на исполнение того или иного жанра фольклора в конкретный день недели (например, нельзя было произносить заговоры в понедельник). Существовали и возрастные нормативы: пожилым людям запрещалось петь песни, молодым — исполнять духовные стихи и т. п. При этом оппозиция старый/молодой обуславливалась не только возрастом, но и социальным статусом исполнителя²¹. По данным Ф. А. Надршиной, у башкир также существовал запрет, касающийся исполнения загадок в дневное время: «Днем загадки не загадывают, иначе ослепнешь»²². У тувинцев запрещалось рассказывать эпические произведения днем (обычно героические сказания исполнялись в зимние вечера); начатое сказание о богатырях нельзя было прерывать в середине повествования, следовало доводить его до конца или заканчивать в один вечер одну часть или сюжет повествования. Во время исполнения запрещалось спать, так как у того, кто спит во время слушания эпоса, жизнь сокращается²³.

Дни недели у башкир до сегодняшнего дня наделены определенными значениями. Так, наиболее удачными днями для начала новых дел считаются понедельник и среда. Во вторник нельзя отправляться в дорогу. Четверг и пятница связаны с религиозными представлениями. В пятницу нельзя заниматься домашними делами²⁴. Подтверждают сказанное материалы, записанные Р. А. Султангареевой в ходе полевых исследований: понедельник — день пожеланий и памяти пророка Мухаммеда; в память души пророка посвящаем подаяния, приношения. Вторник — напряженный, тревожный день: нельзя стричь волосы, ногти, начинать новую работу, выходить на дорогу. Среда — день приношения подаяний во имя собственного здоровья; день благополучен для подношений во имя плодородия скота, а также благотворен для целительных актов. Четверг — день прихода духов предков, очищения и вознесения молитв, приношения подаяний. Пятница — день благословения, благопожеланий, получения напутствий пожилых и приношений им хаир; день воздержания от всего агрессивного. Суббота — сухой день, нельзя начинать новые дела. Воскресенье — пустой день, день базара; молитвы посвящают тем, кто в пути²⁵.

Фольклорно-этнографические материалы показывают, что при соблюдении этикета башкиры ориентировались на эмпирическое восприятие времени. Например, в деревнях до сих пор, приглашая в гости, не называют точное время: «Малдары-гыззы карағас, килерһеғез» («После вечерней дойки коров»). Длительность событий,

установление времени определялось продолжительностью трудовых операций, протяженностью природных явлений и календарным циклом.

Таким образом, в традиционной культуре башкир при организации поведения природное время играло существенную роль. Согласно представлениям древних, определенное время суток, отдельные дни недели, месяца и года считались благоприятными и наоборот. Деятельность и взаимоотношения людей регламентировались многочисленными запретами и предписаниями сообразно мифологическим и эмпирическим представлениям о времени.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Цивьян Т. В.** Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2009. С. 122.
- ² Башкирское народное творчество : в 18 т. Т. 1 : Эпос. Уфа, 1987. С. 35 — 134.
- ³ Там же. С. 40.
- ⁴ Башкорт халык ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө, 2006. С. 33.
- ⁵ См.: **Цивьян Т. В.** Указ. соч.
- ⁶ См.: **Хисамитдинова Ф. Г.** Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 81.
- ⁷ Там же. С. 8, 198.
- ⁸ См.: Полевой материал автора. (Далее — ПМА).
- ⁹ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 199.
- ¹⁰ См.: ПМА.
- ¹¹ **Хисамитдинова Ф. Г.** Указ. соч. С. 198.
- ¹² См.: **Баязитова Р. Р.** Традиционный семейный этикет башкир : монография. Уфа, 2007. С. 156.
- ¹³ См.: Башкирское народное творчество. Т. 12 : Обрядовый фольклор. Уфа, 2010. С. 178.
- ¹⁴ См.: **Гончарова Г. И.** Народная культура башкир Абзелиловского района. Уфа, 2011. С. 31.
- ¹⁵ См.: **Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. М., 2010. С. 41.
- ¹⁶ См.: ПМА.
- ¹⁷ См.: **Хисамитдинова Ф. Г.** Указ. соч. С. 8 — 9.
- ¹⁸ **Толеубаев А. Т.** Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1991. С. 21 — 22.
- ¹⁹ См.: **Мустафина Р. М.** Ислам и реликты доисламских мировоззренческих традиций у казахов. Астана, 2010. С. 162 — 165.
- ²⁰ См.: **Добровольская В. Е.** Нормативный контекст фольклорного текста и его роль в бытовании фольклорной традиции // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. М., 2006. Т. 2. С. 428 — 449.
- ²¹ Там же. С. 431 — 435.
- ²² Башкирское народное творчество. Т. 7 : Пословицы и поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, 1993. С. 15.
- ²³ См.: **Орус-оол С. М.** Эпический репертуар Баазаная // Урал — Алтай: через века в будущее : материалы IV Всерос. науч. конф., посвящ. III Всемирн. курултайа башкир. Уфа, 2010. С. 246.
- ²⁴ См.: ПМА.
- ²⁵ См.: Башкирское народное творчество. Т. 12. С. 494.

Поступила 22.09.2017 г.

УДК 433

Н. А. Васканова
N. A. Vaskanova

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ XIX — НАЧАЛА XX в.

PEASANT FAMILY OF THE HILL MARI IN DESCRIPTIONS OF CONTEMPORARIES OF THE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: историография, крестьянская семья, горные маришцы, хозяйственные занятия, обряды, праздники.

В статье представлены обзор и анализ дореволюционной литературы по проблеме крестьянской семьи горных маришцев в XIX — начале XX в. Особое внимание уделяется историко-этнографическим описаниям, касающимся хозяйственных занятий и повседневного быта, семейных обрядов и обычаев горных маришцев.

Key words: historiography, peasant family, the Hill Mari, household activities, rituals, holidays.

The article provides an overview and analysis of the prerevolutionary literature on the problem of a Hill Mari peasant family in the XIX — the early XX century. Special attention is paid to historical and ethnographic descriptions relating to household activities and daily life, family rituals and customs of the Hill Mari.

В настоящее время изучение проблемы семьи и брака является одним из актуальных направлений отечественной исторической науки. Это обусловлено тем, что семья являлась и продолжает выступать в качестве важнейшего института общества. В последнее время в условиях снижения количества регистрируемых браков и одновременного увеличения числа разводов многие ученые отмечают кризис института семьи и брака как результат различных политических и социально-экономических преобразований в новейшей истории России. Анализ крестьянской семьи горных маришцев, проживавших в основном в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии, проводился нами на основе историко-этнографических материалов, собранных современниками на протяжении XIX — начала XX в.

Среди дореволюционных исследований значительную ценность представляют труды историков и этнографов, работавших под руководством различных научных обществ при Казанском университете, основанном в 1804 г. В числе таких исследований являются очерки А. А. Фукс, содержащие ценные этнографические материалы о горных черемисах Шерекеевского околотка д. Казбаш Козьмодемьянского уезда (сегодня — с. Кожважи Горномаришского района Республики Мариш Эл)¹. В них автор составила подробное описание системы расселения горных маришцев, основных направлений их хозяйственной деятельности (хлебопашество и животноводство), повседневного быта (внутреннее убранство дома, пища, одежда). Согласно исследованию Фукс, в жизни крестьянской семьи горных маришцев существенное внимание уделялось православным праздникам (Пасха, Петров день, Рождество) и празднику нового урожая (традиционно справлялся осенью после завершения сельскохозяйственных работ). Следует отметить, что в некоторых материалах Фукс даны

неточные названия праздников и обрядов, что объясняется незнанием автора горномарийского языка и кратковременностью работы с местным населением².

Одним из первых обратился к очеркам А. А. Фукс немецкий ученый А. Гакстаугаузен, посетивший горных марийцев в 1843 г.³ В своей работе он описал внутрисемейные отношения, подчеркнув зависимое положение женщины, а также характерный для марийской традиционной семьи принцип минората⁴.

С середины XIX в. прослеживается заметное оживление в изучении этнографии нерусских народов России, в том числе марийцев. Это было связано непосредственно с началом деятельности Русского географического общества. Одним из известных деятелей в данном направлении был чувашский просветитель-краевед С. М. Михайлов, внесший значительный вклад в изучение этнографии чувашского народа, материальной и духовной культуры горных марийцев⁵. В этом отношении представляют интерес его очерки о традиционной горномарийской свадьбе. В них автор подробно описал предсвадебные обряды, локализацию свадьбы, ее сценарий, выбор свадебных чинов, их функции, религиозное оформление брака, фольклор, устойчивые обрядовые элементы⁶. Ценным этнографическим материалом являются заметки Михайлова о праздновании календарных праздников (Масленица, Пасха) горными марийцами Казанской губернии. Эти источники уникальны тем, что в них широко использован сравнительный метод: быт горных марийцев сопоставлен с повседневностью русских и чувашей⁷.

Существенный вклад в изучение материальной и духовной жизни крестьянской семьи горных марийцев внес христианский просветитель середины XIX в. М. С. Кроковский, в совершенстве владевший горномарийским языком. В его историко-этнографических статьях изложены ценные сведения о хозяйственных занятиях и постройках, нормах поведения, особенностях языка, быте, пище, одежде, свадебных и похоронно-поминальных обрядах, народных праздниках, особенностях менталитета⁸. Наряду с другими исследователями он отмечал, что наиболее почитаемыми праздниками горных марийцев являются Рождество, Пасха и праздник нового урожая⁹. Данные утверждения свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время в жизни крестьянской семьи горных марийцев большую роль играла православная церковь, оказывавшая значительное влияние на внутренние устои семьи.

При анализе работы М. С. Кроковского, посвященной свадебному обряду горных марийцев, обнаруживается много сходных элементов, упоминаемых в других источниках, в частности, в заметках С. М. Михайлова. Так, например, в обоих источниках содержится описание обряда встречи молодоженов, во время которого мать жениха бросала невесте под ноги серебряное украшение *шалъгаму*¹⁰. Другой характерной чертой горномарийской свадебной обрядности является то, что перед входом невесты в дом жениха все гости старше ее возраста должны были на время покинуть жилище¹¹. Возможно, эти элементы свадебного обряда являлись более архаичными и строго соблюдались молодоженами.

Раскрытие обрядовой стороны жизни крестьянской семьи горных марийцев в большей степени отражено в описаниях приходских священников. Ценность этих источников заключается в том, что они были основаны на личных наблюдениях за прихожанами на протяжении длительного времени. Одной из таких работ являются историко-этнографические описания священника И. Яблонского, проживавше-

го среди горных марийцев в течение 5 лет¹². Основное внимание исследователь обращал на хозяйственные занятия и быт, язык и нравы, обычаи и поверья горных марийцев.

Семейные моления горных марийцев и их обряды жизненного цикла отражены в работе П. Знаменского¹³.

В 1870 — 80-е гг. тема жизнеописания горных марийцев получила дальнейшее развитие. В это время исследователи начали проявлять значительный интерес к изучению вопросов взаимоотношений семьи и общины, влияния обычного права. Актуальность подобных исследований объяснялась социально-экономическими изменениями, происходившими в стране в это время. В этой связи следует отметить работы члена губернского статистического комитета И. А. Износкова¹⁴. Он подготовил и опубликовал богатый фактический материал об обычаях горных марийцев, воссоздающий повседневную жизнь традиционной крестьянской семьи. Согласно Износкову, в рассматриваемое время жизнедеятельность крестьянской семьи горных марийцев определялась нормами обычного права. Уникальность источника заключается в том, что автор впервые показал роль сельской общины в жизни семьи.

С 1870-х гг. начались систематические этнографические исследования в Поволжье под руководством научных обществ, одним из которых являлось Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Актуальными стали исследования, посвященные традиционным верованиям марийцев. В этой связи выделяется работа известного российского этнографа А. Ф. Риттиха¹⁵. В ней автор собрал ценные сведения о хозяйственной, культурной, религиозной и повседневной жизни всех этнографических групп марийского народа — луговых, горных и восточных. Эти материалы дают возможность провести анализ внутрисемейных отношений, определить роль и положение женщины в марийской семье, способы решения семейных проблем и др.

В конце XIX в. исследователи продолжили изучение обрядовой стороны жизни крестьянской семьи горных марийцев. Так, например, в статье П. Кушелева, посвященной традиционной свадьбе горных марийцев Козьмодемьянского уезда¹⁶, дана подробная характеристика всех этапов горномарийской свадебной обрядности¹⁷.

Ценными представляются сведения, собранные священником Х. А. Родионовым — одного из многочисленных добровольных корреспондентов известного чувашского ученого Н. В. Никольского. В них содержатся описания хозяйственных занятий (хлебопашество, животноводство, ремесла и промыслы), духовной культуры горных марийцев. Уникальными являются материалы, отражающие рекрутские обряды этого народа. Особое внимание автором уделено повседневному быту крестьянской семьи (пища, одежда, вредные привычки и др.)¹⁸.

Таким образом, в дореволюционной литературе накоплен богатый материал о социально-экономическом и правовом положении крестьянской семьи горных марийцев. В наибольшей степени были изучены хозяйственные занятия, повседневный быт, обрядовая сторона жизни горномарийской семьи, ее обычаи и праздники, что в значительной мере дает возможность представить внутреннюю жизнь крестьянской семьи горных марийцев в XIX — начале XX в. Вместе с тем не все семейные обряды получили широкое освещение. Так, например, родильный обряд раскрыт менее подробно в сравнении со свадебным и похоронно-поминальным обрядами горных марийцев. Такие аспекты исследования, как внутрисемейные отношения, поколенный

и возрастной состав марийской семьи, ее типология, демографическая характеристика не были комплексно отражены в дореволюционной литературе и требуют дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Фукс А. А.** Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1920.

² Там же. С. 260 — 261.

³ См.: **Гакстгаузен А.** Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 2017.

⁴ См.: **Смирнов И. Н.** Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе // Археология и этнография марийского края. 1984.

⁵ См.: **Михайлов С. М.** Собрание сочинений. Чебоксары, 2004.

⁶ См.: **Васканова Н. А.** Вклад С. М. Михайлова в изучение этнографии горных мари // Краеведческий музей: история, коллекции, люди : сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2016. С. 12.

⁷ См.: **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 163.

⁸ См.: История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века. Йошкар-Ола, 2016.

⁹ См.: **Кроковский М.** Горные черемисы в Казанской губернии // Журн. Мин-ва внутренних дел. СПб., 1853. Ч. 41, кн. 1 — 3.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ См.: История и культура народов Марий Эл... С. 21.

¹² См.: **Яблонский И.** Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов: Васильского Нижегородской и Козьмодемьянского Казанской губерний // Современ. листок. 1865. № 55 — 56.

¹³ См.: **Знаменский П.** Горные черемисы Казанского края : (Из наблюдений очевидца) // Вестн. Европы. 1867. Т. 4.

¹⁴ См.: **Износков И.** Обычаи горных черемис : Гражданское право // Памятная книжка Казанской губернии на 1868 — 1869 гг. Казань, 1868 ; **Его же.** Обычаи горных черемис : Уголовное право // Тр. Казан. губерн. стат. комитета. Казань, 1869. Вып. 2.

¹⁵ См.: **Риттих А. Ф.** Материалы по этнографии России. Т. 14 : Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 2.

¹⁶ См.: **Кушелев П. С.** Черемисская свадьба : Из быта черемис Козьмодемьян. уезда Казан. губернии // Вят. губерн. ведомости. 1893.

¹⁷ См.: **Кушелев П. С.** О свадьбе марийцев во второй половине XIX века. // Мар. археограф. вестн. 1998.

¹⁸ См.: **Иванов А. Г., Николаев Г. А.** Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х. А. Родионова начала XX века // Там же. 2008. № 18.

Поступила 23.11.2017 г.

УДК 94(571)

Л. А. Таймасов, А. К. Идиатуллов
L. A. Taymasov, A. K. Idiatullof

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В НИКОЛАЕВСКОМ РАЙОНЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS SITUATION IN THE NIKOLAEVKA DISTRICT OF THE ULYANOVSK REGION

Ключевые слова: религиозная ситуация, национальная культура, традиции, трансформация, русские, мордва, татары, чувашы.

В статье анализируются новейшие тенденции в современной религиозной и этнокультурной жизни Николаевского района Ульяновской области; дается краткий анализ этнического состава района; указываются причины депопуляции мордовского населения.

Key words: religious situation, national culture, traditions, transformation, the Russians, the Mordvins, the Tatars, the Chuvashes.

The latest trends in modern religious and ethnocultural life of the Nikolaevka District of the Ulyanovsk Region are analyzed in the article, a brief analysis of the ethnic composition of the area is made and the causes of depopulation of the Mordovian population are indicated.

Трансформации, которые переживают российские регионы в постсоветский период, характеризуются заметными противоречиями в развитии культурного процесса у конкретных этносов, на конкретных территориях¹. В известном смысле происходит локализация отдельных этнических и религиозных культур². В этой связи выяснение специфики этнокультуры на примере отдельных регионов, в том числе районного уровня, представляет несомненный интерес для этнографии.

Николаевский район расположен на юге Ульяновской области и граничит с Павловским и Старокулаткинским районами на юге, Барышским и Кузоватовским — на севере, Новоспасским и Радищевским — на востоке, а также с Пензенской областью — на западе. Общая численность населения — 27 144 чел.

Освещение специфики современных тенденций в религиозной и этнокультурной жизни района основывалось на статистических данных, материалах интервью и анализе ряда публикаций.

Доля «нерусского» населения в районе — 54,17 %, поэтому он занимает 4-е место в области, уступая только Старокулаткинскому, Новомалыклинскому и Цильнинскому районам. В целом этническая структура района такова: русские составляют 45,83 %, мордва — 26,66, татары — 23,88, чувашы — 1,82, украинцы — 0,39, армяне — 0,43, азербайджанцы — 0,05, другие национальности — 0,94 %³. К югу от р. Канадейки, что делит район на две приблизительно равные части, находится область расселения мордвы, на северо-западе — татар и чувашей.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-11-73601е(р)

В последние годы в Николаевском районе увеличилась численность народов с Кавказа и Средней Азии. Об этом свидетельствуют не только статистические материалы, но и наблюдения самих жителей. Показательно, что изменения национального состава фиксируются ими не столько в целом по району, сколько на примере собственных населенных пунктов. Из интервью респондентов: «До [19]90 г. в Канадее проживало 99,9 % русских. Было несколько смешанных браков с татарами и мордвой. Было не заметно. Их было 1, 2. Потом стали приезжать массово армяне, потом их стало меньше, всегда у нас были цыгане. Был даже целый класс (цыган. — *А. И.*). Они начальную школу заканчивают и массово уходят. Одни семьи уезжали, другие приезжали. Если кто-то умирает, то семья уезжает. Потом стали появляться татары, мордва, чуваша. В основном из близлежащих сел. Мордва из Холстовки Павловского района, когда стал развиваться совхоз» (женщина, 41 год, с. Канадей, учитель, русская). «Цыгане появились, уже 8 — 9 лет (назад. — *А. И.*). Оседлые цыгане» (женщин, 52 года, пгт Николаевка, учитель, русская).

Все респонденты отмечали общий рост интереса среди населения к национальной культуре, особенно после распада СССР. Однако в большей степени он прослеживался в ответах мордовских респондентов. Этот факт заслуживает особого внимания, так как на территории Ульяновской области на протяжении нескольких десятилетий отмечается снижение абсолютной численности и доли этого коренного поволжского народа. Так, например, если в 1970 г. доля мордвы среди населения области составляла 5,7 %, то в 2010 г. — только 3,3 %. Две последние переписи населения зафиксировали эту тенденцию и в пределах района: доля мордвы сократилась с 28,56 до 26,66 %, или на 1 426 чел. (что составляет 16,46 % от численности 2002 г.). Значительнее сократилась только численность чувашей — на 217 чел. (25,23 % от численности 2002 г.) и украинцев — на 102 чел. (49,04 % от численности 2002 г.). В меньшей степени депопуляция коснулась русских, численность которых за 8 лет сократилась на 997 чел. (7,42 % от численности 2002 г.) и татар — 503 чел. (7,2 % от численности 2002 г.)⁴.

Существенное сокращение мордовского населения — второго этноса в районе особенно показательно на фоне в целом благоприятных условий для возрождения и сохранения мордовской культуры, созданных за последние десятилетия в регионе. В частности, подлинным центром сохранения и популяризации мордовской культуры является с. Баевка, особенно Баевская средняя образовательная школа. Из интервью: «Одним из направлений нашей школы — изучение истории, культуры и быта мордовского народа. Фольклорная группа „Килене“ — „Березонька“ — проводим праздники для жителей — День родного языка, танцуют, показывают обряды. Костюмы красочные, стилизованные нам подарила Республика Мордовия, у нас очень тесные связи. В этих костюмах выступаем» (женщина, 55 лет, с. Баевка, учитель, мордовка).

Не менее значимый вклад в актуализацию мордовских традиций вносит и деятельность местного отделения национальной культурно-просветительской мордовской организации «Лисьмапря» во главе с Яшкиным Григорием Сергеевичем, уроженцем с. Баевки. Из интервью: «Руководитель районного общества мордовского, он не оставляет нас, будоражит нас. Баевка — районная площадка по изучению истории, культуры мордвы. Экспериментальная площадка регионального уровня» (женщина, 55 лет, с. Баевка, учитель, мордовка).

Значение Баевки, а также деятельность «Лисьмапря» как мощного этнокультурного ядра района отмечается и жителями других поселений района. Из интервью: «Баевка является центром мордовской культуры. Мы работаем по патриотическому воспитанию, а к ним приезжают члены „Лисьмапря“, они организуют на базе Баевской школы (мероприятия. — *А. И.*). Она — как национальная, мордовский язык преподают там» (женщина, 52 года, пгт Николаевка, учитель, русская).

Можно предположить, что численность мордвы в районе сокращается не из-за ассимиляционных процессов, условия для которых малоблагоприятны: это и моноэтничные мордовские села, в которых редки межнациональные браки (Баевка, Дубровка, Барановка, Телятниково, Андреевка, Никитино), и активная деятельность мордовских объединений («Лисьмапря», педагоги Баевской СОШ). На наш взгляд, снижение доли мордвы в регионе объясняется эмиграцией (особенно молодежи) в близко расположенную к району Республику Мордовия. Данная точка зрения прослеживается и в ответах респондентов: «У нас очень хорошо агитирует Мордовия (в мордовские вузы. — *А. И.*). Ульяновские вузы дорогие очень. Больше учатся в Саранске и Пензе, меньше — в Ульяновске. Наши студенты поступают в Мордовский государственный университет на льготных условиях» (женщина, 61 год, с. Баевка, учитель, мордовка).

Помимо «Лисьмапря», в Николаевском районе действуют и другие национальные объединения: местное отделение национальной культурно-просветительской татарской автономии, местное отделение национальной культурно-просветительской чувашской организации⁵, а также объединение «Русский дом», которое базируется в Николаевке.

По мнению большинства респондентов, неподдельный интерес к национальной культуре в районе, отмечаемый в последние 5 — 10 лет, во многом связан с деятельностью администрации. Из интервью: «У нас в районе буквально недавно такая традиция появилась: фестиваль „Народные узоры“. Он проходит 12 июня и приурочен ко Дню России. В связи с приходом к руководству района Ризаева Александра Николаевича. Мы ему за это благодарны. Он стал на первый план выставлять истоки уважения к этим культурным традициям, именно он был родоначальником того, чтобы появился этот фестиваль. У него идея сделать этот фестиваль не только районным, но и межрайонным, выйти на областной уровень, и к нам в этом году уже приезжали с Кубани казаки, выступали. А смысл этого фестиваля в том, что создаются национальные подворья. Плетнями огораживается территория. Мордва, русские, чуваша, татары, цыгане и армяне, 6 подворий выставляются в Николаевском парке в этот день, которые работают до торжественного концерта. Это не диаспоры, не объединения. Известно, какие села по национальному составу. Одни — за это подворье, другие — за другое. Выставляется национальная кухня. Мы готовим пироги, национальные блюда, рыбу, блины. Так — каждая национальность. Выставляют стенд с историей развития сел, все это представляется в национальных костюмах, обыгрывается это все. Наряжаемся» (женщина, 41 год, с. Канадей, учитель, русская).

Сложно судить, насколько глубоко данный фестиваль вошел в массовое сознание местных жителей. Как справедливо отметил респондент, национальная культура здесь в ряде случаев только «обыгрывается», «представляется», однако сама тенденция к росту популярности мероприятия очевидна.

В Николаевском районе возрос также интерес к религии. Наибольшее число верующих — последователи христианства и ислама. Действуют 4 церкви: Николая

Чудотворца — в Николаевке, церковь Марии Магдалины — в Тепловке, церковь Михаила Архангела — в Мордовском Канадее, церковь Михаила Архангела — в Баевке⁶. Еще 11 церквей в районе не действующие, частью заброшены, находятся в полуразрушенном состоянии. При этом до распада СССР в районе не было ни одного действующего православного храма.

Однако не стоит забывать, что ренессанс православия, проявляющийся сегодня в церковном строительстве, увеличении числа приходов, не всегда имеет непосредственное выражение в обрядовой практике и религиозном опыте. Действительно, материалы интервью зафиксировали несколько противоречивый характер религиозного возрождения в регионе. Чаще респонденты говорили о том, что интерес местного населения к православию неподдельный, искренний, живой, особенно среди молодежи. Из интервью: «Очень большое влияние оказывает церковь, очень большое, и молодежь почитает традиции, перед праздником надо сходить в церковь, пойдут, поставят свечку поставят. Идет приобщение духовное. Когда мы были маленькими, запрещалось все это, никак нельзя было. А сейчас в храм водят детей с малолетства. Это значит, они вырастут какими? Понятно, какими они вырастут» (женщина, 61 год, с. Баевка, учитель, мордовка). «Венчаются у нас все, у нас даже из других сел приезжают, не в Николаевку — в церковь, а в Баевку. По настоятелю, по-духовному. У нас очень торжественно это проходит, молодые венчаются. Венчание для мордвы означает на всю жизнь. Батюшка проводит беседу. И на себя взять такое обещание — это много значит. А у нас это стало правилом» (женщина, 55 лет, с. Баевка, учитель, мордовка). «Больше приходов стало, священнослужителей, они пошли в школу, проводят беседы, классные часы, 1 сентября батюшка приходит, 25 января в Татьянин день приходит, службу проводит (присутствуют ученики 7 — 11-х классов), освящает школу 25 августа, часа три на это уходит. Церковь битком забита, детей стало много, не только на большие праздники. Рождество, Пасха, поминальные — всегда. Церковь возобновили. Лет 25 назад. Батюшка приходил каждую неделю, он брал учеников с 1-го по 11-й класс, проводил с ними цикл бесед. Лет 15» (женщина, 52 года, пгт Николаевка, учитель, русская). «В Санкт-Петербург ездили, дети посещали храмы. Сами просят. Ездили в Мордовский Канадей, ученики говорят: „Откройте нам храм, мы хотим свечи поставить“, в Арское ездили, в Наровчат очень хорошо ездили, им тоже очень интересно, в Саранск — дети просят пойти первым делом в храм» (женщина, 52 года, пгт Николаевка, учитель, русская).

В ответах респондентов встречаются и более сдержанные оценки глубины религиозного чувства православных верующих: «На словах религия возрождается, а на деле — как бы „не очень“. Даже в мелких селах, даже менее заселенных, и то у них уже построены церкви, а у нас — только молельный дом, в бывшей квартире. И, вроде, население как бы и пытается, вносит вклад посильный, но дальше фундамента дело не двигается, хотя, вроде, и проект есть, и церковь должна быть очень красивой. В Троице, Масленице наши дети принимают участие постоянно» (женщина, 41 год, с. Канадей, учитель, русская).

Таким образом, в материалах интервью прослеживаются сложность и противоречивость возрождения православия в регионе.

На территории района действуют также 11 мечетей: 3 — в Большом Чирклее и Ахметлее, 2 — в Татарском Саймане, по одной — в Курмаевке, Никулино и Николаевке⁷. Религиозность татарской молодежи оценивается респондентами в основном

высоко, что подтверждает принятую в этнографии точку зрения об исключительной религиозности татар-мишарей⁸. Из интервью: «Среди татар это [религиозность] всегда было. Приглашали имама в школу, он молодой. Чаще приглашаем чирклейского имама — грамотный. Последняя встреча была по весне — на тему интернет-зависимости. Татар в школе — 36 человек, я заметила уважение татар к своей религии больше, чем у нашей, была тишина в классе. До того он построил свою беседу. Он смог это преподнести, нашел нужные слова для детей. Я вышла, у меня самой крылья появились» (женщина, 52 года, пгт Николаевка, учитель, русская).

Отметим также, что, несмотря на признаки этнокультурного и религиозного возрождения, люди разной национальности в районе живут в целом мирно, ярко выраженные конфликты на религиозной и национальной почве отсутствуют. Из интервью: «Разбросано, все перемешано. Живем дружно. Разногласий на национальной почве никогда не было. Таких, чисто бытовых, разногласий — это сколько угодно, где угодно. И в школе не было разногласий. Коллектив стремился все это сглаживать» (женщина, 41 год, с. Канадей, учитель).

Таким образом, современная религиозная и этнокультурная ситуация в Николаевском районе в целом остается стабильной и характеризуется некоторым ростом интереса представителей местных народов к собственному языку, национальной культуре и религии. Это находит выражение в образовательных программах школ (с. Баевка), в проведении праздников и фестивалей, имеющих ярко выраженную этническую специфику («Народные узоры»), в росте числа национальных объединений, церквей и мечетей. Однако интерес к «национальному» и «религиозному» не редко носит игровой, постановочный характер, что позволяет сделать вывод о неровности процесса этнокультурного и религиозного возрождения в регионе.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Садыкова Х. Н.** Этнокультурная ситуация в Тюменской области // Социосфера. 2013. № 3. С. 173 — 176. С. 173.

² См.: **Малыгина И. В.** Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестн. МГУКИ. 2011. № 3 (41). С. 46.

³ См.: Народы и конфессии Ульяновской области в начале XXI в. : фотоиллюстрир. альб. 2015. 112 с. С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Официальный сайт Администрации муниципального образования «Николаевский район» Ульяновской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nikolaevka.ulregion.ru> (дата обращения 15.09.2017).

⁶ Николаевский район (Ульяновская область), церкви и монастыри, карта [Электронный ресурс]. URL: <http://sobory.ru> (дата обращения 15.09.2017).

⁷ Официальный сайт Администрации муниципального образования «Николаевский район»...

⁸ См.: **Хайретдинов Д. З.** Духовно-образовательные традиции нижегородских татар // Вестн. Москов. пед. гор. ун-та. 2015. № 1 (17). С. 34 ; **Его же.** Основные аспекты бытования ислама среди нижегородских татар в XVII — XVIII вв. // Исламоведение. 2015. № 2. С. 34.

Поступила 17.10.2017 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 304

Ю. Н. Пахомов
Yu. N. Pakhomov

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

TO THE QUESTION OF NECESSITY OF STATE SOCIAL POLICY ADJUSTMENT

Ключевые слова: потребление, среднедушевой доход, средняя заработная плата, пенсия, прожиточный минимум.

В статье на основе данных официальной статистики выявляются основные тенденции жизненного уровня россиян в последние годы; обосновывается необходимость внесения изменений в реализуемую государством социальную политику.

Key words: consumption, average per capita income, average salary, pension, living wage.

Based on official statistics, the main trends of the living standards of Russian citizens in recent years are revealed in the article, the need for adjustments in the state-implemented social policy is substantiated.

Цели политики Российской Федерации как социального государства закреплены в ст. 7 ч. 1 Конституции РФ, одна из которых — обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан¹.

Одно из важных направлений социальной политики, которая, как известно, является частью общей политики государства, — содействие повышению уровня благосостояния граждан, улучшению условий жизни, удовлетворению материальных и духовных потребностей людей, совершенствованию их образа жизни в целом.

Однако сегодня специалисты все чаще говорят о переживаемом россиянами продолжительном периоде постоянного снижения доходов². Социологи подтверждают это результатами опросов населения. Так, по данным, полученным в ходе опроса населения, организованного агентством «Ромир» в ноябре 2017 г., 20 % российских семей оценили свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое», а 4 % участников опроса сообщили, что «еле сводят концы с концами»³.

В первую очередь продолжительное падение уровня жизни ведет к гуманитарным потерям, сказывается на здоровье людей, ограничивает возможности их образования и гармоничного развития, влияет на репродуктивные установки, что уже в недалеком будущем может сказаться на демографическом и экономическом развитии страны.

Снижение текущего потребления, вызванное падением доходов людей и/или снижением их покупательской способности, ведет к реальным потерям уже сегодня, поскольку замедляет наметившийся в 2017 г. в нашей стране экономический рост.

О том, насколько важным для экономики является рост уровня жизни населения страны, свидетельствует тот факт, что при оценке экономической безопасности страны, согласно Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г., используется ряд социально-экономических индикаторов, характеризующих уровень жизни: валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности); уровень инфляции, коэффициент напряженности на рынке труда; доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения; доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; распределение численности занятых в экономике по уровню образования; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного населения и 10 % наименее обеспеченного населения); доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения.

На основе материалов официальной статистики проанализируем основные индикаторы уровня жизни россиян в динамике за 2010 — 2016 гг. Данные Росстата показывают, что фактическое конечное потребление домохозяйств за 2010 — 2016 гг. (хотя в текущих ценах почти удвоилось)⁴ изменилось мало. Так, по отношению к ВВП страны этот показатель увеличился всего на 0,9 п. п. Однако в сравнении с 1992 г. прогресс очевиден — относительный показатель вырос в 1,4 раза.

В 2010 — 2014 гг. фактическое конечное потребление ежегодно возрастало, в целом за 5 лет прирост составил 23 %, но последовавшее в 2015 — 2016 гг. существенное снижение потребления (на 12,5 %) значительно скорректировало итоговый показатель — прирост за 2010 — 2016 гг. составил всего 7,6 % в постоянных ценах (табл. 1).

Таблица 1

**Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения России
в 2000 — 2016 гг.**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, % к ВВП	52,3	57,3	59,8	58,8	59,4	61,8	61,3	59,9	60,7
к предыдущему году	105,9	110,8	104,3	105,8	105,9	103,5	101,7	91,2	95,9
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2 281	8 088	18 958	20 780	23 221	25 928	27 767	30 467	30 738
Реальные располагаемые денежные доходы, % к предыдущему году	112	112	106	100	105	104	99	97	94

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	2 223	8 555	20 952	23 369	26 629	29 792	32 495	34 030	36 746
Реальная начисленная заработная плата работников, % к предыдущему году	121	113	105	103	108	105	101	91	101
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694,3	2 364	7 476	8 203	9 041	9 918	10 786	11 986	12 391
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	128	110	135	101	105	103	101	96	97

Составлена по: Краткий статистический сборник. М., 2017. С. 117 — 119 ; Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2016. С. 137.

В структуре потребления россиян, измеренного в текущих ценах, доля такого источника, как социальные трансферты в натуральной форме, немного увеличилась (с 13,6 % в 2000 г. до 13,8 % в 2015 г.). Одновременно уменьшилась доля денежных расходов на покупку товаров и оплату услуг (с 78,6 % в 2000 г. до 72 % в 2015 г.). При этом резко возрос удельный вес такого источника потребления, как продукция собственного производства (с 7,7 % в 2000 г. до 14,2 % в 2015 г.) (табл. 2). Это свидетельствует об общем снижении жизненного уровня населения.

Таблица 2

**Фактическое конечное потребление домашних хозяйств
в Российской Федерации**

Показатель	2000 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
в текущих ценах, млрд руб.							
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	3 813	27 962	35 100	39 807	44 052	48 105	50 241
В том числе за счет: расходов домашних хозяйств	3 295	23 617	29 964	34 333	38 068	41 610	43 331
Из них: денежные расходы на покупку товаров и оплату услуг	2 996	22 444	24 706	28 308	31 695	34 997	36 195
потребление товаров и услуг в натуральной форме	299	1 173	5 258	6 025	6 373	6 613	7 136
потребление продукции собственного производства	295	1 172	5 257	6 024	6 372	6 612	7 135
социальных трансфертов в натуральной форме	518	4 345	5 136	5 474	5 984	6 495	6 910

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Из них расходов государственно-управления на индивидуальные товары и услуги	439	4 119	4 911	5 226	5 727	6 207	6 577
в сопоставимых ценах; % к предыдущему году							
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	105,9	104,3	105,8	105,9	103,5	101,3	91,3
В том числе за счет: расходов домашних хозяйств	107,3	105,5	106,8	107,4	104,4	101,5	90,4
социальных трансфертов в натуральной форме	99,9	97,7	100,5	96,8	98,3	100,2	97,2

Составлена по: Российский статистический ежегодник. С. 138.

В сопоставимых ценах динамика потребления выглядит несколько иначе. Расходы домашних хозяйств увеличивались ежегодно на 5 — 7 п. п. к уровню предыдущего года до 2013 г. Сокращение показателя отмечается только в 2015 г. (на 9,6 п. п. к уровню 2014 г.). Статья социальных трансфертов в натуральной форме, напротив, почти ежегодно сокращалась. За исключением 2011 и 2014 гг., когда отмечался небольшой прирост показателя (на 0,5 и 0,2 п. п. соответственно).

Среднедушевые денежные доходы россиян в 2010 — 2016 гг. возросли в 1,6 раза. Однако реальный прирост куда скромнее — 4,5 %. За последние 3 года реальные располагаемые доходы, согласно нашим расчетам, уменьшились почти на 10 % (см. табл. 1).

Основной источник денежных доходов большинства россиян — заработная плата. Следует заметить, что ее удельный вес в структуре доходов за 1992 — 2016 гг. уменьшился почти на 9 п. п. При этом почти на 5 п. п. увеличилась структурная доля второго по значимости источника — социальные выплаты, в 2016 г. они формировали 19 % денежных доходов россиян. До 6 % увеличился удельный вес доходов от собственности. Следующий источник доходов — доходы от предпринимательской деятельности, обеспечивавшие в 2000 г. более 15 % денежных доходов, почти ежегодно сужается, в 2016 г. на него приходилось менее 8 % денежных доходов россиян (табл. 3).

Таблица 3

**Структура денежных доходов населения России
в 2000 — 2016 гг., % к общему объему**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Денежные доходы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:									
доходы от предпринимательской деятельности	15,4	11,4	8,9	8,9	9,4	8,6	8,4	7,9	7,8
оплата труда*	62,8	63,6	65,2	65,6	65,1	65,3	65,8	65,6	64,7
социальные выплаты	13,8	12,7	17,7	18,3	18,4	18,6	18,0	18,3	19,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
доходы от собственности	6,8	10,3	6,2	5,2	5,1	5,5	5,8	6,2	6,3
другие доходы	1,2	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0

* Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату.

Составлена по: Краткий статистический сборник. С. 126 ; Российский статистический ежегодник. С. 139.

Для подавляющего большинства россиян главным, а часто и единственным источником доходов остается заработная плата. За 2010 — 2016 гг. номинально она выросла в 1,8 раза. Однако реальный рост — на 13,8 %.

Средний размер назначенных пенсий увеличился за 2010 — 2016 гг. в 1,7 раза, их реальный размер — на 38,7 %. Более высокий показатель реального роста пенсии по сравнению с заработной платой объясняется резким повышением пенсии в 2010 г. (на 35 % в реальном исчислении), в последующие годы прирост пенсий был более низким, чем заработной платы. В 2015 — 2016 гг. отмечается падение обоих рассматриваемых показателей в сопоставимых ценах. Обращаем внимание на то, что соотношение денежных доходов, заработной платы и пенсий с прожиточным минимумом начали ухудшаться раньше — с 2013 г. (табл. 4).

С 2013 г. стабильно возрастала в РФ и численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В 2016 г. бедных людей в России было 19,8 млн чел., или 13,5 % населения страны. Это гораздо выше, чем принятый при оценке экономической безопасности уровень — 7 %*.

Таблица 4

Динамика показателей бедности в России

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Соотношение с величиной прожиточного минимума, %:									
среднедушевых денежных доходов	189	268	333	326	357	355	345	314	313
среднемесячной номинальной начисленно заработной платы работников	168	263	341	340	378	379	374	325	347
среднего размера назначенных пенсий	76	98	165	163	177	165	163	151	153
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн. чел.	42,3	25,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,5	19,8

* Наиболее часто цитируется и используется система показателей экономической безопасности и их пороговых значений, предложенная С. Ю. Глазьевым.

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% от общей численности населения	29,0	17,8	12,5	12,7	10,7	10,8	11,2	13,3	13,5

Составлена по: Краткий статистический сборник. С. 120 — 121 ; Российский статистический ежегодник. С. 137.

За 2000 — 2016 гг. неравенство в распределении денежных доходов между разными группами населения РФ усилилось. На низшую квинтильную группу в 2016 г. приходилось 5,3 % общего объема денежных доходов населения РФ, это меньше, чем в 2000 г. Уменьшились и структурные доли второй и третьей квинтильных групп. На 20%-ю группу с самыми высокими доходами приходится более 47 % общего объема денежных средств, это на 0,4 п. п. больше, чем в 2000 г. (табл. 5).

Таблица 5

Распределение общего объема денежных доходов населения России в 2000 — 2016 гг., %

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Денежные доходы — всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по 20%-м группам населения:									
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,4	5,2	5,2	5,2	5,2	5,2	5,3	5,3
вторая	10,4	10,1	9,8	9,9	9,8	9,8	9,9	10,0	10,0
третья	15,1	15,1	14,8	14,9	14,9	14,9	14,9	15,0	15,0
четвертая	21,9	22,7	22,5	22,6	22,5	22,5	22,6	22,6	22,6
пятая (с наибольшими доходами)	46,7	46,7	47,7	47,4	47,6	47,6	47,4	47,1	47,1

Составлена по: Краткий статистический сборник. С. 131 ; Российский статистический ежегодник. С. 156.

Коэффициент дифференциации доходов, характеризующий степень социального расслоения и определяемый как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами в РФ в 2016 г., составлял 15,6 раза⁵. Пороговое значение для этого показателя — 8 раз⁶.

В 2017 г., по предварительным данным, рост реальных зарплат россиян стал устойчивым, однако за этим не последовало роста реальных доходов. В январе — ноябре 2017 г. среднемесячная начисленная заработная плата с поправкой на инфляцию увеличилась на 3,2 %, а реальные располагаемые доходы (те, что остаются после уплаты всех обязательных платежей) снизились на 1,4 %⁷.

Дифференциация российских регионов по уровню жизни продолжает оставаться сильной: в 2015 г. различия в показателе ВВП в расчете на душу населения составляли почти 32 раза (Ненецкий АО 185 869 долл. США по ППС на душу населения

и г. Севастополь 5 876 долл. США по ППС)⁸. Это провоцирует массовые перемещения трудоспособного населения в поисках работы и лучшей жизни. Некоторые регионы вследствие массового оттока молодежи испытывают дефицит кадров. Так, Республика Мордовия относится к числу регионов, лидирующих по уровню инновационного развития⁹ и нуждающихся в высококвалифицированных кадрах. По статистике, уровень занятости населения один из самых высоких в стране, а уровень безработицы ниже ее естественного уровня (неизбежных периодов незанятости вследствие смены сезонов и связанного с этим спада деловой активности, перерывов в работе, вызванных ее сменой и поиском новой работы и др.). В таких условиях человеческий фактор может серьезно ограничить возможности экономического развития региона.

Итак, с 2013 г. доходы россиян падают. Число бедных растет и почти в 2 раза превышает пороговое значение, принятое при оценке уровня экономической безопасности. Сохраняется высокая степень имущественного расслоения населения, что также представляет угрозу экономической безопасности и социальной стабильности и требует корректировки социальной политики государства, принятия неотложных мер, направленных на преодоление бедности и уменьшение различий в доходах.

Библиографические ссылки

¹ URL:<http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 09.01.2018).

² См.: **Липатова Л. Н., Тиньгаева М. В.** Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2009. № 1 (11). С. 41 — 53 ; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 7 — 20 ; **Игнатьева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Региональные аспекты экономического развития (человеческий потенциал) // Studium. 2014. № 1 — 2 (30 — 31). С. 3 ; **Липатова Л. Н., Имярек С. М., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Характеристика жизненного уровня населения в контексте вопросов экономической безопасности // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. СПб. 2015. № 5 (2). С. 26 — 37 ; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // XV Макаркин. науч. чтения «Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты». Саранск, 28 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://elibrary.ru/item.asp?id=23722549> (дата обращения: 09.01.2018) ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Липатова Л. Н.** Развитие человеческого потенциала в российских мегаполисах // Экономическая культура мегаполиса : сб. тезисов V Международ. науч. конф. Центра исслед. эконом. культуры фак. свободных искусств и наук СПбГУ. СПб, 2016. С. 71 — 73 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104 ; **Липатова Л. Н.** Основные тенденции и проблемы гуманитарного развития в

регионах Приволжского федерального округа // Социальный и духовный потенциалы региона и их реализация : материалы Всерос. научно-практ. конференции с междунар. участием. Уфа, 2017. С. 257 — 264 ; **Липатова Л. Н.** Сравнительная характеристика условий формирования человеческого потенциала в регионах Приволжского федерального округа // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. научно-практ. конф. : в 2 т. Н. Новгород, 2017. Т 1. С. 158 — 162.

³ URL: <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/rossiyane-bedneyut-i-schitayut-eto-normoy-1012801279> (дата обращения: 09.01.2018).

⁴ См.: Россия в цифрах : краткий стат. сб. М., 2017. С. 117.

⁵ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2017. С. 272.

⁶ См.: **Глазьев С. Ю.** Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997. С. 164 — 165.

⁷ URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/12/2017/5a40c6199a79471680ef8f9fhttps://www.rbc.ru/economics/28/12/2017/5a40c6199a79471680ef8f9f> (дата обращения: 09.01.2018).

⁸ См.: Экологические приоритеты для России : доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. М., 2017. С. 275 — 279.

⁹ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М., 2017. Вып. 5 С. 19.

Поступила 22.01.2018 г.

УДК 338.2

С. Б. Рудич
S. B. Rudich

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

MAIN METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF REGIONAL INNOVATION SYSTEMS CONSTRUCTION

Ключевые слова: регион, региональная инновационная система, конкурентоспособность, концепция РИС, методологические принципы.

В статье обоснована возможность и необходимость планового, целенаправленного процесса построения и развития региональных инновационных систем; выделены основные методологические принципы построения таких систем.

Key words: region, regional innovation system (RIS), competitiveness, RIS concept, methodological principles.

The possibility and necessity of a planned, purposeful process of regional innovation systems construction and development are substantiated in the article, the main methodological principles of constructing such systems are outlined as well.

События первой половины XXI в. свидетельствуют, что расстановка сил на мировой арене все больше зависит от наличия способности генерировать передовые

технологии и знания, т. е. возможность доступа к тому или другому все больше выступает как «единственная наиболее значимая движущая сила долговременного процесса экономического роста»¹. Практика показывает, что государства, которые вкладывают значительные средства в разработку технологий, развиваются быстрее, чем соседние страны. Причем это достигается не только по причине более высоких доходов, получаемых от новейших технологий, но и в результате возникновения эффектов мультипликации, агломерации внешнего эффекта, которые генерируются инновационными центрами, а также их более высокого потенциала в аккумуляровании инновационных притоков².

В то же время, по мнению Ч. Эдквиста, единственная концептуальная платформа, на которой должны изучаться современные инновационные процессы — это концепция инновационных систем: «Если мы хотим описать, понять, объяснить и, возможно, повлиять на инновационные процессы, мы должны учесть все важные факторы, определяющие инновации и влияющие на них. Подход с точки зрения инновационных систем — в различных формах — предназначен для этого. Попытки понять структуру и динамику таких систем находятся в центре современных представлений об инновационных процессах»³.

В то же время процессы глобализации мирового экономического пространства привели к тому, что региональные производственные кластеры стали играть все большую роль в международной конкуренции⁴. Вследствие данного факта роль региона в экономическом росте существенно возросла, особенно для малых и средних предприятий, которые именно посредством использования внутрирегиональных сетей получили возможность доступа к международным и мировым сетям⁵.

Все эти тенденции привели к тому, что регионы в последнее время стали играть более динамичную и весомую роль в развитии инновационных систем, что подтверждается целым рядом исследований зарубежных авторов в странах западной Европы и США⁶.

Недоработки в области концепций РИС как западных, так и отечественных ученых приводят нас к выделению нескольких необходимых, но недостаточно проработанных вопросов в данной области. В частности, одним из них, который широко и дискуссионно рассматривается в работах зарубежных ученых, является вопрос о том, могут ли региональные инновационные системы создаваться целенаправленно или нет⁷. Если могут, то необходимо установить, по каким принципам они должны создаваться, что должно быть основой методологии их построения. Выдвигается следующая научная гипотеза: доказательство принципиальной возможности построения региональных инновационных систем и разработка методологического инструментария данного процесса позволит более целенаправленно и планомерно осуществлять руководство процессом формирования и функционирования инновационных систем всех регионов России как важных составных звеньев национальной инновационной системы.

С целью ответа на поставленные вопросы и проверки научной гипотезы исследования, рассмотрим основные подходы к решению этого вопроса в работах зарубежных и российских исследователей. В качестве методологии исследования возьмем общенаучные методы, в частности, методы индукции и дедукции, которые позволят построить нам некоторые теоретические выводы путем обобщения ряда эмпирических данных и восхождения от конкретного к абстрактному в результате многократ-

ного наблюдения за повторяющимися явлениями в практике, описанными российскими и зарубежными учеными.

Обзор имеющихся российских и зарубежных подходов и обоснование принципов построения региональных инновационных систем.

Основным принципиальным методологическим подходом к выделению базовых принципов построения региональных инновационных систем может быть исследование Бьорн Эшейм и Ларса Коэнен, которые на основании изучения опыта создания и развития инновационных систем в европейских и скандинавских странах пришли к выводу, что изучение региональных инновационных систем может быть конкретным, политически важным анализом, выявляющим взаимодействие между различными акторами, роль различных институтов и соответствие мер региональной и национальной политики. Однако региональную инновационную политику не следует формулировать на основе готовых решений на базе «лучших методов», взятых из опыта наиболее успешных регионов или экспертных пособий⁸.

Большинство ученых расходятся во мнениях относительно того, могут ли РИС создаваться целенаправленно, с «чистого листа», или нет. Например, Б. Карлссон считает, что РИС можно спроектировать исходя из целей технологической политики⁹, а Ч. Эдквист предполагает, что можно спроектировать только некоторые ее части¹⁰.

В то же время есть определенные черты, которые выделяют все успешные зарубежные РИС. К ним относятся экономия на агломерации, институциональное обучение, сетевое управление, капитал близости и интерактивные инновации¹¹.

По мнению видного зарубежного исследователя в области инновационных систем Ф. Кука, к региональным инновационным системам относятся только те регионы, в которых доля занятых в высокотехнологичных производствах и наукоемких услугах в общем числе занятых составляет 40 %¹², т. е. не все региональные системы могут быть инновационными, а только те, где достигнута определенная доля занятых в высокотехнологичных производствах. Однако это, во-первых, данные по зарубежным странам и предположения только одного исследователя; во-вторых, не дает нам ответа на вопрос, могут ли РИС создаваться целенаправленно и на какие методологические принципы, если это возможно, может опираться такое «строительство».

Кроме того, тот же Ф. Кук, анализируя опыт создания региональных инновационных систем в развитых странах Европы и США, пришел к неоднозначным выводам. С одной стороны, проведение целенаправленной государственной политики по созданию успешных РИС по аналогии с лучшими практиками могут не принести ожидаемых результатов. Так, Ф. Кук, исследуя процессы создания экономики знаний в регионах Западной Европы, пришел к выводу, что в тех регионах, «где осуществлялась политика создания национальных научных центров в удаленных островных условиях, направленная на создание эффекта местной Силиконовой долины, например, на Крите, она не дала видимых результатов, и остров не поднялся намного выше Траки, вблизи турецкой границы, с точки зрения величины индекса экономики знаний (Крит — 50,9, Тракия — 46,4)»¹³. В то же время, как отмечал Ф. Кук, «рынки услуг поддержки инновационной деятельности далеко не всегда хорошо развиты вдали от метрополитенских надежных гаваней, поэтому зачастую инициирование и оживление деятельности по поддержке инноваций со стороны правительства играет жизненно важную роль»¹⁴.

Опыт многих развитых стран мира показывает, что недостаточно только «невидимой руки рынка» для того, чтобы стимулировать интенсивную научно-техническую и инновационную деятельность. «Государство обязано осуществлять целенаправленные функции в сфере науки и инноваций, нести определенную финансовую ответственность за общую стратегию технологического развития, за поддержку наукоемких технологий, а также наиболее актуальных прикладных и фундаментальных исследований»¹⁵. Таким образом, целенаправленное создание региональных инновационных систем возможно и необходимо, причем именно определенные условия социально-экономического развития того или иного региона определяют, во-первых, систему механизмов создания РИС; во-вторых, основных акторов (рыночные силы или государственные структуры); в третьих, сам тип РИС и ее структуру.

Практически во всех работах как зарубежных, так и российских исследователей инновационной экономики выделяются два принципиальных момента: во-первых, главная подсистема в инновационной системе любого уровня — это подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность различных организаций и институтов, выполняющих функцию фундаментальных и прикладных НИОКР; во-вторых, самым важным и сложным звеном в функционировании инновационной системы любого уровня являются механизмы, способы, пути, технология и т. п. передачи знаний с целью их коммерциализации, так как именно от них зависит в конечном счете эффективность функционирования инновационной системы.

Так, в работе «Агенство регионального развития в экономике знаний: пересечение границ инновационными системами» Ф. Кук пишет, что РИС состоит из двух подсистем: создания знания и использования знания, причем они обе в большинстве случаев (как на уровне регионов, так и на уровне государств) слабо связаны между собой. Этот так называемый барьер может быть преодолен двумя разными способами: «либо благодаря успешной работе рыночных механизмов, помещенных в соответствующую систему регулирования, классическим примером чего являются США. Или трудности на рынке преодолеваются путем создания определенных государственных структур, которые прямо или косвенно пытаются преодолеть барьер между созданием и использованием»¹⁶.

Базовыми механизмами, которые определяют круговорот потока знаний на любом уровне (внутрирегиональном, межрегиональном, международном или глобальном), являются сами знания, ресурсы (инвестиционные, финансовые) и человеческий капитал. В странах с развитой рыночной экономикой главным связующим звеном между сферами изучения и использования являются венчурные капиталисты, которые занимаются поиском и оценкой полученных знаний в различных структурах НИОКР¹⁷.

С целью создания эффективных РИС некоторые активные региональные власти сами инициируют и организуют определенные институты (так называемые переходящие), чтобы преодолеть барьер между созданием и использованием знаний, преобразовать институциональную РИС. Например, Баден-Вюртемберг в Германии¹⁸, где в качестве основных переходящих границы институтов выступили институты Фраунгофера, из которых 14 занимаются прикладными научными исследованиями, Фонд Штайнбайса, состоящий из более чем 300 центров передачи. При этом институты Фраунгофера занимаются НИОКР, которые субсидируются государством и финансируются промышленностью. Их главное предназначение — решение техно-

логических и управленческих проблем, оценка технологий и прогнозирование НИОКР. Они осуществляют связь между фундаментальной наукой и коммерциализацией результатов. Инновационные центры, или инкубаторы, в научных парках вблизи университетов занимаются созданием дочерних предприятий. В результате создание такой системы разнообразных институтов в определенные ключевые моменты времени, когда между различными участниками инновационного процесса возникают вопросы, необходимые для обсуждения, имеются своеобразные переходные буферы (институты Фраунгофера, производственные объединения и центры-инкубаторы научных парков), которые являются инструментами, направляющими региональный поток знаний от НИОКР к использованию. «Такой вариант институциональной РИС работает хорошо там, где инновации и технологии зависят от прошлых траекторий развития, и не являются радикальными..., где институты развиваются постепенно, чтобы удовлетворять потребности в развивающейся секторной инновационной системе..., и где есть собственный специализированный опыт в применении технологий»¹⁹. Таким образом, выбор переходных, т. е. буферных институтов, должен быть основан на анализе прошлых траекторий развития региона для того, чтобы не противоречить созданным неформальным институтам, так называемому социальному капиталу региона.

В некоторых европейских регионах с продвинутой РИС, так называемых регионах обучения, в качестве буфера, призванного обеспечить переход от НИОКР к внедрению инноваций в производства, образованы такие институты, как Агенства развития²⁰. Например, РИС Уэльса, основанная на «предпринимательской инновационной деятельности». Ее суть состоит в том, что с помощью прямых иностранных инвестиций осуществляется импорт различных технологий из других стран, с помощью различных созданных государством институтов производится система мер, направленная на укоренение импортируемых знаний в местную РИС. К таким мерам относятся: поддержка в создании региональных сетей поставок, содействие малому и среднему бизнесу в использовании и внедрении инноваций, профподготовка техников и других необходимых квалификаций для поддержки НИОКР, стимулирование инвестиций в различные виды деятельности, связанные с НИОКР и т. д.²¹ Подчеркнем, что роль государства, прямая или косвенная, практически во всех европейских странах достаточно важна для инициации и создания РИС.

Следует отметить, что опыт создания такой РИС в Уэльсе признан не совсем удачным. Тем не менее правительство должно играть если не главную, то достаточно активную роль в создании РИС, образуя различные буферные институты поддержки²².

Обзор институтов развитых зарубежных стран, использующихся для облегчения перехода от создания знаний до их внедрения.

Одним из перспективных институтов считаются Региональные научные советы. Они получили существенное развитие в Великобритании. Их основной состав: ректора университетов, руководители производств, ученые-представители промышленности и представители других государственных органов. Цель — концентрация и распределение финансовых и других видов ресурсов на приоритетные НИОКР.

К другому виду буферных институтов относятся так называемые проекты-«маяки». Их суть состоит в том, что один из регионов или часть региона выбирается в качестве проекта-«маяка» в определенной отрасли или технологии. Например,

Ютландия в Шотландии была выбрана в качестве маяка в области ИТ²³. Цель проекта заключалась в проведении крупномасштабного эксперимента по превращению региона в ведущий в области ИТ. В связи с этим были выделены большие финансовые средства (1/3 часть — министерством, 2/3 — региональными властями, правительством и бизнесом на сумму около 50 млн евро) на выполнение конкретных прикладных проектов: инфраструктура ИТ, электронная наука, электронное обучение и приобретение квалификации; электронное управление. Через данный проект-«маяк» было осуществлено преодоление барьера между университетом и промышленностью с правительственным стимулированием социально значимых инноваций. Таких проектов только в области ИТ в северной Ютландии около 94 в разных сферах. Таким образом, можно сказать, что РИС данного региона состоит из сети проектов-«маяков»²⁴.

В Шотландии для создания и укрепления РИС применяются так называемые посреднические технологические институты. Они выполняют различные функции в зависимости от текущих задач. Так, в области ИКТ было создано Агентство Alba, которое занималось подготовкой дочерних предприятий в сфере программного обеспечения. Региональное агентство развития Scottish Enterprise, по примеру Тайваня, занимается созданием промежуточных технологических институтов. В их задачи входит получение и интерпретация результатов фундаментальных исследований в коммерчески используемые инновации. При этом сам инновационный процесс приобретает следующий вид: фундаментальные знания — посреднические технологические институты — заключение контрактов на конкурсной основе на изучение полученных знаний с точки зрения возможности использования его другими учеными в области прикладных исследований — продажа, лицензирование результатов или симулирование деятельности по созданию новых предприятий²⁵.

Следующий буферный институт — инкубаторы-ускорители инноваций. Данный институт получил достаточно широкое распространение в развитых странах мира (например, биоинкубатор BioTechNet в Оксфордшире (Англия), биоинкубатор Hadasit (Израиль)). Все они имеют разные источники финансирования, механизмы создания и функционирования. Инкубаторы являются важными институтами, способствующими передаче знания между профессиональными сообществами и связи между организациями «тройной спирали» РИС — университетами, промышленностью и правительством. Обычно ни один из инкубаторов не является в целом ни государственной, ни рыночной структурой, а опирается на финансирование фондов и государственные гранты. Основная цель создания инкубаторов-ускорителей заключается в преодолении многочисленных границ, препятствующих использованию нового знания в качестве коммерчески жизнеспособных инноваций на рынке.

Независимый венчурный капитал также является перспективным институтом буферного типа в организации РИС в странах Западной Европы, особенно при условии получения государственных стартовых инвестиций²⁶. Основная цель венчурного капитала — справиться с проблемами риска, который не хотят брать на себя государственные инвесторы.

Важная особенность практически всех так называемых буферных институтов, которые или создаются при непосредственном участии государства, или косвенно поддерживаются государственными структурами, заключается в том, что они непосредственно государством не контролируются. По мнению Ф. Кука, «ключевой

чертой всех таких преодолевающих границы институтов является то, что они должны быть вне непосредственного контроля со стороны государственного сектора, главным образом потому, что все они предполагают взятие на себя определенного риска, в чем функционеры государственного сектора в общем и целом не имеют соответствующей подготовки и компетенций»²⁷.

В то же время эмпирический опыт изучения трех ведущих инновационных метрополитенских регионов — Вены, Барселоны и Стокгольма, показал, что даже находящиеся в определенной типологической группе региональные инновационные системы имеют различные характеристики совокупности производственных факторов, на которые оказывают влияние конкретное институциональное устройство, культурная и социальная среда и т. п., что делает невозможным разработку общих рекомендаций по развитию. Более того, признается тот факт, что возможности региональной политики по формированию эффективных РИС существенно ограничены в том плане, что региональная политика более продуктивно стимулирует развитие уже имеющихся инновационных возможностей региона, чем создание РИС с «чистого листа»²⁸. Тем не менее вполне возможно построение региональной инновационной системы по определенному плану, т. е. искусственное, целенаправленное строительство РИС, опирающееся на определенные базовые принципы и механизмы. В плане методологии построения и развития РИС важным является системное представление о ней, что в свою очередь определяет актуальность целостного подхода к инновационному процессу, его формированию, структуре и динамике. В связи с этим, для создания эффективной РИС важны не отдельные попытки использовать определенные конкурентные преимущества каждого конкретного региона, а разработка и реализация целостной гибкой и динамичной модели построения инновационной системы, которая будет иметь передовой, высокотехнологичный потенциал развития, изменения или модернизации технологического базиса общества. Это означает, что основным методологическим принципом формирования региональных инновационных систем является системный подход²⁹.

Методология системного подхода указывает на один из основных принципов формирования и развития РИС — принцип комплементарности. Этот принцип дает понимание того факта, почему в одних региональных инновационных системах определенные вводимые институты работают эффективно, а в других — нет; указывает на необходимость координации создания и развития любых институтов при функционировании РИС. Следует отметить, что внедрение и изучение отдельных составных частей инновационной системы возможно лишь с учетом функционирования ее остальных составных частей, так как ни один институт не действует в изолированном пространстве. Кроме того, «если институты эволюционируют, то даже слабые изменения лишь одного них (учитывая фактор комплементарности) могут поставить под угрозу стабильность всей институциональной структуры»³⁰. Таким образом, при создании инновационной системы любого уровня необходимо построение институциональной системы в целом, с подробным анализом взаимосвязей, существующих между различными элементами РИС. Причем «жизненность каждого отдельного института определяется не на основе рыночных критериев рациональности, а с учетом его вклада в обеспечение гармоничности системы в целом»³¹.

С другой стороны, институциональный эволюционный подход к исследованию инновационных процессов дает нам возможность сделать выводы в соответствие

с имеющимися эмпирическими исследованиями. Отметим, что особенности каждого региона актуализируют необходимость изучения предшествующего опыта развития той или иной РИС. По мнению одного из основоположников институциональной теории Д. Норта, все институциональные изменения в большинстве случаев являются постепенными и эволюционными. Следовательно, в любой региональной инновационной системе исторически существующие институты, т. е. определенные правила и порядки, принятые в обществе посредством проб и ошибок, через определенный период времени постепенно видоизменяются под влиянием определенных внутренних и внешних факторов среды. Таким образом, региональное развитие может быть только эволюционным и зависящим от путей прошлого развития³².

Исследования других западных ученых, напротив, свидетельствуют о необходимости более активного участия государства в построении национальных и региональных инновационных систем³³.

Ю. Чжоу, анализируя историю возникновения и развития научного парка Чжунгуаньцунь в Пекине, пришел к выводу, что регионы тех стран, которые пережили или еще переживают период трансформации плановой экономики в рыночную, должны найти свои авторские, наиболее подходящие им, хотя, может быть, и менее совершенные, чем в развитых странах мира, институциональные механизмы, которые отвечали бы потребностям инновационного процесса в своих регионах на данный период времени³⁴. Так, при создании указанного выше научного парка ведущими акторами были государство, ТНК, местные технологические компании и научные институты. Причем использовались различные институты, прямые и косвенные меры поддержки в зависимости от конкретных условий и требований времени. В качестве косвенной поддержки, например, административный комитет научного парка проводил сертификацию компаний, которые претендовали на отнесение к высокотехнологичным по показателям затрат на НИОКР, доле экспорта и т. д. Если компания получала такой сертификат, то она освобождалась от налога с дохода корпораций в течение трех лет, а в течение последующих трех лет платила сокращенный налог³⁵. Ю. Чжоу писал, что «история Чжунгуаньцуня иллюстрирует изобретательность творческих решений в отсутствие „правильных“ институтов; сложный процесс обучения в создании новых институтов в условиях упрямого постоянства устаревших; влияние мощных и испытывающих нетерпение глобальных корпораций»³⁶.

Таким образом, одним из принципов создания успешной РИС для тех регионов и стран, которые проходят период трансформации плановой экономики в рыночную, является необходимость разработки собственных институциональных механизмов, наиболее отвечающих потребностям инновационного процесса на данный период времени.

В настоящее время многочисленные научные исследования в качестве одного из важных факторов формирования успешных РИС называют уникальную институциональную среду, которая является базой социальной, культурной и организационной синергии, что и определяет динамизм и эффективность инновационных систем³⁷. По мнению Д. Норта, институты — «это правила игры в обществе, или, более формально, они являются созданными человеком ограничениями, придающими форму взаимодействию людей. Следовательно, они создают структуру стимулов в человече-

ском обмене — политическом, социальном или экономическом. Институциональные изменения определяют путь развития общества во времени и поэтому являются ключом к пониманию исторических перемен»³⁸.

Многие западные исследователи при изучении различных массивов эмпирических данных по динамичным инновационным региональным системам пришли к выводу, что для всех них характерна определенная «плотность институциональной структуры», которая, с одной стороны, регулируется существующими нормативно-правовыми актами, с другой — поддерживается «социальным капиталом», который Р. Пантемом определил как «черты социальной организации..., которые могут повысить эффективность общества, содействуя скоординированным действиям»³⁹. Таким образом, только при наличии определенной плотности институциональной среды возможно динамичное инновационное развитие регионов⁴⁰.

В то же время некоторые ученые подвергают сомнению необходимость наличия сформировавшихся за длительный период времени прочных культурных и социальных традиций и родственных сетей. Здесь в качестве примера приводится Силиконовая долина в США, где не было никаких исторически сложившихся традиций и сетей⁴¹.

Ряд зарубежных ученых подчеркивают тот факт, что для выделения конкретных и дезагрегированных инновационных систем необходимо исследовать их с учетом принципов историчности, отраслевой и региональной специфики⁴².

По мнению Ф. Кука, для создания эффективных региональных инновационных систем в качестве методологического подхода может быть применен кластерный подход, т. е. в тех регионах, где уже существуют региональные правительственные структуры и центры знаний, а также финансовые и промышленные кластеры, должна разрабатываться политика поддержки кластеров с помощью создания экономических сообществ как частей многоуровневой правительственной структуры с целью создания РИС⁴³.

Функции кластеров в любой экономике состоят в том, что они выступают драйверами интенсификации инновационной активности хозяйствующих субъектов. Это подтверждают многочисленные зарубежные исследования, например результаты изучения 200 кластерных инициатив по всему миру⁴⁴. Данные результаты показали, что политика использования кластерных инициатив, или использование принципа кластеризации при разработке РИС, имеет огромное значение для активизации инновационной деятельности. Причем важно формирование и развитие любых кластеров, так как именно они являются основой роста производительности труда и повышения жизненного уровня населения того или иного региона локализации кластера. Кроме того, кластерная политика представляет собой не узконаправленную систему мер по стимулированию развития определенного кластера, а разветвленную систему различного вида механизмов, направленную на развитие экономики региона в целом.

На это указывают исследования, проведенные в странах, в которых кластерная политика является частью инновационной политики. Значительная часть реализуемых кластерных программ относится к региональной политике⁴⁵.

Среди методологических принципов создания эффективной РИС, по мнению Ф. Кука, важным является принцип институционального обучения, под которым понимается установление определенных правил и норм взаимоотношений между

основными акторами региональной инновационной системы, в соответствие с которыми достигается приемлемость определенных процессов, способствующих укоренению отношений доверия между фирмами и организациями, отношений открытости к обучению и перениманию «лучшей практики»⁴⁶.

Следующий принцип — наличие сетевого управления, который показывает степень предрасположенности к сотрудничеству. В этом случае основные региональные управленческие структуры взаимодействуют между собой, вовлекая в инновационные процессы других акторов, находящихся как внутри системы управления регионом, так и вне ее.

Еще один важный методологический принцип — принцип близости капитала. Здесь К. Смит указывал на устойчивую взаимосвязь между инвестициями, затраченными в прошлом для создания различной инфраструктуры, и экономическими достижениями⁴⁷. Сущность и роль этого принципа в создании эффективных РИС заключается в стимулировании инновационной активности в регионе для создания различной инфраструктуры.

В условиях глобализации и регионализации мирового социально-экономического развития методологический подход к самому феномену «Региональная инновационная система» должен быть пересмотрен с точки зрения построения и развития последней как части единой национальной инновационной системы. Региональные инновационные системы могут и должны целенаправленно создаваться, но по своим траекториям и стратегиям в зависимости от конкретных условий социально-экономического развития. Данный процесс должен опираться на ряд общеметодологических принципов, к которым относятся следующие:

- принцип системного подхода, означающий тот факт, что необходимы не отдельные попытки использовать определенные конкурентные преимущества каждого конкретного региона, а разработка и реализация целостной гибкой и динамичной модели построения инновационной системы, которая будет иметь передовой, высокотехнологичный потенциал развития, изменения или модернизации технологического базиса общества;

- принцип комплементарности, т. е. необходимость координации создания и развития любых институтов при формировании и развитии региональных инновационных систем;

- инициация и организация определенных переходящих институтов с целью преодоления барьера между созданием и использованием знаний;

- выбор переходных, или буферных институтов, должен быть основан на анализе прошлых траекторий развития региона для того, чтобы не противоречить созданным неформальным институтам так называемому социальному капиталу региона, т. е. региональное развитие может быть только эволюционным и зависящим от путей прошлого развития;

- активная роль государства (прямая или косвенная) в создании РИС;

- отсутствие непосредственного контроля со стороны государственных структур над буферными переходящими институтами;

- принцип соответствия, который означает, что для регионов нашей страны, которые проходят период трансформации плановой экономики в рыночную, необходима разработка собственных институциональных механизмов, наиболее отвечающих потребностям инновационного процесса на данный период времени;

— принцип институционального обучения, т. е. установление определенных правил и норм взаимоотношений между основными акторами региональной инновационной системы, в соответствие с которыми достигается приемлемость определенных процессов, способствующих укоренению отношений доверия между фирмами и организациями, отношений открытости к обучению и перениманию «лучшей практики» (Кук);

— принцип кластеризации, т. е. в тех регионах, где уже существуют региональные правительственные структуры и центры знаний, а также финансовые и промышленные кластеры, должна разрабатываться политика поддержки кластеров с помощью создания экономических сообществ как частей многоуровневой правительственной структуры с целью создания РИС;

— принцип организации сетевого управления, который заключается в создании и стимулировании взаимодействий между региональными управленческими структурами и другими акторами по регулированию и активизации инновационного процесса в регионе;

— принцип близости капитала, т. е. чем более развитыми являются различные виды инфраструктуры в регионе, тем успешнее будут усилия по созданию эффективной РИС.

Библиографические ссылки

¹ **Bresnahan T. F., Trajtenberg M.** General purpose technologies «engines of growth?» // Working Paper. Cambridge (MA): National Bureau of Economic Research, 1992. P. 1.

² См.: Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск, 2012. 760 с.

³ **Edquist C.** Systems of innovation. Technologies, institutions and organizations. London: Pinter, 1997. P. 4.

⁴ См.: **Porter M.** The Competitive Advantage of Nations. New York : Free Press, 1990 ; **Sabel C. F.** Flexible specialisation and the re-emergence of regional Economies // Reversing Industrial Decline? Oxford; Berg, 1989. P. 17 — 71 ; **Storper M.** The resurgence of regional economies. Ten years later: the region as a nexus of untraded interdependencies // European Urban and Regional Studies. 1995. № 2. P. 191 — 221.

⁵ См.: **Scott A.** Regional motors of the global economy. Futures. 1996. № 28. P. 391 — 411 ; **Huggins R.** Competitiveness and the Global Region: The Role of Networking // Paper prepared for the Regional Studies Association Conference on «Regional Futures: Past and Present, East and West» Mass. Gothenburg, 1995.

⁶ См.: Regional Innovation Systems / eds. H. Braczyk, P. Cooke, R. Heidenreich. London : UCL Press, 1998 ; **Hassink R.** Technology Transfer agencies and regional economic development // European Planning Studies, 1990. № 4 (2). P. 167 — 184 ; **Sternberg R.** Technologiepolitik, und High-Tech Regionein internationaler Vergleichen. Munich: LIT Verlag, 1995.

⁷ Technological Systems and Economic Performance: The Case of Factory Automation / ed. B. Carlsson. Kluwer ; Dordrecht, 1995 ; Technical innovation and national systems / ed. R. Nelson // National Innovation Systems: A Comparative Analysis. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.

⁸ См.: Синергия пространства... С. 718.

⁹ Technological Systems...

¹⁰ **Edquist C.** Op. cit.

¹¹ **Edquist C.** Op. cit. P. 1 — 35 ; **Malmberg A., Maskell P.** Towards an Explanation of regional specialization and industry agglomeration // European Planning Studies. 1997. № 5. P. 25 — 42 ; **Johnson B.** Institutional learning // National systems of innovation: Towards a theory of innovation and interactive learning // ed. by B. Lundvall. London : Pinter, 1992. P. 23 — 44 ; **Amin A., Thomas D.** The ne-

gotiated economy: State and civic institutions in Denmark // *Economy and Society*. 1996. № 25. P. 81 — 255 ; **Crevoisier O.** Financing regional endogenous development: The role of proximity capital in the age of globalization // *European Planning Studies*. 1997. № 5. P. 16 — 407.

¹² **Cooke P.** *Knowledge Economies*. London ; Routledge, 2002.

¹³ Цит. по: Синергия пространства... С. 569.

¹⁴ Там же. С. 585.

¹⁵ Движение регионов России к инновационной экономике. М., 2006. С. 78.

¹⁶ Цит. по: Синергия пространства... С. 572.

¹⁷ См.: *Understanding Silicon Valley* / ed. M. Kenney. Stanford: Stanford University Press, 2000 ;

Landabaso M. The promotion of innovation in regional policy: proposals for a Regional Innovation Strategy // *Entrepreneurship & Regional Development*. 1997. № 9. P. 1 — 24.

¹⁸ См.: **Cooke P., Morgan K.** *The Associational Economy*. Oxford: Oxford University Press, 1998 ;

Herrigel G. *Industrial Constructions: the Sources of German Industrial Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

¹⁹ Синергия пространства... С. 573.

²⁰ См.: **Cooke P., Morgan K.** *The Associational Economy*. ; **Cooke P., Boekholt P. & Tödtling F.** *The Governance of Innovation in Europe*. London: Pinter, 2000.

²¹ См.: Синергия пространства...

²² См.: **Davis C.** RDAs «too immature» to foster innovation // *The Times Higher Education Supplement*. 2003. March 21. № 6.

²³ **Brunn H.** Mobilising a regional lighthouse: A Study of the Digital North Denmark Programme, presented to the Digital North Denmark Research Seminar // Aalborg. 2002. November 21 — 22.

²⁴ Синергия пространства...

²⁵ Там же.

²⁶ См.: **Cooke P., Clifton N.** *Funding Economic Development in Northern Ireland*, ESRC Devolution & Constitutional Change Programme Report. Cardiff: Centre for Advanced Studies, 2002.

²⁷ Цит. по: Синергия пространства... С. 586.

²⁸ **Sternberg R.** *Technologiepolitik und High-Tech Regionenein internationaler Vergleich*. Hamburg, Lit-Verlag, 1998.

²⁹ **Санду И., Рыженкова Н.** Проблемы и стратегии формирования региональных инновационных систем [Электронный ресурс]. URL:<https://refdb.ru/look/2581806.html> (дата обращения: 12.10.2017).

³⁰ Движение регионов России к инновационной экономике. С. 31.

³¹ Там же.

³² См.: **Nelson R. R., Winter S. G.** *The Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press ; Cambridge: MA, 1982 ; **Malecki E.** *Technology and Economic Development: The Dynamics of Local, Regional and National Change*. Longman ; Harlow ; Essex, 1991.

³³ **Leslie S. W.** The biggest «angel» of them all: the military and the making of Silicon Valley // *Understanding Silicon Valley: The Anatomy of an Entrepreneurial Region* / ed. M. Kenney. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 48 — 70 ; **Markusen A., Hall P., Campbel S., Deitrick S.** *The Rise of the Gunbelt: The Military Remapping of Industrial America*. Oxford University Press, New York, 1991.

³⁴ См.: **Zhou Y., Tong X.** An innovative region in China: interaction between multinational corporations and local firms in a high-tech cluster in Beijing // *Economic Geography*. 2003. № 79. P. 129 — 152.

³⁵ О политике Чжонгуанкуна [Электронный ресурс]. URL:http://www.zgc.gov.cn/cms/template/item_english.html?did=73&cid=73\3985 (дата обращения: 12.10.2017).

³⁶ Цит. по: Синергия пространства... С. 613.

³⁷ См.: **Castells M., Hall P.** *Technopoles of the World: The Making of 21st Century Industrial Complexes*. Routledge ; New York, 1994 ; **Henry N.** The new industrial spaces: locational logic of a new productionera? // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1995. № 16. P. 375 — 396.

³⁸ **North D. C.** *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 3.

³⁹ **Putnam R. D.** Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, NJ. 1993. P. 167.

⁴⁰ См.: **Amin A.** Industry districts // A Companion to Economic Geography. Blackwell, Malden, MA. 2000. P. 149 — 168 ; **Amin A., Thrift N.** Neo-Marshallian nodes in global networks // International Journal of Urban and Regional Research. 1992. № 16. P. 57 — 587 ; **Camagni R.** Introduction: from the local «milieu» to innovation through cooperation networks// Innovation Networks: Spatial Perspectives. London: Belhaven Press. 1991. P. 1 — 9 ; **Gertler M. S.** Being there: proximity, organization and culture in the development and adoption of advanced manufacturing technologies // Economic Geography 71. 1995. P. 1 — 26 ; **Malecki E.** Technology and Economic Development: The Dynamics of Local, Regional and National Change. Longman ; Harlow ; Essex, 2003 ; **Markusen A.** Sticky places in slippery space: a typology of industrial districts // Economic Geography. 1996. № 72. P. 293 — 313 ; **Oinas P., Malecki E.** The evolution of technologies in time and space: from national and regional to spatial innovation systems // International Regional Science Review. 1992. № 25. P. 102 — 131 ; **Scott A. J.** The New Industrial Space: Flexible Production Organization and Regional Development in North America and Western Europe. Pion ; London, 1992 ; **Scott A. J.** Technopolis: High-technology Industry and Regional Development in Southern California. Berkeley: University of California Press. 1993 ; **Storper M.** The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. New York: Guilford Press. 1997 ; **Yeung H. W.-C.** Local politics and foreign ventures in China's transitional economy: the political economy of Singaporean investments in China // Political Geography. 2000. № 19. P. 809 — 840.

⁴¹ См.: **Micklethwait J., Wooldridge A.** A Future Perfect: The Challenge and Hidden Promise of Globalization. New York: Crown Business. 2000 ; **Castilla E. J., Hwang H., Granovetter E., Granovetter M.** Social networks in Silicon Valley // The Silicon Valley Edge: A Habitat for Innovation and Entrepreneurship. Stanford: Stanford University Press. 2000. P. 218 — 247.

⁴² См.: **Miettinen R.** National Innovation System: Scientific Concept or Political Rhetoric. Edita ; Helsinki, 2002.

⁴³ См.: Синергия пространства... С. 723.

⁴⁴ **Solvel O., Lindqvist G., Ketels C.** The Cluster Initiative GreenBook [Электронный ресурс]. URL:www.Cluster-research.org. 2003. P. 39 (дата обращения: 12.10.2017).

⁴⁵ **Гудкова А. А.** Государственное регулирование инновационного развития регионов России. [Электронный ресурс]. URL:https://refdb.ru/look/2727543.html (дата обращения: 12.10.2017).

⁴⁶ Синергия пространства... С. 725 — 726.

⁴⁷ См.: **Smith K.** Economic infrastructures and innovation systems // Systems of innovation. London: Pinter. 1997.

Поступила 24.10.2017 г.

УДК 630.9

Е. В. Мишарова

E. V. Misharova

РАЗВИТИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

DEVELOPMENT OF THE FORESTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Ключевые слова: лесное хозяйство, лесоуправление, лесной комплекс, лесная политика, лесные регламенты, арендатор, реструктуризация.

В статье рассмотрены современное состояние лесного хозяйства и механизм лесоуправления на территории Российской Федерации и Республики Мордовия в частности; проанализированы проблемы развития лесного хозяйства; представлены пути решения данных проблем.

Key words: forestry, forestry management, forestry complex, forestry policy, forestry regulations, tenant, restructuring.

The current state of forestry and the mechanism of forestry management in the territory of the Russian Federation and the Republic of Mordovia in particular are considered the article, as well as problems of forestry development are analyzed and the ways of their solving are represented.

Лес — это неотъемлемая часть природы. Понятие «лес» можно рассматривать на разных уровнях: в локальном масштабе — это насаждение, в глобальном — это часть биосферы. Площадь леса на Земле составляет 38 млн км, из них 7 % посажено человеком (264 млн га). Весь запас российской древесины составляет более $\frac{1}{5}$ от мирового.

Леса не только определяют глобальную составляющую экологической безопасности населения России и соседних стран, но и участвуют в глобальном кругообороте основной части парниковых газов (водяной пар и углекислый газ). Они воздействуют на баланс воды, плодородие почв, биологическое разнообразие, при этом сами леса являются источником многочисленной лесной продукции¹. Однако необходимо заметить, что лесоматериалы, которые производит Россия, на мировом рынке не превышают 2 % от всего производства. Исторически в России лесные угодья в большинстве своем находятся в государственной собственности.

Выполнение мероприятий по воспроизводству, охране и защите лесов РФ в основной степени осуществляется в рамках государственных заданий автономными и государственными бюджетными учреждениями, подведомственными федеральными органами государственной власти и уполномоченным в области лесных отношений органом государственной власти субъектов Российской Федерации, общее число которых на конец 2016 г. составило 554 учреждения. Экономическая часть лесного хозяйства определяется деятельностью более 565 тыс. лесопользователей, значительную часть из которых составляют индивидуальные предприниматели, а также предприятия и компании частных форм собственности, осуществляющие заготовку древесины, это связано с производимыми структурными изменениями в лесоуправлении РФ². На сегодняшний день значительная часть лесов находится в аренде.

В связи с этим вопросы, касающиеся перспектив развития лесного комплекса, являются актуальными, так как в них задействованы все механизмы лесных отношений, которые плотно интегрированы в практику взаимодействия государственных и муниципальных органов управления, а также физических и юридических лиц. Кроме того, особое внимание привлекают проблемы недостаточного финансирования лесного хозяйства (работ, связанных с тушением лесных пожаров; создание в регионах специализированных лесопожарных центров, создание транспортной инфраструктуры, ведение рубок-уходов и т. д.).

На основе анализа современной ситуации в области лесного хозяйства можно выделить следующие проблемы развития лесной отрасли:

— неэффективная система государственного управления лесами. Вступление в силу с 1 января 2007 г. нового Лесного кодекса РФ привело к разрушению существовавшей ранее системы государственного управления лесами. Попытка разделить полномочия по управлению лесами между Российской Федерацией в целом и ее субъектами до сих пор не позволила создать эффективное взаимодействие лесного хозяйства с предприятиями, занимающимися переработкой древесины, другими словами лесопромышленными комплексами, из-за непродуманности финансово-экономических отношений;

— низкое качество исполнения полномочий в лесной сфере, переданных с федерального уровня органам исполнительной власти регионов, а те в свою очередь территориальным лесничествам и арендаторам. Введение в лесное законодательство понятия «лесные отношения» имело цель унифицировать в соответствии со всем законодательством РФ разнообразные взаимоотношения государственных учреждений, предприятий и граждан в целом, а также частных компаний в области защиты и охраны лесов, их использования и воспроизводства³. Это было сделано законодательно вместо того, чтобы определить эффективную систему управления лесами на основе специалистов-лесоводов и профессиональной лесной охраны. В результате произошло отстранение самого государства от практической лесохозяйственной деятельности. Кроме того, это способствовало утрате контроля государства над 80 % лесного фонда страны и над лесами, не входящими в лесной фонд. Государственная лесная охрана была упразднена. Обязательность лесоустройства отменена. Целый ряд работ, обусловленных исполнением полномочий, переданных субъектам РФ в области лесных отношений, стал перекладываться на самих арендаторов⁴;

— несовершенные механизмы распределения субвенций, порядка их расходования и низкой доходности лесного сектора экономики. Субъекты РФ не имеют мотивации для повышения эффективности управленческой деятельности — увеличивать доходы и снижать расходы. Наблюдается тенденция роста запросов субъектов РФ на увеличение размеров субвенций, в том числе путем обоснования занижений доходной части — поступления платежей за лесопользование (арендной платы и пр.);

— неквалифицированный персонал в области менеджмента лесного хозяйства, т. е. уровень образования не соответствует занимаемой должности: многие высококвалифицированные специалисты в результате проведенных реформ оказались вытесненными из лесного хозяйства. Значительная доля выпускников лесных ВУЗов и лесхозов-техникумов, понимая происходящее, не связывают свою дальнейшую деятельность с лесным хозяйством. Кроме того, как справедливо отмечают специалисты, заработная плата занятых этим видом экономической деятельности — одна из самых

низких в российской экономике⁵. В итоге на протяжении уже целого десятилетия не происходит достаточного пополнения кадров лесного хозяйства квалифицированными молодыми специалистами, а отток старых кадров с течением времени усиливается;

— большие расстояния между местами заготовки древесины и основными пунктами деревообработки;

— «безграмотность» в области системы менеджмента качества лесного хозяйства. Система менеджмента качества в лесной промышленности, по существу, является отраслевой системой экологического менеджмента. Основным средством управления в ней является добровольная сертификация лесопользования и лесопользования — лесная сертификация, так как она является добровольной, то многие лесопользователи не считают нужным проводить данную процедуру. Основным фактором этого является цена;

— отсутствие развитой инфраструктуры, что не позволяет разрабатывать участки лесных территорий в полном объеме. Разрабатывается лишь 33 % от расчетного объема лесозаготовки;

— отсутствие четких лесных планов и лесных регламентов. Структура лесохозяйственного регламента (основной документ, составляемый по результатам проведения лесоустройства и лесопользования) не содержит вообще результатов анализа хозяйственной деятельности до 2007 г. Отсутствие этого важного раздела не позволяет в полной мере проанализировать фактическую динамику лесов и снимает ответственность с арендаторов за результаты хозяйствования на арендованных участках⁶;

— «серые» и «черные» схемы заготовки леса, использование рабочей силы без официальных документов на выполнение работ⁷;

— сезонность как определяющий фактор отрасли, от нее зависит возможность осуществления лесозаготовительной деятельности⁸;

— высокий, моральный и физический износ основных производственных фондов.

Перечисленные проблемы являются системными, распространены по всей территории РФ и требуют кардинальных изменений в системе управления отраслью.

В Республике Мордовия наиболее актуальными из вышеперечисленных проблем является недостаточный уровень финансирования лесной отрасли. Можно предположить, что данный уровень в 2017 г. снизился еще больше, так как с 1 января указанного года все леса Республики Мордовия были переданы на обеспечение за счет средств самой республики. По не официальным данным, Министерство лесного и охотничьего хозяйства РМ планирует сделать централизованное управление лесным фондом с управленческим центром в г. Саранск. Это приведет к кадровому сокращению, а следовательно и сокращению территориальных лесничеств, что снизит качество лесопользования. Данная проблема повлияет и на формирование трудового потенциала Республики Мордовия в современных условиях⁹.

За 2015 г. из источников республиканского бюджета на государственную программу «Развитие лесного хозяйства и его перерабатывающего комплекса Республики Мордовия» на 2014 — 2020 гг. выделено 275 714,8 тыс. руб., что на 4 % меньше, чем за 2014 г. (на 2016 г. официальных данных нет)¹⁰. Отметим, что на сегодняшний день площадь лесов Республики Мордовия составляет 681 тыс. га. Органом исполнительной власти в сфере лесных отношений является Министерство лесного, охотничьего хозяйства и природопользования Республики Мордовия. В ведении министерства находятся леса, которые расположены на землях лесного фонда. В соответствии с

реорганизацией в сфере лесоправления и приказом Министерства природных ресурсов Республики Мордовия от 21.08.2008 г. № 465 в границах административных районов организовано 9 территориальных и 36 участковых лесничеств.

Другими, не менее важными, проблемами являются отсутствие четких лесных планов и лесных регламентов, а также «безграмотность» в области системы менеджмента качества лесного хозяйства и системы лесоправления. Возникновение данных проблем можно связать с реструктуризацией системы управления в лесном хозяйстве. Ликвидация Федеральной службы лесного хозяйства России и передача ее функций Министерству природных ресурсов, задачей которого стало использование природных ресурсов, никаких позитивных изменений в систему лесного хозяйства не внесли. Основные функции управления лесным хозяйством заменились хозяйственными вопросами, которые были и остаются наиважнейшими в основном на коммерческую деятельность лесозаготовителей. Министерство сократило свои функции в отношении лесного хозяйства, тем самым сократив выделение денежных средств из бюджета. Включение лесного хозяйства в структуру комитетов природных ресурсов регионов превратило процедуру согласования участков лесного фонда для выставления их на торги или для передачи в аренду в простую формальность. Предполагая, что данные комитеты должны действовать в интересах государства, а не частных лиц, государство забывает о простых законах жизни, о социальном статусе лесов. В связи с этим происходит катастрофический рост коммерческого лесопользования в лесах 1-й группы, где оно по закону фактически запрещено. Эта система лесоправления стала закрытой, непрозрачной и, практически, недоступной для оценок со стороны других федеральных органов, администраций субъектов федерации, органов местного самоуправления и населения России.

Необходимо отметить, что следует преобразовать структуру управления лесами, изменить лесную политику. Начинать надо с воссоздания специализированной централизованной государственной системы управления лесным хозяйством — федерального министерства. Опыт России и других стран свидетельствует, что только такой путь способствует эффективному лесоправлению: уйти от хищнического направления развития лесной промышленности и нищенского содержания лесного хозяйства; повысить качество лесных фондов. В связи с этим эффективная работа федерального органа управления лесами по обеспечению рационального использования лесов и связанной с лесами экологической и экономической безопасности страны не представляется возможной без включения лесного хозяйства в число приоритетов государственной политики и воссоздания специализированного федерального министерства лесов России.

Необходимо реконструировать и разработать новую нормативно-правовую и нормативно-техническую базу лесостроительства и лесного хозяйства лесной кодекс, правила использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов с учетом их адаптации к устойчивому лесопользованию.

Следующим направлением, обеспечивающим безопасность и качество продукции, работ и услуг, является сертификация. С конца 90-х гг. XX в. для предприятий всех отраслей народного хозяйства, в том числе и лесного, это направление приобрело особую актуальность. Лесная сертификация является добровольной. Ее важными целями являются: повышение качества ведения лесного хозяйства и его «прозрачность»; повышение экономичности и эффективности работы от сбора семян до

переработки древесины и получение пиломатериала. Наличие такого сертификата свидетельствует, что лесная продукция, которая закупается потребителем, исходит из лесов, где лесное хозяйство ведется устойчиво, учитываются вопросы экологии и интересы работников компании, а также населения, проживающего на данной территории. Это наиболее актуально на сегодняшний день, так как большая часть лесов находится в аренде.

Таким образом, государство, разрушив прежний механизм управления лесным хозяйством, не создало взамен нового, более совершенного. Созданный механизм исполнения арендаторами переданных им полномочий в сфере лесных отношений оказался и высокзатратным, и малоэффективным. Более того, этот механизм стимулирует дальнейший рост затрат при одновременном снижении их эффективности.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Алексеев А. С.** Устойчивое управление лесным хозяйством: научные основы и концепции. М., 2012. 222 с.

² Федеральное агентство лесного хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru> (дата обращения: 02.09.2017).

³ См.: **Писаренко А. И.** Лесное хозяйство и лесной комплекс России на перепутье // Природа России. 2016. № 3. С. 4 — 6.

⁴ См.: **Карпачевский М. Л.** Основы устойчивого лесопользования. М. 2009. С. 96 — 99.

⁵ См.: **Липатова Л. Н., Тиньгаева М. В.** Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 1 (11). С. 41 — 53; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2011. № 3. С. 7 — 20; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионология. 2011. № 4. С. 234 — 241; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. 2012. № 1 (21). С. 7 — 21; **Игнатъева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134; **Липатова Л. Н., Имяреков С. М., Юртаев К. И.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56.

⁶ См.: **Кулясов А. А.** Нормативно-правовые основы и практика участия населения в управлении лесами // Устойчивое лесопользование. 2013. № 4. С. 27 — 35.

⁷ **Казакова О. В.** Проблемы развития лесного хозяйства России. Иркутск, 2015. С. 6. [Электронный ресурс]. URL: <file://localhost/C:/Users/I/Desktop/3nM> (дата обращения: 01.09.2017).

⁸ Там же.

⁹ См.: **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А.** Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3 (15). № 3. С. 7 — 13; **Липатова Л. Н., Абаева Е. И.** Современное состояние рынка труда в России // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Тагичева. 2015. № 3 (34). С. 97 — 108; **Липатова Л. Н., Имяреков С. М., Сивиркина Н. Н.** Трудовой потенциал как фактор экономического развития (На примере регионов Приволжского федерального округа) // Там же. С. 302 — 314; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатъева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104.

¹⁰ Отчет о выполнении публичной декларации целей и задач Рослесхоза за 2016 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://minleshoz.e-mordovia.ru/> (дата обращения: 02.09.2017).

Поступила 17.11.2017 г.

УДК 338.439

А. Р. Китаев

A. R. Kitaev

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FOOD MARKET IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC SANCTIONS

Ключевые слова: рынок, продовольствие, экономические санкции, продовольственное эмбарго, продовольственная безопасность.

В статье анализируются процесс развития рынка продовольствия в России после введения в отношении нашей страны экономических санкций со стороны отдельных государств и ответные контрмеры по ограничению импорта отдельных видов товаров, в том числе продовольственных.

Key words: market, food, economic sanctions, food embargo, food security.

The process of the food market development in Russia after some states have imposed economic sanctions on our country, as well as reciprocal countermeasures to limit the import of certain types of goods, including food ones, are analyzed in the article.

Последние годы ознаменовались множеством многомерных и противоречивых событий внешнеполитического характера. На фоне главных тем в жизни страны в 2013 — 2016 гг., украинского кризиса, воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией, а также многостороннего, многоуровневого вооруженного конфликта на территории Сирии очевидными в новейшей истории РФ стали продолжение международных антироссийских санкций и попыток экономического давления. В целях дальнейшего поступательного развития страны возникла острая необходимость конструктивного изменения не только формата диалога всех сторон и участников, но и поиска научной парадигмы по выходу на качественно новый, позитивный и цивилизованный межкультурный консенсус между международными организациями, мировыми державами, отдельными экономическими ассоциациями и агентами, в том числе в отношении проведения государственной агропродовольственной политики.

Безусловно, своеобразным консервативным манифестом к действию в сложившихся непростых условиях являются ежегодные послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ, поскольку стабильность на продовольственном рынке является гарантом качественного развития экономики любой страны и важным компонентом ее экономической безопасности.

Этим и другим отраслевым проблемам посвящены многочисленные работы исследователей¹. Динамика развития продовольственного рынка России в условиях действия экономических санкций позволила сделать основные выводы о дальнейших тенденциях и перспективах его развития.

За время действия продовольственного эмбарго, с сентября 2014 г., Россия снизила объем импортного продовольствия с 60 млрд до 20 млрд долл. США. Это

сказалось как на социально-экономическом положении россиян, так и на позиционировании некоторых производителей продуктов питания на рынке.

Необходимо отметить, что с сентября 2014 г. в продовольственном секторе российской экономики начали происходить серьезные изменения. Одним из главных факторов стали ответные санкции на ввоз сырья и продовольствия, наряду со значительным снижением экспорта.

В табл. 1 представлены данные, анализ которых свидетельствует о ежегодном снижении доли импортных товаров по приведенным товарным группам.

Таблица 1

Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014 — 2016 гг.

Наименование товара	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Мясо и птица, включая субпродукты	18,6	11,5	10,2
Говядина, включая субпродукты	56,0	47,3	42,35
Свинина, включая субпродукты	17,3	9,2	9,1
Мясо птицы, включая субпродукты	9,4	5,1	4,3
Изделия колбасные	2,6	0,9	1,25
Масла животные	41,3	24,1	26,5
Сыры	44,6	22,2	23,85
Мука	1,0	0,5	1,9
Крупа	0,7	0,2	0,1
Растительные масла	13,4	15,5	16,9
Сухое молоко и сливки	50,5	56,3	58,4

Составлена по: URL: <http://old.rsute.ru/structure/administration/Unad/Vestnik> (дата обращения: 17.11.2016).

При этом единственной товарной группой, увеличившей долю импорта, является группа «Сухое молоко и сливки». В России существует значительный дефицит молочного сырья, связанный с падением поголовья коров. Так, на 1 января 1988 г. поголовье коров в РСФСР составило 21 млн гол., в 2014 г. — 8,53 млн гол.² По данным «Союзмолока», Россия в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом, увеличила импорт сухого цельного молока в 7 раз. Объяснением такого положения может стать только попытка покрыть дефицит сырого молока³.

Развитие сложившейся на современном этапе ситуации на продовольственном рынке России в условиях экономических санкций можно разделить на три этапа.

1 этап: конец 2014 г. Увеличение курса доллара. Именно в ноябре 2014 г. выросли цены на сахарный песок — на 28,6 %, сыр — на 16,7, молоко — на 14,6 и картофель — на 9,3 %. Все эти продукты попали под российское продовольственное эмбарго. В декабре 2014 г. по сравнению с ноябрем 2014 г. повысились цены на овощи: огурцы — на 12,3 %, капуста — на 15,1, помидоры — на 9,8 %⁴.

2 этап: начало 2015 г. Введение российскими сельхозтоваропроизводителями ответного эмбарго стало стимулом для замены многих санкционных товаров отечественными продуктами. Однако проблема заключалась в том, что потребители попросту не были готовы к замене зарубежных продуктов отечественными. В результате этого в 2015 г. возник товарный дефицит, который население России испытало на себе. Усугублял сложившуюся ситуацию также скачок цен на некоторые товары более

чем на 30 % — это главное последствие введения ограничительных экономических мер относительно России. Кроме того, произошло снижение качества отечественной продукции, отождествляющееся со снижением уровня конкуренции с импортными продуктами питания. Несмотря на то, что в 2015 г. доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах уменьшилась (табл. 2, рис. 1), Россия стала нала-

Таблица 2

Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли

Год	Доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли	Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами
2005	45	36
2006	46	35
2007	47	36
2008	44	33
2009	41	33
2010	44	34
2011	43	33
2012	44	34
2013	44	36
2014	42	34
2015	38	28
2016	38	23

Составлена по: URL: http://www.vestnik.dalgau.ru/images/gurnal/vipusk_2016 (дата обращения: 17.11.2016).

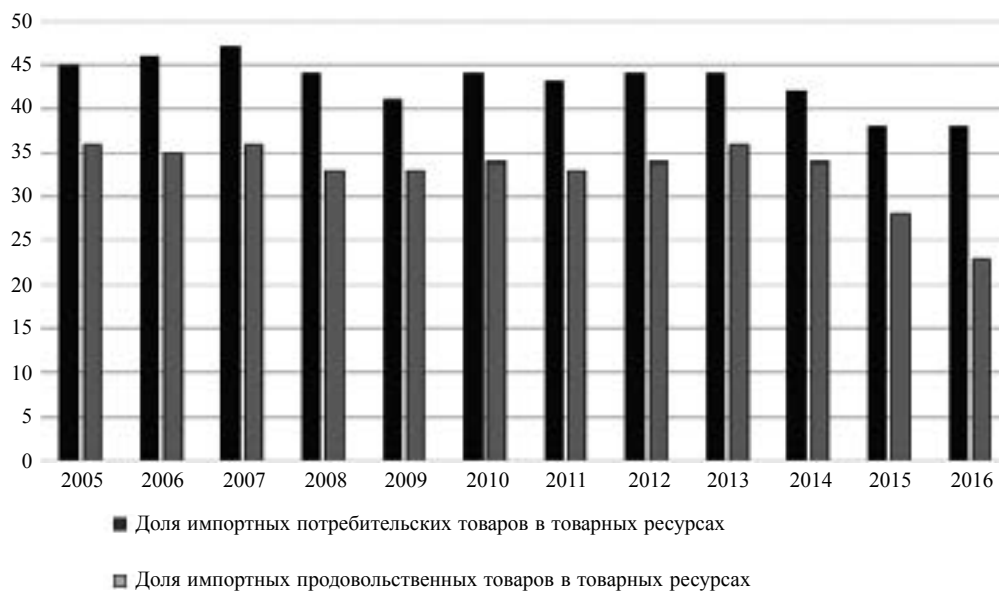


Рис. 1. Доля импорта в объеме товарных ресурсов РФ

живать взаимовыгодные отношения с Бразилией, Чили, ЮАР, Сербией, Египтом и другими международными поставщиками сельскохозяйственной продукции.

3 этап: начало 2016 г. Именно в это время государство стало поддерживать развитие отечественного аграрного сектора. В первом квартале 2016 г. производство птицы повысилось на 6,1 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Производство яиц увеличилось на 3,8 %. Средние цены сельскохозяйственных производителей на мясо птицы и яйцо в первом квартале 2016 г. составили 94,82 руб. за один килограмм и 49,52 руб. за десяток соответственно.

За первый квартал 2016 г. основной прирост объема производства мяса птицы в сельскохозяйственных организациях обеспечили такие субъекты РФ, как Марий Эл, Республика Мордовия, Ставропольский край, Московская и Пензенская области. Основной прирост объема производства яиц был получен в Башкортостане, Ростовской, Челябинской, Белгородской областях и Пермском крае⁵.

Одним из важных вопросов внутренней экономической политики государства считается стабилизация продовольственного рынка регионов. Что касается Республики Мордовия, то здесь можно с уверенностью заявить, что среди всех регионов ПФО рост доли оборота розничной торговли розничных торговых сетей в общем объеме продовольственного оборота намного выше (табл. 3): за последние 5 лет увеличилась в 2,5 раза.

Таблица 3

**Доля оборота розничной торговли розничных торговых сетей
в общем объеме продовольственного оборота в РФ по ПФО**

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Динамика роста доли, %
Российская Федерация	21,8	24,0	25,8	27,9	30,6	140,4
Приволжский федеральный округ	21,6	24,4	26,6	30,0	31,6	146,3
Республика Башкортостан	13,7	14,4	15,1	18,2	17,1	124,8
Республика Марий Эл	29,6	38,9	41,9	41,0	50,0	168,9
Республика Мордовия	11,9	16,7	22,6	24,6	32,6	273,9
Республика Татарстан	23,5	26,0	26,2	29,3	30,7	130,6
Удмуртская Республика	29,2	31,0	33,0	36,2	31,2	106,8
Чувашская Республика	23,8	26,5	32,9	36,0	39,4	165,5
Пермский край	18,7	22,2	24,8	28,1	32,0	171,1
Кировская область	28,7	30,3	35,5	39,4	44,0	153,3
Нижегородская область	24,8	27,2	29,3	32,8	31,1	125,4
Оренбургская область	19,6	22,7	23,1	25,3	30,3	154,6
Пензенская область	20,4	22,9	27,0	31,5	37,3	182,8
Самарская область	19,1	23,6	28,1	32,0	34,3	179,6
Саратовская область	31,9	35,5	37,8	42,2	45,8	143,6
Ульяновская область	31,4	31,4	35,8	39,0	40,3	128,3

Составлена по: URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004414000/rsl01004414> (дата обращения: 17.11.2016).

Необходимо отметить, что самый большой рост сетевой розничной торговли в рассматриваемый период отмечается в Республике Мордовия. Однозначно положительно оценить этот процесс не представляется возможным. Приход сети на определенную территорию, *de facto*, устраняет конкурентов — небольшие магазины вблизи домов, торгующие товарами первой необходимости. Снижение конкуренции на рынке, по существу, не способствует его оздоровлению, поскольку сопровождается безвозвратной потерей рабочих мест и неудобством для жителей, которым отныне за любой мелочью надо будет отправляться часто довольно далеко.

Кроме того, преимуществом небольших торговых точек вблизи многоэтажных жилых домов была так называемая обратная связь с потребителем. Жители близлежащих многоэтажек знали продавцов этих магазинов, высказывали свое мнение о том или ином товаре, заказывали его к определенному времени. В них поставки, как правило, небольшие, товар не залеживался и не портился.

К сожалению, судя по данным (см. табл. 3), можно выразить обеспокоенность, связанную со снижением конкуренции на региональном продовольственном рынке, и отсутствием должного контроля за его развитием со стороны соответствующих ведомственных структур исполнительных органов власти. В результате засилия торговых сетей уменьшилась структурная доля традиционных товарных продовольственных рынков и ярмарок, так любимых россиянами. Удельный вес рынков и ярмарок в общем обороте продовольственных товаров в Мордовии в 2011 — 2015 гг. уменьшился с 14,6 % до 11,4 % (табл. 4).

Таблица 4

**Оборот розничной торговли продовольственных товаров
на рынках и ярмарках Республики Мордовия**

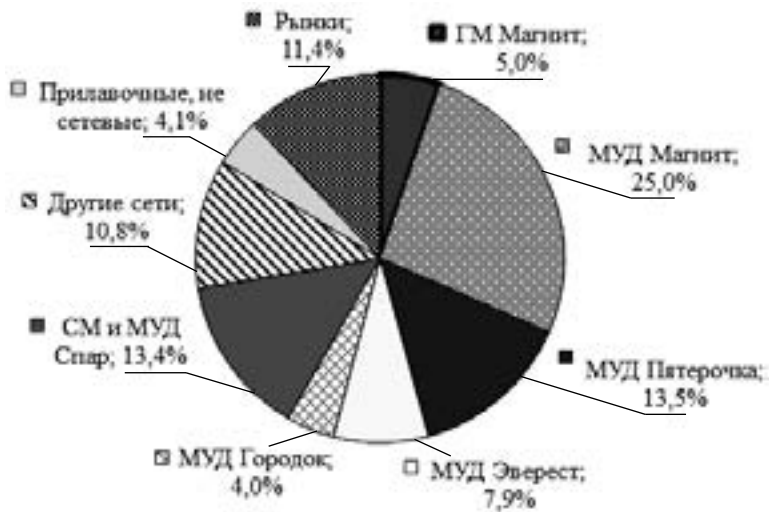
Годы	Продажа продовольственных товаров на рынках и ярмарках, млн руб.	Продажа продовольственных товаров, млн руб.	Доля продаж на рынках и ярмарках в общем обороте, %
2011	4 049	27 762,8	14,6
2012	4 269	29 981	14,2
2013	5 093	33 086,9	15,4
2014	5 645	38 196,6	14,8
2015	4 568	40 122,2	11,4

Составлена по данным ведомственной статистики.

В Москве, напротив, ярмарочная торговля набирает обороты. Появились и функционируют три крупных ее формы: сезонные; постоянно действующие в хорошо оборудованных павильонах; региональные, пользующиеся популярностью у населения, отчасти разочаровавшегося от походов в сетевые магазины и скучающего по живому человеческому общению (продавец на рынке расскажет о происхождении товара, предложит его продигустировать и сделает скидку).

На примере Саранска можно наблюдать наглядную картину структуры продовольственного рынка (рис. 2).

В подобной ситуации, на наш взгляд, необходимо усилить участие государства в создании условий для развития конкуренции в сфере торговли продовольствием,



Условные обозначения:

СМ — супермаркет, ГМ — гипермаркет, МУД — магазин у дома.

Рис. 2. Структура продовольственного рынка г. Саранска в 2016 г.

ограничив монополию торговых сетей на продовольственном рынке Республики Мордовия. Для этого потребуются централизация функций по обеспечению материального резерва продовольствия на непредвиденные обстоятельства, системной регламентации и учету деятельности участников регионального продовольственного рынка в одной из государственных структур. Необходима также активизация деятельности в создании и совершенствовании законодательно-правового механизма (с привлечением сообщества предпринимателей) и системы мер государственного регулирования в этой области.

В связи с этим одной из стратегических задач руководства Республики Мордовия в контексте реализации экономической, в том числе продовольственной безопасности страны является создание оптовых продовольственных рынков. Являясь управляемым регулируемым механизмом товародвижения, функционирование такого рынка обеспечивается инфраструктурой, включающей в себя комплекс производственных помещений, обслуживаемых вспомогательными техническими службами (железнодорожные и автомобильные подъездные пути с автостоянкой, гостиницы, организации общественного питания, почта, узел связи, медпункт, расчетно-финансовый центр (банк), служба контроля качества и санитарно-эпидемиологического контроля и т. д.).

Таким образом, одним из приоритетов внутренней и внешней политики государства в современных условиях является стабилизация продовольственного рынка. Первые результаты деятельности по импортозамещению способствовали обеспечению населения необходимыми товарами. Введение экономических санкций в отношении России со стороны отдельных государств позволило установить новые

внешнеэкономические связи. Наметившаяся тенденция поддержки отечественного аграрного сектора, которая заключается не только в создании нормативной базы, но и в финансовой помощи отечественным аграриям, положительно отразилась на решении проблем, складывающихся в продовольственной схеме «заготовка — перевозка — хранение — переработка — реализация», и в целом содействует благоприятному развитию отечественного сельскохозяйственного производства, в значительной степени ускоряя процесс выхода России из экономического кризиса.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Кильдюшкина И. Г.** Продовольственная безопасность России в условиях глобализации // Никоновские чтения — 2013. Научное наследие академика А. А. Никонова и проблемы современной аграрной экономики : Тр. / ВИАПИ им А. А. Никонова. М., 2013. С. 186 — 188 ; **Володин В. М., Кильдюшкина И. Г.** Концепция рационального размещения сельскохозяйственного производства в Республике Мордовия // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России : материалы XIX Междунар. научно-практ. конф. (25 — 26 сент. 2014 г.). М., 2014. С. 162 — 164 ; **Володин В. М., Кильдюшкина И. Г.** Матрица современной региональной агропродовольственной политики // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 161 — 171 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Характеристика жизненного уровня населения в контексте вопросов экономической безопасности // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2015. № 5 (2). С. 26 — 37 ; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты : XV Макаркин. науч. чт. Саранск, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23722549> (дата обращения: 17.11.2016) ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104 ; **Липатова Л. Н.** Основные тенденции и проблемы гуманитарного развития в регионах Приволжского федерального округа // Социальный и духовный потенциалы региона и их реализация : материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 2017. С. 257 — 264 ; **Липатова Л. Н.** Сравнительная характеристика условий формирования человеческого потенциала в регионах Приволжского федерального округа // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. научно-практ. конф. : в 2 т. Н. Новгород, 2017. Т. 1. С. 158 — 162.

² URL: <http://fundamental-research.ru/en/article/view?id=38782> (дата обращения: 17.11.2016).

³ Там же.

⁴ URL: <http://info.tatcenter.ru/article/142825> (дата обращения: 17.11.2016).

⁵ URL: <http://www.eg-online.ru/news/305052> (дата обращения: 17.11.2016).

Поступила 04.09.2017 г.

УДК 332.145(470.345)

А. А. Радайкин

A. A. Radaukin

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

MAIN FEATURES AND TRENDS OF MODERN SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, особенность, тенденция, регион, Республика Мордовия.

В статье рассматривается современное социально-экономическое положение Республики Мордовия; на основе анализа динамики основных социальных и экономических показателей за 2011 — 2016 гг. выявляются основные особенности и тенденции развития региона и определяются направления его устойчивого развития.

Key words: social and economic development, feature, trend, region, the Republic of Mordovia.

The article deals with the current social and economic situation in the Republic of Mordovia. Based on the analysis of the dynamics of the main social and economic indicators for 2011 — 2016, key features and trends in the development of the region are identified and the direction of its sustainable development is determined.

Необходимость устойчивого развития и достижения экономического роста определяются главной задачей стратегического управления на макроуровне, одним из инструментов которого выступает программно-целевое планирование. В региональном аспекте оно должно опираться на знание особенностей, выявление позитивных и негативных тенденций социально-экономического развития и их анализ с целью диагностики уровня развития. Без этого невозможно эффективно использовать методы программно-целевого планирования, удержать все достигнутые результаты, применив имеющиеся ресурсы, опыт, накопительный и синергический эффект, и обеспечить дальнейшее управляемое планомерное развитие экономики и социокультурных отраслей. Это и актуализировало выбранную тематику.

Несмотря на разрушительные тенденции 1990-х гг. и последующих кризисных периодов развития России, результаты анализа социально-экономического положения Республики Мордовия и многих других регионов страны долгое время вызывали панику, а научные публикации применительно к данной теме интерпретировались как «социально-экономическая ситуация». Сегодня можно уверенно констатировать, что Мордовия — политически стабильный и инвестиционно привлекательный регион. Некоторые факты, доказывающие это, можно считать важными предпосылками последующего эволюционирования общества, будущее которого тесно переплетается с проведением в стране чемпионата мира по футболу в 2018 г. Мордовия заслуженно вошла в число городов-организаторов указанного мероприятия благодаря тому, что, во-первых, она стала лидером среди российских

регионов по развитию спорта и спортивной инфраструктуры, отвечающей мировым стандартам; во-вторых, в ежемесячном рейтинге политической стабильности субъектов РФ она находится в группе регионов с максимальными значениями политической устойчивости, неоднократно занимая высшие позиции¹. Другие особенности и тенденции развития этого российского субъекта в составе ПФО мы рассмотрим ниже, используя методы экономического анализа (динамики основных показателей, сравнения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, рейтинговой оценки, а также графического метода).

В методологическом аспекте, касаясь оценки уровня социально-экономического развития конкретного региона, следует иметь в виду, что для этого применяются социально-экономические показатели, или показатели-индикаторы. Им посвящено множество научных работ, но каждый ученый предлагает свой набор, подбирая самые эффективные, полнее отражающие положение региона. Одни исследователи делают акцент на экономические (например, валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения), другие — на социальные (численность, состав и уровень жизни населения)² индикаторы. Некоторые авторы выделяют отдельно показатели, описывающие экологическую ситуацию, или в качестве обобщающего показателя используют индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)³.

В экономической науке эта диалогемма решается с позиций системного подхода (системы показателей-индикаторов для измерения различий в уровне развития экономических, социальных и экологических процессов, происходящих на той или иной территории), когда характеристика регионов базируется на трех векторах⁴. Главным условием первого вектора является принятие определенных «правил игры» с выделением одного основного и системы частных показателей-индикаторов, уточняющих и дополняющих первый. Второй вектор — многоцелевая оптимизация по нескольким индикаторам, достижение компромисса в уровнях оптимального развития социально-экономических процессов на территории. Третий вектор основан на разработке интегрированных социально-экономических индикаторов, когда множество первичных индикаторов приводятся к интегральным стандартизированным оценкам⁵. Исходя из ориентации на первый вектор, мы предложили свой набор показателей-индикаторов, поскольку считаем их более результативными.

К особенностям Республики Мордовия, отличающим ее от аналогичных регионов относятся: специфика природно-климатических ресурсов, географическое пространственное размещение, удаленность от Москвы, демографические показатели, институциональные признаки и факторы, определяющие состояние ее экономики и социальной сферы. Поскольку некоторые из них часто освещаются учеными-регионоведами, мы провели анализ динамики таких показателей, как ВРП и денежные доходы, рассчитанные на душу населения, показатели отраслевой структуры экономики и др. (в силу их значимости) (табл. 1).

Первая особенность заключается в выгодном экономико-географическом положении республики — расположение в бассейне Волги; соседство с Нижегородской, Ульяновской, Пензенской и Рязанской областями и Чувашской Республикой; наличие крупных инфраструктурных объектов общероссийского масштаба (железная дорога, трубопровод, автомагистрали, связывающие европейскую часть с Уралом, Север России с Поволжьем, авиасообщение со столицей и крупными городами страны).

Таблица 1
Динамика некоторых основных социально-экономических показателей Республики Мордовия в 2012 — 2016 гг.

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016/2012
1	2	3	4	5	6	7
Валовой региональный продукт (в основных ценах), млн руб.	134 315,6	148705,7	173 872,7	187 397,3	x —	139,5*
В сопоставимых ценах, % к предыдущему году	102,1	102,5	106,1	103,6	x —	x —
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (в фактически действовавших ценах), млн руб.	111 698,0	116 932,2	130 144,7	141 878,6	151 600	135,7
Индекс промышленного производства, %	112,7	99,4	110,8	94,8	100,5	x —
Из общего объема — отгружено товаров собственного производства, выполнено работ, услуг собственными силами в обрабатывающих производствах, млн руб.	101 320,1	106 093,4	118 328,4	130 312,4	139 117,3	137,3
Объем выпущенной продукции сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств) (в фактически действовавших ценах), в том числе (млн руб.):	39 225,1	40 289,3	45 543,5	51 502,2	58 678,4	150,0
Индекс производства продукции сельского хозяйства, %	98,3	100,3	107,4	105,8	107,1	x —
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.	24 653,3	20 535,3	21 034,9	23 203,3	26 798,7	108,7
% к предыдущему году в сопоставимых ценах	93,7	78,4	99,6	105,3	104,1	x —
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. м ²	265,8	304,7	320,8	324,5	328,6	123,6
% к предыдущему году в сопоставимых ценах	89,2	114,7	105,3	105,0	101,3	x —
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования, млн руб.	49 824,7	53 713,7	47 484,6	52 353,8	52 900,0	106,2
В сопоставимых ценах, % к предыдущему году	102,1	101,9	100,2	100,5	—	x —
Оборот розничной торговли, млн руб.	57 692,6	63 014,1	72 791,2	77 889,4	80 771,9	140,0

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Индекс физического объема, %	104,4	103,7	106,9	94,6	98,2	x —
Внешнеторговый оборот, в том числе млн долл.	487,0	293,0	343,7	179,5	253,9	52,1
В сопоставимых ценах, % к предыдущему году	121,2	60,2	117,3	97,0	155,8	x —
Индекс потребительских цен на товары и услуги населению (декабрь к декабрю предыдущего года), %	106,0	106,3	111,6	114,2	105,3	x —
Численность населения на конец года, тыс. чел.	825 454	818 566	812 156	808 888	807 453	97,8
Денежные доходы (в среднем на душу населения в месяц), руб.	13 081,3	14 432,8	16 088,9	17 614,5	17 464,9	133,5

* Показатель рассчитан по данным 2012 — 2015 гг.

Составлена по: Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия в период деятельности Государственного собрания Республики Мордовия пятого созыва (2011 — 2016 гг.) : информ.-аналит. материал. 2016. С. 14 — 16 ; Социально-экономическое положение Республики Мордовия в январе — декабре 2016 г. : стат. сб. 2017. № 1 (12). С. 5, 31, 53, 56 [Электронный ресурс]. URL: [http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_is/mrd/ru/publications/electronic_versions/](http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_is/mrd/ru/publications/electronic_versions/official_publications/electronic_versions/) (дата обращения: 28.08.2017) ; Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998 — 2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_is/mrd/ru/statistics/grp/ (дата обращения 28.08.2017) ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2016. С. 21, 292, 313, 383, 423 [Электронный ресурс]. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_is/mrd/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения 28.08.2017); Социально-экономическое положение России. 2016. М., 2016. С. 273, 279.

Вторая особенность основана на институциональной составляющей региона. На его территории выделяются 22 муниципальных района, 1 городской округ, 16 городских и 336 сельских поселений⁶. Доля городского населения республики преобладает (60 %) над сельским (40 %).

Третья особенность связана с демографическими показателями республики и небольшой территорией (26,1 тыс. км²), но с высокой плотностью населения (31 чел. на 1 км²). По статистическим данным на 2016 г., показатель смертности в Мордовии составил 10 331 чел., по-прежнему превышая рождаемость (7 344 чел.). Однако имеются и утешительные тенденции: уменьшение естественной убыли населения на 285 чел. (в 2016 г. — 2 987 чел. против 3 272 чел. в 2015 г.); начавшаяся с 2014 г. положительная миграция населения (в 2015 г. — 2 093 чел.); рост продолжительности жизни (по данным на 2015 г. — более 71 года) и численности населения (на 01 января 2016 г. — 807 453 тыс. чел., на 1 декабря 2016 г. — 809 498 тыс. чел.)⁷.

Четвертой особенностью является то, что в республике практически отсутствуют сырьевые ресурсы и полезные ископаемые. В связи с этим промышленность ориентирована на наукоемкое, высокотехнологичное производство кабеля, оптоволоконных, полупроводниковых и преобразовательных приборов, вагоностроительную отрасль и строительные материалы.

Инновации для региона, реализуемые на базе сверхсовременного технопарка в области высоких технологий — основа роста всей экономики. По доле инновационной продукции Мордовия входит в число лидеров по стране⁸. На инновационном векторе развития, прежде всего в гуманитарной сфере (пятая особенность региона), заострил внимание Президент РФ В. В. Путин⁹. Выбранная стратегия не могла не отразиться на главном экономическом результативном показателе на мезоуровне — ВРП. Анализ динамики в 2011 — 2015 гг. показал, что ВРП Республики Мордовия среди субъектов ПФО как в 2011 г. (119 955,2 млн руб.), так и в 2015 г. (187 397,3 млн руб.) по величине физического объема находился лишь на 13-м месте. В 2015 г. по темпам роста республика занимала 3-е место (156,2 %), уступив Республике Марий Эл (170,08) и Пензенской области (157,68), но опередив общероссийский показатель (143,2) и совокупный ВРП ПФО (140,6), т. е. данный индикатор опережает рост общероссийского на 13,0, а ПФО — на 15,6 % (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ВРП по субъектам ПФО (в текущих ценах), млн руб.

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015/2011, %
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	45 392 276,7	49 926 068,7	54 103 000,3	59 188 270,3	64 997 039,3	143,2
Приволжский федеральный округ	7 050 735,5	7 864 342,2	8 474 685,0	9 185 550,0	9 916 064,2	140,6
Республика Башкортостан	941 023,6	1 149 384,6	1 163 219,0	1 260 010,4	1 317 431,4	140,0
Республика Марий Эл	97 323,3	117 201,1	125 950,2	143 396,1	165 531,0	170,1

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Республика Мордовия	119 955,2	134 315,6	148 705,7	173 872,7	187 397,3	156,2
Республика Татарстан	1 305 947,0	1 437 001,0	1 551 472,1	1 661 413,8	1 833 214,5	140,4
Удмуртская Республика	335 984,0	372 782,7	405 126,4	450 548,9	497 685,0	148,1
Чувашская Республика	188 785,7	217 821,1	223 147,9	237 447,2	250 408,9	132,6
Пермский край	840 101,1	860 342,7	880 264,4	974 192,9	1 048 018,6	124,8
Кировская область	195 269,5	208 505,4	224 152,3	254 089,4	276 506,4	141,6
Нижегородская область	770 774,0	842 195,5	925 182,0	1 009 460,1	1 069 280,2	138,7
Оренбургская область	553 320,9	628 563,6	717 014,8	731 277,7	774 859,0	140,0
Пензенская область	213 401,2	239 962,5	270 436,8	295 238,7	336 489,8	157,7
Самарская область	834 149,3	937 434,5	1 048 545,8	1 149 147,8	1 240 319,8	148,7
Саратовская область	431 028,0	478 275,8	526 178,9	566 646,1	617 497,6	143,3
Ульяновская область	223 672,7	240 556,1	265 288,7	278 808,2	301 424,7	134,8

Составлена по: Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998 — 2015 гг.

Анализ динамики вклада Республики Мордовия в общий валовой продукт показал увеличение доли региона в совокупном ВРП ПФО с 1,7 % (в 2011 г.) до 1,89 % (в 2015 г.), т. е. на 0,19 %. В 2011 г. вклад региона в ВВП составил 0,26 %, в 2015 г. — 0,29 %, что указывает на незначительный рост.

Положительная тенденция развития — рост ВРП на душу населения в 2012 — 2015 гг., в 2015 г. он составил 231,7 тыс. руб. на 1 чел. в год (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение и динамика показателя ВРП на душу населения Республики Мордовия, ПФО и РФ (в текущих основных ценах)

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015/2012, %
1	2	3	4	5	6
ВНП, млн руб.	49 926 068,7	54 103 000,3	59 188 270,3	64 997 039,3	130,2
Численность населения РФ, тыс. чел.	143 056	143 347	143 667	146 267	102,2
ВНП на душу населения, тыс. руб. на 1 чел.	349,00	377,40	411,98	444,37	127,3

1	2	3	4	5	6
Совокупный ВРП ПФО, млн руб.	7 864 342,2	8 474 685	9 185 550,0	9 916 064,2	126,1
Численность населения ПФО, чел.	29 811 477	29 772 235	29 738 836	29 715 450	99,7
Совокупный ВРП ПФО на душу населения, тыс. руб. на 1 чел.	263,8	284,6	308,8	333,7	126,5
ВРП Республики Мордовия, млн руб.	134 315,6	148 705,7	173 872,7	187397,3	139,5
Численность населения Республики Мордовия, чел.	825 454	818 566	812 156	808 888	98,0
ВРП Республики Мордовия на душу населения, тыс. руб. на 1 чел.	162,7	181,7	214,08	231,7	142,4

Составлена по: Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998 — 2015 гг. ; Социально-экономическое положение Республики Мордовия в январе — декабре 2016 г. : стат. сб. 2017. № 1 (12). С. 5. [Электронный ресурс]. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения 28.08.2017) ; Валовой региональный продукт на душу населения по субъектам Российской Федерации в 1998 — 2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/grp/ (дата обращения: 28.08.2017) ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2016. С. 21, 23, 423 [Электронный ресурс]. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения: 28.08.2017).

По данным табл. 3, в 2012 — 2015 гг. темп роста ВРП на душу населения Мордовии (142,4 %) увеличился на 42,4 %, опередив рост совокупного ВРП ПФО на душу населения (126,1) на 16,3 и общероссийский показатель (130,2 %) — на 12,2 %.

Шестая особенность — промышленно-аграрная специализация экономики республики. Анализ данных (см. табл. 3) свидетельствует об изменении роста показателей объемов производства и реализации в отраслях промышленности, сельхозпроизводстве, строительном комплексе и, как следствие, о стабильной ситуации на рынке труда в 2012 — 2016 гг. (рис.).

В 2012 — 2016 гг. наблюдается наибольший рост объемов продукции по отраслям: промышленность, сельское хозяйство и торговля. Снижение отмечается по отрасли «строительство». Промышленность по-прежнему занимает большую долю в отраслевой структуре экономики региона, на 2-м месте — торговля, на 3-м — сельское хозяйство, на 4-м месте — строительство. Показатели (см. табл. 1) полнее характеризуют социально-экономическое развитие региона. Так, в 2012 — 2015 гг. прослеживается положительная динамика роста ВРП в основных и сопоставимых ценах. Темп роста ВРП за 4 года составил 137,3 %. Социально-экономическая ситуация в республике в 2016 г. отличалась увеличением по сравнению с 2015 г. объемов в ряде отраслей промышленности, сельхозпроизводстве, строительстве, стабильной ситуацией на рынке труда, ростом среднемесячной номинальной начисленной заработной платы¹⁰.

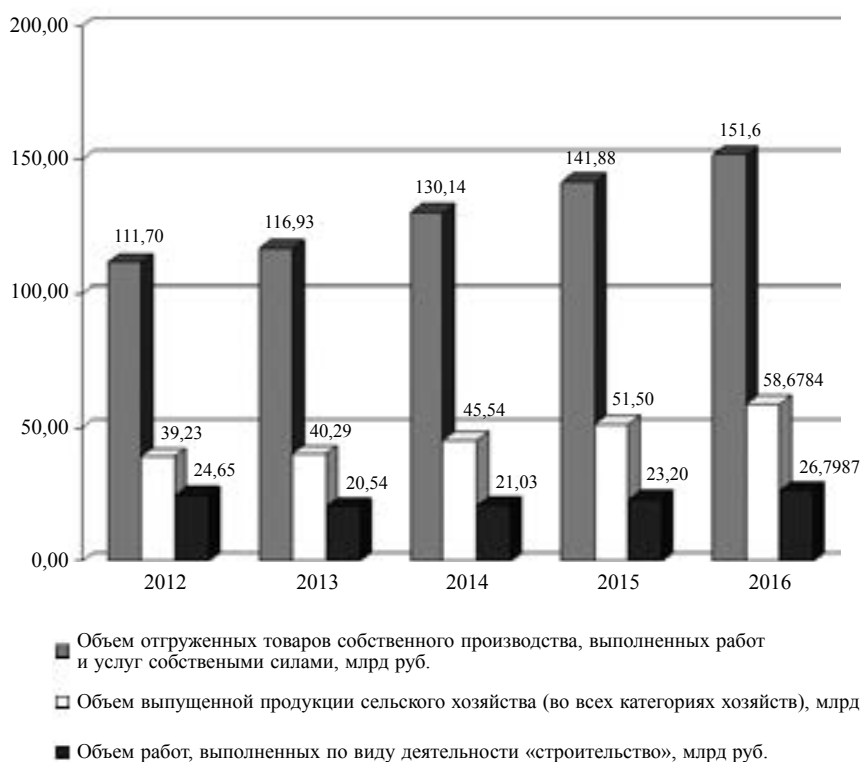


Рис. Динамика объемов производства продукции, работ и услуг по основным видам экономической деятельности РМ (в фактически действующих ценах)

С 2012 г. по 2016 г. объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами увеличился на 35,7 %. В 2016 г. отгружено товаров, выполнено работ и услуг по промышленным видам деятельности по полному кругу предприятий на 151,6 млрд руб. (105,1 % к уровню 2015 г. в действующих ценах); оборот организаций по видам экономической деятельности составил 390,0 млрд руб. (107,1); крупными и средними промышленными предприятиями отгружено продукции на 135,4 млрд руб. (106,5), в том числе предприятиями обрабатывающих производств — на 124,0 млрд руб. (107,1)¹¹. В производстве транспортных средств и оборудования рост объемов отгруженной продукции в 2016 г. составил 184,9 % к предыдущему году, в химическом производстве — 107,0, металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий — 123,9, производстве пищевых продуктов — 115,4, в обработке древесины и производстве изделий из дерева — 116,4 %.

Следует отметить, что в настоящее время в промышленности стабильную положительную динамику обеспечивают следующие предприятия республики: АО «Рузхиммаш», АО «Цветлит», ООО «ЭМ-КАБЕЛЬ», ООО «ВКМ — Сталь», ОАО «Биохимик», ОАО «Электровыпрямитель», ООО «Саранскабель-оптика», ОАО «Саран-

ский завод „Резинотехника“», ОАО «Кадошкинский электротехнический завод», АО «Ковылкинский электромеханический завод», ЗАО «Плайтерра», ТООСП в рп Торбеево ЗАО «МПК „Атяшевский“», ООО «Юбилейное», ПАО «Сыродельный комбинат „Ичалковский“», ООО «Ромодановосахар», ФЛ ОАО «САН ИнБев» в г. Саранск, ООО «КомбиС», ООО «ЛВЗ „Саранский“», ООО «ЛВЗ Кристалл-Лефортово», а также ОАО «АСТЗ», ООО «СЗ „Сармич“», ЗАО «Рузово»¹².

Оборот розничной торговли в Мордовии в 2016 г. составил 80 771,9 млн руб. (в расчете на душу населения — 100 032,9 руб.), в 2012 — 2016 гг. этот показатель вырос на 40 %. В его структуре удельный вес продовольственных товаров достиг 49,8 %, непродовольственных — 50,2 %. Было оказано платных услуг населению на сумму 23,5 млрд руб. Преобладающую долю в их структуре занимали жилищно-коммунальные, транспортные услуги и услуги связи, совокупный удельный вес которых составил 70,7 % общего объема. Объем выпущенной продукции сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств) в 2012 — 2016 гг. вырос в 1,5 раза (в 2016 г. — 58 678,4 млн руб., или 107,1 % к 2015 г.). В хозяйствах всех категорий произведено скота и птицы (в живом весе) 279,1 тыс. т (112 % к 2015 г.), молока — 408,7 тыс. т (101 %), яиц — 1422,7 млн шт. (100 %). Отрадно, что республика сохраняет лидирующие позиции в ПФО и России по показателям производства мяса, молока и яиц в расчете на 1 жителя (по производству в расчете на 1 жителя в хозяйствах всех категорий молока и яиц — 1-е место, мяса скота и птицы — 2-е место в ПФО)¹³.

В 2016 г. объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство» (в фактически действовавших ценах) увеличился на 26 798,7 млн руб., или на 8,7 %, а в сопоставимых ценах в сравнении с предыдущим годом — на 4,1 %. Предприятиями и организациями всех форм собственности, а также индивидуальными застройщиками введено в действие общей площади жилых домов больше на 23,6 % (в 2016 г. — 328,6 тыс. кв², или 101,3 % к 2015 г.). Объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2016 г. составил 52 900 млн руб., увеличившись за 5 лет на 6,2 %.

В 2016 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, включая субъекты малого предпринимательства, составила 23 379,4 руб. и возросла по сравнению с 2015 г. на 6,6 %; реальная заработная плата составила 101,2 %. Денежные доходы (в среднем на душу населения в месяц) за пять анализируемых лет увеличились на 33,5 %, составив в 2016 г. 17 464,9 руб.

Однако в более чем 2 раза уменьшился показатель внешнеторгового оборота (в 2016 г. он составил 253,9 млн долл.), незначительно снизилась численность населения на конец года — 807 453 чел., или на 2,2 %. По состоянию на 1 января 2017 г. численность безработных граждан, состоящих на регистрационном учете в учреждениях службы занятости, составила 3,8 тыс. чел., уровень регистрируемой безработицы — 0,85 %.

В 2016 г. в сравнении с предыдущим годом неоднозначно изменились индексы: индекс промышленного производства составил 100,5 %, производства продукции сельского хозяйства — 107,1, потребительских цен на товары и услуги населению — 105,3 (в т. ч. на товары — 105,6, на услуги — 104,1 %).

Важным обязательным индикатором социально-экономического развития в стратегическом плане является проявление особенностей формирования и реализации

бюджетной политики, проводимой в регионе. Исследование показало, что в 2012 — 2015 гг. установилась отрицательная тенденция — рост дефицита республиканского бюджета Республики Мордовия. Так, в 2015 г. увеличение данного показателя составило 4,2 млрд руб. (в 2012 — 2015 гг. с 2,8 до 6,0 млрд руб.). При этом сотрудниками аналитического отдела Государственного собрания республики был разработан обнадеживающий прогноз на 2016 г. — 2,4 млрд руб.¹⁴. Примечательно, что структура доходной части бюджета характеризуется ростом доли налоговых и неналоговых доходов в общем объеме поступлений и снижением доли безвозмездных поступлений из вышестоящего бюджета. В 2012 г. доля налоговых и неналоговых поступлений бюджета составила 37,1 % общего объема бюджетных поступлений, к 2015 г. она увеличилась до 59,6 %, в то время как безвозмездные поступления снизились с 62,9 до 40,4 %¹⁵. В 2015 г. доля основных доходных источников бюджета (налога на доходы физических лиц, поступлений от акцизов, налога на прибыль организаций, налогов на имущество) составила более 55 % от общего объема поступлений. В 2016 г. планируется их рост до 65 %¹⁶, т. е. больше половины всех расходов идет на социальную сферу в виде ассигнований на развитие отраслей здравоохранения, образования, социальной политики, культуры, физической культуры и спорта, а также на государственную поддержку приоритетных отраслей, в том числе сельского и дорожного хозяйств, жилищно-коммунальной сферы¹⁷.

Перспективным является ежегодное увеличение доли расходов, связанное с формированием республиканского бюджета Республики Мордовия по программно-целевому принципу (с 2014 г. к финансированию принято 24 государственные программы). В связи с этим, по итогам 2015 г., Мордовия лидировала среди регионов ПФО по объемам производства сельхозпродукции, дорожного строительства, показателям реализации программ переселения граждан из аварийного фонда и капитального ремонта многоквартирных домов¹⁸. По показателю высокой продолжительности жизни и низкой младенческой смерти в ПФО республика также относится к регионам-лидерам.

Еще одной особенностью социально-экономического развития можно считать участие некоммерческих организаций в формировании нового «человеческого капитала» и их большой роли в достижении положительных результатов развития. Так, многие социально-экономические вопросы реализовались в рамках 28 приоритетных проектов: «Народный контроль», «Строительство физкультурно-оздоровительных комплексов», «Земский доктор», «500 бассейнов», «Управдом», «Качество жизни. Здоровье», «Детские сады — детям», «Модернизация образования», «Российское село», «Новые дороги городов России», «Историческая память» и др.¹⁹

Благодаря этому были практически решены значимые социальные и экономические проблемы, в частности недостаток мест в детских садах для детей (от 3 до 7 лет); развитие спорта; получение качественной медицинской помощи, в том числе на селе; продвижение продукции местных производителей на рынке; внедрение инновационных технологий, развитие технопарка; рост числа многодетных семей; повышение качества коммунальных услуг, уровня сервиса и состояния инфраструктуры, снижение аварийности, противоречия в сфере управления многоквартирными домами, расселение аварийного жилья (по выполнению программ переселения граждан из аварийного фонда Мордовия заняла 1-е место в ПФО и 3-е — в РФ; по капитальному ремонту многоквартирных домов — 1-е место в ПФО и РФ).

На наш взгляд, это объясняется правильно выбранной региональными властями стратегией управления и их конструктивного диалога с федеральным центром, базирующейся на учете специфики условий развития республики, под влиянием которой сформировались основные социально-экономические тенденции: рост экономики и повышение качества жизни населения, что подтверждается выводами и результатами проведенной работы. Основные проблемы на фоне значительного общего улучшения состояния в регионе за 2011 — 2016 гг. связаны со снижением численности населения и его естественной убылью, с ростом бюджетного дефицита и высоким уровнем дотационности бюджета региона, с невысоким уровнем среднедушевых доходов населения²⁰.

На основании вышеизложенного и изучения действующих программно-целевых документов²¹ предлагается реализовать в республике следующие основные направления развития:

- привлечение эффективных инвестиционных ресурсов;
- совершенствование структуры расходов бюджета и повышение ее доходной части за счет развития малого и среднего предпринимательства в сфере сельского хозяйства, информационно-коммуникационных технологий, формирования туристской инфраструктуры;
- повышение внешнеэкономического оборота на фоне снижения импорта продовольствия и сельхозпродукции.
- поддержка социально ориентированного предпринимательства, предпринимательских проектов и инициатив, а также перспективных молодежных проектов;
- рост производительности труда за счет внедрения инноваций;
- продолжение антимонопольной политики применительно к отраслям естественной монополии;
- снижение административных барьеров;
- создание благоприятных условий для увеличения численности населения, в том числе за счет стимулирования рождаемости, системы социальной поддержки, повышения доступности культурных благ, качества услуг образования, здравоохранения, физкультуры и спорта, популяризации здорового образа жизни, снижения безработицы.

Таким образом, при разработке новых стратегических горизонтов следует ориентироваться на устойчивое долгосрочное развитие с учетом особенностей и тенденций социально-экономического развития Республики Мордовия, руководствуясь главной целью — повышение уровня и качества жизни населения. Основными задачами государственной региональной политики должны стать рост доходов, доступность всех видов социальных услуг, снижение социального неравенства, последствий кризисов и неблагоприятной внешнеполитической обстановки на базе стабильного экономического роста.

Библиографические ссылки

¹ См.: Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия в период деятельности Государственного собрания Республики Мордовия пятого созыва (2011 — 2016 гг.) : информ.-аналит. материал. 2016. С. 5.

² См.: Курнышев В. В., Глушкова В. Г. Региональная экономика. Основы теории и методы исследования : учеб. пособие. М., 2011. С. 81, 93.

³ См.: **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 98 — 103.

⁴ См.: **Курнышев В. В., Глушкова В. Г.** Указ. соч. С. 105.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ См.: Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия... С. 6.

⁷ Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия... С. 6 ; Социально-экономическое положение Республики Мордовия в январе — декабре 2016 г. : стат. сб. 2017. № 1 (12). С. 56 ; Социально-экономическое положение России 2016 г. : стат. ежегодник. М., 2016. С. 365.

⁸ Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия... С. 14.

⁹ Путин: «Мордовия — один из лучших примеров многонациональной республики» [Электронный ресурс]. URL: <http://finugor.ru/news/putin-mordoviya-odin-iz-luchshih-primerov-mnogonatsionalnoy-respubliki> (дата обращения: 23.08.2017).

¹⁰ Информация о социально-экономическом положении Республики Мордовия за 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=495&Itemid=477 (дата обращения: 28.08.2017).

¹¹ Там же.

¹² Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия... С. 17.

¹³ Информация о социально-экономическом положении Республики Мордовия за 2016 г.

¹⁴ Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия... С. 10.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 10 — 11.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: **Вдовин С. М.** Стратегия и механизмы устойчивого развития региона. М., 2017. С. 345.

²¹ Об утверждении государственной программы «Экономическое развитие Республики Мордовия до 2018 года» : Постановление Правительства Республики Мордовия № 417 от 23.09.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/9030790/> (дата обращения: 23.08.2017) ; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ № 165-р от 07.02.2011 г. (ред. от 26.12.2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110784/ (дата обращения: 23.08.2017) ; О стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года : Закон Республики Мордовия № 94-З от 01.10.2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=142936> (дата обращения: 23.08.2017) ; Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. М., 2010.

Поступила 15.08.2017 г.

УДК 338.48(470.345)

Н. А. Емельянова, Н. Е. Нехаева
N. A. Emelyanova, N. E. Nekhaeva

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТСКИХ ПРОДУКТОВ ТЕРРИТОРИИ

TOOLS FOR THE PROMOTION OF TOURISM PRODUCTS OF THE TERRITORY

Ключевые слова: продвижение, туристский продукт, инструменты продвижения, средства продвижения, туристско-информационный центр, Республика Мордовия.

В статье представлено комплексное исследование, которое раскрывает теоретические вопросы продвижения туристских продуктов территории; дана характеристика каждого инструмента продвижения; на примере Республики Мордовия рассмотрено использование различных инструментов в продвижении туристских продуктов региона.

Key words: promotion, tourism product, promotion tools, means of promotion, Tourist Information Centre, the Republic of Mordovia.

The article deals with a comprehensive study that reveals the theoretical issues of promoting tourism products of the territory; the characteristic of each promotion tool is given; the use of various tools for the promotion of tourism products of the region is considered on the example of the Republic of Mordovia.

В развитии регионального туризма одной из основных задач является грамотное позиционирование и последующее продвижение территории как туристской дестинации. Основой позиционирования такой территории является выделение приоритетных видов туристской деятельности, которые обеспечены объектами инфраструктуры, кадрами и сформированным туристским продуктом.

Изучению проблем позиционирования и продвижения туристских территорий посвящены работы таких российских авторов, как Е. А. Джанджугазова, А. П. Панкрухин, Д. А. Дирин, А. С. Кусков, А. А. Бондарович¹. В то же время комплексных работ, в которых рассматриваются все инструменты и средства продвижения туристских продуктов территории, нами не выявлено. Этим и объясняется актуальность нашего исследования: выявить комплекс инструментов продвижения туристских продуктов территории и рассмотреть их применение на примере Республики Мордовия.

С точки зрения маркетинга, продвижение (promotion) — это комплекс мер по увеличению спроса и продаж. Продвижение туристских продуктов территории можно рассматривать как совокупность мероприятий по доведению информации до потенциальных туристов о достоинствах туристских продуктов территории через современные каналы и средства коммуникации и стимулированию у них желания их приобрести.

При выборе инструментов продвижения необходимо обратить внимание на целевую аудиторию и ее поведение, на разработанное для нее эффективное обращение, призванное привлечь внимание и вызвать интерес к турпродукту территории. При этом содержание обращения к потенциальным туристам должно формировать сле-

дующие мотивы: рациональные (экономичность, выгодность, ценность и качество); эмоциональные (любовь, юмор, гордость и радость); моральные (справедливость, порядочность)².

К основным инструментам продвижения турпродуктов территории относят рекламу, мероприятия, стимулирующие спрос, организацию общественного мнения и прямой маркетинг³.

Реклама и мероприятия, стимулирующие спрос, относятся к группе массовых коммуникаций, которые осуществляются в условиях отсутствия личного контакта и обратной связи с использованием средств массовой информации (рис.1).

В продвижении турпродуктов территории реклама может быть определена как форма коммуникации по предоставлению информации о турпродуктах и туруслугах, осуществляемая через платные средства распространения информации с четко указанным источником финансирования. Реклама позволяет визуализировать предложения турпродуктов дестинации. Она передает предложение дестинации, позволяет оценить его соответствие нуждам туристов без непосредственного посещения самой дестинации.

Реклама туристских продуктов территории направлена на решение трех основных задач:



Рис. 1. Основные массовые коммуникации в продвижении туристских продуктов территории

— информирование о территории и об ее турпродуктах, создание на этой основе необходимых знаний об условиях путешествия (условиях проживания, питания, досуга и пр.);

— убеждение лиц, принимающих решение о приобретении турпродуктов, в предпочтительности предлагаемых продуктов, т. е. активизации у потребителей сильных эмоциональных стимулов к покупке;

— напоминание покупателям о турпродуктах территории, сохранение осведомленности о территории и поддержка положительных эмоций у тех лиц, которые уже знакомы с этой территорией, например, ранее посетив ее.

Для рекламы турпродуктов территории могут быть использованы различные средства: газеты и журналы, радио и телевидение, каталоги, брошюры, буклеты, информационные листы, прямые почтовые отправления, рекламные сувениры, наружная реклама, выставки и Интернет.

С помощью аудиовизуальной рекламы (рекламные кинофильмы, видеофильмы, ролики и пр.) и использования Интернета как средства ее распространения можно создавать имидж территории как туристской дестинации в глазах потенциальных туристов, что в последующем сможет стать решающим фактором при выборе территории для туристской поездки.

Важным средством рекламы турпродуктов территории являются сувениры и подарки. Сувенирная продукция, несущая в себе элементы колорита территории и ее туристских объектов, должна вызывать желание посетить этот регион у друзей, родных, знакомых и пр.

В продвижении турпродуктов территории самым действенным инструментом становится использование интернет-рекламы (контекстная, баннерная, Web-сайты, на серверах, в поисковых системах). Эффективным средством является контекстная реклама в поисковых системах Яндекс и Google. Контекстная реклама — тип интернет-рекламы, при котором рекламное объявление показывается в соответствии с содержанием интернет-страницы. Она действует избирательно и отображается посетителям интернет-страницы, сфера интересов которых потенциально совпадает/пересекается с тематикой рекламируемого товара либо услуги, целевой аудитории, что повышает вероятность их отклика на рекламу. Для определения соответствия рекламного материала странице интернет-сайта обычно используется принцип ключевых слов. На ключевые слова ориентируются и поисковые системы.

Традиционным средством взаимодействия туристских организаций с потенциальными клиентами является сайт. Удобство для пользователя, качественный контент и уникальные тексты, написанные специально для сайта, дают возможность увеличить конверсию посетителей сайта в потребителей услуги.

С точки зрения продвижения турпродуктов территории эффективным способом является разработка информационного туристского портала региона, который представляет собой Web-сайт, организованный как многоуровневое объединение различных туристских ресурсов и сервисов, обновление которых происходит в реальном времени, содержащий огромное количество уникального контента и рассчитанный на большие нагрузки по посещаемости. Туристский портал имеет сложную структуру и навигацию и содержит различные интерактивные сервисы.

Большинство современных туристов при принятии решения о поездке обращаются именно к Интернету. В связи с этим для туристских фирм, реализующих туристские продукты региона, оказывается принципиально важным активное при-

сутствие в интернет-пространстве. Довольно эффективным способом продвижения турпродуктов территории является реклама в социальных сетях, где можно создавать и постоянно обновлять официальные группы и аккаунты в Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Youtube, Instagram и пр. Каждая из этих соцсетей имеет определенную целевую аудиторию, например, пользователи «ВКонтакте» и Instagram преимущественно молодая аудитория в возрасте до 30 лет, Одноклассники — это целевая аудитория людей средней возрастной группы, старше 30 лет, Facebook — это среда для профессионалов и деловых людей.

Туристы со всего мира оставляют свои фото, видео и отзывы о туристской поездке, что позволяет видеть это большому количеству потенциальных клиентов. Прямо из группы в социальной сети можно информировать о существующих предложениях в пунктах назначения, сообщать о новых предложениях и многое другое.

Среди потребителей туруслуг наблюдается увеличение доли онлайн-бронирования. Активно развиваются сервисы-онлайн бронирования: tripadvisor.ru, booking.com, ozon.travel, oktogo.ru, anywayanyday.com и пр., площадки которых также могут служить рекламой туристских продуктов назначения.

Продвижение турпродуктов территории может осуществляться и с помощью блогов — персональных сайтов, состоящих из личных записей владельца блога и комментариев пользователей. Блоги — это среда сетевого общения, темой которой в том числе может быть информация о территории и ее туристских возможностях. В интернет-пространстве существует огромное число блогов о путешествиях, которые активно посещаются пользователями, поэтому данное средство может выступить рекламой туристских продуктов территории.

В настоящее время возник совершенно новый формат — реклама для мобильных приложений, который предлагают корпорации Apple с операционной системой iOS и компания Google с операционной системой «Андроид». Купить приложения или скачать их бесплатно пользователи мобильных устройств могут через магазины приложений компаний Apple и Google.

Мероприятия по стимулированию спроса в продвижении турпродуктов территории предполагают увеличение, ускорение и/или усиление ответной реакции потребителей турпродукта за счет использования многообразных средств стимулирующего воздействия. Стимулирование спроса при этом направлено на достижение следующих задач: привлечение новых потребителей, увеличение повторных покупок, увеличение интенсивности использования туристского продукта, выведение на рынок новых туристских продуктов.

Средствами по стимулированию спроса на туристские продукты территории в таком случае выступают:

— организация выездных выставок, ярмарок, представляющих туристско-рекреационный потенциал и турпродукты региона на других территориях;

— проведение конкурсов на расширение ассортимента турпродуктов и др.

Такие инструменты продвижения, как организация общественного мнения (PR) и прямой маркетинг, относятся к группе межличностных коммуникаций между двумя или несколькими людьми, общение которых происходит с использованием каких-либо средств коммуникации (телефон, почта и др.) либо без них (рис. 2).

Прямой маркетинг предполагает установление прямых контактов с потребителями туристских услуг в целях привлечения внимания к предлагаемым туристским



Рис. 2. Основные межличностные коммуникации в продвижении туристских продуктов территории

продуктам. К основным методам прямого маркетинга относят: персональные (личные) продажи, прямую почтовую рассылку, продажи по каталогам и телемаркетинг.

Из описанных выше методов в продвижении турпродуктов территории можно использовать персональные (личные) продажи, под которыми понимают персональную и двустороннюю коммуникацию с целью представления туристских продуктов и побуждения клиента к действию.

Персональные продажи осуществляют сотрудники туристских фирм, туристских информационных центров путем прямого общения с потребителями туристских продуктов.

Организацию общественного мнения или связи с общественностью можно также отнести к инструментам продвижения турпродуктов территории. К основным направлениям деятельности PR относят конференции, брифинги, презентации, проведение круглых столов, дней открытых дверей и пресс-туров. Благодаря им до потенциальных потребителей доводится информация об имеющихся и новых туристских продуктах данной территории. Важным аспектом является взаимодействие со СМИ. Наиболее распространенные PR-материалы, предназначенные для СМИ:

а) пресс-релиз — это вид письменной коммуникации, направляемой только в СМИ о новом турпродукте;

б) медиа- или пресс-кит — это собрание документов, медиафайлов и прочих данных, представляющих турпродукт территории;

в) тематические статьи в различных СМИ;

г) фотографии основных достопримечательностей, составляющих основу турпродукта;

д) публичные выступления руководителей турбизнеса региона.

Популярным PR-средством продвижения турпродуктов территории становится организация пресс-туров для представителей СМИ, в процессе проведения которых происходит непосредственное знакомство с туристскими объектами территории. Статья как результат пресс-тура, размещенная в печатных изданиях, может привлечь внимание общественности или населения к туристским продуктам региона и тем самым способствовать ее продвижению.

Особое место в продвижении занимают выставки, которые в зависимости от поставленных целей, выступают средством в таких инструментах продвижения, как реклама, связи с общественностью и стимулирование спроса. Выставки представляют большие возможности демонстрации туристских ресурсов и туристских продуктов дестинации для установления прямых контактов с непосредственными покупателями и потребителями. Участие в выставочной деятельности позволяет привлекать внимание к туристскому потенциалу региона путем организации на них презентаций. Такими выставками могут выступать: «Интурмаркет», «МИТТ», «Отдых» в Москве, «Инветекс» в Санкт-Петербурге и пр.

Для успешного продвижения можно использовать инновационные маркетинговые инструменты, которые появились относительно недавно. Из инновационных инструментов для продвижения турпродуктов территории можно использовать *storytelling* (сторителлинг) — метод влияния на потенциальных туристов при помощи увлекательного рассказа о туристских продуктах дестинации. Это эффективная история с реальными или вымышленными персонажами, базирующаяся на законах маркетинга, один из лучших способов захватить, удержать внимание потенциальных потребителей, а главное, спровоцировать их на посещение региона. В основу сценария истории ложится туристский бренд, разрабатываемый с учетом разнообразных целей посещения региона (культурно-познавательной, религиозной, событийной и т. д.)⁴.

Каждый инструмент продвижения обладает специфическими приемами и методами. Несмотря на это, все инструменты преследуют одну цель — продвижение туристских продуктов территории. Для успешного и эффективного продвижения важно не только правильно выбрать инструменты или их сочетание, но и правильно использовать их.

Рассмотрим использование описанных выше инструментов продвижения турпродуктов территории на примере Республики Мордовия. Ведущую роль в позиционировании и продвижении регионального турпродукта Мордовии играет Туристско-информационный центр Республики Мордовия (ТИЦ РМ)⁵. Он является одним из наиболее значимых механизмов продвижения туристского потенциала региона и инструментом взаимодействия всех субъектов туристского рынка. В его деятельности отчетливо прослеживаются такие средства продвижения, как реклама турпродуктов, выставочная деятельность и PR (публикации в СМИ, презентации, круглые столы, конференции и пр.).

Самую полную информацию о туристских ресурсах, рекреационных возможностях, туристской инфраструктуре можно получить на туристско-информационном портале Республики Мордовия (www.turizmrm.ru). Структура портала выстроена через хронологию организации путешествия: «Как добраться», «Где остановиться», «Где перекусить», «Что посетить», «Что увезти с собой», «Иная информация»⁶. Сайт имеет удобную навигацию, понятный интерфейс, адаптирован для портативных электронных устройств, представлен на русском и английском языках. В настоящее время туристско-информационный портал Республики Мордовия является самым эффективным средством продвижения туристского продукта региона.

На крупных информационных и государственных порталах Мордовии, а также сайтах субъектов туризма размещены рекламные баннеры туристско-информационного портала, что способствует наибольшему распространению информации о турпродуктах Мордовии потенциальным пользователям.

К печатной продукции, продвигающей турпродукты Мордовии и широко распространяемой в ТИЦ, можно отнести следующие виды:

— научно-популярные издания (путеводители по г. Саранску и Республике Мордовия);

— флаеры «Открой для себя Мордовию» на русском и английском языках: «13 поводов посетить Мордовию», «13 фактов об Эрзье», «13 „вкусных“ заведений Саранска», «13 основных гостиниц Саранска», «13 героев мордовской мифологии», «13 блюд мордовской кухни», «13 афоризмов, побуждающих к путешествию»;

— туристская карта г. Саранска;

— проект «Мой край мордовский», в рамках которого выпущено более тридцати краеведческих книг по истории, городам, районам, селам, известным землякам, национальным и природным особенностям, фотоальбомы и пр.

К медиапродукции, выпущенной в последнее время для целей позиционирования и продвижения Мордовии, относят:

— официальный ролик Саранск — город-организатор чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России™;

— Saransk — 2018 FIFA World Cup™ Host City;

— FIFA cityguides Saransk;

— «Туризм в Мордовии» (ролик ко II Фестивалю Русского географического общества);

— видео-ролики о туристских возможностях районов (Ардатовский, Атяшевский, Большеберезниковский, Ичалковский, Кочкуровский, Zubovo-Polyanskiy);

— «Иненармунь» (Саранск — город-организатор чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России™);

— «Святые места земли Мордовской»;

— видеоролики о Мордовии на русском и английском языках, созданные Министерством печати и информатизации;

— промо-ролики отдельных субъектов туризма (санатории, заповедник, Национальный парк, музеи и др.).

Полиграфическая продукция распространяется в офисе ТИЦ, на информационных стойках в ведущих гостиницах и предприятиях питания г. Саранска, а также на мероприятиях с участием Туристско-информационного центра.

Для продвижения турпродуктов Мордовии ТИЦ использует сувенирную продукцию мастеров народно-художественных промыслов (национальная вышивка, вязание, куклы, валенки, изделия из лозы, бересты и глины, деревянные резные игрушки и матрешки). Кроме того, в широком ассортименте представлена сувенирная продукция промышленного производства республики.

С целью продвижения туристских продуктов и повышения к ним интереса ТИЦ РМ организует различные конкурсы:

— конкурс туристских маршрутов «Открой для себя Мордовию»;

— фотоконкурс «Я отдыхаю в Мордовии»;

— конкурс «Лучшая разработка межрегионального туристского маршрута на территории ПФО»;

— фотоконкурс «Люблю тебя, Приволжье»;

— фотоконкурс в социальных сетях «Я путешествую по Мордовии»;

— конкурс «Туристический сувенир Республики Мордовия».

Деятельность центра можно рассматривать и с точки зрения коммуникативного позиционирования и продвижения турпродуктов. С 2013 г. Мордовия ежегодно принимает участие в Международной туристской выставке «Интурмаркет» (Москва). Кроме этого, ТИЦ РМ принимал участие во всероссийских, межрегиональных и региональных выставках.

В деятельности ТИЦ весомую роль играет взаимосвязь со СМИ. Так, в 2016 г. в региональных СМИ «Известия Мордовия», «Республика Молодая», «Вечерний Саранск», «Столица С», «Мордовия» было опубликовано 47 материалов о деятельности ТИЦ РМ; с 2015 г на ГТРК «Мордовия» выходит передача «Радиотур».

Республика Мордовия как туристская дестинация обращает на себя внимание путем организации форумов, конференций и круглых столов с участием российского и международного представительства.

Кроме того, стоит отметить и работу ТИЦ в рамках PR-деятельности:

- налаживание сотрудничества с регионами России, в том числе посредством проведения рекламно-информационных туров по территории Республики Мордовия для представителей СМИ, туристского бизнеса, туристских администраций регионов;
- участие в уже существующих межрегиональных туристских маршрутах, в том числе в проекте «Великий волжский путь»;
- информационное взаимодействие с российскими центрами «VisitRussia» за рубежом.

Инструменты продвижения турпродуктов территории активно использует в своей деятельности ТИЦ РМ, благодаря которому информация об имеющихся туристских продуктах аккумулируется в одном месте и становится доступной широкой общественности.

Проведенное социологическое исследование в НИИГН при Правительстве Республики Мордовия дало качественную оценку результатов использования инструментов продвижения республики на внутрирегиональном уровне⁷. Исследование показало, что основными источниками получения информации о турпродуктах у респондентов являются: родственники, друзья, коллеги и знакомые; интернет-источники; реклама в СМИ; книги, журналы, буклеты и т. п.

Наблюдается яркая дифференциация выбора источников информации по возрастным группам респондентов. В возрастной группе опрошенных до 25 лет наиболее часто пользуются интернет-источниками как основными информационными ресурсами по объектам туристской индустрии Мордовии; анкетированные в возрасте от 25 до 40 лет и от 41 до 60 лет в этом вопросе в основном придерживаются мнения родственников, друзей, коллег и знакомых; пожилые люди старше 60 лет предпочитают получать информацию из книг, журналов, буклетов, фотоальбомов и прочих источников.

Большинство респондентов считает проводимую информационную политику в области рекламы достопримечательностей и объектов историко-культурного наследия Мордовии недостаточной. Не соответствующей действительности рекламную деятельность называют 19,3 % респондентов, 21,9 % обследованного населения затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, на сегодняшний день продвижение регионального турпродукта Мордовии реализуется не в полной мере. Во многом это связано с тем, что республика только определяет инструменты продвижения и формируется как дестинация в туристском пространстве России и мира. С целью повышения туристской привле-

кательности Мордовии и стимулировании спроса на турпродукты региона необходимо значительно активизировать работу в данном направлении.

Библиографические ссылки

¹ См.: Джанджугазова Е. А. Маркетинг туристских территорий. М., 2017. 223 с. ; Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. СПб., 2006. 416 с. ; Дирин Д. А., Кусков А. С., Бондарович А. А. Особенности позиционирования регионов России на международном и национальном туристских рынках // Региональные исслед. 2011. № 4. С. 32 — 42.

² См.: Халиуллина М. А., Нехаева Н. Е. Мотивационные аспекты и их значение в туризме // Наука и образование в жизни современного общества. Тамбов, 2013. С. 150 — 153.

³ См.: Гребенюк Д. Г. Технология продаж и продвижения турпродукта. М., 2016. 288 с. ; Коглер Ф. Основы маркетинга. М., 2007. 656 с.

⁴ См.: Кильдюшкина И. Г., Киселева К. Г., Липатова Л. Н. «Иненармунь». Визитная карточка Мордовии // Центр и периферия. [Саранск]. 2015. № 2. С. 58 — 69.

⁵ См.: Емельянова Н. А., Кусерова А. И., Чинкова Н. А. Роль туристско-информационного центра в продвижении туристского продукта Республики Мордовия // Туризм в глубине России : сб. тр. IV Всерос. науч. семинара. Пермь, 2016. С. 101 — 106.

⁶ Официальный туристско-информационный портал Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turizmrm.ru> (дата обращения: 05.09.2017).

⁷ Формирование туристско-рекреационного потенциала Республики Мордовия. Саранск, 2016. 237 с.

Поступила 05.12.2017 г.

УДК 338.48(470.345)

К. С. Смирнова

K. S. Smirnova

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

MAIN PROBLEMS OF THE FORMATION AND USE OF LABOUR RESOURCES OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN MODERN CONDITIONS

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, безработица, труд, оплата труда, рынок труда, занятость, ресурсы, миграция, население, кадры, численность, рабочая сила, демография, политика, реформа, условия труда, эффективность, служба занятости.

В статье рассматриваются динамика развития социально-трудовых отношений в становлении трудового потенциала российских регионов и положение регионального рынка труда. Все процессы, происходящие на рынке труда прочно связаны с демографическими, политическими, экономическими и социальными проблемами в России и Республике Мордовия.

Key words: social and labour relations, unemployment, labour, salary system, labour market, employment, resources, migration, population, personnel, strength, manpower, demography, politics, reform, working conditions, efficiency, employment service.

The article deals with the dynamics of social and labour relations in the development of the labour potential of Russian regions, as well as with the situation in the regional labour market. All processes taking place on the labour market are firmly connected with demographic, political, economic and social problems in Russia and the Republic of Mordovia.

Развитие социально-экономических отношений на территории Российской Федерации за прошедшие 10 — 15 лет привело к значительным трансформациям в сфере труда: масштабной безработице (скрытой и регистрируемой), низкой социальной защищенности, дифференциации в оплате труда, теневой занятости, многочисленным забастовкам и др.¹ Эти довольно непростые социально-экономические явления вызвали потребность в их глубоком научном осмыслении, развитии взглядов и представлений о том, какими в совершенстве должны быть взаимоотношения в области труда в условиях рынка сообразно российской специфике, разработки результативных способов регулирования.

Динамика социально-трудовых отношений оказывает существенное воздействие на формирование трудового потенциала отечественных регионов и условия существования рынка труда. В связи с этим тема о ключевых подходах к их регулированию принципиально значима для эффективной трансформации российского общества. От последовательности и правильности осуществляемых действий, а также от реакции общества зависит результативность трансформаций в экономике.

Проблемы развития и становления социально-трудовых отношений были объектом изучения советских и российских ученых в области философии, истории, экономики и социологии. Однако в Мордовии данная тематика не была приоритетной и поэтому полноценный анализ состояния и развития подобных отношений на предприятиях республики не проводился.

Глобальность, всесторонность и специфичность происходящих трансформаций социальной структуры обуславливаются рядом обстоятельств:

— преобразованиями в структуре экономики (разные формы собственности — частная с участием иностранного капитала, акционерная, государственная) и ее упадком;

— фундаментальными преобразованиями, сопряженными с изменениями непосредственно в самой системе занятости (концепция планового развития, распределения и применения рабочей силы уступает место независимому рынку рабочей силы, что уже ранее повергло масштабную безработицу, изменение критериев дифференциации в обществе, перестройку трудовой мотивации, углубление общественного неравенства, внезапный разрыв в оплате труда различных категорий рабочих);

— упадком уровня жизни основной части населения;

— общественной аномией (разрушением одной ценностно-нормативной концепции и несформированностью другой) и общественной депривацией (лимитированием либо вообще лишением допуска к духовным и материальным резервам, важным для удовлетворения ключевых нужд человека или общества).

В системе рыночных отношений рынок труда является одним из основных факторов производства, базисом государственного богатства и валового внутреннего продукта общества. Рынок труда — важная составляющая любой экономической системы, так как его положение в существенной степени определяет темпы ее эко-

номического роста. В то же время он обеспечивает граждан доходами, от которых зависит их образ и уровень жизни. Уровень денежных доходов населения определяет объем его потребительских расходов (возможностей)².

Современное положение этого рынка труда отображает многозначность и сложность процессов, происходящих в сфере занятости, детерминированных воздействием экономических и общественных трансформаций в стране. Изучение его состояния на основе общей системы показателей дает возможность выявить отрицательные тенденции проблем занятости, безработицы и мобильности трудовых ресурсов для решения не только экономических, но и социальных вопросов.

Для правильной оценки состояния рынка труда Республики Мордовия следует отобразить его ключевые характеристики в динамике за минувшие пять лет.

Значимым элементом рынка труда являются трудовые ресурсы. Основную часть рассматриваемых ресурсов определяет население трудоспособного возраста. В современной России таким возрастом считается: для женщин 16 — 55 лет, для мужчин 16 — 60 лет (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Республики Мордовия трудоспособного возраста, тыс. чел.

Численность населения трудоспособного возраста	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Общая численность	466	457	457	452	446
Мужчины	237	232	230	227	227
Женщины	229	225	227	225	219

Составлена по: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия [Электронный ресурс]. URL:<http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 20.06.2017).

Общая численность населения трудоспособного возраста в значительной мере обуславливается демографическим фоном. Процесс беспокойного стабильного уменьшения населения за счет непосредственной естественной убыли и миграционного оттока в Республике Мордовия не прекращается по сей день³. За 2011 — 2015 гг. этот показатель снизился на 20 тыс. чел. В связи с ежегодным уменьшением общей численности населения происходит и уменьшение численности населения, способного к труду. Увеличение разрыва между данными категориями отрицательно сказывается на возможностях обеспечения региона кадрами. Тенденция уменьшения численности трудоспособного населения стимулирует последующее его старение, именно по этой причине мониторинг за его будущей динамикой представляет наибольшую значимость. Старение народонаселения также подразумевает уменьшение экономической активности и наращивание демографической нагрузки на трудящееся население (табл. 2).

На начало 2016 г. в республике удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста составил 15,2 % от общей численности, численность лиц трудоспособного возраста — 58,2 %, лиц старше трудоспособного возраста — 26,6 %.

Тенденция снижения численности трудоспособного возраста не меняется. Значимыми свойствами динамики возрастного состава населения являются сокращение

Таблица 2

Разделение населения по возрастным группам на 1 января 2016 г.

Территория	Все население, чел.	Моложе трудоспособного (мужчины и женщины 0 — 15 лет)	Трудоспособное (мужчины 16 — 59 лет, женщины 16 — 54 года)	Старше трудоспособного (мужчины 60 и более лет, женщины 55 и более)
Республика Мордовия	807 453	122 459	470 376	214 618
В том числе: Саранск	337 219	51 886	202 376	82 957

Составлена по: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

численности населения молодого возраста и повышение численности населения старше трудоспособного возраста. Проблема старения народонаселения является важной для страны и республики в частности. Наряду с изменением возрастной структуры населения происходят изменения показателей демографической нагрузки: соотношение численности населения трудоспособного и нетрудоспособного возраста. Довольно высокая демографическая нагрузка — это непростая общественная, демографическая и экономическая задача, поскольку с уменьшением уровня рождаемости и увеличением продолжительности жизни увеличивается «давление» на население трудоспособного возраста за счет лиц пожилого возраста.

Старение населения определяет значимые для региона экономические, психологические, медицинские и этические проблемы — проблемы рабочей силы, повышения финансовой нагрузки на социум, острой потребности учета модификаций степени и характера потребления, а также здоровья людей пожилого возраста.

На динамику трудовых ресурсов, кроме всего прочего, значительное воздействие оказывают миграционные движения. Ежегодно возрастает доля мигрантов, перемещающихся в границах России, а также возрастает доля выехавших в прочие регионы. В частности, это переселение характеризуется значительным оттоком из Мордовии образованного населения трудоспособного возраста. В данной ситуации поиск сезонной работы с наиболее высокой заработной платой является главной задачей мигрантов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение миграционных потоков населения республики, чел.

Потоки миграции	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	2	3	4	5	6
Прибывшие, всего	15 743	19 602	20 061	22 781	25 471
Из них: по России	14 950	17 785	17 695	18 694	17 505
В том числе:					
внутри региона	10 257	11 259	10 235	9 920	8 737
между регионами	4 693	6 526	7 460	8 774	8 768

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
Между странами	793	1 817	2 366	4 087	7 966
В том числе:					
со странами СНГ и Балтии	688	1 575	2 149	3 739	7 373
с другими зарубежными странами	105	242	217	348	593
Выбывшие, всего	19 167	22 745	22 632	22 561	23 378
Из них:					
по России	19 140	22 466	22 472	22 425	22 187
В том числе:					
внутри региона	10 257	11 259	10 235	9 920	8 737
между регионами	8 883	11 207	12 237	12 505	13 450
Между странами	27	279	160	136	1 191
В том числе:					
со странами СНГ и Балтии	14	215	147	95	1 094
с другими зарубежными странами	13	64	13	41	97

Составлена по: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

Экономически активная половина населения является значимым показателем трудовых ресурсов. Это то население, которое обеспечивает наличие рабочей силы, производящей товары и услуги. В состав данного населения входят занятые и безработные (табл. 4).

Таблица 4

**Динамика показателей, определяющих обстановку на рынке труда
по Республике Мордовия, тыс. чел.**

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Численность рабочей силы, всего	466	457	457	452	446
мужчины	237	232	230	227	227
женщины	229	225	227	225	219
В том числе:	442	435	437	433	427
Занятые в экономике, всего					
мужчины	224	220	219	217	217
женщины	218	215	218	216	210
Безработные, всего	24	22	20	19	19
мужчины	13	12	11	10	10
женщины	11	10	9	9	9
Безработные, зарегистрированные в государственных учреждениях службы занятости (конец года), всего	6	5	4	4	4
мужчины	3	2	2	2	2
женщины	3	3	2	2	2

Составлена по: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

Изучение динамики экономически активного населения указывает на его сокращение, что в значительной мере обусловлено далеко не положительной демографической обстановкой. В целом довольно сложно дать оценку близкую к реальным масштабам безработицы в Республике Мордовия. Наравне с зарегистрированной существует и скрытая безработица (вынужденные отпуска и неполная рабочая неделя), а также и официально не зарегистрированная, так называемая теневая занятость, в частности индивидуальная трудовая деятельность и занятость по найму.

Следует отметить, что на современном этапе в Республике Мордовия имеются следующие проблемы в отношении возможностей ее обеспечения трудовыми ресурсами:

— сокращение населения трудоспособного возраста и повышение демографической нагрузки на часть населения, способную к труду;

— выбытие трудоспособного и образованного населения как в другие регионы России, так и за границу;

— снижение численности населения, занятого в экономической деятельности;

— имеющееся расхождение квалификационной структуры граждан, обращающихся в органы службы занятости населения за помощью в устройстве на работу и структуры свободных рабочих мест, заявляемых работодателями;

— трудоустройство менее конкурентоспособных граждан, как правило, женщин с детьми малолетнего возраста; родителей, имеющих более двух детей несовершеннолетнего возраста; родителей, имеющих детей-инвалидов; граждан с ограничениями к труду по состоянию здоровья; граждан, находящихся на пороге пенсионного возраста и достигших его; некоторых категорий молодежи и других категорий граждан (лица, уволенные с военной службы, отбывавшие ранее наказание в местах лишения свободы);

— значимое деление по показателям уровня зарегистрированной безработицы, территориальной диспропорции спроса и предложения рабочей силы и наличия территорий на рынке труда с большой напряженностью.

Позитивные перемены прослеживаются в понижении общей численности незанятых граждан (нуждающихся в трудоустройстве и зарегистрированных в органах службы занятости). Мало заметны предпосылки высвобождения на массовом уровне работников предприятий и организаций республики.

На рынке труда Республики Мордовия в дальнейшем следует ожидать сохранение проблемы обеспеченности республики трудовыми ресурсами. Прежде всего, это обусловлено сокращением численности населения за счет ежегодного естественного и механического передвижения. В перспективе возможны и трансформации в возрастной структуре населения: увеличение численности населения старше трудоспособного возраста и незначительное увеличение доли лиц моложе трудоспособного возраста. Все это составляет общую специфику механизма регулирования социально-трудовых отношений и необходимость активного вмешательства государства в их деятельность.

Деятельность в области регулирования регионального рынка труда на местном уровне осуществляет Государственный комитет Республики Мордовия по труду и занятости населения, который реализует свою деятельность непосредственно и посредством подвластных ему муниципальных государственных учреждений службы занятости населения, а также в согласовании с исполнительными органами государственной власти республики, территориальными федеральными органами исполни-

тельной власти РФ, органами местного самоуправления и иными общественными объединениями и организациями.

Аппарат управления республики осуществляет политическую деятельность в сфере содействия занятости населения Республики Мордовия через нормативно-правовые акты, федеральные целевые или республиканские программы. В частности, реализуется государственная программа «Развитие рынка труда и улучшение условий труда в Республике Мордовия» на 2014 — 2018 гг., принятая в 2013 г., в целях формирования условий для эффективной занятости населения, обеспечения устойчивости на рынке труда, обеспечения защиты конституционных прав работников на здоровые и безопасные условия труда, а также сокращения дефицита трудовых ресурсов⁴. Для ее достижения предусматривается решение следующих задач:

- устранение беспокойной обстановки на рынке труда;
- содействие занятости инвалидов;
- усовершенствование условий труда и охраны прав работников организаций республики;
- содействие полноценному процессу переселения в Мордовию соотечественников, проживающих за рубежом.

Приоритетными направлениями государственной политики в исполнении национальных проектов являются:

- информирование о положении на региональном рынке труда;
- определение и реализация мероприятий по профессиональной ориентации населения;
- повышение взаимодействия государственной службы занятости населения и муниципальных образований республики по вопросам помощи в трудоустройстве нуждающегося населения;
- содействие самозанятости нетрудоустроенных граждан и поощрение безработных граждан, открывших собственное дело, тем самым создав дополнительные рабочие места для трудоустройства нуждающихся граждан;
- помощь в трудоустройстве инвалидов, родителей, воспитывающих детей-инвалидов, многодетных родителей и молодежи.

Безусловно, подразумеваются и другие мероприятия по стабилизации положения на рынке труда, которые окажут позитивное воздействие на ситуацию в области занятости населения.

В перспективе обеспеченность экономики республики трудовыми ресурсами будет определяться сохранением нелегкой демографической ситуации — уменьшением численности населения в трудоспособном возрасте и повышением его среднего возраста. С целью координации и формирования ключевых направлений политики занятости следует улучшать структуру управления — от регионального до муниципального уровня. Рационально продолжать работу по осуществлению грамотной политики, направленной на сокращение напряженности на рынке труда, повышения уровня занятости населения республики, увеличения роли негосударственных органов занятости населения, эффективных программ содействия занятости. Это позволит притормозить деградацию совокупной рабочей силы⁵.

В целях результативного формирования рынка труда, способного рационально обеспечивать население соответствующей работой, а работодателей — тре-

буемой рабочей силой, усовершенствования предоставляемых государственных и муниципальных услуг в сфере содействия занятости населения, обеспечения защиты от безработицы и укрепления общественной устойчивости исполняется Республиканская целевая программа содействия занятости населения Республики Мордовия.

Осуществление ее ключевых мероприятий дает следующие возможности:

- увеличить потенциальные возможности для осуществления прав человека на достойный труд по наиболее предпочтительному роду деятельности и специальности;

- способствовать интеграции рынка труда и эффективной занятости нетрудоустроенного населения, имеющего недостаточную конкурентоспособность и испытывающего трудности при трудоустройстве;

- уменьшить уровень общей и регистрируемой длительной безработицы;

- гарантировать работодателям наличие рабочей силы в нужном количестве и требуемой квалификации;

- поднять уровень трудоустройства граждан, в том числе за счет всесторонней обеспеченности населения и работодателей сведениями о ситуации на рынке труда, о предложениях службы занятости населения;

- сохранить занятость работников системообразующих и градообразующих компаний, которые находятся под угрозой увольнения, и граждан, проживающих в монопрофильных населенных пунктах;

- сформировать рабочие места с целью временного трудоустройства безработных и ищущих работу граждан, в том числе жителей сельских поселений, для граждан, не достигших 18 лет, выпускников начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые, безработных граждан, испытывающих какие-либо трудности в поиске работы.

Предусматривается осуществление мероприятий, нацеленных на увеличение конкурентоспособности нетрудоустроенных граждан. Это возможно как за счет улучшения качества и структуры профессиональной подготовки, сохранения профессиональных навыков и умений и мотивации к труду женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, так и посредством предоставления информационных и консультационных услуг, финансовой поддержки граждан, нуждающихся в трудоустройстве.

17 декабря 2012 г. было заключено Соглашение № 76 между Федерацией профсоюзов Республики Мордовия, Региональным объединением работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Республики Мордовия» и Правительством Республики Мордовия на 2013 — 2018 гг., устанавливающее единые правила гармоничного проведения социально-экономической политики в регионе. Оно является немаловажным, с точки зрения социального партнерства, трудовых отношений и оплаты труда. Основные ее этапы направлены на формирование важных условий, которые необходимы для успешного развития экономики, подъема уровня жизни населения, расширения правовых баз с целью действенного формирования партнерских взаимоотношений в социально-трудовой сфере.

С 2010 г. региональные этапы всероссийских конкурсов «Российская организация высокой социальной эффективности» и «Лучший по профессии» проводятся каждый год и на республиканском уровне.

В целях повышения оплаты труда работников бюджетных организаций республики 25 февраля 2013 г. было принято постановление Правительства Республики Мордовия № 58 «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных учреждениях Республики Мордовия на 2013 — 2018 гг.» во исполнение указов Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 — 2017 годы», от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

С учетом положений Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351, и в соответствии со ст. 216 Трудового кодекса РФ реализуется Республиканская целевая программа улучшения условий и охраны труда в Республике Мордовия на 2011 — 2018 гг. Она предусматривает мероприятия организационного, санитарно-гигиенического, лечебно-профилактического и информационно-пропагандистского обеспечения условий и охраны труда, а также организацию обучения руководителей и специалистов данной области.

В связи с принятием Концепции разрабатывается проект региональной концепции миграционной политики на период до 2025 г., учитывающий все особенности Республики Мордовия, ориентированный в том числе на развитие трудовых ресурсов.

В соответствии с Указом Президента РФ от 14 сентября 2012 г. № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» реализуется программа Республики Мордовия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, живущих за границей, на 2013 — 2015 гг., где предусмотрены следующие мероприятия:

- прием и расселение участников проекта по всей территории республики;
- предоставление соотечественникам права самостоятельного и независимого устройства на работу, по его выбору;
- присваивание программе бессрочного статуса, т. е. без определения временных границ действия программы;
- право предпринимателей и студентов участвовать в программе;
- увеличение круга членов семьи участника, в который будут включены бабушки, дедушки, совершеннолетние братья/сестры, тети, дяди, а также усыновленные супругами дети, помимо близких родственников;
- установление временных рамок свидетельств участников программы (на 3 года).

Таким образом, ожидаемый экономический рост на 2013 — 2018 гг. потребует от рынка труда своевременного реагирования в части удовлетворения спроса на рабочую силу, а главное — на квалифицированный кадровый состав рабочих и специалистов. Предполагается осуществление мероприятий по росту конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда, преодолению структурной безработицы и развитию территориальной мобильности рабочей силы. Вышесказанное позволяет утверждать, что происходящие в сфере социально-трудовых отношений процессы прочно связаны с демографическими, политическими, экономическими и социальными проблемами как в России в целом, так и в Республике Мордовия.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3 (19). С. 7 — 20 ; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионоведение. 2011. № 4. С. 234 — 241 ; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 7 — 20 ; **Липатова Л. Н., Абаева Е. И.** Современное состояние рынка труда в России // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 3 (34). С. 97 — 108.

² См.: **Липатова Л. Н., Тиньгаева М. В.** Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2009. № 1 (11). С. 41 — 53 ; **Кильдюшкина И. Г., Ушакова О. А.** Парадигма устойчивого развития региональной экономики // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 7 — 12 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Щукин Г. М., Тингаев В. К., Агафонова И. А.** Дифференциация регионов Приволжского федерального округа по уровню экономического развития // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 117 — 132 ; **Щукин Г. М.** Региональная дифференциация уровня доходов населения // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 180 — 187.

³ См.: **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А.** Народонаселение Республики Мордовия в трансформационный период // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 31 — 41 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Развитие народонаселения России в 1990 — 2000 годы: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 7 — 17 ; **Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61 ; **Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю.** Региональные особенности демографического развития // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты : XV Макашкин. науч. чт. Саранск, 2015. С. 70 — 77 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации: Никоновские чтения-2015 : материалы XX междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 370 — 373.

⁴ Государственная программа «Развитие рынка труда и улучшение условий труда в Республике Мордовия» на 2014 — 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы Гарант плюс.

⁵ См.: **Липатова Л. Н., Волчков В. Н., Бирюков И. Г.** Динамика и главный фактор производительности труда в современной российской экономике // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 111 — 121.

Поступила 01.08.2017 г.

УДК 331(470.345)

Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова

L. N. Lipatova, V. N. Gradusova

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

MAIN TRENDS OF POST-CRISIS DEVELOPMENT OF THE LABOUR MARKET IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, рабочая сила, трудовые ресурсы, экономическая активность.

В статье рассматривается современная ситуация на рынке труда Республики Мордовия, выявляются основные тенденции его посткризисного развития, проводится сравнение с другими российскими регионами.

Key words: labour market, employment, unemployment, manpower, labour resources, economic activity.

The article deals with the current situation in the labour market of the Re-public of Mordovia, the main trends of its post-crisis development are identified, as well as comparison with other Russian regions is made.

Занятость и безработица — социально-экономические явления, уровень и динамика которых не только характеризуют современную экономическую ситуацию в стране, но и определяют перспективы ее развития. На публикацию отчетов о состоянии рынка труда мгновенно реагируют фондовые биржи. Информация о сокращении рабочих мест влияет на котировки ценных бумаг и курсы валют. В связи с этим актуальным представляется анализ современной ситуации на рынке труда Республики Мордовия и выявление тенденций его посткризисного развития. Как известно, ранее Мордовия относилась к регионам с неблагоприятной конъюнктурой на рынке труда¹.

Что изменилось в республике в последние годы? Проанализируем основные показатели рынка труда в динамике. Для оценки ситуации сравнение будем проводить со средними по РФ значениями и показателями в регионах ПФО.

Как на любом товарном рынке, ситуация на рынке труда определяется соотношением спроса и предложения. Спрос на рабочую силу предъявляют государственные и частные предприятия и организации, а также индивидуальные предприниматели, привлекающие наемных работников. Спрос на рабочую силу отражает потребность экономики в определенном количестве работников на каждый данный момент времени. Общий спрос количественно должен быть равен численности занятых плюс имеющиеся вакансии. На изменение спроса на рынке труда влияют следующие факторы: цена на рабочую силу (зарботная плата), объем производства и применяемые технологии.

Предложение на рынке труда формирует экономически активное население. Предложение рабочей силы — это потребность различных групп трудоспособного населения в получении работы по найму и на этой основе — источника средств существования. Предложение рабочей силы зависит от действия следующих факторов:

- численность трудоспособного населения;
- календарный фонд рабочего времени — число часов рабочего времени за определенный промежуток времени (неделю, месяц, год), устанавливается государством;
- профессионально-квалификационная структура рабочей силы.

Неотъемлемой частью механизма рынка труда является конкуренция. Конкуренция на рынке труда есть соперничество между независимыми покупателями и продавцами рабочей силы. Она может быть различных видов: за привлечение работников, за замещение вакантных должностей, за изменение условий труда и т. д.

В результате конкуренции на рынке труда устанавливается равновесное состояние. Равновесие на рынке достигается при соответствии предложения товара спросу на него. Оно зависит также от состояния рынков других факторов производства (земли, сырья, техники, капитала) и рынка потребительских товаров.

В различных социально-экономических условиях сила конкурентной борьбы бывает различной. Конкуренция на рынке труда усиливается в период кризиса.

Совершенная конкуренция на рынке труда скорее исключение, чем правило. Для большинства рынков труда типична несовершенная конкуренция. Ее крайний случай представляет монополия. Такая ситуация нередко встречается в небольших российских городах, где экономика почти полностью зависит от одного крупного предприятия, предоставляющего работу основной массе населения. Данные предприятия принято называть градообразующими (или моногородами). У жителей таких населенных пунктов, как правило, нет альтернативы занятости кроме этого предприятия. Если экономическая ситуация на градообразующем предприятии ухудшается, то это ощущает на себе каждый житель такого населенного пункта. Кроме рабочих мест данные предприятия еще с советских времен содержат и городскую инфраструктуру, социальные объекты, обеспечивают население водой и теплом. Все эти жизненно важные объекты при ограничении (или прекращении) финансирования постепенно разрушаются. В связи с этим серьезно страдает население.

Поскольку, как отмечалось выше, рынок труда функционирует в условиях несовершенной конкуренции, цена на товар (рабочая сила) устанавливается не только из соотношения спроса и предложения, но и из сложившегося в регионе уровня оплаты труда, на который оказывают влияние и субъективные факторы (например, договоренности предпринимателей по оплате труда наемных работников, региональные ограничения по минимальному уровню оплаты труда и т. д.). В статье проанализируем изменения спроса, предложения и цены товара рабочая сила в Республике Мордовия в период восстановления экономики после глобального экономического кризиса 2008 — 2010 гг.

Для характеристики масштабов рынка труда в разные годы использовались различные категории: рабочая сила, трудовые ресурсы (советский период), экономически активное население (1992 — 2013 гг.). С 2014 г. Росстат вновь разрабатывает показатель численности рабочей силы*.

* Численность рабочей силы — лица в возрасте, установленном для измерения рабочей силы, которые в рассматриваемый период (обследуемую неделю) считаются занятыми или безработными, определяется по материалам выборочных обследований.

Численность рабочей силы в Мордовии в 2010 — 2016 гг. вследствие сокращения и постарения населения сократилась на 4,3 % (табл. 1). Примечательно, что доля женщин в ее составе сократилась на 0,7 п. п., что может быть связано с ростом продолжительности жизни мужчин (с 63,4 года в 2010 г. до 66,8 года в 2016 г.). Показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин тоже увеличился (с 75,3 года до 77,7 года соответственно)², но это не повлияло на формирование половой структуры рабочей силы, для измерения которой установлен возрастной порог в 72 года.

Таблица 1

Численность рабочей силы Республики Мордовия (тыс. чел. в среднем за год)

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность рабочей силы, всего	464	466	457	457	452	446	444
мужчины	236	237	232	230	227	227	229
женщины	228	229	225	227	225	219	215
В том числе:							
занятые в экономике, всего	439	442	435	437	433	427	425
мужчины	222	224	220	219	217	217	219
женщины	217	218	215	218	216	210	206
безработные: всего	25	24	22	20	19	19	19
мужчины	14	13	12	11	10	10	10
женщины	11	11	10	9	9	9	9
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости (на конец года), всего	7	6	5	4	4	4	4
мужчины	3	3	2	2	2	2	2
женщины	4	3	3	2	2	2	2

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 93 ; 2017. С. 93.

Число занятых в экономике региона за 2010 — 2016 гг. уменьшилось на 3,2 %. Численное преобладание мужчин среди занятых связано с тем, что верхняя граница трудоспособного возраста у них выше. Кроме того, при прочих равных условиях шансы трудоустроиться у мужчин, как правило, выше. Работодатели при найме персонала учитывают и то обстоятельство, что женщины репродуктивного возраста могут иметь длительные перерывы в работе, связанные с рождением и воспитанием детей. Среди безработных, численность которых в Мордовии за этот период сократилась на 24 %, удельный вес женщин, напротив, увеличился — с 44 % в 2010 г. до 47,4 % в 2016 г. Более чем на 40 % уменьшилась численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости — это менее 30 % безработных граждан.

В РФ за этот период численность рабочей силы, напротив, увеличилась на 1,5 %, занятых в экономике стало на 3,5 % больше, а безработных на 25,2 % меньше³. Следует отметить тот факт, что численность населения трудоспособного возраста (главный источник рабочей силы) в Мордовии уменьшалась более быстрыми темпами, чем это происходило в России: на 10 % и 5 % соответственно⁴.

Динамика относительных показателей рынка труда Республики Мордовия (уровень участия в рабочей силе, занятости и безработицы) имеет ту же направленность, что и в РФ. Причем первые два показателя в Мордовии были и остаются существенно выше, чем в России, а уровень безработицы в 1,3 — 1,4 раза ниже (табл. 2).

Таблица 2

Уровень участия в рабочей силе, занятости и безработицы населения в возрасте 15 — 72 года, в среднем за год, %

Показатель	2010	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Уровень участия в рабочей силе</i>						
Всего						
Российская Федерация	67,7	68,7	68,5	68,9	69,1	69,5
Республика Мордовия	70,0	70,7	70,8	70,9	70,9	71,2
мужчины						
Российская Федерация	73,8	74,7	74,7	75,1	75,5	75,9
Республика Мордовия	75,6	76,0	75,5	75,4	76,1	77,3
женщины						
Российская Федерация	62,2	63,3	63,0	63,3	63,4	63,8
Республика Мордовия	65,5	66,0	66,6	66,9	66,2	65,6
<i>Уровень занятости</i>						
Всего						
Российская Федерация	62,7	64,9	64,8	65,3	65,3	65,7
Республика Мордовия	66,2	67,2	67,7	68,0	67,9	68,1
мужчины						
Российская Федерация	68,0	70,4	70,4	71,0	71,1	71,6
Республика Мордовия	71,0	72,0	72,0	72,2	72,9	73,8
женщины						
Российская Федерация	58,0	60,1	59,8	60,3	60,1	60,4
Республика Мордовия	61,9	63,0	63,8	64,2	63,5	63,0
<i>Уровень безработицы</i>						
Всего						
Российская Федерация	7,3	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5
Республика Мордовия	5,4	4,9	4,4	4,2	4,2	4,2
мужчины						
Российская Федерация	7,9	5,8	5,8	5,5	5,8	5,7
Республика Мордовия	6,1	5,3	4,7	4,3	4,3	4,5
женщины						
Российская Федерация	6,8	5,1	5,2	4,8	5,3	5,3
Республика Мордовия	4,7	4,5	4,2	4,1	4,2	4,9

Составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2017. С. 110 — 111.

Относительные показатели, касающиеся экономической активности мужчин, гораздо выше, чем женщин, поскольку законодательством РФ установлены более широкие границы трудоспособности для мужчин, а живут они, как и во всем мире, в среднем меньше женщин.

По уровню занятости Республика Мордовия (57,7 %) занимает 14-е место в России после Чукотского АО, Ямало-Ненецкого АО, г. Москвы, Магаданской области,

г. Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийского АО, Камчатского края, Московской и Мурманской областей, Республики Татарстан, Самарской, Сахалинской и Нижегородской областей. При этом надо принимать во внимание, что на уровень этого показателя влияет возрастная структура населения и, прежде всего, удельный вес населения в трудоспособном возрасте как главный источник рабочей силы. В 2016 г. в Республике Мордовия эта доля была самой высокой в ПФО и одной из самых высоких в России (57,7 % против 56,0 % и 56,7 % соответственно). Однако в большинстве регионов, опережающих РМ по этому показателю, структурная доля трудоспособного населения еще выше (за исключением приволжских регионов)⁵.

По уровню безработицы Мордовия находится на 13-й строчке всероссийского рейтинга после Санкт-Петербурга и Москвы, Ямало-Ненецкого АО, Московской области, Чукотского АО, Липецкой, Белгородской и Тульской областей, Камчатского края и Калужской области. Среди регионов ПФО за последние 6 лет более низкий, чем в Мордовии, уровень безработицы отмечался только в Самарской области и Республике Татарстан (табл. 3).

Таблица 3

Уровень безработицы в среднем за год, %

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5
Приволжский федеральный округ	7,6	6,5	5,3	4,9	4,5	4,8	4,8
Республика Башкортостан	8,9	7,6	6,1	5,8	5,3	6,1	5,8
Республика Марий Эл	10,5	10,1	6,5	5,2	4,8	5,3	6,0
Республика Мордовия	5,4	5,2	4,9	4,4	4,2	4,2	4,2
Республика Татарстан	6,2	4,7	4,1	4,0	3,9	4,0	3,8
Удмуртская Республика	9,3	6,9	6,0	5,7	5,1	5,0	5,2
Чувашская Республика	9,5	7,8	5,9	5,7	5,0	5,0	5,3
Пермский край	8,3	7,5	6,3	6,5	5,8	6,3	5,8
Кировская область	8,6	8,3	7,1	5,6	5,1	5,3	5,4
Нижегородская область	7,7	7,2	5,4	4,3	4,2	4,3	4,3
Оренбургская область	7,2	6,3	5,4	4,9	4,4	4,8	4,9
Пензенская область	6,4	5,4	4,9	4,8	4,6	4,7	4,6
Самарская область	5,8	5,1	3,4	3,2	3,0	3,4	4,1
Саратовская область	6,3	6,0	5,4	5,2	4,6	4,7	5,1
Ульяновская область	8,8	6,8	5,6	5,5	4,8	4,9	4,6

Составлена по: Мордовия. 2014. С. 439 ; 2017. С. 415 ; Россия в цифрах : краткий стат. сб. М., 2017. С. 92.

Отметим, что если в большинстве российских регионов уровень безработицы в 2014 — 2016 гг. немного повысился, то в Республике Мордовия оставался стабильно низким — 4,2 % экономически активного населения.

Большая часть безработных в Мордовии — мужчины. На их долю приходится 53 — 56 % потерявших работу граждан. 63 % безработных в 2016 г. — городские

жители. Более $\frac{1}{3}$ безработных — молодые люди в возрасте до 30 лет, в 2013 — 2014 гг. их доля приближалась к 40 % (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение численности безработных по возрастным группам
в Республике Мордовия (в среднем за год, % к итогу)**

Год	Безработные, всего	В том числе в возрасте, лет									
		до 20	20 — 24	25 — 29	30 — 34	35 — 39	40 — 44	45 — 49	50 — 54	55 — 59	60 — 72
<i>Всего</i>											
2010	100	4,9	19,6	12,6	12,4	7,5	8,9	14,8	12,7	6,2	0,4
2011	100	2,0	19,2	14,9	11,3	10,3	8,6	16,0	12,2	4,5	1,0
2012	100	1,8	21,1	11,1	13,2	9,7	9,4	9,8	16,2	4,8	2,9
2013	100	0,8	25,6	13,2	7,9	7,0	7,3	12,4	11,4	8,6	5,8
2014	100	3,1	21,7	14,1	7,4	7,8	10,8	10,7	12,3	5,7	6,4
2015	100	3,7	16,2	14,9	7,6	8,2	8,4	12,4	17,4	8,9	2,3
2016	100	3,6	15,4	16,1	10,8	11,8	11,1	10,8	10,9	5,7	3,8
<i>Мужчины</i>											
2010	100	4,2	20,1	12,8	9,3	10,7	8,7	14,7	12,8	6,0	0,7
2011	100	3,5	17,9	13,4	12,5	11,6	6,9	15,1	10,9	6,4	1,8
2012	100	2,2	15,0	13,7	16,6	8,9	10,0	11,5	15,7	4,0	2,4
2013	100	—	24,2	14,4	7,9	8,8	9,7	12,5	8,8	7,7	6,0
2014	100	2,5	18,0	12,9	8,1	8,2	12,7	7,8	11,2	10,5	8,1
2015	100	4,3	10,6	16,7	9,7	10,6	9,1	10,5	16,2	11,3	1,0
2016	100	2,9	18,0	13,9	11,6	12,7	10,2	9,6	8,6	7,9	4,6
<i>Женщины</i>											
2010	100	6,0	18,8	12,3	16,6	3,3	9,1	15,0	12,5	6,4	—
2011	100	—	20,7	17,0	9,7	8,5	10,9	17,0	14,0	2,2	—
2012	100	1,3	28,4	7,9	9,2	10,7	8,7	7,7	16,8	5,9	3,4
2013	100	1,7	27,1	11,9	7,8	4,9	4,7	12,4	14,3	9,6	5,6
2014	100	3,7	25,6	15,3	6,6	7,3	8,7	13,9	13,5	0,7	4,7
2015	100	3,0	22,2	12,9	5,4	5,8	7,7	14,4	18,6	6,4	3,6
2016	100	4,5	12,1	18,8	9,8	10,6	12,2	12,2	13,7	2,9	3,2

Составлена по: Мордовия. 2017. С. 106.

В 2016 г. в составе безработных больше было всего людей в возрасте 25 — 29 лет — 16 %. На этом жизненном этапе, как правило, молодые люди уже имеют образование, отслужили в армии, готовы трудиться для укрепления материального благополучия своих семей. Однако, не имея реальной возможности найти работу по полученной специальности и с хорошей оплатой, многие молодые люди покидают республику в поисках достойной работы. Уезжают в основном в Москву и Санкт-Петербург, а также в крупные промышленные центры (Н. Новгород, Самара, Екатеринбург).

Если судить по среднему возрасту безработных (в Республике Мордовия — 37,3 года, в РФ — 35,8 года)⁶, то в других российских регионах проблема молодеж-

ной безработицы стоит еще острее. Об этом свидетельствует и соотношение среднего возраста занятых и безработных — средний возраст безработных существенно ниже, чем занятых (в РФ — 35,8 года против 40,7 года; в РМ — 37,3 года против 41,3 года)⁷.

Характерная особенность рассматриваемого временного периода в Мордовии — рост структурной доли безработных в возрасте 25 — 44 года (с 41,4 % в 2010 г. до 49,8 % в 2016 г.), что не может не настораживать, поскольку это возраст максимальной работоспособности — человек находится на пике физической активности и профессиональной компетентности, восприимчив к нововведениям, готов и способен накапливать знания и осваивать новые виды деятельности. Такая динамика показателей свидетельствует о снижении эффективности использования трудового потенциала населения региона.

Сохраняются существенные различия в возрастных структурах неработающих мужчин и женщин. В 2016 г. среди безработных мужчин 95,4 % были лица трудоспособного возраста, в том числе 34,8 % — молодежь. Из числа неработающих женщин на эти возрастные категории приходилось 93,4 % и 35,4 % соответственно. Большая часть безработных мужчин находится в возрасте 20 — 24 года (18 %), женщины — 25 — 29 года (19 %).

По сравнению с 2010 г. в возрастно-половой структуре безработных в Мордовии произошли следующие изменения:

— среди мужчин значительно увеличились структурные доли возрастных групп 25 — 29 лет (на 8,6 %), 35 — 39 года (на 18,7 %), 40 — 44 года (на 17,2 %), 55 — 59 лет (на 31,7 %), 60 — 72 года (в 6,6 раза);

— среди женщин отмечается рост удельного веса возрастных категорий 25 — 29 лет (в 1,5 раза), 35 — 39 лет (в 3,2 раза), 40 — 44 года (на 34,1 %), 50 — 54 года (на 9,6 %), 60 — 72 года (в 2010 г. эта возрастная группа не была статистически значимой, в 2016 г. — на 3,2 %).

Особое беспокойство вызывает рост в составе безработных доли лиц предпенсионного возраста. Им бывает крайне сложно трудоустроиться по имеющейся специальности. Нередко люди вынуждены выполнять работу более низкой квалификации, что имеет тяжелые социальные последствия в виде заниженной самооценки, развития депрессивных состояний, дезориентации в обществе и т. п.

Другая особенность рынка труда Республики Мордовия в 2010 — 2016 гг. — резкий рост структурной доли безработных в возрасте 60 лет и старше (с 0,4 % до 3,8 % от общего числа безработных). В РФ удельный вес этой возрастной категории среди безработных 3,1 %, в ПФО — 2,8 %⁸.

Следует отметить, что безработные в Мордовии — хорошо образованные люди, и уровень их образования с годами повышается. Так, в 2010 г. профессиональное образование имели 58,8 %, а в 2016 г. — 67,5 % незанятых граждан. Доля лиц с высшим профессиональным образованием составляет 20,7 % (2016). Заметим, что по сравнению с 2010 г. показатель стал больше на 6,6 п. п. В некоторые годы удельный вес безработных с высшим образованием был больше доли лиц с высшим образованием среди занятого населения. Например, в 2015 г. высшее образование имели 28,2 % занятых в экономике Мордовии мужчин и 28,8 % мужчин, потерявших работу.

В 2016 г. среди безработных лиц с высшим образованием было больше, чем имеющих среднее профессиональное образование по программам подготовки специ-

алистов среднего звена (до этого года последних было, как правило, больше), хотя удельный вес этой категории в составе безработных увеличился за 2010 — 2016 гг. на 3,6 п. п.

Структура безработных по образованию опровергает распространенное мнение о том, что рынку труда не хватает квалифицированных рабочих, или свидетельствует о деформации системы подготовки кадров. Если в 2010 — 2015 гг. среди общего числа безработных Республики Мордовия самой высокой была доля безработных с полным средним образованием, то в 2016 г. наибольший удельный вес в структуре безработных пришелся на людей, имеющих среднее и начальное профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих и служащих.

Опровергает распространившееся мнение о дефиците квалифицированных рабочих и тот факт, что доля квалифицированных рабочих и служащих с начальным и средним профессиональным образованием в структуре безработных в 2010 — 2016 гг. превышала удельный вес людей с таким образованием среди работающих, за исключением 2015 г.

За рассматриваемый период стала больше и доля безработных граждан с основным общим образованием и лиц без образования (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение численности безработных по уровню образования
в Республике Мордовия (в среднем за год, % к итогу)**

Год	Безработные, всего	В том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное		среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
			по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)			
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Всего</i>							
2010	100	14,1	16,4	28,0	36,8	4,7	—
2011	100	16,7	24,9	25,6	26,6	6,2	—
2012	100	19,6	26,2	23,0	28,9	2,3	—
2013	100	18,8	18,7	18,9	42,6	1,0	—
2014	100	18,4	20,0	18,8	36,9	5,9	—
2015	100	25,7	25,8	16,6	27,3	4,0	0,6
2016	100	20,7	20,0	26,8	26,3	5,0	1,2
<i>Мужчины</i>							
2010	100	11,1	11,3	33,2	39,0	5,4	—
2011	100	12,6	21,0	28,6	31,4	6,4	—
2012	100	13,4	26,9	29,5	28,9	1,3	—
2013	100	16,7	13,2	22,4	45,8	1,9	—
2014	100	11,8	15,7	24,5	45,4	2,6	—
2015	100	28,8	23,9	17,8	23,6	5,4	0,5
2016	100	13,0	16,2	34,5	30,1	4,7	1,5

1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Женщины</i>							
2010	100	18,1	23,2	21,0	34,0	3,7	—
2011	100	21,8	29,9	21,9	20,5	5,9	—
2012	100	26,9	25,4	15,4	29,0	3,3	—
2013	100	21,1	25,1	15,0	38,8	—	—
2014	100	25,5	24,7	12,6	27,8	9,4	—
2015	100	22,4	27,9	15,4	31,1	2,5	0,7
2016	100	30,3	24,7	17,2	21,6	5,4	0,8

Составлена по: Мордовия. 2014. С. 103 ; 2017. С. 108.

Особое беспокойство вызывает резкий рост (в 1,7 раза) структурной доли безработных женщин, имеющих высшее профессиональное образование: с 18,1 % в 2010 г. до 30,3 % в 2016 г. Это самое большое представительство из всех категорий безработных, выделенных по уровню образования. Удельный вес безработных мужчин, имеющих высшее образование, за 2010 — 2016 гг. также увеличился, но не в такой степени, хотя в 2015 г. показатель тоже был близок к 30 %.

Каждая четвертая неработающая женщина имеет среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена и 17,2 % — по программе подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Несмотря на то, что последний показатель за рассматриваемый период уменьшился, необходимо отметить, что соотношение удельных весов этой категории среди занятых и безработных женщин складывается не в пользу занятых. В 1,6 раза сократилось представительство безработных женщин со средним общим образованием, хотя в 2010 г. эта категория в составе безработных женщин преобладала.

Среди безработных мужчин лиц с профессиональным образованием было меньше, чем среди женщин, 63,7 % против 72,2 %. Заметим, что и этот показатель в 2010 — 2016 гг. демонстрирует прирост на 8,1 п. п.

В отличие от неработающих женщин наибольший удельный вес в составе незанятых мужчин приходится на людей с начальным и средним профессиональным образованием по программе подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Отметим также, что среди мужской части занятого населения доля этой категории существенно меньше, чем в составе безработных мужчин (2016 г. — 25,9 % и 34,5 % соответственно).

Как отмечалось ранее, менее 30 % безработных Мордовии состоят на учете в государственных учреждениях службы занятости. Однако не все из их числа получают статус безработного. В сравнении с 2010 г. удельный вес граждан, признанных безработными, в численности неработающих, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости, составлял 89 %. Кроме того, не всем гражданам, получившим официальный статус безработного, назначается социальное пособие: в 2010 г. таких было 90 %, в 2016 г. — 85 %.

Уменьшение потока людей, не имеющих работы и зарегистрированных в государственных учреждениях службы, а также доли в их составе граждан, признанных

безработными, привели к снижению уровня зарегистрированной безработицы в регионе почти в 2 раза⁹.

Напряженность на рынке труда принято оценивать с помощью специального показателя, который рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в государственные учреждения службы занятости населения. Другими словами этот коэффициент показывает, сколько безработных приходится на одну заявленную вакансию. В Республике Мордовия с 2013 г. коэффициент напряженности на рынке труда ниже, чем в РФ. В 2016 г. по этому показателю Мордовия занимала 23-е место в РФ. Среди других регионов ПФО лучшие значения характерны для Самарской области и Республики Татарстан, в отдельные годы — для Чувашской Республики и Саратовской области (табл. 6).

Таблица 6

Коэффициент напряженности на рынке труда, единиц

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	4,9	3,6	2,7	2,4	2,8	3,8	3,3
Приволжский федеральный округ	6,3	4,2	2,6	2,2	1,9	3,1	3,2
Республика Башкортостан	7,7	5,3	3,1	2,7	2,4	5,0	3,6
Республика Марий Эл	15,0	9,8	3,8	3,1	3,2	4,5	4,5
Республика Мордовия	7,0	4,6	2,9	2,0	1,9	2,5	2,7
Республика Татарстан	7,0	3,4	2,3	2,1	1,8	2,5	2,5
Удмуртская Республика	5,9	3,0	2,5	2,5	2,1	3,4	4,3
Чувашская Республика	8,4	4,7	2,3	2,1	2,0	2,4	2,4
Пермский край	7,0	4,4	2,5	2,2	1,8	3,8	4,3
Кировская область	5,5	4,6	3,6	2,7	2,4	3,9	3,6
Нижегородская область	3,9	3,6	1,7	1,4	1,2	3,0	3,1
Оренбургская область	10,8	6,7	4,2	3,6	2,9	4,9	5,8
Пензенская область	5,5	3,3	2,5	2,4	2,5	3,9	3,7
Самарская область	5,4	3,3	1,9	1,5	1,2	1,7	2,0
Саратовская область	5,4	4,0	2,8	2,3	1,9	2,3	2,7
Ульяновская область	7,1	5,2	4,0	4,0	2,9	4,0	3,3

Составлена по: Регионы России. 2016. С. 184, 200 ; 2017. С. 212 — 213 ; Мордовия. 2014. С. 452 ; 2017. С. 428.

Итак, рынок труда Республики Мордовия в 2010 — 2016 гг. характеризуется ростом экономической активности населения на фоне уменьшения его основных количественных параметров (что противоречит общероссийской тенденции): численность рабочей силы сократилась на 4,3 % (в РФ +1,5 %), занятых — на 3,2 % (в РФ +3,5 %), безработных — на 24 % (в РФ -25 %). Отчасти расхождение в динамике показателей можно объяснить разными темпами сокращения численности населения в трудоспособном возрасте в 2010 — 2016 гг. (в Республике Мордовия на 10 %, в РФ — на 5 %). По относительным показателям Республика Мордовия мож-

но отнести к регионам с благополучной ситуацией на рынке труда: по уровню занятости РМ находится на 14-м месте, по уровню безработицы — на 13-м месте, по коэффициенту напряженности — на 23-м месте в РФ. И безработные, и работающие в РМ старше, чем в РФ — на 1,5 года и 0,6 года соответственно. В республике наблюдается вытеснение женского труда. Если численность занятых в экономике региона мужчин уменьшилась за 2010 — 2016 гг. всего на 1,4 %, то женщин — более чем на 5 %. Закономерно, что в составе безработных удельный вес женщин увеличился. Безработные в Мордовии — хорошо образованные люди, и уровень их образования с годами повышается. В 2016 г. 68 % безработных имели профессиональное образование (в том числе 21 % — высшее профессиональное образование). По некоторым образовательным категориям отмечается превышение доли среди безработных над удельным весом в составе занятого населения, что говорит о деформации системы образования.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 7 — 20 ; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионоведение. 2011. № 4. С. 234 — 241; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 7 — 21 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Трансформация рынка труда региона в постсоветский период // Единое экономическое пространство: новые возможности социально-экономического развития : материалы Евразийского науч. форума : в 2 ч. СПб., 2012. Ч. 1. 206 — 224.

² См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2017. С. 81.

³ См.: Россия в цифрах : краткий стат. сб. М., 2017. С. 92.

⁴ См.: Мордовия : стат. ежегодник. 2012. С. 91 ; 2017. С. 65 ; Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2017. С. 84.

⁵ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2017. С. 47 — 48.

⁶ Там же. С. 202 — 203.

⁷ Там же. С. 190 — 191, 202 — 203.

⁸ Там же. С. 202 — 203.

⁹ См.: Мордовия : стат. ежегодник. 2014. С. 104 ; 2017. С. 109.

Поступила 22.01.2018 г.

УДК 331.5.024.5(470.345)

*И. М. Кирдюшкина**I. M. Kirdyushkina*

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

MODERN SITUATION IN THE LABOUR MARKET OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA AND STATE POLICY IN THE EMPLOYMENT SPHERE

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, занятость, безработица, государственная политика занятости.

В статье характеризуется современная ситуация на рынке труда Республики Мордовия; раскрывается механизм реализации государственной политики занятости на региональном уровне, выявляются ее недостатки.

Key words: labour market, manpower, employment, unemployment, state employment policy.

The current situation in the labour market of the Republic of Mordovia is characterized in the article; the mechanism of realization of the state employment policy at a regional level is disclosed, as well as its shortcomings are revealed.

Современную ситуацию на рынке труда Республики Мордовия можно характеризовать как стабильную. Прошли те времена, когда Мордовия относилась к числу регионов с высокой в стране безработицей¹. За последние пять лет региональный рынок труда характеризуется сокращением численности рабочей силы, занятых и безработных. В 2011 — 2015 гг. численность рабочей силы уменьшилась на 4,3 %, занятых в экономике — на 3,4 %, безработных — на 20,8 % (табл. 1).

Таблица 1

Численность рабочей силы, занятых и безработных в Республике Мордовия, тыс. чел.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	2	3	4	5	6
Численность рабочей силы, всего	466	457	457	452	446
мужчины	237	232	230	227	227
женщины	229	225	227	225	219
В том числе:					
занятые в экономике, всего	442	435	437	433	427
мужчины	224	220	219	217	217
женщины	218	215	218	216	210
безработные, всего	24	22	20	19	19
мужчины	13	12	11	10	10
женщины	11	10	9	9	9

Окончание табл. 1

Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости (на конец года), всего	6	5	4	4	4
мужчины	3	2	2	2	2
женщины	3	3	2	2	2

Составлена по: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2016. С. 93.

Сокращение занятости в наибольшей степени затронуло такие виды деятельности, как страхование (10,9 %), обрабатывающие производства (8,5 %), строительство (5,8 %), финансовая деятельность (5,5 %). Рост числа занятых отмечается в сфере гостиничного хозяйства и ресторанного бизнеса (20 %) (табл. 2).

Таблица 2

**Среднегодовая численность занятых в экономике Республики Мордовия
по видам экономической деятельности, %**

Вид экономической деятельности	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего	379,6	375,4	369,5	362,9
В том числе по видам экономической деятельности:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	75,2	74,3	73,7	73,3
рыболовство, рыбоводство	0,1	0,1	0,1	0,1
добыча полезных ископаемых	0,1	0,1	0,1	0,2
обрабатывающие производства	66,2	66,0	64,8	60,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8,3	8,0	8,2	8,1
строительство	29,1	29,2	27,6	27,4
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	50,9	50,7	51,7	50,1
гостиницы и рестораны	2,5	3,0	2,9	3,0
транспорт и связь	22,0	20,8	20,4	21,2
финансовая деятельность	5,5	5,7	5,7	5,2
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17,9	18,1	16,2	17,8
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	32,0	31,3	30,6	28,5
образование	31,5	31,1	30,7	30,5
здравоохранение и предоставление социальных услуг	27,6	27,3	27,2	26,6
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	10,7	9,7	9,6	10,3

Составлена по: Мордовия. С. 96 ; Российский статистический ежегодник. М., 2016. С. 105.

Отмечаемые изменения происходили на фоне снижения уровня участия в рабочей силе (рабочая сила к численности населения в возрасте 15 — 72 года) с 71,0 до 70,9 % за 2011 — 2015 гг. При этом уровень занятости населения (занятое население к численности населения в возрасте 15 — 72 года) в экономике региона увеличился с 67,3 % (2011) до 67,9 % (2015), а уровень безработицы (безработные к численности населения в возрасте 15 — 72 года) снизился с 5,2 до 4,2 % соответственно. Уровень зарегистрированной безработицы (зарегистрированные безработные к численности рабочей силы) снизился за рассматриваемый период с 1,2 до 0,8 %. Показатели участия в рабочей силе и занятости в Мордовии были и остаются более высокими, чем в РФ, а показатели безработицы — более низкими (табл. 3).

Таблица 3

Уровень участия в рабочей силе, уровень занятости и уровень безработицы в РФ, %

Год	Уровень участия в рабочей силе		Уровень занятости		Уровень безработицы		Уровень зарегистрированной безработицы	
	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ
2011	68,3	71,0	63,9	67,3	6,5	5,5	1,7	1,2
2012	68,7	70,7	64,9	67,2	5,5	5,1	1,4	1,0
2013	68,5	70,8	64,8	67,7	5,5	4,4	1,2	0,8
2014	68,9	70,9	65,3	68,0	5,2	4,3	1,2	0,8
2015	69,1	70,9	65,3	67,9	5,6	4,5	1,3	0,8

Составлена по: Мордовия. С. 94.

В 2016 г. — 1 полугодии 2017 г. основные показатели рынка труда уменьшились. Численность рабочей силы к концу июня 2017 г. сократилась до 438 364 чел., число занятых — до 419 814 чел., уровень занятости — до 67,4 %. Безработица осталась на том же уровне: число безработных составило 18 550 чел., уровень безработицы — 4,2 %².

Государственная политика в сфере обеспечения занятости населения в Республике Мордовия в соответствии с нормами федерального и регионального законодательства и иных нормативных правовых актов реализуется в рамках федеральных и территориальных целевых программ.

До 2009 г. в РФ разрабатывались и реализовывались федеральные и территориальные программы содействия занятости населения, представлявшие собой комплекс социально-экономических, организационно-хозяйственных, нормативно-правовых и других мероприятий, взаимосвязанных по финансовым ресурсам, исполнителям и срокам реализации, направленных на проведение активной политики занятости и социальную поддержку безработных.

В 2008 г. в связи с ростом безработицы в стране, вызванным международным экономическим кризисом, Правительством РФ было принято решение о внедрении нового финансового механизма государственной политики в сфере занятости населения — субсидирования из федерального бюджета бюджетов субъектов РФ для реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на региональных рынках труда. Этот механизм используется и по настоящее

время в рамках региональных программ субъектов РФ, утвержденных либо в качестве самостоятельных региональных целевых программ, либо как подпрограмм государственных программ субъектов РФ «Содействие занятости населения».

Федеральные нормативно-правовые акты устанавливают не только правила предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам РФ на реализацию дополнительных мероприятий и методику распределения субсидий, направляемых из федерального бюджета субъектам РФ на реализацию дополнительных мероприятий, но и объемы субсидий из федерального бюджета, направляемых субъектам РФ на их реализацию. Назначение этих субсидий — софинансирование региональных программ содействия занятости населения. Отбор региональных программ, подлежащих субсидированию, осуществляется специально созданной межведомственной рабочей группой. Уровень софинансирования региональных программ (дополнительных мероприятий) из федерального бюджета находится в интервале — не выше 95 % и не ниже 85 %. Контрольные полномочия возложены на Федеральную службу по труду и занятости и Федеральную службу финансово-бюджетного надзора.

Субъектами РФ в соответствии с положениями этих документов разрабатываются и реализуются региональные программы, направленные на улучшение ситуации на рынках труда.

Дополнительные мероприятия по своим видам, целям и направленности представляют собой хорошо известные в мировой практике направления и меры активной политики занятости, реализуемые на национальных рынках труда. Виды конкретных дополнительных мероприятий в значительной степени соответствуют видам государственных услуг в сфере содействия занятости населения, относящимся к компетенции субъектов РФ. Однако ряд дополнительных мероприятий в соответствии с действующим законодательством не может быть отнесен ни к компетенции федеральных властных органов, ни к компетенции региональных властей. В частности, речь идет о таких мероприятиях, как стимулирование работодателей к замещению свободных рабочих мест, содействие в занятости инвалидов и других социально уязвимых категорий.

Все дополнительные мероприятия, реализуемые в рамках региональных программ делятся на три группы:

- мероприятия, связанные с развитием человеческого капитала;
- меры по обеспечению сбалансированности спроса и предложения на рынке труда;
- меры по стимулированию создания (сохранения) рабочих мест.

Важным и обоснованным подходом, способствующим более рациональному распределению ресурсов, является включение в правила предоставления субсидий таких критериев отбора регионов, которые базируются на объективных, количественно определенных статистических показателях, характеризующих ситуацию на региональных рынках труда. Такой подход означает целевой и селективный отбор регионов для предоставления субсидий. Разработка и использование критериев отбора ориентированы на концентрацию ресурсов федерального бюджета на действия в тех субъектах РФ, где отмечается или прогнозируется наиболее сложная ситуация на рынках труда.

В 2009 — 2015 гг. перечень критериев отбора регионов для реализации дополнительных мероприятий неоднократно пересматривался, причем по мере улучшения ситуации в экономике и выхода из международного экономического кризиса расши-

рялся. Кроме критериев, характеризующих состояние региональных рынков труда и отражающих потребность в реализации дополнительных мер по улучшению ситуации на рынке труда, в перечень стали включаться дополнительные критерии, содержащие:

— расширенные характеристики региональных рынков труда;

— новые категории возможных участников региональных программ, в частности — социально уязвимые, наименее социально защищенные, с особыми потребностями группы населения, испытывающие существенные сложности при трудоустройстве (инвалиды, семьи с детьми, молодежь, лица предпенсионного возраста, мигранты и др.);

— требования к региональным программам (ожидаемая результативность региональных программ; наличие плана (программы) мероприятий по замещению иностранных граждан, привлекаемых в целях осуществления трудовой деятельности, российскими гражданами; включение в региональные программы организаций, имеющих программы повышения производительности труда, развития инновационных производств, оптимизации расходов и (или) развития персонала и (или) реализующих проекты, направленные на импортозамещение, и др.).

Как следует из законодательных и нормативных правовых актов Правительства РФ³, число и перечень регионов, отобранных посредством утвержденных критериев для предоставления субсидии, в 2009 — 2014 гг. оставались в основном неизменными: в него входили и входят, за небольшим исключением, практически все субъекты РФ. Это говорит о том, что утвержденные критерии отбора регионов по существу не использовались, а сам отбор носил формальный характер. В результате не обеспечивалась адресность предоставления субсидий из федерального бюджета на реализацию дополнительных мероприятий, что нередко сопровождалось ростом бюджетных расходов.

Такой подход к отбору регионов для предоставления субсидий в посткризисный период нельзя признать обоснованным и логичным с учетом региональных особенностей рынков труда в России, динамики показателей занятости и безработицы. При распределении субсидий из федерального бюджета необходимо принимать во внимание наличие существенной дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития, включая социально-трудовую сферу⁴.

Предоставление субсидий практически всем субъектам РФ может быть признано оправданным лишь в период экономического кризиса — в связи с повсеместным ростом безработицы и необходимостью снижения напряженности на рынках труда, оперативного решения проблем занятости, в том числе за счет дополнительных мероприятий.

Отсутствие реального отбора субъектов РФ для предоставления субсидий на осуществление дополнительных мероприятий по объективным критериям способно привести к серьезным негативным последствиям. Эти меры могут рассматриваться региональными администрациями как новый, дополнительный источник софинансирования из федерального бюджета мероприятий по содействию занятости населения, отнесенных законодательством к полномочиям субъектов РФ. Кроме того, это может вызвать сокращение собственных расходов бюджетов субъектов РФ на реализацию подобных мероприятий и, одновременно, рост запросов на дополнительные ассигнования из федерального бюджета, что не вполне корректно и целесообразно с позиций бюджетной эффективности и с учетом сбалансированности федерального бюджета.

Реализация дополнительных мероприятий может выступать и в качестве фактора, снижающего заинтересованность самих работников в усилиях по адаптации к меняющимся условиям рынка труда, а работодателей — в проведении эффективной кадровой политики, в том числе с позиций профессионального и квалификационного роста работников, обеспечения внутрифирменной мобильности персонала.

Существуют и проблемы в сфере профессионального обучения безработных и лиц, оказавшихся под угрозой потери работы. Практика показывает, что опережающее профессиональное обучение сегодня ориентировано не на перспективную, хотя бы среднесрочную (3 — 5 лет), а на текущую потребность регионов в кадрах, то есть фактически не имеет опережающего характера, призванного сгладить негативное влияние на рынок труда структурных сдвигов в экономике, модернизации производств и др.

Анализ эффективности дополнительных мероприятий, реализуемых в рамках региональных программ, позволяет сделать вывод о том, что в посткризисный период их субсидирование из федерального бюджета было ориентировано не столько на решение проблем занятости безработных и высвобождаемых работников, определяющих ситуацию на региональных рынках труда, сколько на решение иных, в том числе социально-экономических проблем — занятости наиболее социально уязвимых групп населения (инвалидов, молодежи, многодетных матерей, лиц предпенсионного возраста и т. п.). Конечно, эти важные задачи также требуют своего решения, но в кризисный период, как нам представляется, более актуальным и приоритетным, с учетом напряженности бюджетов всех уровней и необходимости их оптимизации, является содействие занятости безработным и высвобождаемым работникам, численность которых в годы кризиса, как правило, значительно и быстро увеличивается.

Рассматривая направления дополнительных мероприятий по оздоровлению рынка труда, следует отметить, что некоторые из них осуществляются и финансируются параллельно с аналогичными, реализуемыми в рамках иных государственных программ РФ. Например, дополнительное мероприятие «Содействие развитию малого предпринимательства» перекликается с государственной программой РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика», где в качестве основного заявлена «Федеральная финансовая программа поддержки малого и среднего предпринимательства». Другой пример: дополнительное мероприятие «Оказание адресной поддержки гражданам, включая организацию их переезда в другую местность» предусмотрено государственной программой РФ «Содействие занятости населения» (основное мероприятие «Развитие трудовой мобильности населения»).

Эффективная реализация мероприятий, направленных на развитие человеческого капитала, предполагает наличие в субъектах РФ достоверных и обоснованных данных о прогнозной потребности регионов в кадрах в профессиональном разрезе. Подобные документы в субъектах РФ если и разрабатываются, то носят краткосрочный характер (горизонт прогнозирования — один год). Методика разработки прогноза баланса трудовых ресурсов в профессиональном разрезе на уровне субъекта РФ в настоящее время отсутствует. Данные для определения перспективной, а не текущей потребности в опережающем профессиональном обучении (численность, состав обучающихся, области их дальнейшего трудоустройства) оказываются недостаточно обоснованными и не всегда сопоставимыми, что не позволяет сформировать реальный прогноз на среднесрочную перспективу.

Итак, ситуация на рынке труда Республики Мордовия стабильна. Основные показатели лучше, чем в РФ, благодаря активной государственной политике в сфере занятости. Однако присущие ей недостатки существенно снижают ее результативность и эффективность. Необходимы более жесткий отбор регионов для представления субсидий из федерального бюджета, исключение дублирования мероприятий по различным программам, разработка единой методики расчета прогноза баланса трудовых ресурсов, организация опережающего профессионального обучения на среднесрочную перспективу в соответствии со стратегиями экономического развития регионов.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 7 — 20 ; **Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2012. № 1 (21). С. 7 — 21.

² URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 13.06.2017).

³ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» от 02.12.2013 № 349-ФЗ, распоряжения Правительства РФ от 17.04.2012 № 490-р, от 17.12.2012 № 2411-р, от 04.11.2013 № 1790-р.

⁴ См.: **Игнатъева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; **Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56 ; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: XV Макаркин. науч. чтения (г. Саранск, 28 марта 2015 г.). Саранск, 2015. С. 363 — 371 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатъева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104.

Поступила 07.08.2017 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

Ч

ЧИПАЗ (э.), **ШИПАЗ**, **ШИБАВАЗ** (м.) (э. чи, м. ши «солнце», «день», э. паз, м. баваз «бог»), бог солнца. У мордвы, как и у др. фин.-угор. народов, образ солнца персонифицируется. Одним из первых обратил на это внимание К. Ф. Фукс. Позднее П. И. Мельников привёл сведения о том, что солнце является Верховным богом мордвы, и наз. его «Чама-паз» (Мельников П. И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы, Саранск, 1981, с. 133). По мнению исследователей 20 в. (А. И. Маскаев, Н. Ф. Мокшин и др.), подобные высказывания ошибочны. Однако данная «ошибка» Мельникова, очевидно, неслучайна. Он мог зафиксировать рудиментарные представления о «Чама-пазе», бытовавшие в мордов. среде в 1-й пол. 19 в. Кроме того, по сведениям У. Харвы, в своё время термин «tsan-pas», упоминаемый в сб-ке архиепископа Якова, был принят за обозначение бога солнца и, по нек-рым предположениям, считался не чем иным, как «неправильное правописание „tsin-pas“ (бог солнца)» (Harva U., Die religiösen

Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 135). По мнению Мельникова, от Ч. произошли *Анге Патяй* и *Шайтан*. Исследователь зафиксировал также представления мордвы о том, что Ч. — отец *Нишкепаза* (см. *Теогонические мифы*). Нередко в обыденном сознании эти боги отождествляются. В легенде о *Пурьгинепазе* и *Сырьже*, запис. В. Н. Майновым в с. Кардавеле Ардатовского у. Симбирской губ. и в с. Ревезень Княгининского у. Нижегородской губ., Ч. предстаёт отцом Пурьгинепазы и мужем Анге Патяй. После *христианизации мордвы* Ч. отождествлялся с Господом Саваофом и в молитвах его наз. «Свят Господь Саваоф» (Мельников П. И. (Андрей Печерский), Указ. соч., с. 59).

В мордов. мифологии образ солнца бинарен: оно выступает то как муж., то как жен. божество. По предположению Мокшина, «ранее... божество солнца мордва называла **Чи-ава (Ши-ава)**, но позднее женское божество Чи-ава (Ши-ава) превратилось... в мужское божество Чи-паз (Ши-баваз)» (Мокшин Н. Ф., Религиозные верования мордвы, Саранск, 1998, с. 72). Исследователь также указал на родство мордов. («Чи-ава (Ши-ава)») и мар. («Кече-ава») божеств солнца.

* Начало в № 2, 2011 — 3, 2012; 1, 2, 2013; 1 — 3, 2015; 1 — 3, 2016; 1 — 3, 2017.

Поклонение мордвы солнцу отразилось в её религ.-магич. практике (молитвы, заклинания и др.), где к нему обращались как к божеству, напр.: «Вращайся высоко по небу ŝi-ras; дай мне счастья...» (цит. по: Narva U., Op. cit., S. 167). Как и др. народы, мордва имела обыкновение клясться небесным светилом: «Пусть поразит меня tŝi-ras...» (Ibid., S. 173). Под выражением «бог справедливости» тоже подразумевали солнце. Его почитание проявлялось и в строит. искусстве мордвы: двери домов делали на юг (см. *Стороны света*), чтобы солнце слышало обращ. к нему молитвы, к-рые совершали во время его восхода и заката.

Отд. культа Ч. не было. Возможно, это связано с тем, что он «относился к богам, удалившимся от дел» (Петрухин В. Я., Мифы финно-угров, М., 2003, с. 300). Между тем традиционно имя Ч. упоминалось в ходе молений (см. *Моления общественные, Моления семейные и родовые*) практически в каждом случае вместе с др. божествами. При этом, как правило, с насущными просьбами мордва обращалась к последним, что, очевидно, обусловлено высоким статусом Ч. в иерархии богов. Говорили, что если бы Ч. пришёл к кому-л. в дом, то всё селение с живущими в нём, со всеми строениями, скотом, полями, лесами, и даже реками и колодцами, сгорело бы в мгновение ока.

По воззрениям древней мордвы, Ч. любит свои создания — людей, и от него исходит только добро, но, чтобы люди не забывались, он разрешил Шайтану сотворить злых духов и посадил их в болота и омуты. Если человек сделает что-л. против Ч., злой дух начинает вредить этому человеку, но когда он обратится к Богу с молитвой об избавлении от зла, Бог помогает ему. Правда, одной молитвы недостаточно для умиловив-

ления разгнев. Ч.: необходимы обществ. и домашние моления подчин. ему божествам.

Образ всеми любимого, долгожданного солнца, от к-рого зависело благополучие земледельч. народа, нашёл отражение в разнообразных обрядах мордвы, в частности в проводимых на *Масленицу*, обрядах весенне-летнего цикла и др. (см. *Обряд и миф*).

Солнце фигурирует в различных жанрах нац. фольклора. Так, в дет. закличке говорится: «Солнышко, выйди... / Ложку масляной каши дам! / Солнышко, выйди... / Красного петуха тебе зарежу!» (УПТМН, т. 8, с. 109). В мордов. песнях солнце выступает в виде красивой девушки. В загадках образный ряд шире (белый лебедь, белая кошка, огонь, кипящий горшок с маслом). Наблюдая за появлением и заходом солнца, за различными фазами солнцестояния, люди загадывали: «Ночью спит, / Утром разжигает огонь, / Днём всё поджаривает, / К вечеру свою сковороду красной показывает», «Красная девушка по небу ходит, / Дорогу свою не меняет» (Там же, т. 4, ч. 2, с. 22). Мифол. осмысление образа и роли солнца в жизни мордвы представлено в пословице «Богиня земли всё держит, бог солнца — хранит» (Там же, ч. 1, с. 312).

Символы солнца обнаружены археологами в украшениях нац. жен. костюма, а также на различной хоз. утвари мордвы (см. *Археология и миф*).

Образ солнца получил отражение в творчестве худ. Н. В. *Рябова*, Ю. А. *Дырина*, В. В. *Митиной* и др.

Тексты: УПТМН. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; УПТМН. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; УПТМН. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1972.

Лит.: **Фукс К. Ф.** Этнографическое описание Казанской губернии // Ж. Мин-ва внутр. дел. 1839. Ч. 34, № 10 ; **Мельников П. И.**

(Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Митропольский К. Мордва : Религ. воззрения, их нравы и обычаи // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12 ; Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Там же. 1905. № 18 ; Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Его же. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова*.

ЧОПАЧА НАРКОТЬ (э. чопача «призрак, привидение», наркоть «мания преследования»), *болезнь*, возникающая в случае, если человек наступит на щепки или стружку, оставшиеся после изготовления *гроба*, иногда приводящая к смерти. Согласно воззрениям мордвы, материал, оставшийся от изготовления гроба, как и др. предметы, связ. с покойником, считаются опасными. Раньше их отвозили в особое место, находившееся за селением около *кладбища*. В с. Козловка Бугурусланского у. Самарской губ. оно наз. «штепка ланго», в Саратовской губ. — «покштянь-бабань чукш пря» (букв.: мусорная куча предков). В нек-рых местностях щепу сжигали, а золу выбрасывали в отдалённый овраг или в проточную воду, там, где её не использовали люди;

оставляли возле дороги, поэтому, как писал В. А. Ауновский, «...каждого внимательного путешественника невольно поражает множество корзин, валяющихся около мордовских селений» (Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г., Симбирск, 1869, с. 8).

По поверью, можно было легко наслать на человека болезнь, если бросить на кучу щепок лоскут ткани от его одежды или пучок его *волос*. При этом выздоровление наступало только после особого обряда над щепками, взятыми из кучи. Как правило, его совершал *знахарь*. Произнося *заклинание*, он обращался за помощью ко всем умершим из своей смерти, прося сжалиться над заболевшим и дать ему здоровье. Мордва Городищенского у. Пензенской губ. просила о помощи хранителя ямы (шукшпрянь кирди), в к-рую бросали щепу: «Шукш покштяй, шукш дедай, старец, живущий в мусорной яме... помоги мне, я приготовила всякой еды... бери быстрее! Возьми и хворь (имя)! Возьми её из его тела и крови! <...> Помоги (имя), верни ему здоровье!» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 113). Мордва д. Вязовка Бугульминского у. Саратовской губ. обращалась к основательнице кладбища старой Вере. В с. Иванцево Лукояновского р-на Нижегородской обл. в 20 в. существовало поверье: чтобы не заболеть неизлечимой болезнью Ч. н., человек должен был на кладбище попросить прощения у умершего. Вместо данного человека это могла сделать пожилая женщина.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: Ауновский В. А. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск,

* Статьи Н. Г. Юрчёнковой подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 14-11-13003).

1869 ; **Голицын Ф. С.** Мордва в Хвалынском уезде (Саратов. губ.) // Саратовский сборник : Материалы для изучения Саратов. губ. Саратов, 1881. Ч. 1, отд. 1 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва : этногр. материалы // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Мордва и вера. Саранск, 2005.

Л. А. Гурьянова.

ЧОПАЧА (э.), **ШОПАЧА** (м.), призрак живого, долго отсутствующего, или мёртвого человека; *душа* или тень умершего, способные общаться с *Идемесем* (*Шайтаном*), видоизменяться и преследовать человека, тем самым причиняя вред его здоровью. По сведениям *Х. Паасонена*, эрзяне Самарской, Саратовской и Симбирской губ. считали Ч. также нечистым духом, чёртом, бесом. Ч., Ш. был изв. и у мордвы Казанской, Нижегородской и Пензенской губ. В 20 в. сведения об этом существе фиксировались в Ковылкинском р-не Мордовии.

По нар. представлениям, Ч., Ш. не имеет постоянного места пребывания, появляется там, где не бывает людей, приходит туда, где его не ждут, чтобы творить зло. Призрак умершего Ч., Ш. может стать странствующим, если живые не приносят ему жертву. В сохранившихся текстах прослеживается сильный страх перед Ч., Ш., имя к-рого нельзя упоминать (произносить), что, вероятно, диктуется представлениями о его демонич. качествах, приобретаемых нек-рыми покойниками (способность подниматься из *гроба* в виде огня, чтобы высосать *кровь* у человека или убить

его). Некая иносказательность как метод борьбы со страхом, вызв. Ч., Ш., есть и в словесных обозначениях призрака, являющегося людям во сне: «чопачазо сась» («его призрак пришёл») или «аволь сонсь, чопачазо ульнесь» («это не он, это его призрак был») (цит. по: Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*, Helsinki, 1952, S. 21).

Мордва верила, что злое начало Ч., Ш. связано с колдунами (см. *Колдун*), к-рые якобы продают ему душу в обмен на помощь в своих занятиях.

Отличит. черта Ч., Ш. — способность перевоплощаться, тем самым становясь неузнаваемым для людей. Считается, что он может стать человеком, метлой, связкой лыка, свиньёй. По воззрениям мордвы, Ч., Ш. любит веселье, поэтому может появиться среди людей на к.-л. празднике (см. *Праздник и миф*), *свадьбе*, не показывая спину, поскольку её у него нет. Одно из преданий с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ. отражает тесное общение людей с такими призраками в прошлом: «Седикиле чопачатни эрять ломатинь марты човор. Ванат прок ломань (чопачась), сы ваксызыт, тейтерь марты нальксе, кортэ, а кутьмиринзы варчтамс а макссэ» — «В старину черти жили вместе с людьми. Видишь, словно человек (чёрт), подойдёт к тебе, играет с девушкой, разговаривает, а посмотреть на свою спину не даёт» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 143).

Нередко возникновение к.-л. *болезни* или беды, приписываемых Ч., Ш., объясняли потерей близких. Если кто-л. долго переживал об умершем, его призрак Ч., Ш. начинал приходиться и тревожить человека, ухудшая состояние здоровья последнего, или пытался задушить его. Кроме того, призрак мог стучать по

стенам дома либо хватать за ноги, чтобы стащить человека на пол.

Одним из распространен. видов предохранит. магии, направл. на защиту от Ч., Ш., у мордвы были особые действия с предметами из *железа*. Так, эрзяне ряда селений Бугурусланского у. Самарской губ. верили, что, если во время похорон (см. *Похоронные обряды*) сразу после поднятия умершего с места, где он лежал, ударить по этому месту ножом или топором, призрак не останется в доме. В Симбирской губ. с такой же целью на место нахождения покойника в доме сыпали золу, после чего втыкали нож. Эрзяне Бугульминского у. Самарской губ. использовали амулеты — кусочки свиной и собачьей печени, а также древесный уголь, к-рые вешали на шею человеку. Кроме того, к больному приглашали колдуна, произносившего *заговор*, где фигурирует «железный старик» (см. *Кшинь атя*), якобы способный отправить мучившего человека Ч. в сухое дерево, в трухлявое дупло на срок до скончания века. Закрепительная формула заговора должна была предотвратить повторное появление призрака. У. *Харва* зафиксировал также сведения о том, что от злого призрака можно избавиться, если «...воткнуть в его труп спицу колеса, бывшего в течение семи лет в одной и той же телеге» (Harva U., Op. cit., S. 24). Такое восприятие Ч., Ш. у мордвы, по мнению исследователей, переключается с распространен. у слав. народов представлениями о вурдалаках и оборотнях. Если, несмотря на все предохранит. действия, призраку всё-таки удавалось довести человека до смерти, считалось, что последнего можно воскресить, расчертив его тело кровью чёрного телёнка.

Состояние человека, оказавшегося в тяжёлой жизн. ситуации, сравнивали иногда с Ч., Ш., к-рый, по представле-

ниям мордвы, находится между миром живых и миром мёртвых: «Ней мон исем а ломаня а шайтян, / будто эрян апак азо чопача, / а маштуван а тона чис, а те чис» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 5, S. 494) — «Теперь я не человек и не Шайтан, / живу, как не произносимый чопача, / не гожусь на тот свет и на этот». Пограничье как свойств. Ч., Ш. состояние зафиксировано и в поговорке, запис. у мордвы-эрзи с. Нов. Байтермиш Бугурусланского у. Самарской губ.: «А тесэ, а тосо, апак аст чопача» (Ibid., Bd. 6, S. 218) — «Ни здесь, ни там, не произносимый чопача».

Несмотря на распространённость образа Ч., Ш. в мифол. воззрениях мордвы, упоминаний о нём в 20 — нач. 21 в. практически нет, что свидетельствует либо о замещении его др. существом, либо о кардинальной трансформации, не позволяющей идентифицировать данный образ в устном нар. творчестве.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1939. Bd. 2; Helsinki, 1977. Bd. 5, 6; H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Деяткина Т. П. Мифология мордвы: [энциклопедия]. Саранск, 1998; 2006; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ЧУВТО АВА, ЧУВТОНЬ ПАЗ (э. чувто «дерево», ава «женщина, мать», паз «бог»), жен. и муж. божества дупла, *дерева*. П. И. Мельников утверждал, что у мордвы каждая порода деревьев имеет

отд. духа-покровителя, к-рые созданы матерью богов *Анге Патяй* в подручные *Виряве*. Этой точки зрения придерживались В. Н. *Майнов*, И. Н. *Смирнов* и др. *Ф. Бутузов* записал в с. Сабанчево Алатырского у. Симбирской губ. рассказ Ч. п. упоминается в молитве женщины о том, чтобы он наказал её мужа слепотой за разлад в семье. При этом женщина обращается к дереву с дуплом. Ч. а. фигурирует в зафиксиров. *Х. Паасоненом* заклинании от ушиба о дерево: «Чувто-ава, матушка, я тебя не толкал, не толкай и ты меня. Прости Христа ради» (Proben der mordwinischen Volksliteratur, Helsingissä, 1894, Bd. 1, N. 2, S. 14). Смирнов, комментируя данное заклинание, отождествляет эти два божества и наделяет их одинаковыми полномочиями: «...дупляной бог и дупляная мать в случае неприятности, нечаянно причинённой им че-

ловеком, могут наказать его той или другой болезнью, “напустить притку”...» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 200). В с. Кузоватово Сенгилеевского у. Симбирской губ. в ходе моления «бабань каша» (см. *Моления общественные*) Ч. п. жертвовали снятые с *каши* пенки, к-рые клали в развилину *сосны*.

Тексты: Proben der mordwinischen Volksliteratur / [gesamm. von H. Paasonen]. Helsingissä, 1894, Bd. 1, N. 2.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; **Бутузов Ф.** Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчево Алатырского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ. Казань, 1893. Т. 11, вып. 4 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002.

И. И. Шеянова.

Ш

ШАЙТАН (э.), **ШЯЙТАН** (м.), антипод Верховного бога мордвы (см. *Боги*). После принятия ею христианства (см. *Христианизация мордвы*) стал ассоциироваться с чёртом и Владыкой мёртвых (см. *Загробный мир*). Согласно представлениям мордвы, Ш. произошёл от *Чи-паза* (см. *Теогонические мифы*). По одной из версий, бытующих у мордвы, Чипаз (*Шкай*) создал его в пом. себе при сотворении мира и для управления им. Однако с самого начала Ш. только мешал Богу: во время создания земли утаил во рту ил (см. *Космогонические мифы*); испортил творение Божье — человека (см. *Антропогонические мифы*). По др. версии, зафиксиров. В. Н. *Майновым*, Шкай дал Ш. душу, положив её

в *яйцо*. С возникновением образа Ш., воплощающего злое начало, в мордов. мифол. картине мира оформляется бинарная оппозиция как универсальное средство его познания: жизнь — смерть, счастье — несчастье, хорошее — дурное и т. п. (см. *Добро и зло*).

Ш. способен к перевоплощению (см. *Метаморфозы*). Мордва верила, что, если удастся убить Ш., его кровь выпивает, а место, где он скрывался, загорается. По нар. представлениям Ш. создал злых духов, насылающих на людей и скот болезни (см. *Болезнь, Алганжеи*), на поля — червь и саранчу, вызывающие непогоду и др. беды. У Ш. есть тринадцать дочерей (двенадцать лихорадок и одна ветряная оспа), к-рые не дают покоя

людям. Считается, что всё злое в человеке от Ш.: он якобы научил его делать хмельные напитки и это привело к развитию среди мордвы пьянства. Подстрекательские Ш. люди убили *Нишкепаза*.

На Крещение Господне мордва устраивала своеобразный семейный праздник-моление с целью очищения от негативного воздействия злых сил, в т. ч. Ш. (см. *Изгнание дьявола*).

Лит. интерпретация образа Ш. дана В. К. *Абрамовым*.

Тексты: УПТМН. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Антонинов А.** Мордва : (Крат. ист.-этногр. очерк) // Пенз. епарх. ведомости. 1894. № 16 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Абрамов В. К.** Легенда о серебряном всаднике. Саранск, 1996 ; **Его же.** Легенда о серебряном всаднике : поэма по мифол. сюжетам мордвы. 2-е изд., доп. М., 2007 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

Н. Г. Юрчёнкова.

ШАНИН Марат Семёнович (13.7.1928, г. Пенза — 13.9.2012, г. Саранск), живописец, график, педагог. Нар. художник РМ (1997). Засл. деятель иск-в МАССР (1968). Лауреат Гос. пр. РМ (2008). Чл. СХ СССР (1956). Окончил Пензенское худож. уч-ще (1948, учился у засл. деятеля иск-в РСФСР И. С. Горюшкина-Сорокопудова), Харьковский гос. худож. ин-т (1954). Работал в жанрах портрета,

пейзажа, натюрморта, жанровой картины. С 1955 жил в Саранске. В 1977 — 79 — дир. Саранского худож. уч-ща.

Ш. входит в число художников, обращавшихся к истокам мордов. народа, к отд. мифол. персонажам. Свойств. ему мастерство построения чётко продум. композиции, точность рисунка, энергичная пластика образов, темпераментная сила колорита в полной мере проявились в триптихе «Легенды и верования мордвы» (1996). Образующие его картины «Ведява», «Рождественские гадания» и «Вирява» не имеют общего сюжета — они объединяются тематически. Полотнам присуща эмоциональная романтич. увлечённость художника мордов. языч. экзотикой, близкой его душе. Моделируя образы *Ведявы* и *Вирявы*, Ш. не стремится показать их грозными и всемогущими божествами. В основе такого восприятия лежат представления мордвы о божествах-покровителях, внешне очень похожих на людей (см. *Антропоморфизм*). На картине «Ведява» изображена статная девушка в нац. эрз. костюме, задумчиво идущая по *воде*. Голова, украш. мордов. головным убором, кокетливо наклонена в сторону, а по плечам рассыпаны светлые волосы. Довершением образа служит мастерски переданный пейзаж — река с кувшинками и деревья, склоняющие ветви до самой воды. Образ Вирявы ещё более очеловечен. На первый взгляд кажется, что это — мордов. девушка, к-рая, гуляя в лесу, остановилась отдохнуть у дерева. Только величеств. поза и одна значит. деталь — она обнимает *берёзу*, являющуюся любимым деревом Вирявы, выдаёт в ней хозяйку *леса*. Кажется, что покровительница лесных угодий осматривает свои владения и довольна порядком в них.

Серию мифол. персонажей продолжает картина «Камаль Ава. Камалывка» (1997). Образ весёлого, яркого и полно-

го жизни божества хмеля (см. *Комлява, Комолява*) очень реалистичен. При этом характерное положение рук указывает на готовность пуститься в пляс. Рядом с божеством Ш. изображает атрибуты, необходимые для приготовления *пуре*, и гл. его компонент — полное лукошко цветков хмеля.

К этой же серии примыкает картина «Собирательница трав» (1999). Художник наделяет героиню мудростью поколений и богатым жизн. опытом. Возможно, здесь представлено одно из воплощений Вирявы. Учитывая дуалистичность этого образа, Ш. мог изобразить её доброй или злой, девушкой или старухой. Собирательница трав всматривается в лежащие перед ней уголья по-хозяйски.

Альбом: Династия художников : Шанины. Живопись, графика. Саранск, 2006.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; 70 лет Союзу художников Республики Мордовия : альбом. Саранск, 2007 ; Видяева И. И. Признание в любви : очерки о художниках Мордовии. Саранск, 2012 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энцикл. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2.

Н. Г. Юрчёнкова.

ШКАЙ, ШКАБАВАЗ, Верховный бог мордвы-мокши. Как синоним употребляется также теоним *Вердя Шкай*. Обозначение Бога «scabas» упоминается уже в мордов. словнике к книге гол. учёного 17 — нач. 18 в. Н. Витсена (см.: Феоктистов А. П., Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв., Очерки мордовских диалектов, Саранск, 1963, т. 2, с. 7). Позднее о существовании у мордвы Верховного бога писал

П. С. Паллас. Он, в частности, отмечал, что мокшане наз. этого Бога «Шкай», подразумевая под ним также *небо*. На это указывал и К. С. Милькович. В мокш. преданиях (см. *Предание*) о возникновении *земли* Шкай выступает как олицетвор. создатель (см. *Демидурз*). В. Н. Майнов зафиксировал представления мордвы о том, что жилищем Шкай является солнце (см. *Солярные мифы*), к-рое фигурирует в религ.-магич. церемониях как Верховный бог или как его символ. Мокшане клялись Шкаем, обращая взор к солнцу: «Пусть ослепит меня великий бог, чтобы я не видел ярких солнечных лучей!» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 173). По сведениям У. Харвы, мокш. теоним «Šcabavas» выступает у эрзян в форме «Ški-pas», но наряду с этим обозначением или вместо него используется «niške (niski)» или «niške-pas» (см. *Нишкепас*). Мокшане наз. Верховного бога также «Вердя Шкабаваз» (находящийся на небе). В молитве, запись. И. И. Дубасовым в Инсарском у. Пензенской губ., это обозначение отождествляется с теонимом Шибаваз (см. *Чипаз, Шипаз, Шибаваз*). Харва отмечал, что мокшане считали Верховного бога также повелителем над погодой и, обращаясь к нему, вспоминали бога солнца.

Наряду с муж. божеством Шкабаваз у мокшан фигурирует жен. — Шкабас ава (ава «женщина, мать»). Так, в мокш. песне поётся: «колет scabas ава сосновые лучины на небе» (цит. по: Harva U., Op. cit., S. 145). В др. песне, запись. в Темниковском у. Тамбовской губ., есть информация о детях Верховного бога мокши: дочь Шкабаваз сидит на пуховой подушке и держит на коленях белоснежное рукоделие. В мокш. песнях-мифах о *Васальге* и Насилке земная девушка становится снохой Верховного бога (см. *Семейно-брачные мифы*).

Мокшане обращались к Верховному богу с различными просьбами, к-рые высказывали во время молений (см. *Моления общественные. Моление о сохе, плуге. Моление на лугу. Моление о быках. Моление о курах; Моления семейные и родовые. Моление в хлеву*). Исследователи отмечают существование *жертвоприношения* Верховному богу. Так, в пасхальную пятницу на домашнем молении мокшане просили Шкабаваза об обильном урожае и приплоде скота. В качестве жертвоприношения на порог выливали неск. кружек браги (см. *Брага, Поза*), а на дымоход клали *хлеб*, мясо и выливали немного браги. При этом участники ритуала говорили: «Šcabavas, пусть наши подаяния вместе с брагой поднимутся к тебе!» (Ibid., S. 151).

У мордвы-мокши есть приметы, связ. с Верховным богом. Так, по нар. представлениям, похолодание на *Ильин день* происходит потому, что Шкабаваз бросает в воду кусок льда.

Тексты: УПТМН. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1 ; Снежницкий И. Праздник «Петрооскос» — Петров молян в день св. апостолов Петра и Павла, в мордовском селе К-се // Пенз. епарх. ведомости. 1870. № 22 ; Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 1, 2 ; Милькович К. С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889.

Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ШУЛЯЕВ Алексей Дмитриевич (28.8. 1941, д. Поповка ныне Zubovo-Полянского р-на РМ), фольклорист. Засл. работник культуры РМ (1996). Лауреат Гос. пр. МАССР (1990), РМ (2009). Чл. СП России (1993). Мордвин (мокша). Окончил Мордов. гос. ун-т (1964), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1967). В 1968 — 2002 — младший, старший науч. сотр. сектора мордов. фольклора и иск-в, затем отдела мордов. лит-ры и нар. творчества НИИГН. Участвовал в фольк. экспедициях по Мордовии, в мордов. диаспору (Башкирия, Татария, Чувашия; Горьковская, Оренбургская, Пензенская, Куйбышевская обл.). Автор более 120 работ по мордов. фольклористике, соавтор уч. пособия «Мордовское устное народное творчество» (1978); классификатор и переводчик на рус. яз. собр. И. С. Сибиряком (Поздьяевым) песен мордвы в сер. УПТМН (1975, т. 6, ч. 2; 1982, т. 9), антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (1981, т. 1; 1984, т. 2); принимал участие в подготовке антологии «Духовное наследие народов Поволжья. Живые истоки» (Самара, 2001). В нач. 2000-х гг. выступил в качестве соавтора книг, посвящ. локальным особенностям обрядовой стороны жизни мордвы-мокши («Живая память поколений. Духовная культура мордвы Zubovo-Полянского района», 2009; «Мотивы родимой земли. Духовная культура жителей Zubovo-Полянского района Республики Мордовия», 2012; «Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Полянского района Республики Мордовия)», 2012). Ш. является одним

из сост. уч. фолькл.-этногр. материалов («Дубёнка ёнксонь койтне ды моротне: хрестоматияс кочкавкст» — «Обычаи и песни Дубёнского района: хрестоматия», 2006; «Мокшанский фольклор = Мокшень фольклор хрестоматия», 2014), а также лит.-худож. сер. «Сказание о мордвях» («Народные песни», т. 2; «Баллады», т. 5), выпущ. в 1996.

Как собиратель устного нар. творчества исследователь зафиксировал много образцов произв., связ. с мифами мордвы. Так, в 1963 — 64 в с. Перхляй Рузаевского р-на Мордовии им была записана *легенда*, вошедшая впоследствии в сер. УПТМН (1983, т. 10), где повествуется о создании *земли Шкаем* с участием нечистого Равжня (м.; букв.: чёрненький).

В рамках анализа мифопоэтич. наследия мордвы Ш. подготовил монографию (1986), в к-рой излагаются осн. сведения о достижениях мордов. фольклористов (А. И. Маскаев, К. Т. Самородов, Л. С. Кавтаськин и др.) в изучении мифологии. Учёный отметил связь *богов* и людей посредством посланников-птиц (см. *Лебедь*, *Утка*) или предков (см. *Культ предков*); подчеркнул значение *дерева* как центра мира. Ш. указал на наличие в мордов. пантеоне ряда божеств-покровителей, вера в к-рых была распространена как у мокши, так и у эрзи; предпринял попытку верификации существования у мордвы матери богов *Анге Патяй*. В частности, говоря о вере в неё как покровительницу любви, он привёл в подтверждение молитву мордвы-эрзи: «Чам пас, помилуй нас, Анге-Патяй, матушка, помоги девке твоей (конкретное имя. — *А. Ш.*) чисто жить и давай поскорее жениха хорошего»

(цит. по: Шуляев А. В., Жизнь и песня, Саранск, 1986, с. 53).

Особое внимание исследователь уделил символике мордов. лирич. песни, рассмотрев её сквозь призму нар. верований. Наиболее широко, по мнению Ш., в ней представлено пространство *дома*. Автор отчасти расшифровал значение стен, потолка, крыши, окон и дверей. Здесь же описаны покровители дома (см. *Кудава*, *Кудатя*).

Значит. роль в становлении взглядов Ш. на мордов. мифологию сыграла его работа над нац. эпосом «Масторава», изд. в 2009. Осуществив анализ фолькл. материала, собр. учёными НИИЯЛИЭ в течение неск. десятилетий, Ш. выделил среди него обрядовые, лирич. и мифол. произв., а также эпич. песни, и вслед за др. исследователями подтвердил мысль о древности их возникновения, «когда человек оптимистически воспринимал мир как нечто цельное, не отделял себя от природы, не разделял время и пространство» (Там же, с. 13).

В целом в размышлениях Ш. об особенностях бытования различных жанров мордов. фольклора подчёркивается их глубинная связь с мифом, ритуалом и *магией*.

Соч.: Жизнь и песня : Поэтич. система традиц. нар. лирики мордвы. Саранск, 1986 ; Народть мяляфтомац нефтома : уч. пособие. Саранск, 1993.

Лит.: Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; **Бояркина Л. Б.** Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск, 2011 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2.

А. И. Сырескин, И. В. Зубов.

Э

ЭНДЮКОВСКИЙ Александр Гаврилович (1901, с. Нов. Яксарка ныне Шемейского р-на Пензенской обл. — окт. 1938, Мурманская обл.), лингвист, специалист по фин.-угор. языкознанию (яфетидолог), исследователь мордов. и саам. (лопарист) яз. и лит.-р. Канд. филол. наук (1930). Науч. сотр. и преподаватель Ин-та народов Севера (г. Ленинград). Автор ст. «Саамская литература» и «Саамский язык» в одиннадцатитомной «Литературной энциклопедии» (М., 1937). Составил первый в России саам. букварь на основе кириллицы (Саамь букваррь. Л., 1937), к-рый не успев пройти апробацию в школе, был изъят как «политически вредный». Наряду с др. преподавателями Ин-та народов Севера Э. был признан органами НКВД Ловозерского р-на Ленинградской обл. одним из рук. «Саамской националистической повстанческой диверсионно-революционной организации», объедин. идеей о Великой Финляндии, и арестован. Умер в тюрьме. Реабилитирован в 1954.

В начале науч. карьеры Э. изучал мордов. яз. и эпос. Первая публикация (1930) посвящена рус. заимствованиям в мордов. яз. В следующей работе (1932) учёный акцентировал внимание на сюжете Тристана и Исольты в мордов. фольклоре как самобытном преломлении «космического мифа о Солнце и Воде» (Эндюковский А. Г., Сюжет Тристана и Исольты в мордовском фольклоре, Тристан и Исольты, Л., 1932, с. 227). Исследователь рассмотрел перенесение мифа одними народами от др. посредством яфетич. теории («новое учение о языке»), выдвинутой в 1923 рос. филологом, археологом и языковедом, акад. АН СССР Н. Я. Марром. Согласно данной теории, возможно выявить связь мифотворчества со словотворчеством.

По мнению Э., палеонтологич. анализ позволяет сделать вывод о том, что помимо «древнейшего стадиального эквивалента» (термин Б. А. Латынина) — Воды и Солнца в виде космич. божеств (*Ведява, Чипаз* и др.) — миф о Тристане и Исольте в фольклоре мордвы обнаруживает более поздний эквивалент, раскрывающий «переживания... космического мировоззрения, связанные... с семантическими перевоплощениями вненационального и внеэтнического образа богини матриархальной Афреварзии Иштари» (Там же, с. 227 — 228), к-рые завуалированы в мордов. эпосе. Сюжетная основа мифа чётко прослеживается в фольк. произведениях — брак *Пурьгинепазы* и земной девушки (Акулина, Виртява, *Литова*, Сиямка, Сырява, Сырьжа, Тейтерь).

Э. выделил тексты, где мифол. элемент переплетается с ист. Напр., в сказании о Сыряве описывается насилие. обращение в христианство мордвы светской властью и рус. духовенством (см. *Христианизация мордвы*), во время к-рого Сыряву спасает возлюбленный Пургас: подув с востока, он разрушает палаты воеводы и закапывает в снег гл. священнослужителя. В песне о «грешной» Литове, запис. Х. *Паасонен* (Proben der mordwinischen Volksliteratur. Helsingissä, 1891), просматривается противоборство языч. и христ. стихий. Традиц. языч. взгляд на взаимоотношения мордов. богов и земных девушек (см. *Семейно-брачные мифы*) сталкивается с рационалистич. (христ.) воззрениями, напр. при описании сверхъестеств. возникновения беременности Литовы — не порча от юноши, а «болезнь от бога» (Там же, с. 243) и др. На стадии патриархата соединение Воды и Солнца более наглядно происходит в

форме брака между гл. героями. Женитьба влюблённой пары в сказании о Сырьже отражает космич. сущность сюжета зап.-европ. романа «Тристан и Исольда»: Сырьжа — жена божества, распоряжающегося водной стихией *неба*, а это божество, именуемое Пургас (Пурьгинепаз), — сын *Верепаз* (божества Солнца).

Э. привёл многочисл. примеры перерождения семантич. проявлений образа Иштари-неба в мордов. сказаниях. Так, диалектика имени «Тюштя» (м. теш, э. тешт «звезда») заключается в приобретении им мифич. сущности своей небесной прародительницы — богини Иштари. Тюштя, рожд. от любви Сырьжи и Пургаса, наделён «сверхъестественным даром чудотворения» (Там же, с. 247 — 248). Необычное имя героини — Сырьжа (в переводе с мордов., по В. Н. Майнову, «Заря») тоже семантически связано с богиней-прародительницей: в обоих именах есть осн. элемент (Сыг- = -штар), хотя и в обратном порядке. Совр. семантич. отголосок мифа слышится в назв. реки Сура, на берегу к-рой происходят чудодейства, напр. в одной из легенд Верепаз похищает здесь Тейтерь (безымянная девушка).

Э. отмечал, что мифол. сущность всемирно изв. легенды о Тристане и Исольде просматривается в мордов. эпосе вопреки временным, культурным и языковым различиям. Учёный проследил стадильную архаичность мифол. мотивов в мордов. словотворчестве, отражающем представления народа о мироздании, его ист. сознание, эстетич. и нравств. ценности, своеобразии нац. менталитета и др.

Соч.: К вопросу о русских заимствованиях в мордовском языке : (Опыт исследования по материалам «Саратовского этнографического сборника» 1922 г.) // Мордовский сборник. Саратов, 1930. (Учён. зап. Са-

ратов. гос. ун-та ; Т. 8, вып. 3) ; Сюжет Тристана и Исольды в мордовском фольклоре // Тристан и Исольда : От героини любви феода. Европы до богини матриархал. Афр-евразии. Л., 1932. (Тр. / Ин-т яз. и мышления АН СССР ; ч. 2) ; Сюжет Тристана и Исольды в мордовском фольклоре [Электронный ресурс] // Электрон. арх. О. М. Фрейденберг. URL: <http://freidenberg.ru/Docs/Nauchnyetrudy/Stat'i/SjuzhetTristanaiIsol'dy> (дата обращения: 16.10.2017).

Лит.: Еремеева О. И. Институт народов Севера в 30-е гг.: первые шаги [Электронный ресурс] // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2010. № 4. С. 91 — 97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/institut-narodov-severa-v-1930-e-gg-pervyue-shagi> (дата обращения: 16.10.2017).

И. В. Лаптева.

ЭПОС И МИФ. Говоря о соотношении Э. и м., невозможно отрицать их принципиальную близость. Однако эпос — явление более позднее, чем миф. Возникнув во многом на основе мифа, эпос, наряду с формирующимся теоретич. сознанием, внёс впоследствии немалый вклад в разложение мифол. мышления. Мн. мифы постепенно получили чисто худож. прочтение, т. к. включались в сферу эпич. творчества, образуя часть его сюжетного и образно-семантич. фонда. Одновременно вырабатывалось специфически худож. отношение к мифу как к некоей событийной канве, подлежащей творч. переработке и переосмыслению.

Определённое воздействие на формирование мордов. эпоса оказала и мифология мордвы. Однако в силу её недостаточной разработанности и фрагментарности это воздействие имеет специфич. черты. Следует учитывать также форму эпоса: аутентичный эпос или лит. версия нар. эпоса.

Аутентичный эпос мордвы — это совокупность произв. нар. творчества:

мифов, легенд (см. *Легенда*), преданий (см. *Предание*), песен, сказок (см. *Сказка и миф*), ритуальных (свадебных и похоронных) *причитаний*. Он включает мифол. образы и сюжеты, отражающие воззрения на возникновение мира, для обозначения к-рого употребляется термин «Мастор», а также связанные с *Великой птицей*; тремя рыбами, держащими на своих спинах *Землю*; образом *Шайтана (Идемева)* (см. *Космогонические мифы*). В эпосе содержатся горизонтально-пространств. представления и соотносимые с ними образы: *Великое дерево*; пространство, насел. мордвой, под назв. «Мокшень мастор» («Мокшанская земля») и «Эрзянь мастор» («Эрзянская земля»). Персонажами эпоса являются мифол. образы мордов. пантеона: *Нишкепаз, Верепаз* (э.), *Шкай, Шкабаваз; Верьдя Шкай* (м.) — Верховный бог; *Чипаз* (э.), *Шипаз, Шибаваз* (м.) — бог солнца; *Анге Патяй* — мать богов; *Ковава* (м., э.) — божество луны; *Атям, Атямишай* (м.), *Пурьгинепаз* (э.) — бог грома; божества-покровители, связ. с пространством дома, с хоз. циклами, сезонными или семейными обрядами (см. *Боги, Обряд и миф*); различные мифол. существа (*Куйгорож, Трямка* и др.); человек. В эпосе широко и многопланово используются образы *Тюшти, Литовы* и др.

Авторы или составители эпич. произв. (Я. Я. *Кулдуркаев*, В. К. *Радаев*, В. К. *Абрамов*, В. В. *Горбунов*, Г. Я. *Меркушкин*, А. Д. *Шуляев*, А. М. *Шаронов* и др.) также используют образы, сюжеты и мотивы мордов. мифологии и фольклора. При этом, давая собств. интерпретацию, они, безусловно, учитывают нар. воззрения на их сущность. В то же время в повествование вводятся бытовые детали, добавляются отсутствующие в мифологии мотивировки действий персонажей, даются красочные описания

боев и поединков в манере героич. эпической, придумываются портреты мифич. персонажей. Недостаток собств. сюжетных или иных материалов приводит к заимствованиям и адаптации фрагментов др.-гр. и христ., чаще всего библ., мифологии. Нередко писатели испытывают на своём творчестве опосредов. — через исследовательские работы П. И. *Мельникова*, И. Н. *Смирнова*, В. Н. *Майнова*, У. *Харвы*, Н. Ф. *Мокшина* — влияние мифол. системы мордвы. Именно поэтому лит. произв. приобретают колорит не бытового, этногр., а мировоззренч. характера. В одних произв. влияние фолькл.-мифол. материала ощущается только на уровне заимствования отд. образов, в др. — на сюжетно-композиц. и стилистич. уровнях. При творч. использовании поэтики мифа (гипербола, метафора и др.) обогащается изображение совр. мира более глубокой временной перспективой, расширяется фонд культурных метафор и ассоциаций, вводится подтекст.

Эпич. поэма «Сияжар» Радаева занимает особое место в процессе освоения мордов. лит.-рой мифол. сюжетов. Автор не только прибегает к нац. мифол. символике и мышлению нац. мифол. образами, но и осваивает христ. мифологию, синтезируя её с мордов. Так, по мнению М. Ф. Ефимовой, Радаев изменял нар. предания в соотв. с осн. идеей произв. и «они становились иными в народном творчестве, радаевскими» (Горение, Саранск, 1986, с. 241). Анализ поэмы «Сияжар» Радаева с точки зрения соотношения Э. и м. позволяет взглянуть на эту проблему в ином ракурсе. Мифология является одним из важнейших источников формирования героич. эпоса, а мифол. мышление накладывает на него отпечаток, порождая ярко выраж. архаич. черты. Так, в архаич. эпике, как правило, существует дуалистич. си-

стема племён, враждующих между собой, человеческого и демонического. При этом последнее чаще всего носит хтонич. характер, т. е. связано с подземным миром, смертью (см. *Загробный мир*) и т. п. В какой-то мере подобный взгляд отражает особенность первобытного мифол. мышления с достаточно чётким противопоставлением «мы» — «они». Кроме того, у Радаева налицо противопоставление, с одной стороны, мифол. мировоззрения и мировосприятия, с др. — событийного и мировоззренч. строя поэмы. Так, одной из гл. ценностных категорий мифол. мышления мордвы является видение героического в сохранении семейно-родств. связей как первоосновы общенациональных. Писатель же показывает героическое через борьбу Сияжара и его друзей с врагами в бою, в поединке, отказываясь тем самым от традиц. трактовки и воспринимая традицию др. народов (слав., тюрк.). Следующий важный аспект: для мордов. мифов характерно отсутствие сюжетов о любви вообще, а также мужчины и женщины. На это указывали А. И. Маскаев, Ефимова и др. В отличие от традиц. мировоззрения Радаев проводит в поэме интимную любовную линию Сияжара и Нуи, Волги и Витовы, Сафара и Зары. Здесь есть также чисто лит. мотив признания в любви девушки (Нуи, Витовы).

Немногие авторы обращались к воспроизведению космогонич. представлений мордов. народа, напр. Абрамов. Наиболее полная их худож. реконструкция предпринята в кн. «Масторава» Шаронова и в сводном тексте эпоса «Масторава» (сост. Горбунов, Меркушкин, Шуляев, Шаронов). Шаронов утверждает, что именно в «Мастораве» им впервые собраны «...эрзянская и мокшанская космогоническая мифология, небесный и земной пантеон, героическая эпика...»

(Масторава, Саранск, 2003, с. 10). В назв. эпич. произведениях используется наиболее распространен. мифол. сюжет о создании мира Верховным богом из кусочка ила, поднятого со дна Мирового океана Идемевсем. Др., более архаичные, варианты зарождения Вселенной (напр., образование мира из яйца Великой птицы, поднятие ила со дна Мирового океана Великой птицей) не привлекались. Мокшин указал на попытки автора кн. «Масторава» подогнать «дохристианские верования мордвы под библейский образец» (Мокшин Н. Ф., Прокрустово ложе (О книге «Масторава»), Вечер. Саранск, 1996, 25 янв., с. 6). Это наиболее ярко прослеживается при заимствовании космогонич. мотивов, в частности в обрисовке и интерпретации действий Бога после создания земной тверди. Подобно библ. космогонии, «Инешкипаз» шесть дней последовательно творит небо, солнце, луну, звёзды, растения и животных. В данном случае сюжет строится на основе материалов Мельникова.

Использование сюжетов *антропогонических мифов* в мордов. лит-ре наблюдается довольно редко. В кн. «Масторава» Шаронова и сводном тексте эпоса «Масторава» в основу сказания о появлении на земле человека положены антропогонич. мифы о создании его Богом из глины и происках Идемевся, появлении на земле первого эрзянина и договоре между Богом и Идемевсем о власти над человеком при его жизни и после смерти. В «Легенде о серебряном всаднике» Абрамов также соединяет неск. антропогонич. мотивов. Кроме того, авторскую трактовку получают у него легенды о первопредках человека — *великанах* и войнах между ними.

Мифол. образ Великого дерева, соединяющего верх., средний и ниж. миры Вселенной, в лит-ре нередко воспроиз-

водится по заданному стереотипу. В обоих вариантах «Масторавы», как и в мифологии мордвы, Великим деревом изображается растущая на горе *берёза*. Под её кроной собираются старейшие рода обсуждать важные дела, а беседует с ними сидящая на ветвях дерева Иненармунь — посланница Бога. Сюда приходят люди, чтобы поклониться богам и принести им жертвы. Гармонично вписываются в сюжетную линию отд. песни, сказания и легенды, содержащие мифол. образы и мотивы, прямо или косвенно связ. с образом Великого дерева. Иненармунь и Белый Лебедь (см. *Ашо Локсей, Лебедь*), выступающие во мн. нар. эпич. песнях посланниками Верховного бога, соединяющими *небо* и землю, в данных вариантах эпоса выполняют те же функции. Как правило, они разговаривают человек. языком, передают волю богов не прямо, а иносказательно. Иненармунь загадывает старейшим рода, сидящим под Великим деревом, загадку, разгадав к-рую можно познать смысл жизни.

В отд. произв. предпринимались попытки изображения мордов. пантеона. По его составу и иерархии богов у исследователей нет единого мнения, т. к. в устно-поэтич. творчестве мордвы недостаточно соотв. сведений. В кн. «Масторава» Шаронова и в сводном тексте эпоса «Масторава» боги размещаются на ветвях Великого дуба (см. *Дуб*) согласно их статусу. При этом схематичное изображение, соотв. мифол. сюжету «*Раздача счастья*», существенно расширяется. В данном случае можно провести аналогию и с др.-гр. мифологией, где иерархия богов прослеживается по их расположению на горе Олимп. На первой ветке Великого дуба, согласно версии Шаронова, «восседал сам Инешкайпаз; / На второй сидела Анге; / Пурьгине

сидел на третьей; / На четвёртой был Верепаз; / Стакапаз сидел на пятой; / На шестой была Кастарго; / На седьмой была Везорго». Внизу, под дубом, стояли: *Ведява* — третья дочь «Инешкайпаза», Масторава (см. *Масторава, Модава*), Норовава (см. *Норовава, Паксява*), *Вириява, Вармава, Велява* и «Веленьпаз» (см. *Веленпаз*). «На концах ветвей сидели / Иненармунь, Белый Лебедь» (Масторава, с. 178). Абрамов в «Легенде о серебряном всаднике» также даёт собств. версию состава мордов. пантеона. Рядом с Верховным богом автор помещает его супругу — «Анге», к-рая родила богов «Ине Чипаза», *Масторпаза*, «Ковпаза», Толаву (см. *Толава, Толпаз*), Модаву, Ведяву, Пурьгинепаза, Вармаву и «Шобдаву» (Абрамов В. К., Легенда о серебряном всаднике, Саранск, 1996, с. 7 — 8). В кн. «Масторава» Шаронова в основу рассказа о рождении богов положено предание о трёх сёстрах-богинях: Нороваве, Вармаве и Вирияве, к-рые вышли из трёх яиц, снес. и высиж. посланницей Бога — «Большой птицей». Развивая этот сюжет, автор увеличивает кол-во снес. яиц и появившихся из них богинь до семи. Кроме того, иногда свободно обращаясь с фолькл. источниками, он по-своему интерпретирует родств. отношения между богами, напр. женит сыновей «Инешкипаза» на его дочерях. По поводу кровнородств. браков Мокшин писал, что нар. традиция запрещает такие браки (см. *Инцест*). У мордов. народа действительно существует песня, где сказано, что Пурьгинепаз с помощью выступающей в роли *свахи* Норовавы женится на дочери Нишкепаза — *Кастарго*. Однако здесь учитывается, что Пурьгинепаз является самост. божеством, а не сыном Верховного бога. В ряде случаев Шаронов переосмысливает

мифол. представления мордов. народа о божествах и их функциях. Напр., Пурьгинепаз и Чипаз отождествляются им с божеством огня «Толоньпазом», а божество двора «Кардаз-сярко» (см. *Калдазава, Кардазава*) наз. божеством села.

Чаще авторы лит. произв. обращаются к заимствованию отд. мифол. образов. При этом изображаемые ими божества, как правило, соотв. фольк. стереотипу. Однако иногда наблюдается отход от присущих мифол. персонажам заданности и схематичности, характер героя домысливается и он превращается в живой образ. Так, в обеих версиях «Масторавы» предпринята попытка подобной реконструкции образа Анге Патяй. Большое влияние при этом оказали христ. *Богородица* и др.-гр. богиня Гера — жена Зевса, а также миф Мельникова об Анге Патяй, сотвор. Чам-Пасом и являющейся его женой. Представление «Анге» женой «Инешкипаза» повлекло за собой логич. развитие образа и связ. с ним сюжетных линий. Согласно мифам мордов. народа, у Нишкепаза были один сын — Пурьгинепаз, и две дочери — Кастарго и *Везорго*. В опозитизиров. Шароновым мифе «Анге» родила семь детей — Верепаз, Пурьгинепаз, Веленьпаза, Масторпаза, Кастарго, Везорго и Ведяву. В результате изображение родств. связей между божествами приводит к искажению осн. мифа, вступает в противоречие с фольк. материалом. Напр., Верепаз не может быть сыном «Инешкипаза», т. к. первое имя является синонимом последнего. Сомнение вызывает и причисление к дочерям Верховного бога Ведявы, традиционно относящейся к божествам-покровителям, обитающим на земле рядом с человеком.

Наиболее частому лит. заимствованию подвергается образ Пурьгинепаз,

а также связ. с ним сюжет о похищении им земной девушки на небо (см. *Семейно-брачные мифы*). В обеих версиях «Масторавы» в основу сказаний о Литове, *Азравке* и Мельседее положены варианты различных фольк. произв., рассказывающих о браках людей и небесных божеств. Как и в фольк. источниках, невесту (Литову и Азравку) для своего сына «Инешкипаз» уносит на небо, а его дочь Везорго сама спускается к жениху Мельседее. Иногда посредниками этих браков являются др. божества (*Юртава, Норовава*). В нек-рых случаях «Инешкипаз», услышав обращ. к нему просьбу найти себе супружескую пару, помогает человеку.

Ещё одна попытка сопоставить мифич. и эпич. начала в одном произв. осуществлена Кулдуркаевым, к-рый вводит в поэму «Эрьмезь» такие мифол. образы, как «Моданя» («Мать земля») и «Сурань авакась» («Богиня реки Суры»), что не случайно, поскольку именно эти божества были особо почитаемыми и играли существ. роль в жизни древнего мордвина. Показывая взаимоотношения божества и человека, автор передаёт традиц. мифол. воззрения, связ. с верой во всесильность божеств, способных влиять на судьбу человека. Однако в отличие от реальной жизни, где поклонение и повиновение божеству были неоспоримыми, обязат., в поэме допускаются возражение и непослушание со стороны гл. героя Эрьмезя. При этом божество (Моданя) оставляет безнаказанным такой поступок. При встрече с Богиней реки Суры Эрьмезь ведёт себя так же независимо и не желает жениться на одной из её дочерей.

Своеобразно изображается в поэме Кулдуркаева зло. В его образах угадываются соотв. мифол. существа. Так, в коварном и злом колдуне леса узнаются

черты *Виряти* и *Вирявы*. Однако автор трансформирует их в собирательный образ злого духа и делает его противником Эрмезя. Взаимоотношения этих персонажей построены по законам сказки, и развязка тоже сказочная — Эрмезь побеждает колдуна леса, заманив его в западню. В поэме есть и др. аналогичные сказочные персонажи, напр. колдун пчёл, имеющий черты мифол. божества пчёл *Нешкепаза* (см. *Мекшава, Мешава, Нешкеава, Нешкопере ава*) и водяная ведьма, прообразом к-рой является *Ведава*. Т. о., трансформировав мифол. образы в сказочные, лишив их божественности, автор ставит их в антагонистич. отношения с человеком. В поэме они выступают не защитниками Эрмезя, а его противниками.

В «Легенде о серебряном всаднике» *Абрамова* есть сказание «*Пир Сатаны*», где представлены почти все образы зла мордов. мифологии. В эпич. поэме «*Сурай*» *Радаева* образ высшего Зла — *Идемевся*, подвергается существ. трансформации. Здесь он выступает как сила, наказующая злодеяние: он не поддаётся на уговоры *Ная* погубить *Сурая* и *Вию* и вонзает свой волшебный нож в злое сердце *Ная*. Получается, что Зло наказывает зло.

Для усиления воздействия на читателя *Радаев* использует мифол. сюжеты и образы не только из мордов. мифологии. Достаточно типичным примером служит сюжет укрощения *Нуей медведя* в поэме «*Сияжар*». С одной стороны, поэт рисует раненого медведя как некую силу, связ. с реальным миром: «Здоровенный рост, с коня, пожалуй...», «Зарычал как бешеный, / Широко пасть распялил...», «Злобно заревел... скрипуче, / Скулы затряслись, повисли слюни» (*Сияжар*, М., 1989, с. 120, 121), с др. — сделан явный намек на особое отношение мордвы к этому животному, являю-

щемуся тотемом (см. *Тотемизм*). Под воздействием человека, в данном случае *Нуи*, поведение медведя меняется: он «ласково, представьте, улыбнулся», «смягчился, стал понурим», «съёжился котёнком», «Из его из чёрных глаз медвежьих, / Наземь, с воробьиное яичко, / Две слезинки тихо покатились, / Зацепились за цветочек белый, / Ягодками зрело заблестали» (Там же, с. 121). В результате медведь становится охранником *Нуи* и соперживает ей.

Сюжет укрощения медведя человеком имеет аналог не только в др.-мордов., но и в христ. (правосл.) традиции. Можно провести параллель между фрагментом поэмы *Радаева* и стихотворением М. Волошина о *Серафиме Саровском*: «Раз пришла монахиня и видит: / Серафим сидит на пне и кормит / Сухарями серого медведя. / <...> / Час спустя медведь вернулся к келье: / Подал старцу осторожно в пасти / Пчельный сот, завернутый в листы» (*Серафим Саровский*, Саранск, 1998, с. 78). Сходные ассоциации возникают при анализе сцены, когда *Сияжара* не съедают медведи в подземелье *Алаяра*. Здесь налицо параллель с легендой о святом *Герасиме* и льве в рус. лит-ре, перераб. Н. С. Лесковым.

В обеих версиях «*Масторавы*» используются различные мифол. мотивы, раскрывающие мировоззрение древней мордвы. Так, в сказании «*Ошонь путома*» («*Строительство города*») кн. *Шаронова* и «*Казань ошонь путомазо*» («*Строительство города Казани*») сводного текста эпоса отражены мотивы песен и преданий, являющихся худож. осмыслением древнейших суеверных представлений о жертвоприношении сверхъестеств. существам при стр-ве различных сооружений. Принес. жертва выступает как первый житель здания, сооружения, в то же время как отданная

в иной мир, чтобы гарантировать окончание строва, а также прочность сооружения. В данном сказании говорится о красавице Куляше — дочери богатого человека, предназнач. в качестве жертвы под стены строящегося города-крепости. Её выбирают старейшие рода, и героиня в этом видит проявление неизбежности, а в самой жертв. гибели — героич. выполнение почётногo долга.

Довольно часто предметом лит. заимствования становятся мифологизиров. легендарные деятели. В обеих версиях «Масторавы» — это личности периода расцвета родоплем. отношений и начала их распада. В сказании «Од коень — илань касома» («Зарождение новых обычаев и законов») выделяются песни-сказки «Цеця», «Андямо», «Сураля», но наибольший интерес представляют «Кудадей» и «Текшонь», знаменующие переход от мифол. и мифологосказочных сюжетов и мотивов к героич. Кудадей и Текшонь — предшественники легендарного мордов. царя (инязора) Тюшти (Тюштяна), к-рый собрал мордов. племена в единое гос-во, положив начало др.-мордов. феодализму.

Образ мордов. царя Тюшти неоднократно являлся предметом лит. обработка. Править мордов. народом Тюшти благословляет Верховный бог. Именно поэтому исполняется необычнов. условие пахаря — сына земной девушки Литовы и Пурьгинепазы, когда кнутовище, воткнутое им в землю, зеленеет и зацветает. В данном случае используется древнейший мифол. мотив — оживление сухого дерева (палки) при избрании Тюшти как символа справедливого и удачного выбора инязора. Данный мотив широко изв. в фольклоре мн. народов (рус. сказки о разбойнике Мадее, рассказ о расцветшем жезле библ. Аарона и др.). В песни о Тюште он введён, чтобы проверить правильность выбора

инязора. Используются и другие способы: гадание, приметы, предзнаменования. Напр., сын бывшего инязора соглашается стать тюштей только после того, как данная ему в руки свеча самопроизвольно загорается.

При создании мифол. образов писатели прибегают к гиперболизации. Изображая, напр., мастерство, умение Эрмезя, Кулдуркаев подчёркивает, что тот так искусно сделал свинцовую ласточку, что брош. вверх, она полетела вместе с живыми птицами. Друг и пом. Эрмезя — Дыдай, так энергично плясал, что завертел окружающий его воздух, поднял бурю.

Достаточно часто Радаев использует худож.-изобразит. средства, характерные для мифол. мышления, напр.: «конь-ветер», «Бурнай, как гром», «земля, как на китах, качнулась» (Сияжар, с. 26, 88, 89, 106, 256). Алаяр сравнивается со злым духом Идемевсем. Неоднократно в поэме упоминаются мифол. образы — Нишкепаз, Верепаз, Чипаз, Вириява, Юртава, Тюштя. К ним обращаются герои в трудные минуты за помощью и покровительством.

В целом эпос отражает мифол. и мифоэпич. сознание народа, содержит в себе универсальные мифологемы, на основе к-рых сформировались многозначные и целостные образы эпоса — национальные по сути и духу.

Тексты: УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1996 ; **Кулдуркаев Я. Я.** Эрмезь : Ёвкс кезэрень эрямодо. Саранск, 1935 ; Сияжар : Сказания мордов. народа / собрал и литературно обработал В. Радаев. Саранск, 1976 ; М., 1989 ; **Радаев В. К.** Сурай : эпической поэмат. Саранск, 1980 ; **Его же.** Сурай : Древнее мордов. сказание. Саранск, 1985 ; Масторава : [Кемгавксово ёвтамот эрзянь ды мокшонь раськетнеде] / эрзянь ды мокшонь кезэрень пингень мифтнень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс сёрмадызе А. М. Шаро-

нов. Саранск, 1994 ; Маторова : [Кемгафсува азкс сире пингонь мокшэрзятнень колга] / эпость эрзянь и мокшень сире пингонь мифнень, эпический моротнень и азкснень коряс сёрмадозе А. Шаронов. Саранск, 2001 ; Маторова : [Восемнадцать сказаний о мордовском народе] / на основе эрзян. и мокшан. мифов, эпич. песен и сказаний написал А. М. Шаронов. Саранск, 2003 ; Маторова : мордов. нар. эпос / сост.: Г. Я. Меркушкин, В. В. Горбунов, А. Д. Шуляев, А. М. Шаронов. Саранск, 2009 ; 2012 ; Маторова : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Маторова : эрзя-мокшонь раськень эпос. Саранск, 2011 ; **Абрамов В. К.** Легенда о серебряном всаднике : поэма. Саранск, 1996 ; **Его же.** Легенда о серебряном всаднике : поэма по мифол. сюжетам мордвы. М., 2007.

Лит.: **Ефимова М. Ф.** Мордовский народный эпос и поэма В. К. Радаева «Сия-жар» // Горение : альманах. Саранск, 1986 ; Древности мордовского народа : альбом. Саранск, 1941 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Мокшин Н. Ф.** Прокрустово ложе : (О книге «Маторова») // Вечер. Саранск. 1996. 25 янв. ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Её же.** О народных доблестях и идеалах языком эпоса // Центр и периферия. [Саранск]. 2016. № 3 ; **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007 ; **Шеянова И. И.** Сказовые формы мордовской литературы. Саранск, 2017.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ, мифы, в основе к-рых лежит идея о конце света. Отражают влияние правосл. традиции, где конец света означает окончание жизни на Земле и её возможное но-

вое рождение. Наиболее характерным примером влияния библич. сюжетов на нар. сознание являются мордов. легенды (см. *Легенда*) о великанах, якобы погибших вместе с потомством в результате Великого потопа, после к-рого на Земле остались лишь простые люди.

В этом же русле звучат эрз. эпико-мифол. песни, запис. в 19 в. в Бугульминском у. Самарской губ., а также во 2-й пол. 20 в. в Шенталинском р-не Куйбышевской обл. В этих песнях всемирный потоп (пожар) объясняется стремлением *Нишкепаза* или его волшебных пом. обновить Землю, в ответ на жалобы её хранительницы *Масторавы* о бедах: населивших Землю колдунах (см. *Колдун*), неурожаях, ленивых людях и т. д. Так, в песне, зафиксиров. в с. Суркино Бугульминского у. Самарской губ., посланец Бога — белый ястреб, услышав плачь Маторавы, говорит ей: «Вай, иля аварде тон, Маторова /.../ Икелей нолдатанк минь палы толне, / вай, палы толнесь ней пултасынде, / ...а не ядавкснень, / мельганзо нолдатанк вай чуди ведне, / вай, чуди веднес ведь чудисынде» (*Mordwinische Volksdichtung*, Bd. 1, S. 6) — «Ой, не плачь ты, Маторова /.../ Сначала пустим мы пылающий огонь, / ой, пылающий огонь их сожжёт, / этих... колдующих, / затем пустим текущую воду, / ой, текущая вода их смое!»).

Неск. иначе выстраиваются эсхатол. представления в мифах, запис. во 2-й пол. 20 в. у мокшан Зубово-Полянского р-на Мордовии. В нар. сознании возникают ассоциации с *войной* божеств. и «тёмных» (равжа полка) сил: «А кончина века будет и будет Бог убитым. Будут драться они опять с Шайтаном и убьют Бога. Последнее время после Бога будет царствовать Шайтан» (НА НИИГН, ф. Л-915, л. 16). С мотивом войны связаны и нек-рые легенды

о *Тюште*. Его возвращение из неведомых земель, куда он ушёл со своим народом, воспринимается как начало конца света, к-рый будет ознаменован завоеванием и разорением всех земель его войском: «„Буди Тюштян кепиди война, сеста пингись курук юмай; сон буде карме оёвама, весия мастурнынъ чавсынзэ; мейле и пингиськак юме“ (т. е. если Тющань начнёт войну, тогда мир скоро погибнет; если он начнёт воевать, он разорит все страны; потом и мир погибнет)» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 24).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-136, Л-393, Л-915 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; УПТМН. Т. 10 : Легенды. Предания. Былички. Саранск, 1983 ; Из глубины веков : легенды, предания, былички и устные рассказы мордов. края / [сост. Л. В. Седова]. Саранск, 2011 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. В. Зубов.

Ю

ЮРТАВА (э. Ю р т о н ь к и р д и), **ЮРХТАВА** (м. Ю р х т а з о р, Ю р х т а з о р а в а; м., э. юр «корень, основа»; э. юрт «местожительство», м. юрхт «место для дома; двор», м., э. ава «женщина, мать»), божество жен. рода, покровитель *дома*. У мордвы есть неск. божеств — хранителей дома и двора. Считается, что покровителями непосредственно жилого пространства являются *Кудава* и *Кудатя*, надворные постройки оберегает *Калдазава*, *Кардазава*, а власть Ю. распространяется на весь дом, двор и находящиеся там хоз. помещения. На это указывал, в частности, К. С. Милькович; слово «*jurtava*» он перевёл на рус. яз. как «домовой» (дух дома). К Ю. обращались: «Кудонь кирди, / Кудо Юртава, матушка...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 195) — «Хранительница дома, / Домашняя Юртава, матушка...». Наряду с Ю. в мифологии мордвы фигурирует

Юртатя — божество муж. рода. Это подтверждают поэтич. выражения Ю. «с шёлковой косой», Юртатя «с серебряной бородой» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 256), указывающие на различие пола данных божеств. Особых функций Юртатя не выполняет, и его имя чаще упоминается вместе с Ю. В отд. местностях Ю. и Юртатю наз. как одно существо — «*jurta-pavas*» (бог дома, хранитель дома; Ibid.).

Местом обитания Ю. в доме считается подпечье, за *печью* или в *углу*, а также *матица* (э. юртонь кирди). Ю., как и др. божества, обычно не показывается людям, однако своё присутствие в доме обнаруживает с помощью различных знаков. Обладая сверхъестеств. способностями, она может предвидеть события и *судьбу* обитателей дома. Если в нём всё благополучно, Ю. никак не напоми-

нает о себе, только в случае грозящего несчастья вздыхает, стонет или плачет. В исследованиях приводятся свидетельства того, что иногда по просьбе людей она предстаёт в антропоморфном облике и говорит человек. голосом (см. *Антропоморфизм*). Ю. «не больше руки, глаза чёрные, лицо маленькое» (Harva U., Op. cit., S. 260). В одной из быличек рассказывается, что слышали, как Ю. тонким голосом произнесла: «Умерла...» и «что-то, словно ветер, вылетело из-под печки, открыло дверь и улетело, и дверь открытой оставило» (УПТМН, т. 10, с. 159). Кроме того, Ю. может принимать облик животного (см. *Метаморфозы*). По сведениям Ф. С. Бутузова, напр., мордва считает дерущихся на крыше кошек (см. *Кошка*) божествами-хранителями дома. У мокшан есть примета: если увидишь Ю. (богиню-покровительницу рода) — жди к.-л. новость.

В одном из вариантов *семейно-брачных мифов*, зафиксиров. И. Зориным в с. Ст. Маклауш Бугульминского у. Самарской губ., Ю. помогает обратившейся к ней девушке выйти замуж за *Пурьгинепазу*.

У мордвы сложилась традиция в процессе стр-ва жилища делать *жертвоприношение* для обеспечения покровительства Ю. новому дому. Символич. жертвой выступал особый пирог, подвязываемый к матице, к-рый съедали после определённых обрядовых действий. У мокши Пензенской губ., напр., это делалось, когда сруб будущего дома был готов настолько, что можно класть потолочные балки (матицы). На одну из выведенных стен влезал старик, выступавший в роли Верховного бога. Он обходил сруб, постукивая по углам топором, и, дойдя до матицы, отрубал подвяз. к ней пирог, после чего внизу начиналась трапеза. Особые обряды в честь Ю. проводили при переселении

хозяев в новый дом. В ночь перед заселением, по традиции в новолуние, хозяин приходил к старому дому и приглашал его божеств-покровителей Ю. и Юртатю перейти с ним в новый дом. За неделю до переезда готовили праздничные блюда, к-рые сначала расставляли на полу старого дома, затем переносили в новый, где их располагали перед входом под печь. В молитве, обращ. к Ю., просили считать новый дом своим, заботиться о нём, направлять его жителей на добрые дела, предостерегать от дурных поступков, беречь членов семьи и их имущество. На третий день после переезда в новый дом мокшане делали брагу (см. *Брага, поза*). Иначе, по их представлениям, Ю. будет упрекать, что осталась без еды вплоть до того, пока не сгниёт дом.

Молодые семьи, начинающие жить отдельно от родителей, должны были сами создавать покровителя своего дома. Считалось, что Ю. возникает из крови чёрной курицы, поэтому проводили соотв. обряд: пожилые женщины, знающие обычаи, брали с собой кремень и чёрную курицу, выкапывали во дворе ямку и спускали в неё кровь принес. курицы, при этом молились: «Да родится у нового жителя новая Юртава, да будет она доброй по отношению к хозяину и к его скоту, и к его двору. Пусть не позволит другим юртавам... портить его скотину и пусть сама не ходит к чужим людям; пусть живёт в своём дворе, ухаживает... за своей скотиной... а... мы ей [Юртаве] положим хлеба, соли и мяса, и сливочек, и выжимок» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 77).

По представлениям мордвы, плодovitость скота зависит от Ю. Если она благосклонно относится к животному, то ухаживает за ним, оберегает от болезней, в противном случае может замучить

до смерти. Поэтому Ю. посвящали специальные моления — о быках (см. *Моления общественные*), в хлеву, о плодovitости скота (см. *Моления семейные и родовые*) и др. После окончания весенних и осенних полевых работ Ю. жертвовали чёрную овцу (ягнёнка) или барана с тёмно-серой шерстью, а кости закапывали под передний угол. В отдалённых местностях весной перед началом с.-х. работ устраивали домашнее моление, где жертв. дарами Ю. являлись каша и пуре, к-рые ставили на порог. Молитвы произносили стоя на коленях и обратившись лицом к двери. Жертвоприношение Ю. совершали и по случаю рождения ребёнка.

У Ю. просили защиты от сглаза (см. *Порча*) и в случае болезни. Так, в одной из молитв, обращ. к Ю. и Юртае, говорится: «...может быть, Илюша случайно на вас взглянул, может быть натолкнулся на ваш стол, на вашу еду, испугал ваших гостей, оконфузил вас...» (цит. по: Narva U., Op. cit., S. 286). Считалось, что ребёнок, упав, к.-л. образом задевал Ю. и Юртаю и после этого обмяк. заболел. Эту болезнь можно было вылечить только с помощью ворожей, к-рая спускалась с ребёнком и жертв. дарами сначала в подполье, потом подходила к переднему углу дома, к печи, к двери, прося Ю. и Юртаю принять дары и исцелить больного. Имя Ю. традиционно упоминается в заговорах прощания и от ушиба (см. *Заговоры лечебные*).

У мокшан существует запрет расплетать гриву лошади или волосы человека, сплетённые Ю., — «может умертвить» (УПТМН, т. 12, с. 237).

Реконструкция мифол. образа Ю. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Зрительные образы созданы худ. Н. С. Макушкиным, С. В. Нестеровой, В. Г. Ша-

балиным и О. В. Шабалиной («Юртава (хозяйка домашнего очага)», 2012).

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; УПТМН. Т. 7, ч. 2: Мокшанские причитания. Саранск, 1979; УПТМН. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; УПТМН. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982; УПТМН. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983; УПТМН. Т. 12: Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: **Беневоленский Г.** Мордовские верования // Самар. епарх. ведомости. 1868. № 21; **Бутузов Ф. С.** Из быта мордвы с Живайкина Жадовской волости Карсунского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ. Казань, 1893. Т. 11, вып. 5; **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; **Милькович К.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы: [энциклопедия]. Саранск, 1998; 2006; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; **Narva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЮРЧЁНКОВА Нина Георгиевна (19.1. 1958, ст. Хованщина ныне Рузаевского р-на РМ), культуролог, философ, исследователь мордов. и фин.-угор. мифологии, фольклора и культуры. Канд. филол. наук (1990), доцент (1996). Д-р филос. наук (2002), проф. (2007). Засл. деят. науки РМ (2008). Лауреат Гос. пр. РМ (2012, 2016). Мордовка (мокша). Окончила МГПИ им. М. Е. Евсевьева (1982), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1990). До 1999 — старший преподаватель, доцент кафедры рус. и заруб. лит-ры, де-

кан ф-та дошкольного воспитания и в 2009 — 10 — декан филол. ф-та МГПИ. В 2003 — 05 работала в Мордов. гос. ун-те: проф., зав. кафедрой этнокультуры Мордовии. С 2011 — зав. кафедрой гуманитарных и социально-экон. дисциплин Ср.-Волжского ин-та (филиала) Всерос. гос. ун-та юстиции (г. Саранск). Автор более 200 науч. и уч.-метод. работ, в т. ч. 4 монографий, 1 учебника, 5 уч. пособий.

Ю. впервые осуществила комплексный подход к изучению мордов. мифологии, исследовав её как структуриров. явление, науч. осмысление к-рого придало ему новый онтологич. статус. Использов. ею интегриров. метод позволил обеспечить своеобразное сращение различных сфер знания (культурологич., филос., фольк. и этногр. рефлексии) и в большей степени объективировать трактовку мифологии (её аспектов и категорий) в заданном науч.-иссл. режиме. Это дало возможность максимально полно представить нац. мифологию, а также осуществить переход от эмпирич. реконструкций к подлинно науч. осмыслению данного феномена.

Исходя из достижений мировой науки и финно-угристики, Ю. впервые дала определение мордов. мифологии, охарактеризовав её как «совокупность мировоззренческих представлений мордвы, особый тип мышления с характерным всеобщим одушевлением жизненно-родственных элементов, объяснением мира и способа существования в нём человека от периода... единой этнокультурной общности и родоплеменного строя до настоящего времени, актуализирующийся в общественном сознании» (Юрчёнкова Н. Г., Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации, Саранск, 2009, с. 12).

В процессе реконструкции и анализа традиц. мировоззрения и ментально-

сти мордвы Ю. воссоздала целостную мифол. картину мира, рассмотрев её генезис, эволюцию и культурные факторы, оказавшие воздействие на направленность данной трансформации. Это позволило выявить отличит. особенность мордов. космогонии (см. *Космогонические мифы*). Исследователь выстроила пространств. модель мира, оформл. в мифол. сознании в образе Мирового дерева, символизирующего центр Вселенной (см. *Великое дерево*).

Ю. осуществила сравнительно-типологич. анализ мифол. систем фин.-угор. народов с использованием широкого круга источников, в т. ч. ранее не привлекавшихся. Их введение в науч. оборот базировалось на понятиях системности и целостности, предполагающих представление единой мифол. картины мира. Изучая степень близости мифол. воззрений мордвы с др. фин.-угор. народами, исследователь обратилась к вопросам предыстории народов урал. языковой семьи, локализации места существования праурал. общности, её дивергенции, внеш. и внутр. связям. Лингв. данные, открытия археологии, генетики, результаты изучения фольк. традиций и собств. исследования позволили Ю. говорить об антропогонич. общности урал. народов, о единстве их культур и мифологии и на этой основе утверждать, что мифол. системы, к-рые можно включать в ядро архетипа, стали одним из краеугольных камней этногенетич. единства фин.-угор. народов. Их взаимодействие во многом обусловлено общим происхождением, осн. чертами генезиса. Исходя из лингв., а также мифол. и фольк. материала Ю. констатировала, что на определённом этапе ист. развития единая фин.-угор. этнокультурная общность разделилась и на её основе возникли родств. этнокультурные образования.

Ю. обратила внимание на существ. роль мировых религий, особенно христианства (см. *Христианизация мордвы*) в развитии мордов. мифологии. Внедрение православия в нац. среду, по мнению учёного, обусловило взаимодействие и смешение, породило своеобразный сплав в мировоззрении мордвы — «двоеверие», привело к контаминации христ. мифол. картины мира и этнич. модели мироздания.

В работах исследователя мифология рассматривается и как основа культуротворчества. Ю. указывает на то, что мифология во многом определила поэтику мордов. иск-ва, его нац. своеобразие, придала ему уникальность и самобытность. Учёный утверждает, что мифология оказала и продолжает оказывать воздействие на формирование и развитие отд. жанров мордов. лит-ры. Влияние мифологии прослеживается на сюжетно-композиц. и стилистич. уровнях текстов.

Ю. исследовала мифотворч. традиции, лежащие в основе мордов. прикладного иск-ва. Рассмотрев степень включённости мифа в быт, его овеществление в окружающих человека предметах, Ю. пришла к выводу, что в нац. *вышивке* и *резьбе по дереву* это проявилось в использовании отд. мифологем (мотивы Мирового дерева, водоплавающей птицы, *коня*, солнца, *звёзд*) на базе выработ. веками знаково-символич. системы (см. *Семиология и миф*). Кроме того, исследователь отметила, что в основе орнаментальных украшений архаич. хозяйственно-бытовых предметов (*нарь*, донца прялок) лежат мотивы, включающие изображение старинных жен. шейных и нагрудных украшений, а также блях, нашиваемых на пояс.

Обратившись к проф. иск-ву, Ю. указала на своеобразное отражение ми-

фол. воззрений мордвы в его изобразит. видах (см. *Изобразительное искусство и миф*). Она выделила работы художников разных поколений, отразивших в своём творчестве ритуально-магич. деятельность мордов. народа (*моление*, *жертвоприношение*, обряд — см. *Обряд и миф*) и отд. мифол. образы и сюжеты, где традиции переключаются с современностью, создавая преемственность, гарантирующую сохранность этнич. культур. Кроме того, она исследовала мифол. аспекты в совр. живописи (этнофутуризм и др.).

В целом традиц. мировоззрение мордвы осмысливается Ю. как одна из важнейших характеристик этноса, как феномен его сознания, неотъемлемая часть нар. культуры.

Соч.: Древнемордовская мифология (в соавт.) // Юрчёнков В. А. Мир истории : учебник по истории родного края для 6 класса. Саранск, 1997 ; Проблемы переложения и реконструкции мифов для детей и юношества // Актуальные вопросы литературоведения и методики преподавания литературы. Саранск, 2000. Вып. 1 ; Мордовская мифология и искусство : уч. пособие. Саранск, 2001 ; Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Мифология и дохристианские верования мордвы // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». Вып. 4 : Православная Мордовия в лицах, событиях и фактах. Саранск, 2004 ; Генезис и эволюция мифологии мордвы // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. (Тр. / НИИГН ; т. 4 (121)) ; Мифология мордовского народа : уч. пособие. Саранск, 2006 ; Мордовская мифология и литература: принципы и характер взаимодействия // Литературный процесс: история и современность. Саранск, 2008. (Тр. / НИИГН ; т. 8 (125)) ; Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Мокшэрзянь народть историяц и культурац : общеобразовательной учреждениянь 6 — 9 класса тонафнихненди

учебной пособия. Саранск, 2009 (в соавт.) ; Мокшэрзянь раськенть историязо ды культуразо : общеобразовательной учреждениянь 6 — 9 классо тонавнициятненень учебной пособия. Саранск, 2009 (в соавт.) ; Особенности женского архетипа в мордовской мифологии // Congressus Internationalis Fenno-ugristarum. Pilicsada 2010. Pars II. Summaria agroasium in sectionibus. Pilicsada, 2010 ; Там нет ни солнца, ни тепла — там мрак и холод : (Потусторон. мир в верованиях фин.-угор. народов) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве Республики Мордовия. [Саранск]. 2010. № 3 ; Мордовское язычество. Саранск, 2012 (в соавт.) ; Эволюция традиционного мироощущения мордвы под воздействием православия // Исповеди в зер-

кале : Межконфессионал. отношения в центре Евразии (на примере Волго-Урал. региона — XVIII — XXI вв.). Н. Новгород, 2012 ; В мире многоликого мифа. Berlin, 2013 ; О народных доблестях и идеалах языком эпоса // Центр и периферия. [Саранск]. 2016. № 3 ; Финно-угорские народы России. Саранск, 2016 (в соавт.) ; About Femali Deities in the Mytholgy of Finno-Ugric Peoples // Folklore : Elektronik J. of Folklore. [Tartu], 2011. Vol. 47.

Лит.: Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2.

И. В. Зубов.

Я

ЯБЛОНЯ (м. *Марлю*, э. *Умарина*), дерево, почитаемое мордвой, одна из ипостасей *Великого дерева*, *Древа жизни*. Символизирует гармонию между *землёй* и *небом*, равновесие мира. Растёт Я. «посреди сада, на вершине горы», со всех сторон освещена солнцем, «по всей земле... разрослась, / По всей земле пустила корни... / До неба достают (её) ветви» (УПТМН, т. 9, с. 24). В лироэпич. песнях отмечается сакральность Я. и покровительство ей *Нишкепаза*, к-рый наказывает «золотоголовую» и «золотокрылую» пчелиную матку (см. *Мекшава*, *Мешава*, *Нешкеава*, *Нешкопере ава*) за то, что она собирает с этого дерева нектар. Как перво-дерево Я. интерпретируется в мордов. волшебной сказке «Алашань кедь» («Лошадиная шкура»). Поскольку мордва считала Я. свящ. деревом, её тщательно охраняли и в бытовых целях использо-

вали крайне редко. Таким искл. случаем является смерть (см. *Кулома*). В похоронных причитаниях (см. *Причитания*) плакальщица просит, чтобы боковые доски *гроба* были из Я. Это означает, что в *загробном мире* умерший будет под покровительством всемогущего Бога.

В лироэпич. песнях с Я. сравнивается девушка-невеста. Лучшие её черты: красота, женственность, пышнотелость и др., отражены в образе этого дерева: «По всему саду (её) ветви, / ... / ...По концам ветвей (её) почки, / ... (Словно) в ладоши бьют её листья, / ...Играют, пляшут (её) яблоки...» (Там же). Девушка на выданье отождествляется также с Я., растущей у широкой дороги, что предсказывает близкую перемену в судьбе героини. Сходные ассоциации с молодостью и красотой возникают в эрз. загадке о Я.: «Шуфта пряса мазол-

дыхть / Мазы стирень щёкат» — «На дереве краснеют девичьи щёки» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 50). В колыбельных песнях это поэтич. обращение к ребёнку: «Баю, баю, баиньки, / Засни, листочек яблоньки» (УПТМН, т. 8, с. 53).

С Я. у мордвы связаны различные *приметы*. Так, мокшане говорят, что цветение Я. *осенью* является недобрым знаком, а по наблюдениям эрзян, если яблони зацветут повторно, будет долгая и тёплая осень. При выходе в лес за яблоками мордва обращалась с молитвой к *Вираве*. Увид. во сне спелое яблоко означает хорошее (исполнение желаний); есть яблоко — к *болезни*.

Реконструкция мифол. представленный мордвы о Я. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Лит. трактовка этого образа дана в романе «Яблоня у большой дороги» А. Д. Куторкина, эпич. поэме «Тюштя» В. К. Радаева. Зрительный образ воплощён в работе «Три сестры Ведява, Виравя, Умарина» (2007) худ. В. Г. Шабалина и О. В. Шабалиной.

Тексты: УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; УПТМН. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; УПТМН. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; УПТМН. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982 ; УПТМН. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003 ; Маторова : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; 2012 ; Маторова : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Маторова : эрзя-мокшонь раськень эпос. Саранск, 2011 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: **Девяткина Т. П.** Тайны снов. Саранск, 1995 ; **Её же.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Юрчёнкова Н. Г.**

Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЯГА-БАБА (м., э.; Баба-яга), персонаж мордов. волшебных сказок (см. *Сказка*), основ. на мифол. воззрениях. По мнению исследователей (А. И. Маскаев и др.) Я.-б. в мордов. фольклоре — явление позднее, органически не связ. с бытом мордвы. Чаще всего Я.-б. встречается в сказках, где гл. героями выступают дети-сироты, дети, заблудившиеся в лесу или оставл. там по приказу мачехи («Уроскетъ» — «Сиротки», «Уроскетъ ды Яга-баба» — «Сиротки и Баба-яга», «Вирьбаба» — «Лесная старуха», «Од ава» — «Мачеха» и др.).

Нар. сознание рисует Я.-б. злой старухой, в сказках она изображается уродливой: «...сама с дом, а голова её с хлев; одна нога у ней на печке, а другая на полатях; одна рука на переде, другая перед печкой» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 341). Попадая к Я.-б., герои чаще всего видят её лежащей на кровати или на печи: «Сама на печке, ноги за печкой, голова в переднем углу, груди перекинута через жердь» (цит. по: Маскаев А. И., Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, с. 58). Необычную внешность персонажа исследователи объясняют первонач. зооморфностью облика его мифол. образа (*Виравя, Ведява*).

Я.-б. живёт («в глухом лесу»), т. е. вне обычной сферы жизни человека. Её жилищем в мордов. сказках служит полуразвалившаяся, крепко вросшая в землю избушка. В одних сказках («Чудесное бегство», «Царь-девица», «Летучий корабль») Я.-б. находится в ней постоянно, в нек-рых сказках («Мачеха и падчерица») появляется там только ночью, а утром снова уходит в лес. Жилище

Я.-б. не отличается чем-л. примечательным, кроме того, что у её избушки растёт дерево, служащее преградой для преследуемого ею человека: оно бьёт бегущего, загоразивает ему дорогу, а залезший на это дерево пристаёт к нему.

Я.-б. изображается в мордов. сказках людоедкой, что соотносится с мифол. представлениями о персонифицированной смерти (см. *Кулома*). В сказке «Сиротки» Я.-б. пытается съесть девочку (мальчика), а находчивым детям удаётся дать ей вместо себя осиновый, ольховый чурбан или кочедык. Особенно ярко мотив людоедства Я.-б. разработан в сказках, где она хочет зажарить детей и для этого откармливает их орехами, чтобы мясо было более вкусным. Дети обманывают Я.-б. и сажают её саму в печь. Яга-людоедка выполняет функцию лесного учителя. Не случайно она ест лишь детей. В этом виден остаток имеющего древнюю мифол. основу мотива инициации (проглатывание, сожжение, расчленение), смысл к-рого заключается во временной смерти и возрождении в новом качестве (см. *Инициация и миф*). Сказки, где Я.-б. выступает в роли похитительницы и пожирательницы детей, ставятся исследователями в один ряд с сюжетами, в к-рых вообще есть мотив отправления детей в лес или «в науку» к лесному чудищу и т. п. Этот круг сказок связывается учёными с древними обрядами посвящения.

На мифол. основу образа Я.-б. указывает также сходство её черт с Вирявой. Я.-б., напр., нередко изображается хозяйкой лесных зверей, имеющей над ними неогранич. власть. Ей подчиняются не только животные, но и растительный мир. Она может приказать: « — Войлок из тростника, войлок из лубка, переправьте меня на тот берег» (УПТМН, т. 3, ч. 2, с. 106). В связи с этим показательно, что Я.-б. почти всегда наз. ста-

рухой. В мифопоэтич. сознании кроме возрастной характеристики данный статус означает также старшинство, главенство над другими.

Тело и вещи Я.-б. обладают магич. свойствами, чудесной силой, к-рую они сохраняют и после её смерти. Напр., жир и вещи Я.-б. превращают людей, попробовавших первый или прикоснувшихся ко вторым, в животных («Сиротки»).

Образ Я.-б. противоречив. В зависимости от сюжета сказки, она может выступать и в «отрицательной» (быть врагом героя) и в «положительной» (быть пом. героя) роли. В последнем случае её функция заключается в том, чтобы давать герою (героине) добрые советы, а также чудесные предметы. Так, в сказке «Ловняське» («Снегурочка») Я.-б. учит бездетную старуху сделать из снежного кома дитя; юноше, обещ. водяному, даёт не только добрые советы, но и волшебный клубок, к-рый укажет ему путь к намеч. цели. При встрече с героем демонстрация им знания этикетных норм побуждает Я.-б. отказаться от агрессивного поведения и помогать ему: «Здравствуй бабушка, — говорит девушка. — Если бы ты не поздоровалась, — отвечает Баба-яга, — я разорвала бы тебя надвое и в один бы раз проглотила; чего ты здесь ходишь?» (Мордовский этнографический сборник, с. 352).

В рамках мифол. сознания прообраз Я.-б. не мог квалифицироваться как положит. или отриц. в совр. понимании этих признаков. Поэтому и в сказках, отражающих элементы мифол. мировосприятия, Я.-б. представляет собой, с одной стороны, страшную старуху, полновластную «хозяйку леса», с др. — мудрый, вещий персонаж, покровительницу и советчицу, но только того героя, к-рый знает, как нужно себя вести с ней.

Функционально близкой к Я.-б. в мордов. сказках является *Бурьяга*.

Образ Я.-б. получил отражение в дет. фольклоре мордвы, в частности в колыбельных песнях; лит. интерпретация дана В. А. Юрчёнковым в сказке «Хромой Пургине и Литова».

Тексты: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2 : Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. Казань, 1883 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсевьев М. Е.** Эрзянь ёвкст. М., 1928 ; УПТМН. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; УПТМН. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; УПТМН. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1972 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; 2-е изд., доп. и перераб., 2006.

Лит.: **Анкин В. П.** Русская народная сказка. М., 1959 ; **Мелетинский Е. М.** Низкий герой волшебной сказки. М., 1990 ; **Пропп В. Я.** Морфология сказки. М., 1994 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Юрчёнков В. А.** Сказки Вирявы. Саранск, 2012.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЯЙЦО (м., э. Ал), мифологизиров. символ жизн. силы, начало всего сущего; предмет, имеющий ритуально-обрядовое значение. С Я. связаны плодovitость, процессы возрождения и обновления. В *космогонических мифах* мордвы есть сюжеты о творении мира из Я. (яиц) *Великой птицы*. Согласно *теогоническим мифам*, из Я. появились *Анге Патяй*, *Норовава* (см. *Норовава*, *Паксява*), *Вармава* и *Вирява*. В зафиксиров. В. Н. Майновым сюжете о происхождении *Шайтана Я.* является вместилищем его души. *Шкай*, дав *Шайтану* душу, не смог вдохнуть её в него, а положил в Я.,

к-рое поместил в *утку* и пустил её в *Великий океан* плавать. Души созд. *Шайтаном* злых духов тоже находятся в яйцах, поэтому чтобы убить злого духа, достаточно разбить Я.

Я. являлось обязат. пищей (см. *Еда ритуальная*), а также *жертвоприношением* на молениях (см. *Моление*). Так, во время моления в честь божества поля в с. Кочкурово Саранского у. Пензенской губ., по сведениям М. Е. *Евсевьева*, яйца клали в корзину с семенами, к-рую ставили на стол, запекали три Я. со скорлупой в *хлеб*, к-рый затем делили между участниками моления; в Симбирской губ. Я. закапывали в землю. Кроме того, Я. и его скорлупу использовали в качестве оберега: яйца, снес. в Семик и окраш. луковыми перьями или оставшиеся от праздничных молений, долго хранили, а при пожаре бросали в огонь, чтобы остановить его; клали за *икону* в целях защиты членов семьи; при первом выгоне скота Я. давали пастуху для предотвращения несчастья с животными; в случае болезни скота, во избежание его падежа, в хлеву раскладывали изрубл. яйца, а их скорлупу сжигали и дымом от неё окуривали скот.

Широко применяли Я. как магич. средство, обеспечивающее плодovitость. Эта функция Я. непосредственно связана с *Анге Патяй*, покровительствующей семье и деторождению. Согласно легенде, из всех животных и птиц богиня оказывала особое расположение *курице*, поэтому курица и яйца были традиц. жертвой на молениях в честь *Анге Патяй* (см. *Моления общественные. Моление Анге Патяй*). Окраш. яйца ели женщины при бесплодии; свар. вкрутую и окраш. в красный цвет Я. завёртывали в кусок ткани и вешали на шею девушкам, чтобы они быстрее вышли замуж, а женщинам — для скорейшего пополнения молодой семьи и удачных родов. Мелко

изрубл. яйцами кормили цыплят, с целью обеспечить в будущем их высокую яйценоскость; яйца клали на ветви деревьев, где устраивали борти, чтобы пчёлы лучше роились и давали больше мёда; для сбора богатого урожая, во время посева в первую борозду бросали варёные Я.

С целью обеспечения деторождения в новой семье яйца использовали на *свадьбе*: ими одаривали приглашённых. Неск. слоев свадебного пирога (см. *Курник*) составляла яичная начинка. В отд. районах проживания мордвы верх. часть этого пирога завершали неск. Я.

Использование яиц в *похоронных* и *поминальных обрядах* связано с символикой возобновления жизни и воскрешения. Проведение этих обрядов сопровождалось традиц. блюдами, приготовл. из яиц. В родительские дни (см. *День поминовения умерших*) яйца приносили в дом покойного и на *кладбище*. Часть из них съедали, остальные клали на *могилу*.

Я. наряду с др. исцеляющими субстанциями фигурирует в заговоре от осуды, запис. А. М. Кудашкиным в 1947 в с. Мордов. Маскино ныне Краснослободского р-на Мордовии.

По поверьям мордов. народа, из Я. совы, лежащего с краю гнезда, или из Я. особого петуха можно вывести духа-покровителя дома (см. *Куйгорож, Трямка*).

Лит. интерпретация мифа о творении мира из Я. Великой птицы дана в сказке «Возникновение мира» В. А. *Юрчёнкова*. Инновац. трактовка этого мифа представлена в творчестве худ. Ю. А. *Дырина*.

Тексты: НА НИИГН. Ф. П-87. Л. 129 ; УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; УПТМН. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Евсеев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс=Мордовско-русский словарь. М., 1931 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Юрчёнков В. А.** Сказки Виравы. Саранск, 2012 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

СОКРАЩЕНИЯ*

- абс. — абсолютный
 авг. — август
 авт. — автор (в библиографии)
 автореф. — автореферат (в библиографии)
 агр. — аграрный
 адм. — административный
 акад. — академик (при имени)
 алт. — алтайский
 альм. — альманах (в библиографии)
 АН — Академия наук
 англ. — английский
 анс. — ансамбль (муз.)
 антропол. — антропологический
 апр. — апрель
 араб. — арабский
 арм. — армянский
 арх. — архив (в библиографии)
 археол. — археологический
 архим. — архимандрит (в библиографии)
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 астрон. — астрономический
 АХ — Академия художеств
 Б. — Большой (в топонимических названиях)
 балт. — балтийский
 библ. — библейский
 библиогр. — библиографический
 (в библиографии)
 биогр. — биография; биографический
 б-ка — библиотека
 букв. — буквально
 быв. — бывший
 бюл. — бюллетень
 в. — век
 вв. — века
 Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
 венг. — венгерский
 вепс. — вепский
 Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
 верх. — верхний
 Вестн. — Вестник (в библиографии)
- ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
 внеш. — внешний
 вод. — водский
 вок. — вокальный (муз.)
 вол. — волость (в названии)
 вост. — восточный
 вступ. — вступительный
 в т. ч. — в том числе
 ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт (1926 — 30)
 ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские (1921 — 26)
 вып. — выпуск
 г. — год
 г. — город (при названии)
 газ. — газета (при названии)
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 гг. — годы
 геогр. — географический
 герм. — германский
 ГК — городской комитет
 Главвыставком — Главный выставочный комитет
 гл. — главный
 гл. обр. — главным образом
 гол. — голландский
 гос. — государственный
 гос-во — государство
 г. р. — год рождения
 гр. — греческий
 гражд. — гражданский
 губ. — губерния (в названии)
 д. — деревня (при названии)
 дек. — декабрь, декабрьский
 дерев. — деревянный
 дет. — детский
 дир. — директор
 дис. на соиск. учён. степ. — диссертация на соискание учёной степени (в библиографии)

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

ДК — Дом культуры
 док. — документальный
 док-ты — документы
 доп. — дополненный (в библиографии)
 доп. — дополнительный
 Др. — Древний (в названии)
 др. — другой
 д-р — доктор
 драм. — драматический
 др.-гр. — древнегреческий
 др.-еврейск. — древнееврейский
 др.-егип. — древнеегипетский
 др.-инд. — древнеиндийский
 др.-мордов. — древнемордовский
 др.-рус. — древнерусский
 др.-эпич. — древнеэпический
 др.-эрз. — древнеэрзянский
 д. чл. — действительный член
 европ. — европейский
 епарх. — епархиальный
 ж. — журнал (при названии)
 ж.-д. — железнодорожный
 жен. — женский
 жив. — живопись
 зав. — заведующий
 зам. — заместитель
 Зап. — Записки (в библиографии)
 зап. — западный
 заруб. — зарубежный
 засл. — заслуженный
 ижор. — ижорский
 избр. — избранный (в библиографии)
 Изв. — Известия (в библиографии)
 изв. — известный; известен
 изд. — издание
 изобразит. — изобразительный
 ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт
 сравнительной истории литератур и
 языков Запада и Востока
 им. — имени
 имп. — император; императорский
 инструм. — инструментальный
 ин-т — институт
 иран. — иранский
 иск-во — искусство
 искл. — исключение; исключительный;
 исключительно
 иссл. — исследование; исследовательский
 ист. — исторический
 ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
 итал. — итальянский
 и т. д. — и так далее

канд. — кандидат; кандидатский
 карел. — карельский
 кирг. — киргизский
 кл. — класс
 к.-л. — какой-либо
 км — километр
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 кол-во — количество
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кон. — конец (в датах)
 корр. — корреспондент
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» (М., 1939 —)
 к-т — комитет
 кто-л. — кто-либо
 лат. — латинский язык
 ленингр. — ленинградский
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 литов. — литовский
 лит-ведение — литературоведение
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 м — метр
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МВД — министерство внутренних дел
 МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 миним. — минимальный
 МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории
 мифол. — мифологический
 мм — миллиметр
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский

- МРИПКРО — Мордовский республиканский институт повышения квалификации работников образования
- МРМИИ — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
- МРОКМ — Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей
- муз. — музыкальный
- муж. — мужской
- Н. — Нижний (в топонимических названиях)
- наз. — называет; называется; называемый
- назв. — название
- НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
- напр. — например
- нар. — народный
- нариц. — нарицательное (имя)
- наст. — настоящий
- науч. — научный
- нац. — национальный
- нач. — начало (в датах)
- нач. — начальный
- нек-рый — некоторый
- неск. — несколько
- НИИЯЛИ, НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
- н.-и. — научно-исследовательский
- ниж. — нижний
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- Нов. — Новый (в топонимических названиях)
- нояб. — ноябрь
- н. э. — нашей эры
- ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- об-во — общество
- обл. — область, областной (в названии)
- обозр. — обзорение (в библиографии)
- обработ. — обработка (в библиографии)
- обязат. — обязательный, обязательно
- ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР (1922 — 34)
- ОК — областной комитет
- ок. — около
- окр. — округ; окружной
- окт. — октябрь; октябрьский
- опубл. — опубликован; опубликованный
- орг-ция — организация
- осн. — основной
- отв. — ответственный
- отд. — отдельный
- отд-ние — отделение (в библиографии)
- отеч. — отечественный
- отриц. — отрицательный, отрицательно
- офиц. — официальный
- п. — перевод
- п. — посёлок
- пед. — педагогический
- пенз. — пензенский (в библиографии)
- пер. — перевод (в библиографии)
- первонач. — первоначально; первоначальный
- перм. — пермский
- петерб. — петербургский
- ПМА — Полевой материал автора
- подгот. — подготовка, подготовил (в библиографии)
- под рук. — под руководством
- пол. — половина (в датах)
- полит. — политический
- пом. — помощник
- послел. — послесловие (в библиографии)
- поч. — почётный
- пр. — премия
- правосл. — православный
- пр-во — правительство
- пред. — председатель
- предисл. — предисловие
- предположит. — предположительный, предположительно
- през. — президент
- преим. — преимущественно
- прим. — примечание (в библиографии)
- произв. — произведение
- произ-во — производство
- просветит. — просветительский
- проф. — профессиональный
- проф. — профессор
- прп. — преподобный (при имени)
- псевд. — псевдоним
- психол. — психологический
- публ. — публикация (в библиографии)
- публиц. — публицистический
- р. — река (при названии)
- РАЕ — Российская академия естествознания
- разг. — разговорный
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924 — 30)
- РАО — Российская академия образования
- РГО — Русское географическое общество
- рев. — революция; революционный

- регион. — региональный
 ред. — редактор
 реж. — режиссёр; режиссёрский
 религ. — религиозный
 репр. — репринтный (в библиографии)
 респ. — республиканский
 рец. — рецензия (в библиографии)
 рим. — римский
 РК — районный комитет
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РМ — Республика Мордовия
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 РФ — Российская Федерация
 с. — село (при названии)
 с. — страница (в библиографии)
 саам. — саамский
 самостоят. — самостоятельный
 сб. — сборник
 сб-ки — сборники
 св. — святой (при имени)
 свт. — святитель (при имени)
 сев. — северный
 секр. — секретарь
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сер. — серия
 СЖ — Союз журналистов
 сиб. — сибирский
 симб. — симбирский (в библиографии)
 СК — Союз композиторов
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский; славянские языки
 слов. — словарь (в библиографии)
 см — сантиметр
 см. — смотри
 соавт. — соавтор; соавторство
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соотв. — соответствует; соответствующее; соответственно
 сост. — составитель; составление
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 СП — Союз писателей
 СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
 С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
 спорт. — спортивный
 справ. — справочник (в библиографии)
 Ср. — Средний (в топонимических названиях)
 ср. — сравни
 ср.-век. — средневековый
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — станция (при названии)
 ст. — статья
 стат. — статистический
 СТД — Союз театральных деятелей
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 СХ — Союз художников
 с. х. — сельское хозяйство
 с.-х. — сельскохозяйственный
 т. — текст
 т. — том (в библиографии)
 танц. — танцевальный
 тат. — татарский
 т. е. — то есть
 театр. — театральный
 терр. — территория; территориальный
 тетр. — тетрадь (в библиографии)
 техн. — технический
 т. к. — так как
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом
 тр. — труды (в библиографии)
 традиц. — традиционный
 трансп. — транспортный
 тыс. — тысяча
 тыс. — тысячелетие
 тюрк. — тюркский; тюркские языки
 у. — уезд (в названии)
 уг. — уголовный
 удм. — удмуртский
 указ. — указатель (в библиографии)
 УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел
 ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»
 урал. — уральский
 УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 физиол. — физиологический

- филол. — филологический
 филос. — философский
 фин. — финский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хант. — хантыйский
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)
 худож. — художественный
 центр. — центральный
 церк. — церковный
 цит. — цитируется
 ч — час
 ч. — часть (в библиографии)
 чел. — человек
 четв. — четверть (при датах)
 чл. — член
 чл.-корр. — член-корреспондент
 что-л. — что-либо
 чуваш. — чувашский
 ШКМ — школа крестьянской молодёжи; школа
 колхозной молодёжи
 шк. — школа
 э. — эрзянское (слово)
 экон. — экономический
 эксп. — экспедиция
 энц. — энциклопедический (в библиографии)
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский
 этим. — этимологический
 этногр. — этнографический
 ювелир. — ювелирный
 юж. — южный
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций
 по вопросам образования, науки и
 культуры
 юр. — юридический
 яз. — язык; языки
 янв. — январь
 Bd. — Band (в библиографии)
 Н. — Heft (в библиографии)
 S. — Seite (в библиографии)
 Ibid. — Ibidem
 j. — journal (в библиографии)
 p. — page (в библиографии)
 vol. — volume (в библиографии)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИИГН В 2017 г.

В 2017 г. в НИИГН работали 63 сотрудника, из которых 45 — научные сотрудники, в том числе 9 докторов (20 %) и 26 кандидата (57 %) наук. Общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, составляет 77 %.

В отчетном году институт вел фундаментальные и прикладные исследования по трем направлениям: социально-экономическое развитие республики, развитие культурных связей диаспоры, изучение исторического прошлого и настоящего региона.

В 2017 г. была завершена работа над исследовательским проектом «Культура Мордовии. XIX век»; продолжалась работа над следующими проектами: «Энциклопедия „Мордва“», «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия», «Словарь антонимов мокшанского языка», «Словарь антонимов эрзянского языка», «Свод мордовского фольклора», «Мордовия в условиях реформ (1928 — 1941 гг.)» (серия «Мордовия. XX век»).

Отдел языкознания в течении года осуществлял перевод на мордовские (мокшанский, эрзянский) языки материалов Республиканской службы ЗАГС Республики Мордовия, реализуемый в интересах и по предложению соответствующего республиканского ведомства. К 100-летию со дня рождения М. П. Девятаева отдел истории подготовил рукопись книги «Михаил Девятаев. Воспоминания, отклики, публицистика, хроника».

Общий объем выполненной институтом в 2017 г. работы по исследовательским проектам составила 67,15 авт. л.

В 2017 г. вышли в свет 4 номера научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и 4 номера научно-публицистического журнала «Центр и периферия». В журналах опубликованы материалы, отражающие многообразие исследовательских наработок и подходов по историческим, экономическим, политическим, филологическим наукам и культурологии.

В рамках серии «Современные исследования» издана монография И. И. Шеяновой «Сказовые формы мордовской литературы», посвященная исследованию проблемы сказовых форм мордовской литературы как особого типа художественных повествований, наиболее ярко характеризующих репрезентативные жанровые начала национальной литературы. В монографии рассмотрена динамика сказовых форм в мордовском фольклоре и в литературе; прослежена трансформация народной формы сказа в профессиональной литературе в новые разновидности прозаического эпоса; освещена проблема синтеза традиций сказовости и реализма как внутрилитературного источника жанрового и стиливого обогащения эпической поэзии; решен ряд литературоведческих проблем, связанных с жанровыми аспектами формирования и развития репрезентативных художественных форм литературы мордовского народа.

В рамках серии «Мордва России» вышла в свет коллективная монография «Мордва Калининградской области», представляющая историко-этнографический

материал о мордве, проживающей в самом западном регионе Российской Федерации. Исследование основано на архивных, опубликованных источниках, статистических данных, научной литературе и полевых этнографических материалах, собранных во время этнографической экспедиции в 2014 г.

Изданная в отчетном году монография Д. С. Щукина «Жизнь и деятельность Н. П. Румянцева: российский сановник среди придворной элиты, в научном кругу и провинциальном социуме» открывает новую серию «Герои былых времен». Работа является комплексным исследованием жизненного пути, служебной биографии и просветительства видного государственного деятеля второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Н. П. Румянцева. В монографии впервые дается подробный анализ дипломатии графа на разных этапах служебной карьеры, чем затрагивается проблема развития дипломатического искусства в России XVIII — XIX вв. В работе расставляются акценты в оценке значения внутренней политики Н. П. Румянцева, особенностей и результатов его внешнеполитического курса; уточняются структура и принципы организации деятельности научного объединения под руководством канцлера Н. П. Румянцева.

В рамках серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» в отчетном году изданы следующие книги:

— 2-й и 3-й тома сборника стенограмм, стенографических отчетов и материалов мордовских языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания «Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке». С выходом в свет этих книг было завершено издание многотомного сборника документов и материалов по истории решения задач национального языкового строительства в регионе в первой половине 1930-х гг. и созданию мокшанского и эрзянского литературных языков (серия «Языкознание»).

— опубликован 5-й том книги «Великая Отечественная война: устная история». В сборнике представлены воспоминания участников и современников Великой Отечественной войны — уроженцев и жителей Мордовии. В него вошли изданные ранее материалы, а также неопубликованные свидетельства, хранящиеся в архивах и музеях Мордовии. Данной книгой завершилась работа по созданию многотомного сборника свидетельств участников боев, работников тыла и детей войны, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Кроме плановых издательских проектов в 2017 г. были осуществлены следующие:

— в рамках серии «Современные исследования» опубликована монография Е. Н. Бикейкина «Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953 — 1991 гг. (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)». В работе представлено комплексное изучение процессов аграрной модернизации в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1953 — 1991 гг., выполненное сквозь призму цикличности, кризисности исторической динамики отрасли и опыта реализации аграрных антикризисных программ в регионах. На основе конкретно-исторического и статистического материала впервые в историографии выявлены циклы и определена хронология фазовых переходов состояний аграрного производства изучаемых автономий; установлены проявления и причинно-следственные связи кризисных состояний сельского хозяйства; проведен комплексный анализ положительного и отрицательного опыта реализации аграрных антикризисных программ и региональной управленческой практики; дана объективная оценка аграрной модернизации как главного вектора в развитии сельского хозяйства; поставлены и

решены некоторые ранее не изучавшиеся вопросы отечественной истории, а именно: исследованы региональные проявления основных составляющих аграрной модернизации (интенсификация производства, экономико-управленческие реформы, попытки решения кадровой проблемы на селе и др.), проанализированы основные тенденции и противоречия в развитии отрасли.

— в рамках серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» издан сборник «Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.)», содержание которого составили три писцовые книги Алатырского уезда Д. Ю. Пушечникова и А. Костяева 1624 — 1626 гг. Данный источник позднего средневековья отечественной истории представляет исследователям богатую информацию об экономическом и социальном развитии одного из крупных уездов Российского государства начала XVII столетия.

— при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках целевого конкурса «Россия в 1917 году» была подготовлена и издана коллективная монография «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: регионально-национальный аспект». В ней представлен собственный анализ позиции и поведения российского крестьянства и казачества в бурных перипетиях революции 1917 года и Гражданской войны на основе осмысления региональных и национальных особенностей, локальной специфики происходивших в стране исторических процессов. Книга состоит из семи разделов, которые позволяют представить изучаемую проблему комплексно и всесторонне, начиная от описания крестьянства и казачества как объектов исторических исследований, рассмотрения положения российской провинции в Великой войне, участия крестьянства и казачества в событиях революций 1917 года и гражданского противостояния, особенностей крестьянского сопротивления в рассматриваемый период, и заканчивая анализом влияния проводившейся социальной и культурной политики на развитие крестьянского мира.

— совместно с Российским экономическим университетом им. Г. В. Плеханова издана монография С. П. Бурланкова «Развитие системы управления конкурентоустойчивостью предприятий ЖКХ». В работе рассмотрены современные рыночные требования к инфраструктуре жилищно-коммунальных хозяйств; дан анализ в сфере жилищно-коммунальных хозяйств Республики Мордовия; показана система управления конкурентоустойчивостью предприятий ЖКХ.

Общий объем произведенной институтом в 2017 г. плановой и дополнительной издательской продукции составил 511,01 печ. л.

В рамках реализации проектов научных мероприятий в сентябре 2017 г. научные сотрудники отдела археологии приняли участие в археологических экспедициях в Рузаевский (окрестности с. Красное Сельцо), в Инсарский (окрестности с. Засечная Слобода) и в Торбеевский (окрестности п. Торбеево) районы.

В декабре 2017 г. было проведено торжественное заседание Ученого совета, посвященного 85-летию создания института, на котором было организовано чествование работников по случаю юбилейной даты. В заседании приняли участие сотрудники научных учреждений Республики Мордовия, представители республиканских и муниципальных органов государственной власти.

Общий объем выполненных институтом работ по проектам научных мероприятий в 2017 г. составил 0,8 авт. л.

К числу приоритетных направлений деятельности НИИГН относится подготовка высококвалифицированных научных кадров. В отчетном году в соответствии с ли-

цензией на право ведения образовательной деятельности велось обучение по 5 направлениям подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре: 38.06.01 — Экономика, 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, 45.06.01 — Языкознание и литературоведение, 46.06.01 — Исторические науки и археология, 51.06.01 — Культурология. В рамках данных направлений аспиранты осуществляли подготовку диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата наук по 9 специальностям научных работников: 07.00.02 — Отечественная история, 07.00.06 — Археология, 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология, 10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (финно-угорская), 10.01.09 — Фольклористика, 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские), 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии, 24.00.01 — Теория и история культуры.

Численность аспирантов к концу 2017 г. составила 85 чел., в том числе 41 чел. — по очной форме обучения. По направлению подготовки 38.06.01 — Экономика обучение проходит 30 чел., 41.06.01 — Политические науки и регионоведение — 7 чел., 45.06.01 — Языкознание и литературоведение — 15 чел., 46.06.01 — Исторические науки и археология — 23 чел., 51.06.01 — Культурология — 10 чел.

По результатам приемной кампании 2017 г. в аспирантуру института было принято 27 чел., в том числе 16 чел. на очную форму обучения, 5 чел. зачислены в аспирантуру на основе договора.

Ежегодно в институте работает аттестационная комиссия. По результатам ее работы 57 аспирантов аттестованы как полностью выполнившие индивидуальный план и переведены на следующий год обучения, 1 аспиранту предоставлен академический отпуск, 1 аспирант отчислен из аспирантуры за невыполнение индивидуального плана и потерю связи с научным отделом института.

В 2017 г. завершили обучение 15 аспирантов, 5 из которых отчислены из аспирантуры как полностью выполнившие индивидуальный план, завершившие работу над диссертацией и представившие ее в научный отдел для получения соответствующего заключения.

В отчетном году сотрудники и аспиранты института приняли участие в более чем 20 научных мероприятиях (международных, всероссийских и республиканских конференциях, симпозиумах, круглых столах и научных чтениях), где выступили с докладами и сообщениями общим объемом около 50 авт. л.

За 2017 г. сотрудниками и аспирантами института опубликовано более 110 авт. л. научных статей в международных, российских и региональных научных журналах и сборниках статей, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

В отчетном году сотрудники института выполняли научно-экспертную работу в составе экспертных советов Отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований и Научно-технического совета при Правительстве Республики Мордовия.

Общественно-научная деятельность института в 2017 г. была связана с участием его сотрудников в работе следующих общественных организаций и объединений: Общественной палаты Республики Мордовия; Совета исполкома Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа; Координационного совета Поволжского центра культуры финно-угорских народов; Общерос-

сийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации»; Общественного совета при Министерстве культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия; Научного совета при Республиканской архивной службе Республики Мордовия; Совета республиканской общественной культурно-просветительской организации «Ассамблея народов Мордовии».

На базе института работают региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия и Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России».

На состоявшейся в отчетном году конференции регионального отделения Российского военно-исторического общества представителями центрального аппарата была дана высокая оценка результатам работы членов общества в Мордовии. Региональное отделение вошло в число лучших в Российской Федерации.

В рамках сотрудничества с Общественной палатой Республики Мордовия на базе института осуществлялся мониторинг состояния институтов гражданского общества в Мордовии, проводились слушания Комиссии по культуре, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

В отчетном году институт выступал в качестве ведущей научной организации на защите докторских и кандидатских диссертаций. Научными отделами института было подготовлено более 50 отзывов и рецензий на диссертационные исследования и другие научные, учебные и учебно-методические работы.

Отделом истории подготовлены следующие рецензии: на учебное пособие «История России с древнейших времен до начала XVII века» (авт. Т. Н. Кадрова, С. В. Першин); сборник материалов Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «Вопросы истории России и зарубежных стран с древнейших времен до наших дней» («53-е Евсевьевские чтения» МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранск, 2017 г.); дополнительную профессиональную программу повышения квалификации «Историческое образование в условиях реализации ФГОС и Историко-культурного стандарта» (авт. преподаватели кафедр отечественной истории и этнологии, всеобщей истории факультета истории и права МГПИ им. М. Е. Евсевьева под руководством доктора исторических наук, профессора Т. Д. Надькина); дополнительную общеобразовательную программу «Подготовка выпускников образовательных организаций СПО к поступлению в вуз» (сост. А. А. Кормилицин, М. В. Киселева, Г. В. Земскова, Е. А. Кулебякина); учебно-методический комплекс дисциплины «Источниковедение» (авт.-сост. Р. Н. Каукина); учебно-методическое пособие «История как исследование» (авт.-сост. Т. Н. Кадрова, Н. А. Милешина, И. А. Фирсова).

Состоялось обсуждение и подготовлено заключение на диссертационное исследование Я. М. Цыгановой «Среднее Поволжье в историко-культурном пространстве Российской империи второй половины XIX — начала XX вв.», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Отделом археологии осуществлен выезд в д. Ушаковка Алексеевского сельского поселения Темниковского муниципального района Республики Мордовия для осмотра предполагаемого места реконструкции усадьбы Ф. Ф. Ушакова. Подготовлена справка для Министерства культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия о перспективности обнаружения объектов археологического наследия на земельном участке, расположенном на пересечении

ул. Васенко и Большевицкая г. Саранска; справки о наличии либо отсутствии объектов археологического наследия, включенных в «Реестр объектов культурного наследия Республики Мордовия», на территории объекта «Проект планировки территории земельного участка с кадастровым номером 13:23:0914110:40, расположенного в районе ул. Фурманова г. Саранска», на территории объекта «Газопровод межпоселковый до д. Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия»; на земельных участках, на площади которых предполагается проведение хозяйственных работ (прокладка кабеля), расположенных на территории Торбеевского и Теньгушевского муниципальных районов Республики Мордовия; на земельном участке, на площади которого предполагается проведение хозяйственных работ (прокладка межпоселкового газопровода от п. Анаево до с. Крюковка), расположенного на территории Зубово-Полянского муниципального района Республики Мордовия; на земельных участках, на площади которых предполагается проведение хозяйственных работ (прокладка межпоселкового газопровода до д. Ворона), расположенных на территории Ковылкинского муниципального района Республики Мордовия; на земельном участке, на площади которого предполагается проведение хозяйственных работ (строительство подъездной дороги к школе на 800 ученических мест по ул. Юрсова в г. Рузаевка).

Сотрудники отдела археологии приняли участие в работе комиссии Министерства культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия по контролю за состоянием памятника археологии федерального значения «Вал и острог засечной черты» (с. Атемар Лямбирского района Республики Мордовия).

Отделом этнографии и этнологии подготовлены рецензии на учебное пособие Т. А. Шигуровой «История культуры и искусства Мордовии»; рукопись книги-альбома А. С. Лузгина «Мордовия мастеровая. Книга очерков о сохранении и развитии народных традиций».

Отделом региональных исследований и программ подготовлены рецензии на рукопись коллективного сборника «Опыт реализации социального проекта „Перемена — система арт-терапевтической помощи замещающим семьям“»; рукопись учебного пособия О. В. Бахловой «Политика России в отношении стран финно-угорского мира»; рукопись учебного пособия В. С. Лапшина «Архитектура предприятия»; рукопись учебного пособия Ю. В. Четайкиной и Л. М. Лохтиной по курсу «Мировая экономика»; рукопись учебно-методического пособия С. А. Щанкина, Д. И. Долгова, Н. Р. Куркиной, Н. Н. Катайкиной «Система управления человеческими ресурсами предприятия»; выпускные аттестационные работы Е. С. Кокухиной «Государственная политика занятости и ее реализация в Республике Мордовия» и Е. С. Чиркаевой «Государственная политика в сфере малого предпринимательства и ее реализация в Республике Мордовия»; на рабочие программы И. В. Бахлова и О. В. Бахловой по дисциплинам «Актуальные проблемы регионоведения», «Межрегиональная экономическая интеграция», «Межрегиональное сотрудничество национальных регионов РФ», «Основы государственной национальной политики в Российской Федерации», «Политика России в отношении стран финно-угорского мира», «Проблемы безопасности и этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации», «Процессы модернизации и трансформации в регионах Российской Федерации», «Процессы модернизации и трансформации в странах и регионах финно-угорского мира», «Страны и регионы финно-угорского мира в процессах европейской интеграции».

Проведены обсуждения и подготовлены заключения на диссертационные исследования Е. Н. Богдановой «Развитие системы управления конкурентостойчивостью предприятий ЖКХ на основе организационного проектирования» и В. С. Шалаева «Управление энергосбережением на сельскохозяйственных предприятиях (На материалах Республики Мордовия)», представленные на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Отделом языкознания подготовлены рецензии на рукопись учебно-методического комплекса М. И. Ломшина, Г. Ф. Беспаловой, В. А. Богатырской по дисциплине «Мордовский язык»; магистерскую программу по направлению 45.04.01 — «Филология» (профиль «Языки народов России (мокшанский язык)»), подготовленную преподавателями филологического факультета НИ МГУ им. Н. П. Огарёва; научно-квалификационную работу Д. В. Учватовой «Паремии-эквиваленты в мокшанском, русском и финском языках: общее и специфическое».

Отделом литературы и фольклора подготовлены рецензии на рукопись коллективной монографии «Интермедиальность слова и образа в художественном тексте»; рукопись сборника программ «Учебно-методическое сопровождение профессиональной программы повышения квалификации учителей-словесников: учебные программы и методические рекомендации» (авт.-сост. Н. А. Белова, Е. А. Жиндеева, Н. В. Карабанова, Т. А. Наумова, О. А. Романенкова, С. Н. Степин, Е. А. Сердобинцева, Н. И. Швечкова); художественно-анимационное издание «Сабан», созданное студией «Татармультифильм» (г. Казань); сборник учебных программ и методических рекомендаций «Учебно-методическое сопровождение дополнительных общеобразовательных программ по литературе и методике обучения литературе», подготовленный авторским коллективом кафедры литературы и методики обучения литературе МГПИ им. М. Е. Евсевьева; базу данных «Индивидуальная образовательная траектория одаренного в области литературы школьника: библиографический указатель»; рукопись сборника научных трудов преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная филология и филологическое образование: научные инициативы молодых»; электронный тест-тренажер Т. В. Уткиной, Е. А. Жиндеевой «Методика обучения литературе»; рукопись учебного пособия Ю. Г. Антонова и В. И. Дёмина «Эрзянь литературась ды печатесь» («Эрзянская литература и печать»), Ч. 5; книгу Г. С. Гребенцова «Глупый волк».

Отделом теории и истории культуры проведены обсуждения и подготовлены заключения на диссертационные исследования А. В. Романовой «Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: эволюция института и деятельности» и А. В. Рябова «Эволюция деревянной скульптуры мордвы в контексте развития культуры финно-угорских народов России XX — начала XXI века», представленные на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Подготовлена рецензия на практикум по дисциплине (модулю) «История», составленный преподавателями кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации О. Б. Кевбриной и А. А. Тарасовым.

Подготовили
Г. А. Куршева, А. В. Чернов.

**ИННОВАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
ОПЫТ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ
(АСПИРАНТСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ — 2017)**

18 декабря 2017 г. в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия состоялись аспирантские научные чтения — 2017 «Инновации в контексте глобальных экономических и политических процессов: опыт России и ее регионов».

Организатором круглого стола аспирантов специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика) выступил коллектив отдела региональных исследований и программ института. Работу заседания курировали главный научный сотрудник — заведующий отделом И. Г. Кильдюшкина (сопредседатель), открывшая мероприятие, и ведущий научный сотрудник отдела Л. Н. Липатова (председатель). С приветственным словом на мероприятии выступил заместитель директора — ученый секретарь института, доцент А. В. Чернов.

В ходе работы были освещены актуальные проблемы, связанные с международной оценкой инновационного потенциала России в соответствии с ежегодным рейтингом стран мира по Глобальному индексу инноваций, влиянием глобализации на экономическую и инновационную политику в разных странах мира, ее последствиями для РФ и регионов, характеристикой ключевых составляющих технологического потенциала инновационного развития России, инновационной безопасности как ключевой составляющей экономической безопасности региона, аспектами формирования и реализации инновационной бизнес-модели на примере одного из предприятий регионального уровня, формированием кадрового потенциала региона на основе инновационного потенциала, идентификацией инноваций в управлении экономическими системами, в том числе в социально-трудовой сфере, ролью молодежи в инновационном развитии, основными тенденциями развития инновационного малого бизнеса в Республике Мордовия. Рассматривались вопросы государственного регулирования (налогового стимулирования) инновационной деятельности, развития природно-ресурсного потенциала Республики Мордовия, стимулирования инноваций в сельском хозяйстве, экономических ограничений, введенных в отношении России со стороны отдельных государств, функционирования рынка овощеводства с позиций внедрения маркетинговых подходов к формированию структуры управления производством на продуктовом рынке Республики Мордовия, формирования инновационной экономики и усиления социальной политики путем повышения человеческого потенциала, тенденций социализации инновационной политики, экономики знаний, роли и значения системы образования и научно-исследовательских учреждений в инновационном развитии. Выступления участников сопровождались качественным презентационным видеорядом.

Л. Н. Липатова дала оценку инновационного потенциала России. В частности, она сообщила, что согласно опубликованному в середине 2017 г. ежегодному рейтингу

гу стран мира по Глобальному индексу инноваций, Россия занимает 45-е место, опустившись на 2 позиции по сравнению с предыдущим годом. Соседние позиции занимали Греция и Чили. Среди 35 ведущих европейских государств Россия занимает 31-е место. Назвав конкурентные преимущества страны, докладчик подробно остановился на слабых сторонах российской инновационной системы по методике расчета Глобального индекса инноваций: политическая стабильность и отсутствие терроризма (112-е место), инновационные связи (105-е), верховенство закона (104-е), качество регулирования инновационной деятельности (102-е), политическая среда (100-е), правовая среда (94-е), инвестиции (95-е), чистый приток прямых иностранных инвестиций (94-е), сделки с венчурным капиталом (90-е), прирост ВВП на душу населения (110-е), ВВП на единицу использования энергии (108-е место). Подобные нелестные оценки указывают на то, что есть над чем работать. Однако следует принять во внимание, что рейтинг «Глобальный инновационный индекс» составляет консорциум Корнельского университета (США), Школы бизнеса INSEAD (Франция) и Всемирной организации интеллектуальной собственности, и исключать влияние политических факторов, по мнению выступающего, не следует.

А. В. Булавин рассмотрел актуальные проблемы, вызванные влиянием глобализации на экономическую и инновационную политику в разных странах мира. Особое внимание выступающий уделил изменению роли государств в мировой политике и на внутривнутриполитической арене, процессам ослабления национального суверенитета, усложнению взаимодействия политических акторов на международной арене, привел положительные и отрицательные последствия глобализации для РФ и ее регионов.

А. И. Лушкин раскрыл основные слагаемые технологического потенциала инновационного развития России: материально-техническое оснащение научных организаций и наукоемких производств, состояние научно-технологической инфраструктуры, использование результатов интеллектуальной деятельности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, топологии интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), программ для ЭВМ, баз данных и др.) и накопленного опыта (посредством публикаций в российских и зарубежных СМИ научно-исследовательских работ, методических материалов и пособий, отчетов, монографий, развития научных школ, разработки регламентов предоставляемых услуг, формирования базы данных о реализованных и текущих проектах (НИОКР), ценных научных кадров и др.).

Е. Г. Воробьева остановилась на проблемах инновационной безопасности как ключевой составляющей экономической безопасности региона. Она охарактеризовала роль информационной безопасности в развитии экономики региона, представила краткий обзор терминологического аппарата теории инновационной безопасности, изложила некоторые методические аспекты ее оценки, предложила набор показателей — индикаторов для определения ее уровня в регионе, привела результаты оценки уровня инновационной безопасности Республики Мордовия с применением набора выбранных индикаторов, сформулировала рекомендации по повышению ее уровня и улучшению ситуации в этой сфере.

Г. М. Щукин обозначил некоторые вопросы реализации пункта промышленной политики РФ, касающегося перехода экономики государства с экспортно-сырьевого к инновационному типу развития, который определяет доминирующую роль инно-

вационно активных компаний в этом процессе. Для Республики Мордовия, стратегически важными направлениями современного развития промышленности которой традиционно являются электротехника, электроника, приборостроение и информационные технологии, задача создания производственных компаний, способных быть конкурентными, по мнению докладчика, это вызов. Ответ на него должен дать менеджер, от способности которого использовать знания для профессионального решения проблем, связанных с инжинирингом предприятия, зависит выживание каждого хозяйствующего субъекта из названных отраслей с учетом того, с кем им придется конкурировать на внутреннем и международном рынках.

Раскрывая теоретические и практические аспекты построения бизнес-модели предприятия и необходимости ее постоянного обновления, докладчик акцентировал внимание также на оценке эффективности реализации инновационной бизнес-модели предприятия на примере ПАО «Саранский приборостроительный завод». Неполный перечень стратегических задач, по его мнению, предполагает обращение к модели интегрированной концепции архитектуры предприятия, объединяющей ИТ-архитектуру с бизнес-архитектурой, давая возможность синхронизации информационных технологий с бизнес-стратегией. Разработка подобной архитектуры хозяйствующего субъекта позволяет говорить о возможностях перехода к инжинирингу производственной системы на основе перспективной бизнес-модели и использования опыта других предприятий региона в целях повышения конкурентоспособности, что в свою очередь станет инструментом, определяющим программу действий для его менеджмента на стратегическую перспективу.

Е. И. Абаева доложила об инновационном потенциале, включающем кадровую составляющую. По ее мнению, формирование кадрового потенциала в регионе во многом обусловлено проводимой руководством Республики Мордовия политикой, интенсивность которой варьируется от региона к региону. Кадровый потенциал в регионах различен, как и его влияние на результативность инновационной деятельности. В связи с этим значительное внимание регионы вынуждены уделять проблеме формирования и развития региональной системы подготовки инновационных кадров. Создание системы непрерывного образования будет способствовать наращиванию кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций.

Приоритетные направления новой экономики предполагают подготовку творческого работника и создание условий для его деятельности. Высшие учебные заведения республики не только определяют кадровый потенциал инновационного развития, но и способствуют продвижению инновационных идей и доведению их до конкретных производителей. С учетом маркетинговых исследований инновационного рынка вузы могут с большей эффективностью, чем другие субъекты инновационной системы проводить исследования и осуществлять инновационные разработки, которые будут востребованы на практике. Кроме того, цепочки «вуз — НИИ — предприятие» или «вуз — предприятие» дадут возможность разрабатывать те инновационные проекты, которые будут профинансированы и могут быть реализованы на предприятиях.

Р. Н. Галлиулов остановился на аспектах внедрения инноваций в практику управления экономическими системами в условиях интенсивной глобализации мировой экономики и усиливающейся международной конкуренции, когда происходит формирование новой парадигмы экономического роста на базе использования

знаний и инноваций как важных экономических ресурсов развития общества и цивилизации. Выступающий указал, что управленческой инновацией принято считать любое организованное решение, систему, процедуру или метод управления, значительно отличающейся от сложившейся в системе традиции и впервые ею используемый с целью улучшения результатов деятельности организаций в целом, в результате внедрения которых работа отдельных ее подсистем претерпевает существенные изменения, а деятельность других — оказывается затронутой частично или вообще не меняется.

Т. В. Исайкина идентифицировала инновации в социально-трудовой сфере, отметив, что в понимании источников социокультурных инноваций в труде выделяются два подхода:

— труд рассматривается как форма всей общественной жизнедеятельности человека, которая позволяет ему воспроизводить и развивать внутри самого себя виды социокультурных форм деятельности;

— источником нового вида труда позиционируется любая деятельность, которую общество по тем или иным соображениям конвертирует в труд, используя специальные средства и механизмы конституирования.

Докладчик убежден, что в условиях рыночной экономики важными являются получение и поддержание организацией долгосрочных конкурентных преимуществ, которые обеспечивали бы ее выживание и успешную работу на рынке. В настоящее время, кроме ресурсов и технологий, огромное значение приобретает персонал. Большая роль отводится развитию человеческого потенциала в деятельности организации, так как становление экономики, основанной на знаниях, предполагает развитие науко- и информационного производства, использующего высококвалифицированный персонал с необходимыми компетенциями и навыками. Если раньше от работника требовалось строгое выполнение функций и ценилось такое качество, как исполнительность, то в современных условиях расширилась сфера допустимых форм занятости, существенно изменились социально-экономические мотивы трудовой деятельности, повлекшие за собой постепенное формирование новых форм занятости и моделей трудового поведения.

Выступающий заключил, что сегодня наблюдаются изменения в характере и содержании труда, который приобретает более творческий и свободный тренд. Среди основных тенденций, оказывающих влияние на содержание труда, он выделил такие, как компьютеризация всех видов труда; постоянное изменение средств труда (новые программные обеспечения, новые устройства, новые коммуникационные возможности и т. д.); повышение роли административного и творческого труда, сокращение удельного веса рутинного исполнительского труда.

Е. В. Акимова остановилась на роли молодежи в инновационном развитии, отметив, что реализация задачи инновационного развития страны и ее регионов невозможна без активного вовлечения в этот процесс молодого поколения, составляющего около четверти населения страны. Именно в молодости человек более способен к творческой деятельности, формулировке эвристических подходов и в целом максимально работоспособен.

Участие молодежи в создании инновационной экономики представляет обоюдный интерес для государства и молодого поколения. Государство решает актуальные

задачи экономической модернизации, повышения конкурентоспособности в условиях глобализации, ответа на вызовы современного мира, опираясь на наиболее активную и мобильную часть населения. Молодежь получает возможность продуктивной самореализации, успешного вхождения в общественную жизнь, получения профессионального и трудового опыта при серьезной поддержке государства.

Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. относит к первоочередным задачам создание эффективных материальных и моральных стимулов для «притока... творческой молодежи в сектора экономики, определяющие ее инновационное развитие». Особая роль молодежной составляющей в инновационном развитии страны подчеркивается выделением данного вопроса в отдельный раздел стратегии «Молодежь и инновации».

К наиболее эффективным методам достижения поставленных целей выступающий отнес развитие системы профильных образовательных учреждений по отдельным отраслям знаний, охватывающих талантливую молодежь со школьных лет, расширение грантовой поддержки обучения и реализации молодежных проектов, курс на систематическое обновление кадрового состава на предприятиях и в органах власти, научно-исследовательских учреждениях. Важным элементом, по его мнению, также является создание инновационных структур, ориентированных на молодежь — бизнес-инкубаторов, технопарков и других форм поддержки инновационно-предпринимательской деятельности, в том числе при вузах. Содействие становлению форм самоорганизации активной молодежи, реализации ее творческих идей, вхождения в науку или бизнес направлено на решение стратегических долгосрочных задач социально-экономического развития. Решение комплекса обозначенных проблем возможно при конструктивном взаимодействии органов власти, гражданского общества, политиков, ученых и творческой интеллигенции в рамках единой стратегии реализации национальных интересов.

Н. В. Княева доложила об основных тенденциях развития инновационного малого бизнеса в Мордовии, указав, что в республике осуществляется активная политика в области поддержки инновационного предпринимательства, основной целью Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. определяется повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики и повышения качества жизни населения. Одним из ключевых проектов в инновационном развитии региона в сфере высоких технологий является деятельность автономного учреждения «Технопарк — Мордовия», реализация которого позволяет обеспечить необходимые условия для наращивания инновационного потенциала и коммерциализации инноваций. Кроме того, важным институтом поддержки инновационного предпринимательства в регионе выступает также Агентство инновационного развития РМ, которое всесторонне поддерживает инновационные проекты на ранних стадиях развития и является управляющей компанией инновационного бизнес-инкубатора «Молодежный».

В. С. Безрукова отметила, что в современных условиях хозяйствования достичь повышения эффективности производства можно преимущественно за счет развития инновационных процессов, получающих конечное выражение в новых технологиях, новых видах конкурентоспособной продукции. Государственное регулирование инновационной деятельности должно носить качественный, а не количественный ха-

ракти, т. е. главной целью государства при создании благоприятной среды для организаций-новаторов является помощь на первых этапах становления предприятий в наращивании их инвестиционной привлекательности путем оказания налоговых послаблений и компенсации наиболее значимых рисков.

Налоговое стимулирование представляет собой комплекс мер по предоставлению налоговых льгот и преимуществ субъектам экономических отношений, создающих благоприятные условия для осуществления ими инновационной деятельности. Органы государственной власти и местного самоуправления отказываются от части средств, которые должны поступать от научных и инновационных организаций в государственные и местные бюджеты в виде налогов. Эти средства остаются в распоряжении указанных организаций для проведения НИОКР, внедрения инноваций, расширения или модернизации производства и т. д. Тем самым создается эффект их косвенной финансовой поддержки: фискальная функция налогообложения трансформируется в стимулирующую.

В этих обстоятельствах, по заключению выступающего, необходимо активное вовлечение в процессы финансирования инновационных разработок широкого круга инвесторов (негосударственных пенсионных фондов, страховых компаний, частных лиц и др.) при всесторонней государственной поддержке данных процессов и применении различных форм стимулирования и финансирования инвестиционной деятельности. Такие меры должны привести к росту рынка наукоемких технологий, увеличению отдачи инновационного потенциала, изменению структуры экономики, переходу ее на инновационные рельсы.

Ю. Г. Беспалова охарактеризовала природно-ресурсный потенциал Республики Мордовия, отметив выгодность географического расположения для развития региона, что в свою очередь позволяет предприятиям, по ее мнению, охватывать рынки европейской части России. Главное природное богатство Мордовии — земля. Агропромышленный комплекс республики динамично развивается. Ведущими подотраслями являются животноводство мясомолочного направления и птицеводство. Предприятия растениеводства специализируются на производстве зерна, сахарной свеклы, зеленого горошка. Площадь сельхозугодий составляет 1,7 млн га, в том числе пашни — 1,1 млн га. Доля посевных площадей сельскохозяйственных культур республики составляет 43,7 % от общей площади сельскохозяйственных угодий и пашни, что выше среднего уровня по ПФО и РФ. На долю сельского хозяйства приходится около 11 % в структуре ВРП (в среднем по РФ — 4,2, по ПФО — 5,8 %). Республика полностью обеспечивает себя продуктами питания собственного производства, много продовольствия поставляет в другие регионы РФ, где оно пользуется высоким спросом, поскольку Мордовия надежно зарекомендовала себя как производитель качественной сельскохозяйственной продукции.

Однако, как отметил докладчик, для обеспечения устойчивого развития региона необходимы инновационные организационно-управленческие подходы, на основе которых станет возможным максимально эффективное использование имеющегося небогатого экономического потенциала региона.

К. Г. Четаева в своем докладе обозначила необходимость стимулирования инноваций в сельском хозяйстве, продиктованную рядом факторов. Помимо растущего

спроса потребителей на продукцию, производимую в соответствии с принципами экологически устойчивого производства и целесообразности снижения производственных затрат в этой сфере, имеются проблемы более глобального характера. При существующих темпах роста населения ожидается, что к 2030 г. мировой спрос на продовольствие удвоится. Между тем конкуренция за природные ресурсы, усугубляемая последствиями изменений климата, обостряется. В этих условиях актуализируется решение вопросов по содействию формирования устойчивых и инклюзивных инновационных систем для агропродовольственного сектора.

Данные свидетельствуют о волне новых инновационных технологий для аграрного блока, генерируемых в других отраслях экономики, о так называемом 6 технологическом укладе. Уникальное взаимопроникновение биологии, агрономии, наук о растениях и животных, цифровых технологий и робототехники преобразует всю производственно-сбытовую систему мирового агропродовольственного сектора.

По мнению выступающего, развитие сельского хозяйства Республики Мордовия на ближайшую перспективу будет определяться направленностью государственной аграрной политики на создание высокотехнологичного, конкурентоспособного производства, обеспечивающего высокое качество жизни сельских тружеников и населения на основе Государственной программы Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 — 2020 годы. В рамках этой программы предусмотрено выполнение подпрограммы технической и технологической модернизации, инновационного развития, включающей обновление парка сельхозтехники, реализацию перспективных инновационных проектов в АПК, развитие биотехнологии; развитие консультационной помощи сельхозтоваропроизводителям, поддержку общественных организаций, связанных с предоставлением интересов крестьянских (фермерских) хозяйств и т. д.

А. Р. Китаев рассмотрел экономические санкции, введенные в отношении России со стороны отдельных государств, и ответные контрмеры, повлиявшие на рынок продовольствия. В результате проведенного им анализа пищевая промышленность и переработка агропромышленного сырья в России стали инвестиционно привлекательными отраслями, притягивающими все большие объемы финансовых средств. На наших глазах пищевая индустрия формируется как системообразующая сфера экономики ряда российских регионов, в том числе и Республики Мордовия. Закладываются новые разномасштабные бизнес-проекты, привлекаются средства для оплаты контрактов на поставки пищевого оборудования, новыми производствами занимаются пустующие площади, создаются новые рабочие места, а самое главное — ослабляется зависимость РФ от импорта продовольствия.

Выступающий привел убедительные примеры, доказывающие, что после запрета ввоза в Россию некоторых видов аграрной продукции, продовольствия и пищевого сырья европейских стран, США, Австралии, Канады и ряда других стран на рынке регионов РФ появились временные свободные ниши, прежде всего, для сырной, молочной, рыбной, фруктовой, овощной, масленичной и алкогольной продукции. Импорт продовольствия с введением санкций по ряду позиций снизился, создав тем самым новые возможности роста объемов отечественного агропроизводства. Однако

при этом для многих пищевых компаний основной проблемой на сегодня остается завоевание доверия потребителей, а для некоторых — освоение зарубежных рынков, и прежде всего, Таможенного союза.

М. С. Фролов в своем сообщении остановился на развитии и функционировании рынка овощеводства в Республике Мордовия, внедрении новых технологий, сортов и маркетинговых подходов к формированию структуры управления производством с целью удовлетворения потребительского спроса и повышения конкурентоспособности регионального продуктового рынка. Он отметил, что большие размеры посевных площадей позволяют эффективнее применять новейшие технологии, ускоренными темпами наращивать объемы производства сельхозпродукции, уменьшать трудовые и материальные затраты на единицу продукции.

Докладчик привел примеры применения новых технологий. Так, при строительстве тепличных комплексов нового поколения используются материалы с улучшенными характеристиками и свойствами, что позитивно сказывается на расходах по эксплуатации сооружения. Использование автономных и полуавтономных систем управления тракторов и комбайнов (на основе технологии GPS/ГЛОНАСС) позволяет минимизировать человеческое присутствие на месте работы сельхозтехники, применение в результате селекционных работ нового семенного фонда решает одновременно вопросы создания более стойких к болезням и вредителям сортов растений и увеличения урожайности с 1 м². В результате эксплуатации технологии досвечивания в тепличных комплексах растения плодоносят в два культурооборота со сменой культур (зимне-весенний и летне-осенний) в течение года, а не только в летне-осенний период.

В итоге, несмотря на все положительные стороны, внедрение новых технологий на тепличных комплексах выступающий связал с рядом трудностей. Одной из наиболее острых проблем он назвал отсутствие необходимых высококвалифицированных кадров. Отечественные вузы выпускают специалистов в области сельского хозяйства, не всегда имеющих требуемые навыки для работы с высокотехнологичным оборудованием. Кроме того, препятствует внедрению инноваций высокая стоимость оборудования, в основном импортируемого из-за рубежа.

К. С. Смирнова обратила внимание слушателей на неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные проблемы формирования инновационной экономики и усиления социальной политики, решение которых всецело зависит от повышения человеческого потенциала. Экономика, базирующаяся на инновациях, нацелена на развитие и внедрение новейших стандартов продукции, усовершенствованных научно-технических процессов. Такая экономика требует от человека, трудовых коллективов и социальных общностей новых компетенций, профессиональных и социальных качеств, свойств человеческого потенциала и наиболее высокого человеческого развития.

Однако воспроизводство человеческого потенциала в Мордовии осложнено демографическими и экономическими проблемами — естественной и миграционной убылью населения, слабой развитостью малого бизнеса, низким уровнем качества жизни населения. Кроме того, выступающий указал на одну из острых проблем — не отработанную в результате современных реформаций систему образования, результатом которой стало квалификационное несоответствие выпускников требованиям при приеме на работу.

М. И. Ювкин дал оценку инновационной деятельности в России, которая является в настоящее время государственным приоритетом, привел примеры разработки и реализации соответствующих программ в этой области, посетовав на сохранение проблем формирования экономики знаний, торможения структурной перестройки национальной экономики. Сложности инновационной динамики, по мнению докладчика, во многом связаны с недооценкой современных сдвигов в мировой экономической системе и необходимых трансформаций в инновационной политике в сторону усиления социальных аспектов ее реализации.

Тенденции социализации инновационной политики наиболее явно отражены в стратегических планах Европейского союза. Социальные инновации в сфере социальной политики рассматриваются как инструмент обеспечения новых, более эффективных решений. Они используются для удовлетворения растущих социальных потребностей в условиях бюджетного дефицита и решения сложных социальных и социокультурных проблем в регионах. Актуальность решения интегрированных с социальными инновациями задач состоит не столько в реагировании на неотложные социальные потребности и конкретные проблемы, связанные с изменениями климата, старением или бедностью, сколько в разработке механизма достижения системных изменений.

Поскольку социальные инновации охватывают новые стратегии, концепции, идеи и институциональные механизмы, нацеленные на рост социального благополучия граждан и социальных групп, они основаны на социальных взаимодействиях между людьми, осуществляются для достижения определенных результатов и включают действия заинтересованных сторон в решении социально значимых проблем. Это предопределило стратегические направления инновационной политики России, ориентированные на решение проблем изучения спроса, повышение осведомленности, стимулирование диффузии инноваций, изменения поведения, участие потребителей в инновациях; процессов социальной трансформации, содействия обеспечению благоприятных условий создания новых моделей бизнеса, новых организационных и производственных моделей. В целом инновационная политика должна способствовать формированию инновационной экосистемы, расширению участия экономических агентов в различных инновационных инициативах, включая общественный сектор и граждан.

И. М. Кирдюшкина охарактеризовала экономику знаний, роль и значение системы образования и научно-исследовательских учреждений в инновационном развитии. Докладчик указала, что конкурентное преимущество, основанное на знаниях, устойчиво, так как знания непрерывно обновляются и образуют саморазвивающийся цикл, и опыт передовых зарубежных стран это убедительно доказывает.

С наукой связаны не только надежды на структурные изменения в экономике, повышение качества жизни, обеспечение обороноспособности и безопасности страны. Комплекс образования и науки, по мнению выступающего, является в современных условиях одним из наиболее перспективных конкурентных преимуществ регионов, поскольку способствует росту квалификации кадров, привлечению молодежи, образованию новых точек роста экономики. Для данного сектора экономики важными являются инфраструктура образовательных и научных учреждений, структура кадров, стратегия развития, качество образования, возможности по переподготовке персонала и непрерывному образованию взрослых.

В заключение выступающий добавил, что многие ведущие мировые компании ярко демонстрируют эффективность связей между наукой, образованием и производством. Обязательным условием размещения их филиалов и производств является наличие стратегического партнера в виде ведущего национального университета. Взаимодействие с производственными компаниями выгодно и учебным заведениям, которые получают финансовые ресурсы на актуальные области исследования. Успех современного предприятия непосредственно зависит от того, смогут ли они привлечь к себе людей, способных работать в областях с высоким уровнем знаний и умений.

И. Г. Кильдюшкина завершила заседание подведением итогов круглого стола.

Полные версии научных докладов будут опубликованы в ближайших выпусках периодических изданий института.

Подготовили
Л. Н. Липатова, И. Г. Кильдюшкина.

РЕЦЕНЗИИ

Шеянова И. И. Сказовые формы мордовской литературы : монография / И. И. Шеянова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2017. — 240 с.

Исследование вопросов взаимоотношения литературы и фольклора на жанрово-стилевом уровне до сих пор не утратило своей актуальности. Особенно это касается национальных литератур Российской Федерации, поскольку их формирование в большинстве случаев непосредственно связано с народной культурой.

Работа И. И. Шеяновой посвящена описанию сказовых форм в мордовской литературе с привлечением богатого и обширного материала. Это одно из первых исследований, где внимание сосредоточено на рассмотрении взаимодействия сказовых форм мордовского фольклора с жанровой системой национальной художественной литературы. Выбранный аспект исследования позволяет сделать выводы, касающиеся эволюции жанровой системы и ее специфики в мордовской литературе.

Верна мысль автора о том, что теория сказа применительно к мордовской литературе является назревшей проблемой для филологов республики. Цель представленной монографии состоит в изучении процесса трансформации в мордовской литературе народной формы сказа, что представляет собой первичный материал для изучения регионального и межрегионального литературного развития, выступая важным составляющим началом для эстетической культуры общества.

В первой главе — «Развитие сказовых форм повествования в мордовском фольклоре и литературе» — рассмотрены сказовые формы как особый тип повествования в мордовском устном народном творчестве и художественной литературе. Кроме того, сделано обобщение теоретических исследований по данной проблеме. Автор опирается на понятия сказовых форм повествования как на определенную жанровую форму поэтических и прозаических произведений о прошлом, передаваемом с фантастическими и сказочными элементами.

Придерживаясь общепринятой точки зрения на сказ и сказовую форму повествования в отечественном литературоведении, И. И. Шеянова отмечает некоторые специфические моменты развития сказовых форм в словесном искусстве мокшан и эрзян. Автор верно считает, что сказовая манера повествования в мордовской литературе достигла значительного развития на рубеже XIX — XX вв., т. е. на этапе перехода национальной литературы от дореалистических форм художественности к реалистическим. Изучая конкретный художественный материал, исследователь делает вывод, что в этот период интенсивное развитие получило повествование в виде «историй», «песен-сказов», «жизнеописаний», «преданий» и др. Авторами этих произведений были крестьянские писатели (И. Зорин, Т. Завражнов, С. Ларионов, Р. Учаев, В. Саюшкин, И. Цыбин и др.). Их творчество стало заметным явлением в

формировании и развитии дооктябрьского художественного слова эрзян и мокшан. В дальнейшей эволюции мордовская литература стала все более тяготеть к емким жанровым образованиям сказового характера, например таким, как «повесть-легенда», «поэма-сказ», «эпическая поэма», «стихотворный роман», «роман-сказание» и др. Этот процесс наиболее ярко отразился в творчестве Я. Кулдуркаева, М. Безбородова, П. Кириллова, В. Радаева, А. Куторкина, М. Брыжинского и др.

По наблюдениям автора исследования, в художественной литературе сказовой формы повествования в «чистом» виде не существовало. Как жанровая разновидность литературного эпоса, она формируется лишь в виде фольклорной стилизации.

И. И. Шеянова справедливо отмечает, что можно говорить лишь о влиянии сказовых форм на жанровую структуру мордовской литературы.

Во второй главе — «Синтез традиций сказовости и реализма как источник жанрового и стиливого обогащения эпической поэзии» — рассмотрены особенности влияния сказовой стилизации на формирование самобытных традиций мордовской эпической поэзии. В первую очередь, как отмечает автор, поэтика народного сказа повлияла на мордовскую поэму, где широко изображается история мордовского народа. Начальным звеном в освоении мордовскими поэтами жанров эпической поэзии явилась лиро-эпическая поэма историко-революционного характера. В монографии детально рассмотрены поэмы «За волю» М. Безбородова, «Утро на Суре» и «Литова» П. Кириллова, «Яблоня у большой дороги» А. Куторкина и др. Автор верно замечает, что для данной жанровой разновидности характерно выдвигание не личности героя, а изображение действительности и социальной среды, формирующей личность.

Исследуя развитие сказовых форм повествования в различных жанрах мордовской поэзии, И. И. Шеянова справедливо выделяет период второй половины 50-х — начала 60-х гг. XX в. В это десятилетие национальный поэтический эпос осваивает крупные литературные жанры, в частности, жанр стихотворного романа. Сформировалась новая жанровая разновидность и в эпической поэзии — эпическая поэма (В. К. Радаев).

Автором монографии сделаны значимые наблюдения о том, что сказ, не являясь центральной линией в стилистических поисках мордовской поэзии и прозы XX в. в целом, обусловил появление большого количества интересных произведений как малых, так и крупных жанров.

Монография И. И. Шеяновой «Сказовые формы мордовской литературы» является целостным научным исследованием, представляющим интерес как для мордовского литературоведения, так и для специалистов в области финно-угорских литератур. Результаты исследования могут быть использованы в практике вузовского и школьного обучения. Данный подход может быть плодотворным для исследования аналогичных процессов в национальных литературах народов России.

Т. И. Зайцева.

Корякова И. К. / США: профсоюзы и общество в период реконверсии (1945 — 1948 гг.) : монография / Корякова И. К. — Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2017. — 304 с.

В 2017 г. вышла в свет новая книга известного историка-американиста, специалиста по профсоюзному движению США И. К. Коряковой. Монография является результатом комплексного исследования рабочего движения в США, которое автор ведет уже много лет¹.

Мировая капиталистическая система налагает множество ограничений, затрудняющих борьбу организованных трудящихся за свои права. Идет процесс падения уровня жизни среднего класса и одновременно роста доходов управленческого класса и чиновников, сокращается социальное обеспечение, все более формальными становятся политические права тех, кто вынужден наниматься и работать на крупных предпринимателей. Крупный бизнес по всему миру уничтожает профсоюзы, которые стали считаться врагом капитала, власти и общества. Книга И. К. Коряковой выявляет основные причины упадка современного профсоюзного движения в США, одновременно проливая свет на многие общие вопросы борьбы между трудом и капиталом и в связи с этим обладает в настоящее время бесспорной актуальностью. Значимость изучения данной темы повышает и тот факт, что она не получила должного внимания со стороны как российских, так и американских ученых.

Автор ставит конкретные исследовательские задачи, в том числе рассмотреть развитие профсоюзного движения в США в период реконверсии (перевода экономики с военных на мирные рельсы развития), проанализировать отношение профсоюзных организаций к расширению государственного контроля над рабочим движением, выявить общность и особенности в методах разрешения трудовых конфликтов у различных профсоюзов, проследить изменения, которые произошли в политической деятельности и экономической борьбе американских профсоюзов в этот период. Следует отметить, что в рецензируемой монографии все поставленные задачи были с успехом решены.

Структура книги логична, отличается простотой и адекватно отражает замысел исследования. В введении раскрывается актуальность темы — изучение деятельности профсоюзов и их взаимоотношений с бизнесом и государством в 1945 — 1948 гг. является основополагающим для осмысления природы кризиса, переживаемого профсоюзным движением США в настоящее время. Здесь же указываются основные задачи исследования, на каких проблемах чаще всего акцентируется внимание в монографии, отмечаются особенности источниковой базы.

В первой главе И. К. Корякова немного расширяет хронологические рамки исследования и делает экскурс в историю США периода Второй мировой войны, где рассматривает социально-экономическую сферу, направления рабочей политики

¹ См.: **Корякова И. К.** США: профсоюзы и политическая борьба (1936 — 1941 гг.). Саранск, 1991. 165 с.; **Ее же.** США: профсоюзы и реформирование трудового законодательства (1945 — 1948 гг.). Саранск, 2014. 168 с.

государства и деятельность профсоюзных организаций в этот период. На фоне рывка американской экономики, огромной чистой прибыли, полученной крупным бизнесом в результате подъема военного производства, ужесточились нападки предпринимателей на профсоюзы с целью ослабления их позиций: «В своем стремлении к существенной переориентации основ трудовой политики государства крупный бизнес оказывал давление на все правительственные органы, включая президента и конгресс» (С. 14). Автор подчеркивает, что правительство США стало оказывать целенаправленную поддержку предпринимателям и поставило профсоюзное движение в сложные условия. Роль государства в ослаблении профсоюзов подробно рассматривается И. К. Коряковой и в других публикациях².

Социально-экономическая ситуация, в которой оказались организованные рабочие США, детально описывается во второй главе. Реконверсия ударила прежде всего по рабочим, уровень жизни которых стал падать в результате свертывания военного производства. Снижение заработной платы, отставание базовых ставок оплаты труда от роста цен во многом были обусловлены государственной политикой замораживания заработной платы в годы войны. И. К. Корякова показывает, как проходила борьба профсоюзов за повышение заработной платы и регулирование инфляции, в ходе этой борьбы произошел раскол среди лидеров профсоюзного движения и профсоюзы вынуждены были обратиться к стачке. Рассматривая «великую стачечную волну 1945 — 1946 гг.» автор акцентирует внимание на забастовках рабочих сталелитейной и автомобилестроительной отраслей производства. И. К. Корякова делает вывод: результаты первой послевоенной забастовочной волны показали, что профсоюзам не удалось добиться главного — повышения заработной платы за счет прибылей бизнеса, а проект реконверсии, предложенный профсоюзами и предусматривавший улучшение уровня жизни рабочих, не был поддержан правительством, которое все больше склонялось к поддержке позиций крупного капитала (С. 80, 98).

В третьей главе И. К. Корякова продолжает анализ проблем социальной политики США и деятельности профсоюзного движения в послевоенное время. Глава существенно дополнена новым материалом, в том числе касающимся борьбы профсоюзов в защиту трудового законодательства «нового курса» и за совершенствование социального законодательства, в том числе за создание государственной системы медицинского страхования. Автор подчеркивает, что профсоюзы отстаивали интересы не только организованных рабочих, но и большинства американских граждан (С. 117 — 118).

Если в предыдущей монографии И. К. Корякова отношению профсоюзов к развязыванию «холодной войны» уделила не так много внимания, то в рецензируемой

² См.: **Корякова И. К.** Профсоюзы США и борьба вокруг законопроекта Кейса в 1946 г. // Эконом. история. 2012. № 4. С. 31 — 36; **Ее же.** Трумэн и трудовой конфликт на железнодорожном транспорте весной 1946 г. в США // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования* : межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2013. Вып. 5. С. 122 — 134; **Ее же.** Профсоюзы США : позиция по вопросу о государственном регулировании трудовых отношений (1947 — 1948 гг.) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 3. С. 83 — 92.

работе этому вопросу посвящена целая глава. В ней отдельно рассматриваются позиции по вопросу «холодной войны» двух крупнейших профессиональных союзов — АФТ (Американская федерация труда) и КПП (Конгресс производственных профсоюзов). В этот период в США активизировалась антикоммунистическая пропаганда. Автор показывает, что позиция АФТ определялась во многом господством в руководстве этой организации антикоммунистических настроений. В КПП ситуация была иной, так как здесь были сильны позиции левых профсоюзов, где влияние коммунистов было достаточно весомым, что, впрочем, не спасло КПП от раскола и изгнания из него наиболее радикальных элементов. Борьба внутри профсоюзов по вопросам «холодной войны» привела в целом к идейному ослаблению американских тред-юнионов, считает автор (С. 134, 158).

Хронология пятой главы охватывает 1947 — 1948 гг. Здесь продолжается исследование борьбы профсоюзов за повышение заработной платы и против инфляции, анализируется доклад Р. Натана, приводится его оценка Национальной ассоциацией промышленников (НАП). В главе дальнейшее развитие нашли вопросы, поставленные в предыдущей монографии, например, законодательная борьба в 80-м конгрессе по вопросу о ревизии закона Вагнера и борьба профсоюзов с законом Тафта-Хартли, жестко ограничивавшим права профсоюзов. В итоге профсоюзам не удалось достичь принятия системы социального обеспечения на государственном уровне. В конце главы автор резюмирует: «Поддержав же идею социальной защиты через коллективно-договорной процесс, профсоюзы сузили рамки своей борьбы лишь интересами членов профсоюзов, что являлось определенным шагом назад в продвижении «социального юнионизма» (С. 222).

Последняя, шестая глава посвящена участию профсоюзов в избирательной кампании 1948 г. Начиная анализ вопроса с АФТ, И. К. Корякова пишет о лидерах данной организации: «Они пришли к очевидному выводу, что ответом на усиление государственного вмешательства в профсоюзные дела и в трудовые отношения может быть только и главным образом усиление политической активности самих профсоюзов» (С. 223). Была создана независимая политическая организация профсоюзов — Рабочая лига политического просвещения (РЛПП). Политическая деятельность КПП осуществлялась через Комитет политических действий (КПД). Предпринятое автором исследование участия профсоюзов в избирательной кампании 1948 г., со всеми ее подробностями, трудностями и противоречиями не оставит равнодушным ни специалиста, ни обычного читателя. Используя материал архивов и американской прессы того периода, автор динамично и увлекательно раскрывает деятельность американских профсоюзов в политическом процессе США, от успешности которой во многом зависела дальнейшая судьба профсоюзного движения в Америке.

Общая концепция автора сводится к убедительному доказательству того, что деятельность американских профсоюзов, «направленная на достижение более справедливого распределения национального богатства и гуманизацию социальных отношений, способствовала укреплению демократических институтов в стране и установлению социального консенсуса в обществе» (С. 5).

Стоит отдельно отметить богатую базу разнообразных источников, использованных И. К. Коряковой в работе над монографией. Это документы из мемориального архива Дж. Минни (библиотека Мэрилендского университета), документы рукописных отделов библиотек конгресса США, библиотеки Г. Трумэна и Като-

лического университета Америки, архивы сенатора Р. Вагнера, профсоюзного деятеля У. Рейтера. Источниковая база включает не менее тридцати наименований американских периодических изданий, опубликованные документы, мемуары и дневники профсоюзных деятелей США (в том числе уникальное интервью автора с бывшим руководителем АФТ — КПП Л. Кэркландом), а также обширный перечень литературы на русском и английском языках. В монографии учтены новейшие исследования отечественных и зарубежных историков по теме профсоюзного движения США.

Монография насыщена датами, фактами и глубокими выводами. При чтении становится очевидно, что часть материала не вошла в книгу, но представлена в других публикациях автора³, из которых можно узнать о прочих ярких примерах отстаивания профсоюзами США интересов рабочих.

Монография основывается на строгонучных методах и подходах, написана живым, понятным слогом. Представленная автором картина событий целостна и логична. Текст наполнен ссылками на архивы и периодическую печать, изобилует яркими цитатами руководителей профсоюзного движения, сенаторов, президента США, что позволяет автору представить ситуацию как бы изнутри, показать закулисную сторону происходивших событий. Книга получилась увлекательной, насыщенной яркими, малоизвестными деталями и подробностями истории США новейшего времени и будет интересна не только специалистам-историкам, аспирантам и студентам, но и простым читателям.

Н. Н. Зоркова.

³ См.: **Корякова И. К.** Забастовка профсоюза автомобилестроителей в 1945 — 1946 гг. в США // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 48 — 56 ; **Ее же.** Забастовка профсоюза сталелитейщиков в 1946 г. в США // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования* : межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2015. С. 118 — 128 ; **Ее же.** Профсоюзы и борьба вокруг вопроса о создании государственной системы медицинского страхования в США (1945 — 1948 гг.) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 1 (33). С. 32 — 41 ; **Ее же.** Проблема цен и заработной платы в социально-экономическом развитии США в 1945 — 1946 гг. (на основе анализа доклада Р. Натана) // *Эконом. история*. 2015. № 2 (29). С. 64 — 72 ; **Ее же.** Профсоюзы США против законодательного ограничения их участия в избирательных кампаниях (1947 — 1948 гг.) // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 55 — 67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Людмила Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Самарского государственного института культуры, г. Самара, Россия, e-mail: artamono-voi@mail.ru

Архипов Дмитрий Викторович — соискатель кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: arhipowdv@mail.ru

Баязитова Розалия Рафкатовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры башкирской литературы и культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, e-mail: rosali8@mail.ru

Васканова Надежда Александровна — аспирант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: koroleka22@mail.ru

Градусова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета Северо-Западного института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Гришаков Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: vvg815@yandex.ru

Гурьнова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Емельянова Наталья Александровна — кандидат географических наук, доцент кафедры туризма МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: emelyanova-nata@yandex.ru

Зайцева Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия, e-mail: uawoz@rambler.ru

Зоркова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Идиатуллов Азат Корбангалиевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: AzKoldi-at@yandex.ru

Ильин Алексей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: aleksey-i@inbox.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: irakil1967@mail.ru

Кирдюшкина Ирина Михайловна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Китаев Артур Рафикович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: price13.ru@mail.ru

Крутов Валерий Викторович — аспирант отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: sk_mordovia@mail.ru

Купцова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: sabrina03@list.ru

Курбенков Валерий Анатольевич — кандидат политических наук, доцент кафедры морского права, заведующий кафедрой морского права МГУ им. адмирала Г. И. Невельского, г. Владивосток, Россия, e-mail: kv-vlad2009@yandex.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, врио директора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Липтева Ирина Валерьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: liptevaiv@yandex.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Махаев Виктор Борисович — кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, член Национального комитета ИКОМОС, Россия, г. Саранск, Россия, e-mail: haus_maler@mail.ru

Минеева Елена Константиновна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Митин Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: mitin72@inbox.ru

Мишарова Евгения Вадимовна — магистрант, г. Саранск, Россия, e-mail: evgeniya.wm@yandex.ru

Мухамедов Рашид Алимович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: rasit56@mail.ru

Нехаева Наталья Евгеньевна — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры туризма МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: nne@bk.ru

Пахомов Юрий Николаевич — аспирант кафедры экономики и управления народным хозяйством Северо-Западного института управления РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pahomovun@mail.ru

Радайкин Александр Александрович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: alex-patir@yandex.ru

Романова Анна Валерьевна — аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: an-na_law17@mail.ru

Рудич Славко Бранкович — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия, e-mail: slawko.ruditch@yandex.ru

Смирнова Ксения Сергеевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: sm.ks@list.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Сырескин Александр Иванович — фольклорист, e-mail: guniign@list.ru

Таймасов Леонид Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: AzKoIdi-at@yandex.ru

Учватов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Филонов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Чернов Алексей Викторович — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Юрченкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саранске, г. Саранск, Россия, e-mail: nina-saransk@mail.ru

Юсупова Ирина Александровна — заместитель начальника учебного управления по учебной работе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: irina.yus@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Artamonova Lyudmila Mikhaylovna — Doctor of History, Professor, Head of Department of History of the Fatherland, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia, e-mail: artamonovoi@mail.ru

Arkhipov Dmitry Viktorovich — Competitor of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, e-mail: arxipowdv@mail.ru

Bayazitova Rozaliya Rafkatovna — Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Bashkir Literature and Culture, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, e-mail: rosali8@mail.ru

Vaskanova Nadezhda Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: koroleka22@mail.ru

Gradusova Valentina Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Accounting, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPА, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Grishakov Valery Vasilyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National and Foreign History and Methods of Teaching, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: vvg815@yandex.ru

Guryanova Lubov Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Emelyanova Natalya Aleksandrovna — Candidate of Geography, Assistant Professor of Department of Tourism, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: emelyanova-nata@yandex.ru

Zaitseva Tatyana Ivanovna — Doctor of Philology, Assistant Professor of Department of Udmurt Literature and Literature of Peoples of Russia, Udmurtia State University, Izhevsk, Russia, e-mail: uawoz@rambler.ru

Zorkova Nina Nikolayevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Idiatullov Azat Korbangalievich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Ilyin Aleksey Anatolyevich — Candidate of Law, Assistant Professor of Department of Constitutional and Municipal Law, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, e-mail: aleksey-i@inbox.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: irakil1967@mail.ru

Kirdyushkina Irina Mikhaylovna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Kitaev Artur Rafikovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: price13.ru@mail.ru

Krutoy Valery Viktorovich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: sk_mordovia@mail.ru

Kuptsova Olga Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Legal Disciplines, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: sabrina03@list.ru

Kurbenkov Valery Anatolyevich — Candidate of Political Sciences, Head of Department of Law of the Sea, Admiral G. I. Nevelsky Maritime State University, Vladivostok, Russia, e-mail: kurbenkov@msun.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Professor, Acting Director, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Lapteva Irina Valeryevna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of German Philology, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: laptevaiv@yandex.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associated Professor, Professor of Department of Economics and Finance, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Makhaev Viktor Borisovich — Candidate of Arts, Professor, Head of Department of Architecture and Design, N. P. Ogarev Mordovia State University, Counselor of Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Member of ICOMOS National Committee, Saransk, Russia, e-mail: haus_maler@mail.ru

Mineeva Elena Konstantinovna — Doctor of History, Professor, Professor of Department of National History, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Mitin Sergey Vladimirovich — Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of Department of General History, Political Science and Regional Studies, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: mitin72@inbox.ru

Misharova Evgeniya Vadimovna — Master Student, Saransk, Russia, e-mail: evgeniya.wm@yandex.ru

Mukhamedov Rashit Alimovich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, e-mail: rasit56@mail.ru

Nekhaeva Natalya Evgenyevna — Candidate of Geography, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Tourism, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: nne@bk

Pakhomov Yury Nikolayevich — Postgraduate Student of Department of Department of Economics and National Economy Management, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: pahomovyn@mail.ru

Radaykin Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: alex-patir@yandex.ru

Romanova Anna Valeryevna — Postgraduate Student of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, e-mail: anna_law17@mail.ru

Rudich Slavko Brankovich — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, e-mail: slawko.ruditch@yandex.ru

Smirnova Kseniya Sergeyevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: sm.ks@list.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Assistant Professor of Department of General History, Historiography and Archaeology, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Syreskin Aleksandr Ivanovich — Folklorist, Saransk, Russia, e-mail: guni-ign@list.ru

Taymasov Leonid Aleksandrovich — Doctor of History, Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: AzKoldiat@yandex.ru

Uchvatov Pavel Sergeyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department for Information and Analytical Support of Researchers, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Filonov Aleksandr Anatolyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Chernov Aleksey Viktorovich — Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Director — Academic Secretary, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgiyevna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Middle-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, Saransk, Russia, e-mail: nina-saransk@mail.ru

Yusupova Irina Aleksandrovna — Deputy Head of Educational Department for Educational Work, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: irina.yus@rambler.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ГАНИ УО — Государственный архив новейшей истории Ульяновской области

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГА УО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться две рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;

2) название статьи на русском и английском языках;

3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию; оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

Первичная

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

Повторная

⁶ Там же. или 6 Там же. С. 15.

Первичная

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socittr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

Повторная

⁴ Ibid. or 4 Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

Первичная

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.

Повторная

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

Первичная

² **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.

Повторная

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. or ⁶ Paasonen H. Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В тексте

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В ссылке

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ **Юрченков В. А.** Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

Первичная

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Повторная

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

Первичная

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

Повторная

Жизнь прекрасна...

Первичная

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Повторная

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокоев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. *Плата за публикацию рукописей не взимается.*

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 1 (45) 2018

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева, Е. В. Глазкова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 12.03.2018. Дата выхода в свет 10.04.2018 г.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 475
Цена свободная

Адрес издателя:
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:
ООО «РТ Красный Октябрь». 430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а,
e-mail: tko-saransk@mail.ru